

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1
2004

ПУБЛИКАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

КОЛЛЕКЦИИ
И АРХИВЫ

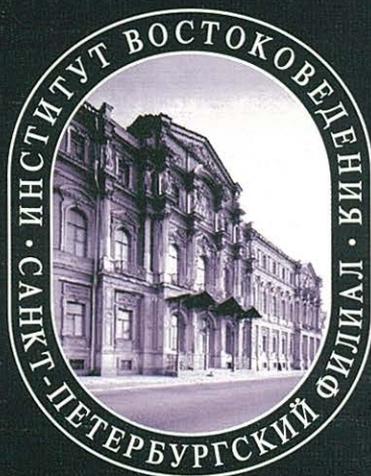
РЕСТАВРАЦИЯ
И ХРАНЕНИЕ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИИ

The background image shows a grand, ornate interior space, likely a library or museum. It features classical architecture with tall, fluted columns supporting a highly decorated ceiling with intricate carvings and a balcony with a decorative railing. The lighting is warm, highlighting the architectural details.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.И. Кычанов
главный редактор

О.Ф. Акимушкин

С.М. Аникеева

Б.В. Базаров

Г.М. Бонгард-Левин

О.В. Васильева

М.И. Воробьева-Десятовская

А.П. Деревянко

А.И. Колесников

А.Б. Куделин

В.С. Мясников

А.И. Османов

Т.А. Пан

ответственный секретарь

Ю.А. Петросян

Вал.В. Полосин

И.Ф. Попова

зам. главного редактора

С.М. Прозоров

Р.Б. Рыбаков

Н.Г. Сафонова

С.Л. Тихвинский

Н.С. Яхонтова

E-mail: spbios@orientalstudies.ru

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1

ВЕСНА — ЛЕТО
2004

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Сазыкин.* Ранний монгольский перевод рассказов о пользе «Алмазной сутры» 7
- Ма Жун.* Книга о верности. Предисл., пер. и примеч. И.Ф. Поповой 60

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.И. Колесников.* Материалы к характеристике политической и этноконфессиональной ситуации в восточном Иране и Хорасане (по сведениям мусульманских географов IX–XII вв.) 69
- Ж.С. Мусаэлян.* Мела Махмуд Баязиди и его первый перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси на курдский язык 98
- И.С. Гуревич.* К характеристике языка памятников жанра *пинхуа* (平話) периода Сун–Юань 108

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

- О.Ф. Акимушкин.* К вопросу о среднеазиатских переплетах рукописных книг (30-е годы XVIII — 30-е годы XX в.) 143
- Е.И. Кычанов.* Несколько предварительных замечаний по поводу тангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» 147

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2004

<i>Вал. В. Полосин. Рукописи каллиграфической школы Ибн Муклы (проблема идентификации)</i>	160
<i>О. П. Щеглова. Коммерческие каталоги индийских книгоиздателей</i>	177

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>М. И. Воробьева-Десятовская. К истории сложения буддийского канона: проблема языкового разнообразия и авторства буддийских канонических текстов</i>	200
--	-----

РЕСТАВРАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ

<i>Л. И. Крякина, И. Н. Кулешова. Физико-химические исследования и реставрация тангутских рукописей и ксилографов XII в. из коллекции СПбФ ИВ РАН</i>	219
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т. В. Ермакова. Научная конференция «Научные экспедиции в Китай и Центральную Азию в первой трети XX в. К 140-летию С. Ф. Ольденбурга (1863–1934)»</i>	243
<i>М. И. Воробьева-Десятовская. Собрание восточных рукописей СПбФ ИВ РАН. Несколько слов об истории Азиатского музея</i>	246

РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. И. Кычанов. Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография)</i>	252
<i>А. Гордин. С. М. Якерсон. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты</i>	253
На четвертой странице обложки: л. 13b–14a рук. Q 415 сборника рассказов о пользе «Алмазной сутры» из собрания СПбФ ИВ РАН (к статье А. Г. Сазыкина)	

Над номером работали:

Р. И. Котова
Л. Л. Михалевский
Э. Л. Эрман
И. Г. Ким
О. В. Волкова
Е. В. Катышева
А. В. Богатюк

IN THIS ISSUE

PUBLICATIONS

- A.G. Sazykin.* An Early Mongol Translation of the Collection of Stories about the Good of the *Diamond Sutra* 7
- Ma Jong.* *The Book of Loyalty (Chung-ching).* Preface, Translation and Comments by I.F. Popova 60

RESEARCH WORKS

- A.I. Kolesnikov.* Materials for Estimation of the Political and Confessional Affairs in the Eastern Iran and Khurasan (based on information of the Muslim geographers of the 9th–12th centuries A.D.) 69
- J.S. Musaelyan.* Mela Mahmud Bayazidi and His First Translation of *Sharaf-name* by Sharaf-khan Bidlisi into the Kurdish Language 98
- I.S. Gurevich.* The Texts of the *Ping-hua* Genre (Song–Yuan Period): Some Features of Their Language 108

BOOK CULTURE

- O.F. Akimushkin.* Central Asian Manuscript Bindings (1730–1930) 143
- Ye.I. Kychanov.* Some Preliminary Remarks about the Tangut Text *The Collection of Words Transmitted through Three Generations from One Person to Another* 147
- Val.V. Polosin.* Manuscripts of Ibn Muqla's Calligraphical School (a problem of their identification) 160
- O.P. Shcheglova.* Book-seller Catalogues of the Indian Publishers 177

COLLECTION AND ARCHIVES

- M.I. Vorobyova-Desyatovskaya.* Regarding the History of Buddhist Canon: The Problem of the Language Variety and the Authorship 200

RESTORATION AND STORAGE

- L.I. Kryakina, I.N. Kuleshova.* Physical-Chemical Research and the Restoration of the Tangut Manuscripts and Xylographs of the 12th Century, at the Institute of Oriental Studies (St. Petersburg Branch) of the Russian Academy of Sciences 219

ACADEMIC LIFE

T.V. Yermakova. "Scholarly Expeditions to China and Central Asia in the First Third of the 20th Century": The Conference Dedicated to the 140th Anniversary of S.F. Oldenburg 243

M.I. Vorobyova-Desyatovskaya. The Oriental Manuscripts Collection of the Institute of Oriental Studies (St. Petersburg Branch) of the Russian Academy of Sciences. A Few Words regarding the History of the Asiatic Museum 246

REVIEWS

Ye.I. Kychanov. Agvan Dorjiev. Amusing Notes. An Account of a Travel round the World. An Autobiography 252

A. Gordin. The Jewish Medieval Book: Codicological, Palaeographical and Other Technical Aspects 253

От редколлегии

Российская академия наук по инициативе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, при поддержке Отделения историко-филологических наук и Научно-издательского совета РАН возобновляет издание «Письменные памятники Востока». Отныне этот ежегодник (все-го с 1968 г. было издано 10 выпусков), посвященный теоретическим и практическим вопросам изучения письменного наследия народов Востока, призван стать журналом, который будет выходить два раза в год.

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, для которого описание и научное издание письменных памятников народов Востока были и остаются основной задачей, хранит одно из крупнейших в мире собраний восточных рукописей и старопечатных книг. История этого востоковедного учреждения восходит к 1818 г., когда в Санкт-Петербурге был создан Азиатский музей. К настоящему времени сотрудниками СПбФ ИВ РАН опубликовано более 40 томов научных описаний арабского, персидского, китайского, корейского, курдского, японского, монгольского, афганского и других фондов собрания рукописей. Среди них краткие каталоги и подробные научные описания, содержащие богатый материал для источниковедческой и текстологической работы. Научные сотрудники института являются авторами первого выпуска журнала «Письменные памятники Востока» («ППВ»).

155 лет назад появилось первое в истории российского востоковедения периодическое научное издание Азиатского музея на французском языке — «*Mélanges Asiatiques*». В дальнейшем Азиатский музей — Институт востоковедения издавал «Записки Коллегии востоковедов», «Записки Института востоковедения», «Ученые записки», «Краткие сообщения» и т.п. Новый журнал является продолжателем традиций российского, петербургско-ленинградского классического востоковедения.

Основные темы журнала представлены в рубриках: «Публикации», «Исследования»,

«Книжная культура», «Коллекции и архивы», «Реставрация и хранение», «Научная жизнь», «Рецензии». В журнале будут публиковаться памятники восточной письменности из собраний рукописей, библиотек, архивов, музеев Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России, исследования источников по истории, литературе, религиям, культуре, этнографии Азиатского региона с глубокой древности до наших дней. Редколлегия готова публиковать статьи по проблемам восточной текстологии, информации об отдельных памятниках письменности, сведения о коллекциях и хранилищах рукописей, проблемах обеспечения сохранности рукописей и реставрации. Очень актуальной является информация о текущей научной жизни и деятельности учреждений, занимающихся изучением памятников письменности Востока, о научных конференциях, симпозиумах, защитах диссертаций, о планах научно-исследовательских и экспедиционных работ. Достойное место в журнале займет рецензирование новых изданий, выходящих как в нашей стране, так и за рубежом.

В настоящее время на Востоке — в Японии, Китае, Корее, Иране, Турции, Индии, Израиле, арабских странах — все больше внимания уделяется современным методам хранения и описания культурного наследия. Мы приветствуем создание в странах Азии крупных рукописных собраний и готовы публиковать информацию о таких хранилищах на страницах нашего журнала. Очень полезным представляется обмен опытом по созданию электронных баз данных и использованию современных технологий в изучении письменного наследия Востока.

Редколлегия надеется на активное участие в нашем журнале всех российских коллег, а также на возобновление и укрепление связей с учеными из стран СНГ, приглашает к сотрудничеству всех зарубежных востоковедов.

Сотни тысяч бесценных рукописей и письменных памятников ждут своего исследователя. Мы надеемся, что совместными усилиями сделаем наш журнал надежным компасом в великом и безбрежном «Море письмен» народов Востока.

From Editorial Board

On the initiative of the Saint-Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, with the support of the Historical-Philological Department and Scientific and Publishing Council of the RAS resumes the publication of the "Written Monuments of the Orient". From now on, this annual periodical (10 issues have been published since 1968) on theoretical and practical problems concerning the studies on the written heritage of the East will be a bi-annual Journal.

The St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies keeps one of the world's richest collections of Oriental manuscripts and old printed books, and its main task is to describe and publish written monuments of the East supplying them with proper academic apparatus. Its history goes back to 1818, when the Asiatic Museum was organized in St. Petersburg. So far the scholars of the Institute have published over 40 volumes of scientific descriptions of Arabic, Persian, Chinese, Korean, Kurdish, Japanese, Mongolian, Manchu, Afghan and other manuscript collections. These include both title lists and detailed scientific descriptions which contain rich material for further textological work. The researchers of the Institute are the authors of the first issue of the "Written Monuments of the Orient". The first Russian scholarly periodical on Oriental studies appeared 155 years ago. It was the "Mélanges Asiatiques" published by the Asiatic Museum in French. Later the Asiatic Museum—Institute of Oriental Studies—issued "Notes of Orientalists Colleague", "Notes of the Institute of Oriental Studies", "Scientific Notes", "Short Notes", etc. The new Journal is a continuation of Russian, particularly St. Petersburg/Leningrad, tradition of classical Oriental studies.

The main topics of the Journal are Publications, Research Works, Book Culture, Collec-

tions and Archives, Restoration and Storage, Academic Life, Reviews. The Journal plans to publish monuments of Oriental written culture from various manuscript collections, libraries, archives, museums at Moscow, St. Petersburg and other Russian cities, source researches on history, literature, religion, culture, ethnography of the Orient from ancient times till our days. The Editorial Board is ready to accept articles on Oriental textology, information about various written materials, manuscript collections and depositories, problems of conservation and restoration. We consider important the information on current academic life and work of the institutions that deal with the study of written monuments of the East, on scientific conferences, symposia, dissertations, research plans and field expeditions. Much attention will be paid to reviews of new Russian and foreign publications.

Nowadays the Eastern countries—Japan, China, Korea, Iran, Turkey, India, Israel, the Arab nations—pay great attention to modern methods of preservation and description of cultural heritage. We appreciate the formation of large manuscript depositories in the Asian countries and are ready to publish any information concerning these collections. We consider exchange of the database experience and the use of modern technologies for the studies of Oriental written heritage to be very useful.

The Editorial Board hopes that Russian colleagues will actively participate in the publication of the Journal, as well as in renewing and strengthening links between the CIS countries. It also invites our foreign colleagues to this scientific cooperation. Articles should be submitted in English, French, German.

Thousands of unique manuscripts and written monuments wait for their researchers. We hope that, with joint forces, we shall turn our Journal into a reliable guide in the great and vast "Ocean of Scriptures" of the peoples of Asia.

А.Г. Сазыкин

© 2004
Санкт-Петербург

Ранний монгольский перевод рассказов о пользе «Алмазной сутры»

В составе обширной догматической литературы, посвященной учению о праджня парамите (трансцендентальной мудрости), составляющей в буддийском Каноне раздел из двадцати двух томов, есть сочинение, получившее необычайно широкую известность и распространение среди тибетских и монгольских буддистов. Это сравнительно небольшое сочинение, известное в научном обиходе как «Ваджраччхедика» или «Алмазная сутра», содержит краткую редакцию учения, изложенного в форме беседы Будды с одним из своих учеников по имени Субхути¹.

О степени популярности сутры среди буддистов свидетельствует, например, то, что на монгольский язык эта сутра переводилась не менее пяти раз² и десятки ксилографированных изданий и сотни рукописных копий зафиксированы почти во всех каталогах и описаниях многочисленных коллекций монгольских рукописей и ксилографов.

Появление столь многочисленных печатных и рукописных изданий «Алмазной сутры» объясняется одним из положений буддийского учения, в соответствии с которым размножение (и особенно переписка) священных текстов почитается в высшей степени благим деянием на пути спасения. В результате сутра стала не столько читаемой, сколько почитаемой, и экземпляры ее хранились на почетном месте в доме каждого буддиста.

Такого рода фетишизации сочинения немало способствовало появление сборника рассказов, в которых на примерах различных прижизненных и посмертных ситуаций объяснялась огромная польза переписывания и чтения «Алмазной сутры». Появились рассказы в Китае, где уже в VII в. существовало несколько таких сборников³. Позже рассказы были переведены на тибетский язык и затем уже с тибетского языка на монгольский. Произошло это, насколько сейчас можно об этом судить, в XVII столетии.

Сазыкин Алексей Георгиевич — к.ф.н., ст.н.с. Сектора тюркологии и монголистики СПбФ ИВ РАН.

¹ Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol imprimé. T. 1. Budapest, 1942. № 771; Каталог петербургского рукописного «Ганджура». Сост., введ., транслит. и указ. З.К. Касьяненко. М., 1993 (Памятники письменности Востока. СII; Bibliotheca Buddhica. XXXIX), № 669.

² Vajracchedikā Sutra: Mongolian, Tibetan, Sanskrit, Chinese Versions and a Japanese Translation. Ed. by K. Hashimoto, R. Shimizu. Tokyo, 1941; Poppe N. The Diamond Sutra. Three Mongolian Versions of the Vajracchedika Prajñāparamita Texts, Translations, Notes and Glossaries // Asiatische Forschungen. Bd. 35. Wiesbaden, 1971; Särközi A. Toyin Guisi's Mongol Vajracchedika // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXVII, fasc. 1. Budapest, 1972. С. 43–102; Алмазная сутра — Дорджи джодва — Сутра о Совершенной Мудрости, рассекающей [тьму невежества] как удар молнии. На старокалмыцком, калмыцком и русском языках (Пер. со старокалмыцкого А.В. Бадмаева, с санскрита В.П. Андросова). Элиста, 1993; Сазыкин А.Г. Пятый (анонимный) монгольский перевод «Алмазной сутры» // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 52, fasc. 2. Budapest, 1999. С. 129–222; Sazykin A.G. A Fifth, Anonymous, Mongolian Translation of the “Diamond Sutra” (Tr. by György Kara) // Mongolian Studies. Journal of the Mongolian Society. Vol. XXII. Bloomington, 1999. P. 69–99.

³ Gjetson D.E. Miraculous Retribution. A Study and Translation of T'ang Lin's *Ming-pao chi* // Berkeley Buddhist Studies Series. № 8. Berkeley, 1989. P. 28–34.

Именно в это время, по мнению В. Хайссига⁴, был подготовлен монгольский перевод сборника, известный востоковедам по рукописи из собраний Дворцовой библиотеки Пекина⁵.

Пекинская рукопись содержит тринадцать рассказов о пользе «Алмазной сутры». Вероятнее всего, однако, что в данном экземпляре представлен неоконченный текст сочинения, поскольку известна монгольская рукопись, содержащая пятнадцать рассказов в этом остающемся пока анонимным переводе⁶. Этот же перевод в полном объеме в 1871 г.⁷ был издан ксилографическим способом в бурятском Эгитуевском дацане⁸.

В рукописных собраниях Улан-Батора⁹, Санкт-Петербурга¹⁰ и Улан-Удэ¹¹ обнаружен еще один, тоже анонимный монгольский перевод сборника пятнадцати рассказов о пользе «Алмазной сутры». Все известные ныне монгольские и бурятские рукописи этого перевода были написаны в XIX в. Но появился перевод все же несколько раньше, во всяком случае не позднее XVIII столетия. Доказательством этому служит обстоятельство, что упомянутый монгольский перевод был переложен на ойратское «ясное письмо»¹² и в рукописном виде получил распространение среди западных монголов (ойратов) и калмыков¹³. Среди ойратских рукописей сборника как раз и можно обнаружить экземпляры, датируемые XVIII в.¹⁴.

⁴ Heissig W. Zur Bestandsaufnahme und Katalogisierung mongolischer Handschriften und Blockdrucke in Japan // Ural-Altische Jahrbücher. Fortsetzung der "Ungarischen Jahrbücher". Vol. 38. Aquis Mattiacis in Aedibus Otto Harrassowitz. 1966. С. 69.

⁵ Издание факсимиле рукописи см.: Lokesh Chandra. Early Buddhist Texts in Mongolian. Vol. 2 (Śata-pitaka Series, vol. 300). New Delhi, 1982. P. 490–509, № 27.

⁶ *Билгүүдэй* Г. Ц. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын бүртгэл. 1 боть. Улаанбаатар, 1998, № 107.

⁷ См. колофон на листе 41a: Keb-ün temdeglel egüni temür qonin jil-ün qubilyan sar-a-yin arban tabun-u sayin edür-e gebši nerenjitü bikšü Kirti-duvaġa ber biġibeġi «Это послесловие о печатании [ксилографа] в счастливый день пятнадцатого числа месяца „хубилган“ года железа-овцы написал бикшу Кирти-двадġа [тиб. Дагба-дġалцан], известный как гэбши».

⁸ *Rinchen*. Catalogue of Printing Blocks of Buddhist Monasteries in Transbaikalia, Prepared in December, 1911 by the Chancery of Paṇḍita Khampo Lama, Head of the Buddhist Church, Eastern Siberia — Four Mongolian Historical Records // Indo-Asian Literatures. Vol. 11. New Delhi, 1959. P. 119, № 720 (59). Экземпляры этого издания под шифрами МIII-326, МIII-489 хранятся в монгольском фонде Отдела памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее: монгольский фонд ИМБИТ СО РАН). Имеются такие ксилографы и в монгольском фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук (далее: СПбФ ИВ РАН), см.: *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М., 1988, № 365. Издание транслитерации текста ксилографа и перевод см.: *Ёндон Д., Сазыкин А.Г.* Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» // *Mongolica IV*. К 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсүрэна. СПб., 1998. С. 36–47.

⁹ *Билгүүдэй*, № 104, 112.

¹⁰ *Сазыкин*. Каталог. Т. I, № 370, 371, 373, 374; Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V.L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Ed. and Foreword by T. Nakami. Tokyo, 1999, № 396.

¹¹ Монгольский фонд ИМБИТ СО РАН: Rđorġi gġodba-yin aġi tusa üġgġlŷsen sudur orġaba (MIII-91); Oytaluġġi bilig-ün ġinadu kiġayar-a kürġgsen rđorġi gġodba-yin aġi tusayin tayilburi oro = sibai (MIII-1119); Dorġi jġdba-yin aġi tusa-yin tayilburi kemekŷ oroġiba (MIII-1981); Dorġi ġodaba-yin ungġiġsan-u tusa erdem-i tayilburi oroġibai (KM-1081). Все включенные в настоящую публикацию сведения о рукописных и ксилографированных изданиях рассказов о пользе «Алмазной сутры», имеющихся в монгольском фонде ИМБИТ СО РАН, были любезно предоставлены нам сотрудницей института Х.Ж. Гармаевой.

¹² *Сазыкин А.Г.* Ойратская версия рассказов о пользе «Ваджрарачхедики» // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997. С. 139–160.

¹³ *Билгүүдэй*, № 113; *Сазыкин*. Каталог. Т. I, № 377–380; Heissig W., Sagaster K. Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten. Bd. 1. Wiesbaden, 1961, № 151–155; Uspensky, № 397, 398; Семнадцать рукописями сборника на заяпандитовском письме располагает ойратский рукописный фонд Института языка и литературы Монгольской Академии наук, см.: *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975. С. 215, № 0063.

¹⁴ Heissig W., Sagaster K., № 151, 152, Abbildung 6; Heissig W. Zur Bestandsaufnahme. С. 69.

Только в рукописном виде оставался всегда и третий анонимный монгольский перевод сборника, известный в настоящее время по рукописи, хранящейся в фондах библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета¹⁵, и четырем рукописям, имеющимся в коллекции монгольских рукописей и ксилографов улан-баторского музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна¹⁶.

В собраниях Санкт-Петербурга¹⁷, Улан-Удэ¹⁸ и Улан-Батора¹⁹ находятся экземпляры бурятского ксилографированного издания рассказов о пользе «Алмазной сутры», содержащего самую краткую монгольскую версию сборника.

Судя по сообщению колофона, ксилограф был напечатан в Агинском дацане²⁰. Что же касается датировки издания, то появилось оно, по всей видимости, в первые десятилетия XX в. Датируя издание столь поздним временем, мы исходим из того, что оно не значится ни в одном из каталогов ксилографов Агинского дацана, появившихся в конце XIX в.²¹ Не зафиксировано оно и в опубликованном Б. Ринченем списке бурятских ксилографированных изданий на монгольском языке, составленном в 1911 г.²² Как и все предыдущие переводы, Агинское издание не содержит сведений о переводчике.

Поскольку все перечисленные выше письменные образцы четырех монгольских версий сборника пятнадцати рассказов о пользе «Алмазной сутры» не содержат сведений о переводчиках, то для их отождествления пришлось во всех случаях выполнить сличение текстов рукописных и ксилографированных изданий. Идентифицировать тексты оказалось весьма несложно, так как различия указанных монгольских переводов совершенно очевидны, в чем легко убедиться, сравнив начальные строки каждого из переводов²³.

¹⁵ Uspensky, № 395 (1).

¹⁶ *Билгүүдэй*, № 105, 106, 109, 110.

¹⁷ *Сазыкин А.Г.* Каталог. Т. I, № 366.

¹⁸ Монгольский фонд ИМБиг СО РАН: МIII-209; МIII-228; МIII-229; МIII-2222; КМ-621.

¹⁹ *Билгүүдэй*, № 102, 103.

²⁰ Abural burqan-u sayin Jarliy-un dotor-ača:
Adistid ülemji boluysan Rdöjri gëdöba-yin:
Ači tusa-yin nomlal kemegekü sudur egüni:
Amitan-a tusa-tai kemegeen Jarliy-tur šitüjü::
Sanday kemekü nökörlüge egün-ü keb-i:
Sayitur бүтүгегсен buyan-u күчү-ber:
Sayin amuyulang-i aqai üyes-i edleged:
Sayibar ајирајсан-u qutuy-i udal ügegü-e olqu boltuyai: : :
Egün-ü keb Ayuyin keyid-tü bui: :

* * *

Эту сутру, под названием «Проповедь о пользе обладающей большим благословением Дорджи чодба», являющейся одним из благих учений Будды-спасителя, опираясь на наказ о ее пользе для живых существ, [я] по имени *Сандаг* вместе с товарищем вырезал хорошенько на доске, благодаря чему [мы], пребывая ныне в мире и счастье, [в будущем] немедленно обретем святость Пришедшего во благо (т.е. Будды). Гравированные доски этой [сутры] хранятся в Агинском монастыре.

²¹ *Čoyijilsürüng*. Buriyad modun bar-un nom-un tabun yarčiy // *Studia Mongolica*. Т. I, fasc. 16. Улаанбајатур, 1959. С. 11–14; *Сазыкин А.Г.* Четыре каталога ксилографов Агинского дацана из собраний монгольского фонда рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992. С. 59–70.

²² *Rinchen*. Catalogue of Printing Blocks. P. 84.

²³ *Ксилограф Н 215 (Сазыкин. Каталог. Т. I, № 365):* Qamuy burqan kiged bodisaduva-nar-a mörgümü : eyin kemen minu sonosuysan nigen čay-tur : erte nigen keyid-ün dergede : ečige eke qoyar-tur : nigen asuru

Существует на монгольском языке также сборник рассказов о пользе «Алмазной сутры», представляющий собой не просто перевод с тибетского языка, а совершенно новую, расширенную и дополненную монгольскую версию сборника. В новой монгольской версии вместо прежних пятнадцати находим уже двадцать два рассказа. Один из новых рассказов образован, правда, за счет разделения на две части пятой главы исходной редакции сочинения. Зато остальные шесть рассказов (с семнадцатого по двадцать второй) — совершенно новые истории, неизвестные всем другим тибетским и монгольским версиям сборника²⁴.

Появилась новая версия сборника, по всей видимости, не ранее второй половины XIX в., и, судя по многочисленности рукописей, она довольно быстро обрела популярность у монгольского читателя и нашла свое место в библиотеках многих монгольских библиофилов, в том числе, например, и в библиотеке восьмого ургинского Джебцзун Дамба-хутухты²⁵.

Эта рукопись, озаглавленная: “Dorjijodba-yin panguon-[= тиб. phan-yon]-yin tayilburi orosibai”, представляет собой тетрадь из шестидесяти семи листов, в обложке, обтянутой красновато-коричневым китайским шелком с изображениями цветов и бабочек. В настоящее время она хранится в фондах Государственной публичной библиотеки Улан-Батора под шифром 294. О-955. Кроме нее в фондах ГПБ находятся еще две рукописи двадцати двух рассказов о пользе «Алмазной сутры»²⁶.

Одиннадцать рукописей новой монгольской версии представлено в собрании Института языка и литературы Монгольской Академии наук²⁷. Четыре экземпляра включены в коллекцию монгольских рукописей и ксилографов, хранящуюся в музее-квартире Ц. Дамдинсурэна²⁸. Кроме того, рукописи этой же версии сбор-

mergen toyin ajuу : arban nasun-a arqad-un sanvar-tu boluysan-dur tegün-ü siltayan anu : nigen belgeči birman байси бүлүге :: tendeče tere toyin-u nököd бүгүдегер ину : belgeči-dür sayin maуу belgesi-ü üjegүlüyү kemeldүjү : belgeči qamiу-a aysan bögesү tende oduуad : ...

Рукопись Q 2195 (Сазыкин. Каталог. Т. I, № 370): Õm sovasti : erte čay-tu : ečege eke qoyar-tu arban nasun deger-e toyin boluysan nige sayin mergen köbegün bui : tere mergen-ü dergede nige belgesi birman bui : tere čay-tu toyin nököd бүгүдегер belgesi tere birman-du sayin maуу belgesi üjegүlüy-e geјү belgesi qamiу-a bui : tende oduуad ...

Рукопись B 13 (Uspensky, № 395): Qamuy burqan bodistv-nar-a mörgүmү :: eyin kemen minu sonosuysan nigen čay-tur : erte urida Juu neretü ulus-taki : nigen süm-e-dür : arban (nayiman) nasun-dur-iyан ayay-a tegimlig-ün sanvar abugsan nom-dur : masi mergen teyimü nigen toyin бүлүге : tere ulus-tur : iru=či kümün ber bui ajuуу : tere mergen nomči toyin anu : busu toyin-luy-a qamtu tere iruči-yin dergede oduуad : ...

Ксилограф H 386 (Сазыкин. Каталог. Т. I, № 366): Qamuy burqan kiged bodisadu-a-nar mörgүmү : eyin kemen minu sonosuysan nigen čay-tur : Yaba kemekü nigen keyid-tür : nom-dur masi mergen dgečül-ün sanvar-tu nigen toyin nököd-lüge qamtuyar-a : nigen mergen belgesi bui tegün-e odcu : ...

²⁴ Сазыкин А.Г. Монгольские версии рассказов о пользе «Ваджрачхедики» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Т. XX, ч. 1. М., 1986. С. 72–73.

²⁵ Jadamba. Collection of Mongolian Manuscripts from the Private Library of His Holiness Jebtsundamba Khutuktu in the State Public Library // Studia Mongolica. Т. I, fasc. 6. Улаанбаатар, 1959. С. 33.

²⁶ Vačir-iyar oytaluyči-yin ači tusa-yi üjügүlүgsen sudur [294. О-603]; Vačir-iyar oytoluyči tusa erdem-ün tayilburi orosibai [294. О-951].

²⁷ Qutuуtu bilig-ün činadu kijayar kürүgsen včir-iyar oytoluyči yeke kölgen-ü sudur-un tusa erdem-ün tayilburi šastir orosibai [M 39 (113) V-1]; Vačir-iyar oytoluyči-yin tusa erdem-ün tayilburi kemegdekü yeke kölgen sudur-i orosibai [M 39 (116) V-4]; Vačir-iyar oytoluyči-yin tusa erdem-ün tayilburi kemegdekü sudur orosibai [M 39 (117) V-5]; Bilig-ün činadu kijayar kürүgsen včir-iyar oytoluyči-yin tayilburi orosibai [M 39 (118) V-6]; Qutuуtu bilig-ün činadu kijayar kürүgsen vačir-iyar oytoluyči-yin tayilburi-yin sudur-yi orosiуulun bičibei [M 39 (119) V-7]; Včir-iyar oytoluyči neretü yeke kölgen sudur-yi ungsi[уsan-u] tusa erdem-ün tayilburi orosiba [M 39 (120) V-8]; Заглавие на обложке стерлось [M 39 (121) V-9]; Qutuуtu bilig-ün činadu kijayar kürүgsen vačir-iyar oytaluyči-yin tusa ögүlekü kemekü sudur [M 39 (200) V-10]; Včir-iyar oyta[luyči] bilig-ün činadu kijayar kürүgsen vačir-iyar oytaluyči-yin tus[a] erdem-yin tayilburi bolai [M 39 (201) V-11]; Без заглавия [M 39 (470) Vt-12]; Qutuуtu bilig-ün činadu kijayar kürүgsen včir-iyar oytoluyči neretü yeke kölgen sudur-un tus[a] erdem-ün tayilburi-yin sudur orosibai [M 39 (653) Vt-13].

²⁸ Билгүүдэй, № 99–101, 111.

ника выявлены в коллекциях Улан-Удэ²⁹, Санкт-Петербурга³⁰, Кызыла³¹ и Будапешта³².

В 1908 г. в Пекине появился двухтомный ксилограф сборника двадцати двух рассказов о пользе «Алмазной сутры»³³. В начале XX в.³⁴ текст рассказов сборника был заново отредактирован³⁵, а затем напечатан ксилографическим способом в бурятском Цугольском дацане³⁶. Экземплярами бурятского издания в настоящее время располагают собрания Улан-Удэ³⁷ и Санкт-Петербурга³⁸.

Есть также свидетельство того, что в Урге во времена монгольской автономии новая версия сборника готовилась к изданию современным, наборным способом печати³⁹.

²⁹ Монгольский фонд ИМБИТ СО РАН: Bilig-ün činadu kijayar-a kürügsen vačir-iyar oytoluyči-yin ači tusa üjegülügen sudur oršibai (МПП-1925).

³⁰ Сазыкин. Каталог. Т. I, № 367, 375, 376.

³¹ Сазыкин А.Г. Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 богатырей (Кызыл) // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992. С. 50; Sazykin A.G. The Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs in the Ethnological Museum of the Republic of Tuva in Kyzyl // Manuscripta Orientalia. Vol. 2. No. 2. St. Petersburg–Helsinki, June 1996. P. 45; Sazykin A.G. Catalogue of the Mongol Manuscripts and Xylographs Preserved in the Library of the Tuvan Ethnological Museum "Sixty Heroes" (Kyzyl) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XLVII, fasc. 3. Budapest, 1994, № 147, 275, 488, 758.

³² The Mongol and Manchu Manuscripts and Blockprints in the Library of the Hungarian Academy of Sciences. Described by G. Kara. Budapest, 2000, Mong. 261.

³³ Poppe N., Hurvitz L., Okada H. Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. Tokyo, 1964, № 87; Ulus-un nom-un sang-un Azi-yin anggi-dur бүкүи Mongyol anggi-yin biçimel ba darumal nom biçig-üd-ün бүрдкел. Улаанбайатар, 1937. С. 171, № 173/1363.

³⁴ Основания для датировки те же самые, что были ранее приведены в отношении Агинского издания краткой редакции сборника. Ксилографированный сборник двадцати двух рассказов не зафиксирован ни в одном из двух известных ныне каталогов печатных книг, появившихся в Цугольском дацане (см.: Soyijilsürüng, с. 8–10; Отгонбаатар Р. Монгол модон барын номын эх гарчиг. Токио, 1998, с. 109–120). Не учтено оно и в числе изданий Цугольского дацана в списке Ринчена (с. 93–94).

³⁵ В том, что новая версия сборника существовала в двух разных редакциях, легко убедиться, сравнив хотя бы начальные строки текста монгольской и бурятской редакций:

Монгольская редакция (Сазыкин. Каталог. Т. I, № 375): Erte urida ene Јambutib-un Eneđkeg-ün oron-a Ečige Eke kemeđdekü ner-e-tü kiyd-yin tödür oyir-a nöđčigsen ba : irege edüi-yi enedgürel ügei medegči nigen biligči birman baysi бүлүге tende-eče kiyd-yin quvaray-ud : tere birman qamiy-a бүкүи tende odču yiru-a bilig üjegülügen-ü qariyu-yi tus tus sayin mayu-yi üjegülüged : arban nasun-a arqad-un sanvar-i abču ariyun sakiysan nigen nomči toyin bui ajiyu : tegün-dür ögülerün : ai kögerükei oyun bilig čini qurča sayin böged : nasu čini üčüken bolbaču : aliba üile-yin ür-e-yi enedgürel ügei edlekü tula : arban naiman nasun-tayan mayad үкүкү : teyimü-yin tula : qoyitu mör-ün ali tus bolqu üile üiledkü kereg-tei kemeđsen-dür tere toyin birman baysi-yin üge-yi itegejü : eyin sedkirün : ...

Бурятская редакция (Сазыкин. Каталог. Т. I, № 364): Erte urida ene Јambudvib-un Eneđkeg-ün oron-dur Ečige Eke kemeđde=kü keyid-ün tödür oyir-a nöđčigsen kiged irege edüi-yi enedgürel ügei medegči nigen mergen tölgeči biraman bayši bui бүлүге :: tendeče tere keyid-ün quvaray-ud anu tere biraman bayši-ača qamuy бүкүи-ben iru-a belge-nügüđ-i asayuday бүлүге : mön tende arban nasun-dayan ariyun sanvar abču sayitur sakiysan nigen mergen buyan-u sadun jalayu toyin bui aysan böged : tegün-ü nasun-i asayuquđ-dur : ene toyin-u oyun bilig qurča aysan bolbaču : aliba üile-yin ür-e-yi enedgürel ügei edlekü-yin tula arban naiman nasun-tayan mayad үкүмү : teyimü-yin tula qoyitu-yin mör-tür alin tusatai bolqu sayin üile-yi üiledkü yekede kereg-tei bayina kemeđsen-dür : tere toyin ber biraman bayši-yin Јarliy-i mašida itegejü eyin sedkirün : ...

³⁶ Колофон на листе 134a: Bilig-ün činadu kijayar-a kürügsen včir-iyar oytaluyči-yin tusa erdem-i üjegülügen sudur egüni Onopng-Čügel-ün Öljei qutu-un nom-i arbidqayči keyid-tür keblen seyligbebi. «Эту сутру, показывающую пользу „Ваджрачхедика праджня парамиты“, ксилографировали в Онон-Цугольском монастыре, [именуемом] „Приумножающий учение счастливой святости“».

³⁷ Монгольский фонд ИМБИТ СО РАН, КМ-1169.

³⁸ Сазыкин. Каталог. Т. I, № 364.

³⁹ В фондах ГПБ Улан-Батора хранится экземпляр сборника двадцати двух рассказов о пользе «Алмазной сутры» под заглавием: Bilig-ün činadu kijayar-a kürügsen: vačir-iyar oytol[uy]či-yin tusa erdem-ün tayilburi neretü sudur orosibai [294. O-605]. Восемь начальных листов этого экземпляра содержат печатный текст. На остальных 67 листах текст рукописный.

В отношении новой версии сборника остается сообщить, что в Монголии наряду с монгольской версией появилась и тибетская версия двадцати двух рассказов о пользе «Алмазной сутры». Перевод сборника с монгольского языка на тибетский был выполнен халхаским ханчин хамбо-ламой Джамьян-Гарбой (1861–1917)⁴⁰.

Все перечисленные выше монгольские переводы и версии рассказов о пользе «Алмазной сутры», различные по своему объему, содержанию, месту и времени появления, объединяет то, что ни в одном из них не упомянуто имя монгольского переводчика. Единственное исключение составляет представленный в данной публикации перевод, снабженный колофоном, в котором названо имя переводчика — ламы Джин-цорджи, выполнившего перевод сборника по просьбе ханши Магада-Бингту.

Рукопись с колофоном переводчика впервые была обнаружена в Улан-Баторе в коллекции музея-квартиры Ц. Дамдинсурэна⁴¹. К настоящему времени выявлены еще шесть рукописей этого же перевода. Три рукописи находятся в монгольском фонде ИМБиТ СО РАН. Три другие хранятся в собраниях СПбФ ИВ РАН.

Две улан-удинские рукописи неполные. В одной представлено четырнадцать рассказов⁴², в другой — восемь⁴³. Единственный полный, выявленный в Улан-Удэ рукописный экземпляр перевода Джин-цорджи не содержит колофона⁴⁴. Не имеют колофонов и две петербургские рукописи⁴⁵. И только в одной петербургской рукописи под шифром Q 415 помещен полный колофон переводчика.

В 1975 г. Д. Ёндон опубликовал статью, специально посвященную колофону улан-баторской рукописи перевода Джин-цорджи⁴⁶, в которой основное внимание уделено «установлению личности ханши Магада-Бингту из золотого рода»⁴⁷. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что перевод Джин-цорджи появился в первой половине XVII в. Таким образом, помещенная в конце рукописи дата «год черной свиньи», когда Эрдэни убаши переписал перевод в форме сутры, соответствует 1623 г. Упоминание в улан-баторском списке «местности Чуй» указывает на то, что происходило это на землях ойратов, в западной части Джунгарии⁴⁸.

⁴⁰ Монголын уран зохиолын тойм. Т. II. Улаанбаатар, 1976. С. 624.

⁴¹ Ёндон Д. Нэгэн зохиолын тогсолийн үг // Хэл зохиол судлал. Т. 11. Улаанбаатар, 1975. С. 245. Рукопись в форме «потхи» состоит из двадцати семи листов грубой, ставшей от времени хрупкой бумаги размером 29,5×8,5 см. На каждой странице по 23–24 строки текста, написанного черной тушью, каламом. Заглавие на лицевой стороне первого листа отсутствует.

⁴² Belig-ün činadu kijiyar-a kürügen dorji gčōdba-yin ači tusa ögüleküi sudur orsiba (M III-1123).

⁴³ Jid-boyin nryan neretü sudur orači = bai (KM-1038).

⁴⁴ Qutuy-tu včir-iyar oytoluyčü-yin ači tusa ögölüg (!) sudur (M III-1118).

⁴⁵ Сазыкин. Каталог. Т. I, № 368, 372.

⁴⁶ Ёндон, с. 245–250.

⁴⁷ Ёндон Д. О колофоне к одному произведению // Труды монгольских филологов (1960–1975). Улан-Батор, 1976. С. 172. В дополнение к сведениям о ханше Магада-Бингту, приведенным в статье Д. Ёндона, можем сообщить, что в качестве одного из донаторов она под именем Сайн Магада-бодисаттва упоминается в колофоне сочинения «Чихула хэрэглэгчи», переведенного в конце XVI — начале XVII в. Манджуши-ширегету-гуши-цорджи, см.: *Bareya-Starzynska A. Additional Notes on the Manuscripts of the Čiqula kereglegči // Acta Orientalia Belgica. T. VI. Bruxelles — Louvain-la-Neuve — Leuven, 1991. P. 387–391.* Эта же ханша под именем Бингту-сэцэн-абахай упомянута в качестве донатора в колофоне биографии Падма-Самбхавы, монгольский перевод которой в первой половине XVII в. был выполнен дарханом из Абаги Манджуши-ламой, см.: *Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской Академии наук. Т. III. М., 2002. № 4389.* В середине XVII в. Манджуши-дархан-лама перевел на монгольский язык тибетский апокриф «Мани гамбу», снабдив его пространным стихотворным колофоном, в котором одним из инициаторов перевода опять упомянута та же ханша, на этот раз под именем Бингту-бодиств-номчи-абахай, см.: *Kara G. Une version mongole du Mañi bka'-'bum: le colophon de la traduction Abaga // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXVII, fasc. 1. Budapest, 1973. С. 19–41.*

⁴⁸ Güi yaqai jil-ün qabur-un aday sarayin sayin edür-e Čui neretü yajar tegüs[be] — «Окончено в счастливый день последнего весеннего месяца года черной свиньи в местности Чуй (Чу)».

Иные сведения содержатся в заключительных строках петербургской рукописи перевода Джин-цорджи, где сообщается, что Байнджуур-Санджи перепишу сборника в форме сутры закончил в счастливый день среднего летнего месяца двадцатого года⁴⁹ в местности Джунгор⁵⁰.

Кроме рассказов о пользе «Алмазной сутры» в начале рукописи Q 415 на листах 16–136 помещено сочинение Таранатхи “Dara eke-yin ündüsün uy todogyuluyçi altan erike kemetgedkü sudur ogosiba”, включающее рассказы о пользе молитвы богине Тара, избавляющей от всяческих напастей.

Написана рукопись черной тушью, каламом, на серой русской бумаге начала XIX в. (на листе 11 имеется филигрань: «1801»). По всей видимости, данная рукопись, а также и обе оставшиеся без колофонов петербургские рукописи перевода Джин-цорджи бурятского происхождения. Основанием для подобного предположения служит то обстоятельство, что все три упомянутые рукописи входят в состав коллекции «Q», образованной из рукописных и ксилографированных книг, поступивших из библиотеки бурятского Агинского дацана в начале 40-х годов прошлого столетия⁵¹. Поэтому естественно, что в коллекции «Q» в наибольшей степени представлены бурятские ксилографированные издания и бурятские же рукописи⁵².

Улан-баторская рукопись и рукопись Q 415, являющиеся копиями текстов, написанных в первой половине XVII в., то есть в период становления монгольской письменности (так называемый «переходный период»), обнаруживают очевидную непоследовательность, неустойчивость орфографии.

В обеих рукописях встречаются и архаичные, и более поздние формы написания. Так, например, практически неразличимы написания *č* и *ĵ*. Вместо *i* зачастую появляется *e*. Нередки нарушения правила рядности: твердое *y* использовано в словах мягкого ряда и, наоборот, мягкое *g* в словах твердого ряда. Показатель совместно гадежа *-иу-а* присоединен порой к словам мягкого ряда. Постоянно нарушается правило написания *d* и *t* в падежных показателях и служебных словах. Такие случаи отмечены (подчеркнуты) в транслитерации текста. Есть немало и других расхождений в орфографии рукописей, а также лексических, морфологических и синтаксических различий, которые во всех случаях отмечены в постраничных сносках.

Таким образом, публикация рукописи Q 415 представляет еще один образец литературного языка монголов переходного периода. Интересна она и тем, что в ней заключена неизвестная прежде редакция точно датированного и атрибутированного монгольского перевода рассказов о пользе «Алмазной сутры».

Замечательно также то, что этот один из ранних переводов сборника появился у ойратов. История ойратской литературы в трудах востоковедов начинается, как правило, с переводов Зая-пандиты Намхай-Джамцо, большинство которых дошло до нас в записи на ойратском «ясном письме», составленном Зая-пандитой в 1648 г. Известно, правда, несколько переводов с тибетского языка, выполненных Зая-пандитой еще до создания им новой ойратской письменности⁵³. Но появились эти переводы не ранее

⁴⁹ Помещенная в петербургской рукописи дата совершенно невразумительна, и определить, что это за «двадцатый год», не представляется возможным.

⁵⁰ Здесь, надо полагать, искаженное написание топонима «Джунгар» (т.е. Джунгария).

⁵¹ Ломакина И.И. О судьбе реликвий агинских дацанов в годы сталинизма // Мир буддийской культуры. Агинское–Чита–Улан-Удэ, 2001. С. 150–156; Сыртынова С.-Х. О письменном буддийском наследии в г. Улан-Удэ (К 80-летию ИМБит СО РАН) // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.). Доклады российской делегации. М., 2002. С. 272, 275 (примеч. 12).

⁵² Сазыкин А.Г. К характеристике собрания монгольских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (шифр Q) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Т. XV, ч. 1. М., 1981. С. 56–60.

⁵³ Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи. Пер. с ойратского Г.Н. Румянцева и А.Г. Сазыкина. Транслитерация текста, предисл., коммент., указ. и примеч.

1638 г.⁵⁴. Выявленный же перевод Джин-цорджи показывает, что и в предшествующие времена ойраты переводили с тибетского языка, и их переводы, записанные на старомонгольской графике, вошли в состав общемонгольской письменной словесности.

Транслитерация текста

[13b] Namô budhay-a :: namô dharmay-a :: namô sangghay-a :: Enedkeg-ün keleber : Ariy-a *baĵar ĉe'deka baramĵ'a barimida nam-a maq-a yana-a sudur-a* :⁵⁵ Töbed-ün keleber : *Gbagsba : sis rabĵi paroldu byinba rdo'rĵi ĉodba : sis ba-a bri banĵod gsungs* :⁵⁶ Mongĵol-un keleber : Qutuy-tu bilig-ün ĉinadu kijayar-a kütügsen vaĉir-iyar oytoluyĉi kemeküi-eĉe : aĉi ögüleküi sudur : qamuy burĵan kiged *bodastv-nar-a*⁵⁷ mörgümüi :

Eyin kemen minu sono(su)gsan nigen ĉay-tur :: erte urida Yau-a neretü süm-e [14a] keyid-ün ĵayar-a-tur nigen masi mergen toyin bülüge : tere toyin arban nasun-tur arqad(-un) sakil abuysan aĵuyu : tere жүг-түр nigen kümün singsilekü biraman baysi bülüge : tendeeĉe mergen nomĉi toyin űayušiybad-un [= űayšabad-un] nököd бүгүдегер : tere mergen singsiyĉi-tur sayin mayu-yi *singsilegölüy-e*⁵⁸ kemeged : tere mergen singsiyĉi-yin жүг-түр odbai : tere mergen olan toyid-i tede бүгүде-yin sayin mayu-yi *singsilen*⁵⁹ ögülebe : tere mergen toyin-tur : e ĉi masi qurĉa oyu-tu bülüge : nasun ĉinu oqor arban naiman nasun-aĉa *ilegü*⁶⁰ nasulaqu ügei kemebe : tere toyin *ede*⁶¹ *ügesi*⁶² бүрин-e *tendeeĉe*⁶³ tegüs *sonos=yaba*⁶⁴ : tendeeĉe qoyar ĵurban ĵil boltala *ede ügesi*⁶⁵ martaju tere toyin-tur *amin nasun oqor*⁶⁶ bolqui belges-i yambarĉilan *ögüle[g]sen*⁶⁷ gene[d]te-te sanayad masi *ĉoĉiju*⁶⁸ ayubai tere mergen toyin demedü *baysi-tur-iyar*⁶⁹ eyin kemen *öĉibe*⁷⁰ :: tende (nigen) ayulan-u *qadayin*⁷¹ aylay-du sayin jarliĵ-un *nom-ud*⁷² bui kemen sonosdanam : bi tende odsuyai kemegsen-tür : baysi *ĵobsiyegsen-tür*⁷³ odbai tende odĉu *tere*⁷⁴ *qadayin aylay-tu-ki*⁷⁵ : olan nom-ud-aĉa *abuy=san*⁷⁶ nigen debter nom-i abĉu üjebesü Dorĵi gĉodba neretü nom bülüge :: *tegün-eĉe*⁷⁷ inaysida öni boltala *erijü*⁷⁸ : ene nom-un dotor-a minu *amin nasun*⁷⁹ urtu

А.Г. Сазыкина // Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия. Т. VII. СПб., 1999. С. 56–57.

⁵⁴ Сазыкин А.Г. О периодизации переводческой деятельности ойратского Зая-пандиты // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Т. XII, ч. 1. М., 1977. С. 134–140.

⁵⁵ Монг. рукопись: Ariy-a paĉir ĉedeka bar-a day-a baramida gduu-a vaduva-a sudar-a ::

⁵⁶ Монг. рукопись: Gbags ba sisrabĵi paröl tu phyinba rdor rĵiy gĉodba sis byiu-a pan yön brĵod [...] mdo ::

⁵⁷ Монг. рукопись: bodi-saduva-nar-a

⁵⁸ Монг. рукопись: űingšigölüy-e

⁵⁹ Монг. рукопись: űingĉilen

⁶⁰ Монг. рукопись: ilegüü

⁶¹ В монг. рукописи отсутствует.

⁶² Монг. рукопись: üges-i

⁶³ В монг. рукописи отсутствует.

⁶⁴ Монг. рукопись: sonos=bai :

⁶⁵ Монг. рукопись: ene üges-i

⁶⁶ Монг. рукопись: ami nasu aqor (!)

⁶⁷ Монг. рукопись: ögülegsen-i

⁶⁸ Монг. рукопись: soĉiju

⁶⁹ Монг. рукопись: baysi-tur

⁷⁰ Монг. рукопись: öĉübei

⁷¹ Монг. рукопись: qada-yin

⁷² Монг. рукопись: nom

⁷³ Монг. рукопись: ĵöbšiyegsen-ü tula

⁷⁴ В монг. рукописи отсутствует.

⁷⁵ Монг. рукопись: qada-yin aylay-daki

⁷⁶ Монг. рукопись: abuyad

⁷⁷ Монг. рукопись: tegünĉe

⁷⁸ Монг. рукопись: ereĵü

⁷⁹ Монг. рукопись: ami nasu

*bolquyin*⁸⁰ nom-i *qamiy-a bui aysan-i*⁸¹ : kejiy-e-ber bögesü *bi*⁸² sonosun üjekü boltuyai kemen *irügeged*⁸³ : edür söni Dorji *gčodba-yi idam*⁸⁴ bariju ungsibai : tende nigen üdesi ungsiqui tere aylay-tur : masi çayan gerel-iyer dügürüged : arban toqai-luy-a *tegülde*⁸⁵ bey-e-tü qoyar *ariyun-a*⁸⁶ ayay-a *tegimlig-üd-ün*⁸⁷ yosun-luy-a tegüsügen yar-tur-iyen nigen debter nom-i bariju tende irejü : ene *nom činu ungsin üiledügči*⁸⁸ Dorji *gčodba buyu* : činu *nasun*⁸⁹ buyan *kisig-i*⁹⁰ erketen-luy-a (!) *tegülde* bolju : nom-un jüil-iyer *yabuyad*⁹¹ : basa *činu*⁹² yurban mayu jayayan-u qayaly-a-yi *oytaluyad*⁹³ sidi bütüküi qubi-luy-a *tegülde* boluy : kemen jarliy bolbai : tere qurča *belig-tü* toyin bayasçu besiren mörgüged saça tere arqad (gene[d]te ügei bolba :) tere qurča *belig-dü*⁹⁴ toyin olan nom-tu qadayin aylay-aça *qariju*⁹⁵ ireged : tere singsiyçi-yin dergede odbai : tere singsi[γ]çi üje=ged masida ayuju čočibai : či yambar üile üiledüysen-ü tula : urtu *nasulayad*⁹⁶ erketen-i olbai *či*⁹⁷ kemen *asay[u]bai*⁹⁸ : tere qurča *belig-tü*⁹⁹ toyin qariyu ögülebe : bi *ene*¹⁰⁰ Dorji *gčodba-yi idam*¹⁰¹ bariju ungsiyan-aça : *öber*¹⁰² busu üile üiledügsen ügei kemebe : *tegün-eče*¹⁰³ inaysida ene Dorji *gčodba-yin*¹⁰⁴ nom-un adistid-un küčün-ü erdem¹⁰⁵ *inu*¹⁰⁶ kümün bügüde-tür *aldarasıju*¹⁰⁷ : tere *yañar-ıyan*¹⁰⁸ kümün bügüde ene Dorji *gčodba-yin* : *nom-un*¹⁰⁹ *ayuy-a kümün*¹¹⁰ ači tusa-yi sonosuyad : bögü=[14b]=deger *idam*¹¹¹ bariju ungsisuyai kemen aman abubai : tendeçe qurča bilig-tü toyin yeren tabun *nasun*¹¹² nasuluyad : tere *amin*¹¹³ *nasun yegüdkeju*¹¹⁴ yučin yurban tengri-ner-ün¹¹⁵ Tüsid-ün oron-tür töröbei :

Ene bilig-ün činadu kijayar-a kürgsen Dorji gčodba-i ungsiyan-u ači tusa-yi ögüleküi sudur-i qadayin aylay-aça olugsan nom-un eng terigün jüil bolai :: : :

⁸⁰ Монг. рукопись: bolqu

⁸¹ В монг. рукописи отсутствует.

⁸² В монг. рукописи отсутствует.

⁸³ Монг. рукопись: irügüged

⁸⁴ Монг. рукопись: yidam

⁸⁵ Монг. рукопись: tegüldür

⁸⁶ Монг. рукопись: ariyun

⁸⁷ Монг. рукопись: tegimlig-üd

⁸⁸ Монг. рукопись: ungsin üiledügči nom činu

⁸⁹ Монг. рукопись: nasu

⁹⁰ Монг. рукопись: kisig

⁹¹ Монг. рукопись: yabuju

⁹² Монг. рукопись: či

⁹³ Монг. рукопись: oytaluyad

⁹⁴ Монг. рукопись: biliytü

⁹⁵ Монг. рукопись: yarču

⁹⁶ Монг. рукопись: nasuluyad

⁹⁷ В монг. рукописи отсутствует.

⁹⁸ Монг. рукопись: asayubasu

⁹⁹ Монг. рукопись: beliytü

¹⁰⁰ В монг. рукописи отсутствует.

¹⁰¹ Монг. рукопись: yidam

¹⁰² Монг. рукопись: öber-e

¹⁰³ Монг. рукопись: tegünče

¹⁰⁴ Монг. рукопись: čodba

¹⁰⁵ Монг. рукопись: + olan

¹⁰⁶ В монг. рукописи отсутствует.

¹⁰⁷ Монг. рукопись: aldaršibai

¹⁰⁸ Монг. рукопись: yañar

¹⁰⁹ В монг. рукописи отсутствует.

¹¹⁰ Монг. рукопись: au-a küčün-ü

¹¹¹ Монг. рукопись: yidam

¹¹² Монг. рукопись: nasu

¹¹³ В монг. рукописи отсутствует.

¹¹⁴ Монг. рукопись: nasun-aça yegüdcü

¹¹⁵ Монг. рукопись: + dotor-a

Basa busu¹¹⁶ nigen ʒaʒar-tur nigen süm-e keyid bülüge : tegün-ü dotor-a öber-iyen toboy-
 iju ʒaruysan nigen doysin tengri¹¹⁷ tere¹¹⁸ *ingri*¹¹⁹ *qur-a*¹²⁰ kiged möndür ba : ulayan *salki*¹²¹
*terigüten-i*¹²² kümün *bügü*=*deger-i*¹²³ *du'ran-i*¹²⁴ buliyaqui-yi *üiledküi*¹²⁵ kiged : küsegsen
*üilesi*¹²⁶ ülü *bütügelgeçi*¹²⁷ *čidkür*¹²⁸ bülüge : tere süm-e-yin orčin olan ber-e kürtele amitan
 oyoğata oyir-a yabuju ülü čida=mui tegün-ü orčin-daki ebeseñ modun çeçeğ ürjs [= üres]
 terigüten-i ken-ber abun ülü čidayu : tere süm-e *deger-e*¹²⁹ *oytarʒui-daki*¹³⁰ sibayun kürtele
 köser-tür unaju üküleküi yeke küčütü bülüge :: tendegeče Enedkeg-ün *ʒaʒar-ača*¹³¹ yeke luu
 kemekü nigen¹³² tarniçi yeke *mörön*¹³³ yekede üyer-lejü urusuʒ=san(-i) tasu tarnidaju
*urusun*¹³⁴ ülü *čidaqui*¹³⁵ yeke küčütü nigen mergen tarniçi irejü : tarni *ögüleged*¹³⁶ sača
 erketen *luus-un*¹³⁷ qad bügüde küligdeküi *boluyu*¹³⁸ : čidkür *adas bügüdeyin deger-e*¹³⁹ qan
 erketü *qariču*¹⁴⁰ [= qaraču] dayan erke üileddügçi metü *boluyu*¹⁴¹ :: tere yeke *küčütü*¹⁴²
 tarniçi doysin tengri-yi *doroyitalqu-yin*¹⁴³ tulada : tere süm-e keyid-ün dotor-a oro=ju : masi
 doysin *tarnisi*¹⁴⁴ *ögülen*¹⁴⁵ : saʒuysan-tur čing söni *düli*¹⁴⁶ : tere tarniçi-yin üyes gisigün-ü
 bügüde-yi *oytoluyad*¹⁴⁷ terigün-i anu keseg keseg bolyan qaʒalabai : manayar *üür*¹⁴⁸ *čay-*
*iysan-u*¹⁴⁹ *qoyina*¹⁵⁰ tere süm-e keyid-ün dotor-a mergen tarniçi-yi alagsan yasun-i üjebei :
 tendegeče tere mergen tarniçi-yin masi yekede doysin qatayu küčütü nigen baysi bülüge : tere
 baysi *sibi-yin*¹⁵¹ alagsan-i üjejü : ene *manu*¹⁵² [= mayu] doysin erlig tengri : tarniçi-yin
*kereg=legdeküi*¹⁵³ bügüde-yi abuyad : eldeb mayu ünür-ten-iyer utuju : tere süm-e keyid-ün

- ¹¹⁶ Монг. рукопись: + nigen čay-tur
¹¹⁷ Монг. рукопись: + bülüge
¹¹⁸ Монг. рукопись: + doysin
¹¹⁹ Монг. рукопись: tengri
¹²⁰ Монг. рукопись: qura
¹²¹ Монг. рукопись: salkin
¹²² Монг. рукопись: terigüten-ber
¹²³ Монг. рукописü: bügüdeger-ün
¹²⁴ Монг. рукопись: duran
¹²⁵ Монг. рукопись: üileddügçi
¹²⁶ Монг. рукопись: üiles-i
¹²⁷ Монг. рукопись: bütügülügçi
¹²⁸ Монг. рукопись: čidker
¹²⁹ Монг. рукопись: degere
¹³⁰ Монг. рукопись: oytoryui-daki
¹³¹ Монг. рукопись: ʒaʒar
¹³² Монг. рукопись: + yeke
¹³³ Монг. рукопись: möröd-i
¹³⁴ Монг. рукопись: urusan
¹³⁵ Монг. рукопись: čidaqu
¹³⁶ Монг. рукопись: ögüleged
¹³⁷ Монг. рукопись: lus-un
¹³⁸ Монг. рукопись: boluju
¹³⁹ Монг. рукопись: tede bügüde-yin dergede
¹⁴⁰ Монг. рукопись: qaruča
¹⁴¹ Монг. рукопись: bolju
¹⁴² Монг. рукопись: küču-tü
¹⁴³ Монг. рукопись: doroi=tayulqu-yin
¹⁴⁴ Монг. рукопись: tarni-yi
¹⁴⁵ Монг. рукопись: egülen (!)
¹⁴⁶ Монг. рукописü: dülen
¹⁴⁷ Монг. рукопись: oytoluyad
¹⁴⁸ Монг. рукопись: üür
¹⁴⁹ Монг. рукопись: čayisan-u
¹⁵⁰ Монг. рукопись: qoyin-a
¹⁵¹ Монг. рукопись: sabi-iyen
¹⁵² Монг. рукопись: mayu
¹⁵³ Монг. рукопись: kereyledektüi

dotor-a oroju : masi kilingleküyin yosuvar yeke doysin ay[a]lyus-iyar : tarnis-i ögüleju sayuysan-tur-i¹⁵⁴ : tere doysin tengri tarni=çi-yin jirüken-tü oroju : amabar çisun¹⁵⁵ bögljiged¹⁵⁶ saça ükübei : tendeeçe tere süm-e keyid-ün nigen jüg-tür nigen Dorji gçodba-yi ungsin çidagçi nigen üçüken bandi bülüge : tere doysin tengri qoyar mergen tarniçi-yi alaysan-i üjeju : tere üçüken [15a] bandi yar-tayan küjisi¹⁵⁷ abuyad tere süm-e keyid-ün jüg-tür odbai : tere odugsan-i¹⁵⁸ olan quvaray-ud üjeju ögülebei¹⁵⁹ : çi tende buu¹⁶⁰ [= büü] od : odabasu amidu qariju iren¹⁶¹ ülü çidamui kemen ögülebe¹⁶² teden-ü ügen-tür ese bolju : tere süm-e keyid-tür oroju : nigen üjü=gür-tü sedkil-iyer Dorji gçodba-yi ungsin sayubai : nigen söni dörben jüg-eçe egülen ködelgeju¹⁶³ yal çakilyad¹⁶⁴ yajar delekei-yi yekede ködelgeju möndür qura¹⁶⁵ kiged yeke ulayan salkin ködelgeged olan ebesü modun¹⁶⁶ unayayad¹⁶⁷ : qamuy delkei-yi¹⁶⁸ [= dalai-yi] dolgisqaju tegün(-i)¹⁶⁹ deger-e : aman-aça yal sitayayad¹⁷⁰ qabar-aça¹⁷¹ unin butarayulju : tayalal ügei¹⁷² eldeb mayu dayun-i¹⁷³ yaryaju : olan nököd-iyen¹⁷⁴ eldeb meses-iyer çimegsen bey-e çinegen¹⁷⁵ inu Sümber ayula metü : masi yeke ayuqu metü nigen çidkür tere süm-e-yin dotor-a oroju irebei : tere üçüken bandi sedkil-iyen jüdel ügei : Dorji gçodba-yi ungsin sayubai :: tere çidkür ene nom-i ungsiqui¹⁷⁶ sonosuyad : masi sedkel-iyen amurlingyui¹⁷⁷ boluyad : öni urtu ese bolju¹⁷⁸ : oytaryui-bar¹⁷⁹ kegerebei¹⁸⁰ : qara qura¹⁸¹ kiged ulayan salkin (ba) ariluyad : tede olan nököd bügüde qarin dutayaju odbai¹⁸² : tere doysin tengri yajça bey-e-ber qoçor'çu besirel-iyer alayaban¹⁸³ qamtudqaju bara=yun ebüdü'g-iyer¹⁸⁴ sögödcü : Dorji gçodba-yi ungsiqui¹⁸⁵ sonosun bayibai : tere doysin tengri tere üçüken bandi-tür üge ögülerün¹⁸⁶ bi çinu amin-i¹⁸⁷ tasu=luy-a¹⁸⁸ geju

¹⁵⁴ Монг. рукопись: sayuysan-tur

¹⁵⁵ Монг. рукопись: çisun-iyar

¹⁵⁶ Монг. рукопись: bögljiged

¹⁵⁷ Монг. рукопись: küjis-i

¹⁵⁸ Монг. рукопись: odun-a kemegsen-dür : tere

¹⁵⁹ В монг. рукописи отсутствует.

¹⁶⁰ Монг. рукопись: büü

¹⁶¹ Монг. рукопись: irin

¹⁶² Монг. рукопись: ögüleged idqabai

¹⁶³ Монг. рукопись: ködeljü

¹⁶⁴ Монг. рукопись: çakilyad

¹⁶⁵ Монг. рукопись: qur-a

¹⁶⁶ Монг. рукопись: ebesün modun-i

¹⁶⁷ Монг. рукопись: unayad

¹⁶⁸ Монг. рукопись: dalai-yi

¹⁶⁹ Монг. рукопись: tegün-ü

¹⁷⁰ Монг. рукопись: sitayad

¹⁷¹ Монг. рукопись: qambar-aça

¹⁷² В монг. рукописи отсутствует.

¹⁷³ Монг. рукопись: dayun

¹⁷⁴ Монг. рукопись: nöked-iyen

¹⁷⁵ В монг. рукописи отсутствует.

¹⁷⁶ Монг. рукопись: ungsiqui-yi

¹⁷⁷ Монг. рукопись: sedkil anu amurliqu

¹⁷⁸ Монг. рукопись: ülü udan

¹⁷⁹ Монг. рукопись: oytoryui-bar

¹⁸⁰ Монг. рукопись: geiyjü

¹⁸¹ Монг. рукопись: qur-a

¹⁸² Монг. рукопись: dutayabai

¹⁸³ Монг. рукопись: alay-a-ban

¹⁸⁴ Монг. рукопись: ebüdeg-iyer

¹⁸⁵ Монг. рукопись: ungsiqui-yi

¹⁸⁶ Монг. рукопись: ögüler-ün :

¹⁸⁷ Монг. рукопись: ami

¹⁸⁸ Монг. рукопись: tasulay-a

irele bi : ene Dorĵi gĉodba-yin sudur-i ungsiqui dayun-i sonosuyad saĉa : (minu) auy-a kŭĉŭn bŭgŭde masi sintaraĵu : minu qoor-tu¹⁸⁹ sedkil bŭgŭde amurlibai : minu niyur¹⁹⁰ inu masida (yeke) ayuysan dŭri-tŭ bolbai : tere qoyar tarniĉi-yi minu auy-a¹⁹¹ kŭĉŭn-i¹⁹² qariyul-un ese ĉidagsan-iyar ũkŭbei : yerŭ tarniĉi-yin qamuy nom-ud kilinĉa-tu buyu : qamuy ĉinadu bŭgŭde-yi qoor-tu sedkel egŭskeĵŭ ũlŭ ũkŭlekŭi ĵayayan ũgei bui¹⁹³ : ene bilig-ŭn ĉinadu kiĵayar-a kŭrŭgsen erdeni-yin auy-a¹⁹⁴ kŭĉŭn inu masi yeke aĵuyu¹⁹⁵ : ene doysin tengri¹⁹⁶ nomoyadqaysan-i ũĵeĵŭ¹⁹⁷ bisiregsen kŭmŭn amitan ene nom-un-i (!) beĉiged ĵarim-ud uduriyulsun sonosumui¹⁹⁸ : ĵarim-ud ama-bar¹⁹⁹ idam²⁰⁰ barin ungsisuyai : ĵarim-ud eldeb takel [= takil] ũiledĉŭ takiyad ungsiysan ũile-yin aĉi tusa inu : buyan kisig arbiduyad : urtu nasulaĵu ebeĉin ũgei bolu=ĵad : auy-a²⁰¹ kŭĉŭn yeke bolqu-yin erke-lŭge²⁰² tegŭlder²⁰³ boluyu :

Dorĵi gĉodba-yin aĉi tusa ũgŭlekŭi sudur-aĉa ũĉŭ=ken bandi yirtenĉŭ-yin doysin tengri nomoyadqaysan-i²⁰⁴ [15b] nŭkŭge ĵŭil bolai : ::

Basa tere nigen²⁰⁵ ĉay-tur : nigen sŭm-e keyid bŭlŭge : tere sŭm-e keyid-ŭn derged[e] nigen Darm-a garba²⁰⁶ neretŭ ayay-a²⁰⁷ tegimlig aĵiyu : tere ayay-a tegimlig²⁰⁸ nigen sŭm-e keyid-i egŭsked²⁰⁹ : tegŭn-i dergede quvaray-ud ĉiyulqui keyid ba : aylay oron-u keyid ba : ed tavar quriyaqui sang-un keyid ba : orĉilang-un²¹⁰ quriyan ũiledkŭi ũile²¹¹ terigŭten qoĉorli²¹² ũgei ũiledkŭi²¹³ keyid ba : tede[n]-ŭ dergede mŭrgŭn taki=qui nigen (keyid) egŭskeĵŭ : tegŭn-ŭ dotor-a yirtenĉŭ-tŭr kedŭn sayin ĵarliy-un sudur-i kedŭn toyad²¹⁴ bui bŭgesŭ bŭgŭde-yi quriyan beĉiĵŭ ungsiqui ba : masi arluysan²¹⁵ sedkel-iyer sedkikŭi ba : burĉan nom-i burin-iyer²¹⁶ egŭsken dayusuy-san-u qoyina²¹⁷ : qabur-un dumdadu sara-yin²¹⁸ sinede tere ayay-a²¹⁹ tegimlig nigen kŭndŭ ebeĉin-e²²⁰ kŭrteĵŭ : tere ebeĉin-iyer

¹⁸⁹ Монг. рукопись: qor-a-tu

¹⁹⁰ В монг. рукописи отсутствует.

¹⁹¹ Монг. рукопись: au-a

¹⁹² Монг. рукопись: kŭĉŭn-ŭ

¹⁹³ Монг. рукопись: buyu

¹⁹⁴ Монг. рукопись: au-a

¹⁹⁵ Монг. рукопись: aĵiyu

¹⁹⁶ Монг. рукопись: tngri-yi

¹⁹⁷ Монг. рукопись: + ũdtŭr

¹⁹⁸ Монг. рукопись: sonosmui

¹⁹⁹ Монг. рукопись: amabar

²⁰⁰ Монг. рукопись: yidam

²⁰¹ Монг. рукопись: au-a

²⁰² Монг. рукопись: erke-luy-a

²⁰³ Монг. рукопись: tegŭldŭr

²⁰⁴ Монг. рукопись: tengri-yi nomoyadqaysan

²⁰⁵ В монг. рукописи отсутствует.

²⁰⁶ Монг. рукопись: garbi

²⁰⁷ Монг. рукопись: ayay-q-a

²⁰⁸ В монг. рукописи отсутствует.

²⁰⁹ Монг. рукопись: egŭskeged

²¹⁰ Монг. рукопись: orĉilan-un

²¹¹ Монг. рукопись: ũiles

²¹² Монг. рукопись: qoĉorli

²¹³ Монг. рукопись: ũiledkŭ-yin

²¹⁴ Монг. рукопись: toyatan

²¹⁵ Монг. рукопись: arluysan

²¹⁶ Монг. рукопись: burin (!)

²¹⁷ Монг. рукопись: qoyin-a

²¹⁸ Монг. рукопись: dumda-du sarayin

²¹⁹ Монг. рукопись: ayay-q-a

²²⁰ Монг. рукопись: ebeĉin

*masida*²²¹ mayūjiran kebtükü-tür : öber-ün altan mönggün-iyer *egüdügsen*²²² süm-e keyid-ün dergede kürügsen-i üjegdē'=bei : tere burqan bügüdeger eldeb *erd[e]nis-yer*²²³ čimeysen-i üjebei : tere süm-e *keyed-yin*²²⁴ der'gede nigen (öndör) *dengčü*²²⁵ dotor-a nigen *ayaq-a*²²⁶ tegimlig nom-tu *degel-tü*²²⁷ nom-un *yosun-luy-a*²²⁸ tegülder bolugsan masi üjesküleng-tü *dobtoy-a*²²⁹ aju : yar-tayan nigen debter nom-i barin sayūju : tere Darm-a garbi *ayaq-a*²³⁰ tegimlig(-tür) eyin kemen jarliy bolbai : či ene *nigen*²³¹ töröl-tür *buyan-i*²³² üiles olan bütügen atala : či yurban erdeni-yin ed tavar-i ülemji *qomuyulja*²³³ idegsen ajiyu : či buyan kilinča qoyar-i *qolimuĵan*²³⁴ üiledčü atala yekenggi inu kilinča üiledügsen buyu : či ĵabsar ügei *ayusi*²³⁵ tamu-tur unaqu bui-y-a : *ede kilinčas-iyen*²³⁶ *qočorliy*²³⁷ ügei *aril'ĵay-a sanaqula*²³⁸ Dorji gčodba-yin sudur-i bečijü namančilaydaqui buyu : činu qamuy kilinča qočorli ügei arilqu boluyu : kemen jarliy *bolba*²³⁹ : tendeeče tere *ayaq-a*²⁴⁰ tegemlig kündu ebečin-tü mayūjiraysan-ača *sergügü*²⁴¹ qarın *sanayan-i*²⁴² olju tede *üges*²⁴³ bügüde-yi *dotorban*²⁴⁴ *oroĵul-un*²⁴⁵ sanayad : qamuy adal mal ed *tavar-i*²⁴⁶ qočorli ügei bügüde-[y]i öglige barimad bolyan ögčü ĵayun naiman Dorji gčodba *bečigüle*²⁴⁷ : tere nom-un küčün-tür buyan(-i) kisig yeke boluyad : *amin*²⁴⁸ nasun urtu bolju ebečin emgeg ĵob[a]lang ügei bolbai :: *qoyina*²⁴⁹ endeče *nasun yegüdked*²⁵⁰ qutuy-tu Mayidari-yin oron-tur Tüsid-ün ĵajar-a töröbei :

Bilig-ün činadu *kijayar*²⁵¹ kürügsen Dorji gčodba-yin ači *tusa-yin*²⁵² sudur-ača Darm-a garbi neretü *ayaq-a*²⁵³ tegimlig kündü ebečin-eče tonilju : *qarin*²⁵⁴ sanayan-i oluyad : ĵayun naiman Dorji gčodba-yi bečigsen-ü küčün-iyer Tüsid-ün oron-tur töröl *oluysan-i yutayar*²⁵⁵ jüil *buyu*²⁵⁶ :: :: :

²²¹ Монг. рукопись: masi-da

²²² Монг. рукопись: egüdegsen

²²³ Монг. рукопись: irdes-iyer (!)

²²⁴ Монг. рукопись: keyid-iyen

²²⁵ Монг. рукопись: dengči

²²⁶ Монг. рукопись: ayaq-q-a

²²⁷ Монг. рукопись: debel-tü

²²⁸ Монг. рукопись: oyun-luy-a

²²⁹ В монг. рукописи отсутствует.

²³⁰ Монг. рукопись: ayaq-q-a

²³¹ Монг. рукопись: erkin

²³² Монг. рукопись: buyan-u

²³³ Монг. рукопись: qomuyulĵan

²³⁴ Монг. рукопись: qolimuĵ

²³⁵ Монг. рукопись: ayus

²³⁶ Монг. рукопись: ene kilinčas-i

²³⁷ Монг. рукопись: qočorli

²³⁸ Монг. рукопись: arilĵayu-yi sanabasu

²³⁹ Монг. рукопись: boluysan-du

²⁴⁰ Монг. рукопись: ayaq-q-a

²⁴¹ Монг. рукопись: sereged

²⁴² Монг. рукопись: sanay-a

²⁴³ Монг. рукопись: üges-i

²⁴⁴ Монг. рукопись: dotor-a-ban

²⁴⁵ Монг. рукопись: oroĵulun

²⁴⁶ Монг. рукопись: tavar

²⁴⁷ Монг. рукопись: bičigülbei

²⁴⁸ Монг. рукопись: ami

²⁴⁹ Монг. рукопись: qoyin-a

²⁵⁰ Монг. рукопись: nasu yegüddüged

²⁵¹ Монг. рукопись: kijayar-a

²⁵² Монг. рукопись: tusun

²⁵³ Монг. рукопись: ayaq-q-a

²⁵⁴ В монг. рукописи отсутствует.

²⁵⁵ Монг. рукопись: oluysan yutayar

²⁵⁶ Монг. рукопись: bolai

Basa *tende*²⁵⁷ *gerün*²⁵⁸ *ejen* *kündü ebečin-e*²⁵⁹ *kür=tejü* : Erlig *qayan(-i)*²⁶⁰ *yaryačın* *irejü tere ebečitü*²⁶¹ *kümün-i*²⁶² [16a] *sünesün-i* *abču* Erlig *qayan-u*²⁶³ *yirtenčü-tür kürebei*²⁶⁴ : tere *kümün* *nigen* *quvaray-ud-luy-a* *basa* *olan* *amitan* *čiyulju* *qamtu s[a]yquui*²⁶⁵ *üjeju* : Erlig *qayan asuyur-un*²⁶⁶ *quvaray-ud či*²⁶⁷ *dотора-ban* *oroyul=ju* *bayinam* *buyan-i*²⁶⁸ *üiles-i* *kedüi* *činegen* *üiledbe* *kemen* *asay[u]bai* : *tendeče*²⁶⁹ *quvaray* *qariyu* *ögülerün*²⁷⁰ : *bi* *Dorji gčodba*²⁷¹ *nom-i* *idam*²⁷² *bariju* *ungsin*²⁷³ *bülüge* : tere *üges-i* *sonosuyad* (*sača*) Erlig *qa'=yan* *siregen-eče* *bosuyad* *alayaban*²⁷⁴ *qamtudqaju* *mörgün* *ögülebei* : *e-e* *ayay-a*²⁷⁵ *teгимлиг* *či* *yeke* *čoytu*²⁷⁶ *burqan-u* *köbegün* *bülüge* : *ende* *bey-e-ben* *jobaju* *yakin* *irebei* *či* *kemen* *ögülebe* : *kemen* *ögüleged* *sača* *oytaryui-ača*²⁷⁷ *eldeb* *öngge-luy-a(!)* *tegüsügsen* *nigen* *keseg* *egüle*²⁷⁸ *bayuju* *irebei* : *tere* *egülen*²⁷⁹ *dotor-a* *eldeb* *erd[е]nis-iyer*²⁸⁰ *čimegsen* *nigen*²⁸¹ *tabčiang*²⁸² *bülüge* : tere *quvaray* *tere* *tabčiang*²⁸³ *degere*²⁸⁴ *sayuju* : *oytaryui-bar*²⁸⁵ *nisčü* *odbai* : *basa* *tere* *quvaray-luy-a* *nigen-e*²⁸⁶ *ireγ=sen*²⁸⁷ *kümün* *bügüde-yin* *derged[е]* *sayuju* *uridu*²⁸⁸ *kümün* *či* *yayıqamsiy* *kümün-i*²⁸⁹ *töröl* *olju* *bögetele* *yambar* *buyan* *üiled-beči*²⁹⁰ *tere* *kümün* *qariyu* *ögül[e]rүн*²⁹¹ : *qayan* *bi* *Dorji* *gčodba-yi* *idam*²⁹² *bariju* *ungsiyad* *yirtenčü-yin* *naiman* *nom-un* *üiles-tü* *uqa[γ]an-a*²⁹³ *surun* *besilyaju* : *toyaqu* *kiged* *amabar* *busud*²⁹⁴ *doromjlan* *qočilaqu* *üilesi*²⁹⁵ *üiledbe* *bi*²⁹⁶ *kemen* *ögülebe* : *tendeče* *tere* *kümün-i*

²⁵⁷ Монг. рукопись: *tendeče*

²⁵⁸ Монг. рукопись: *ger-ün*

²⁵⁹ Монг. рукопись: *ebečin*

²⁶⁰ Монг. рукопись: *qayan-u*

²⁶¹ В монг. рукописи отсутствует.

²⁶² Монг. рукопись: *kümün-ü*

²⁶³ Монг. рукопись: *qayan-i*

²⁶⁴ Монг. рукопись: *kürbei*

²⁶⁵ Монг. рукопись: *sayuui-yi*

²⁶⁶ Монг. рукопись: *asayur-un*

²⁶⁷ В монг. рукописи отсутствует.

²⁶⁸ Монг. рукопись: *buyan-u*

²⁶⁹ Монг. рукопись: + *tere*

²⁷⁰ Монг. рукопись: *ögüler-ün*

²⁷¹ Монг. рукопись: *čodba-yin*

²⁷² Монг. рукопись: *yidam*

²⁷³ Монг. рукопись: *ungsiyan*

²⁷⁴ Монг. рукопись: *alay-a-ban*

²⁷⁵ Монг. рукопись: *ayay-q-a*

²⁷⁶ Монг. рукопись: *čoytu*

²⁷⁷ Монг. рукопись: *oytaryui-ača*

²⁷⁸ Монг. рукопись: *egülen*

²⁷⁹ В монг. рукописи отсутствует.

²⁸⁰ Монг. рукопись: *erdis-iyer (!)*

²⁸¹ В монг. рукописи отсутствует.

²⁸² Монг. рукопись: *tabčan*

²⁸³ Монг. рукопись: *tabčan*

²⁸⁴ Монг. рукопись: *deger-e*

²⁸⁵ Монг. рукопись: *oytaryui-bar*

²⁸⁶ Монг. рукопись: *nigen qamtu*

²⁸⁷ Монг. рукопись: *irigsen*

²⁸⁸ Монг. рукопись: *urida*

²⁸⁹ Монг. рукопись: *kümün-ü*

²⁹⁰ Монг. рукопись: *üiledbe či*

²⁹¹ Монг. рукопись: *ögüler-ün*

²⁹² Монг. рукопись: *yidam*

²⁹³ Монг. рукопись: *ünen-e*

²⁹⁴ Монг. рукопись: *busun-i (!)*

²⁹⁵ Монг. рукопись: *qočilaqu üiles-i*

²⁹⁶ В монг. рукописи отсутствует.

či yirtenčü-yin naiman nom-iyar *busud-i*²⁹⁷ qočılan *doromjila[γ]san*²⁹⁸ *tulada*²⁹⁹ : bečig su-
 rugsan-u *buyan*³⁰⁰ činar *činu*³⁰¹ qoyosun bolbai : tendeče Erlig qayan *ögülerün*³⁰² : kümün
 či ene edür ende yeke erigütü jobalang-tu tamu üjekü *buyu*³⁰³ : *tegün-ü*³⁰⁴ dotor-a tasural
 ügei yeke job[a]lang bui : či *qoyina*³⁰⁵ üje kemebe : *qoyina*³⁰⁶ üjebesü nigen yeke *toɣayan*³⁰⁷
*jayil-un*³⁰⁸ *bučalaysan-u*³⁰⁹ *jes*³¹⁰ dotar-a : qubiluyad tabun jayun toqai-yin *tursi*³¹¹ yeke
 bey-e-dü nigen kümün irejü tere *kümün-i*³¹² terigün-i inu *göroged*³¹³ ba sibayun *terigün-i*³¹⁴
 eldeb amitan-i terigün-luy-a (!) jayun toloyai-tu bülüge tegün-ü dededü üjügür-teki *γayča*
 kümün-ü toloyai tere üge *ögül[e]be*³¹⁵ : ene olan toloyai-yin siltayan inu : kümün-ü yirtenčü-
 -tür olan *amitan-u*³¹⁶ üjejü inieküi ba :³¹⁷ *doromjilaqu* ba : qočılaqu ba : *teden-eče*³¹⁸
 bolbai : tendeče nidün-ü çečegei *köser-tür*³¹⁹ unatala dayun yar'bai : Erlig qayan tere
 kümün-tür *üge*³²⁰ *ögülerün*³²¹ : kümün či *uridu*³²² *kümün-i*³²³ töröl oluysan čay-tur yirtenčü-
 -yin naiman nom-du mergen boluyad : sayuly[a]n-a *činglegür terigün-tür*³²⁴ arɣ-a jali üil-
 edügsen ba : kümün amitan-i sončıgsan ba : *qočılaysan*³²⁵ ba *doromjilagsan* ba : ičigülügsen
 ba : *tede kilinčas-un*³²⁶ siltayabar eyimü job[a]lang-tu üiles-iyer *γayča-bar* üküü kereg
 buyu : či Dorji *gčodba-yi idam*³²⁷ bariju un[g]sıgsan buyan-u *tula edüge bi čimai*³²⁸
 kümün-ü yirtenčü-tür il[e]gey-e : kejiy-e-ber bögesü kümün amitan-i sonjiqui ba : *elegleküi*
*ba*³²⁹ : do'romjilaqu *ba*³³⁰ *ičigüleküi*³³¹ ba : yirtenčü-yin [16b] *tede*³³² nom-ud-i tebčiged :
 buyan-u *üilesi*³³³ kičiyegtün kemeged il[e]gebei : tendeče tere kümün-ü *yirtenčü*³³⁴ Jambu-

²⁹⁷ Монг. рукопись: busun-i (!)

²⁹⁸ Монг. рукопись: doromjilagsan-u

²⁹⁹ Монг. рукопись: tula

³⁰⁰ Монг. рукопись: buyan-u

³⁰¹ Монг. рукопись: inu

³⁰² Монг. рукопись: ögüler-ün

³⁰³ В монг. рукописи отсутствует.

³⁰⁴ Монг. рукопись: tegün-i

³⁰⁵ Монг. рукопись: qoyin-a

³⁰⁶ Монг. рукопись: qoyin-a

³⁰⁷ Монг. рукопись: tuɣlay-a

³⁰⁸ Монг. рукопись: qayilun

³⁰⁹ Монг. рукопись: bučalaysan

³¹⁰ Монг. рукопись: + toɣ-a-u

³¹¹ Монг. рукопись: tedüi

³¹² Монг. рукопись: kümün-ü

³¹³ Монг. рукопись: göregesün

³¹⁴ Монг. рукопись: terigüten

³¹⁵ Монг. рукопись: ögülebei

³¹⁶ Монг. рукопись: amitan-i

³¹⁷ Монг. рукопись: + sonjiqui ba :

³¹⁸ Монг. рукопись: tegün-eče

³¹⁹ Монг. рукопись: kösür-tür

³²⁰ В монг. рукописи отсутствует.

³²¹ Монг. рукопись: ögüler-ün

³²² Монг. рукопись: urida

³²³ Монг. рукопись: kümün-ü

³²⁴ Монг. рукопись: čingliküi terigüten-dür

³²⁵ Монг. рукопись: qočıluyad

³²⁶ Монг. рукопись: tere kilinčasun

³²⁷ Монг. рукопись: yidam

³²⁸ Монг. рукопись: küčü-ber : edüge čimai-yi

³²⁹ Монг. рукопись: eligleküi kiged :

³³⁰ В монг. рукописи отсутствует.

³³¹ Монг. рукопись: ičigleküi

³³² Монг. рукопись: tere

³³³ Монг. рукопись: üiles-i

³³⁴ Монг. рукопись: yirtinčü-yin

tib-tur kürčü busud-i doromjilan qoçilaqui naiman *nom-ud*³³⁵ üiles bügüde-yi usadqaju : nigen üügür-tü sedkel-iyer : *ene*³³⁶ Dorji gçodba-yi nasuda *idam*³³⁷ *barin ungsıju*³³⁸ : *yabuysan-u qoyina*³³⁹ nasun *yegüd=keged*³⁴⁰ saça : yučin yurban *tengri-nerün*³⁴¹ oron-tur töröbei :

Bilig-ün činadu kişayar-a kürügsen Dorji gçodba-yin ači tusa-yi ögüleg-sen³⁴² sudur-ača nigen buçal-un qayilugsan şes *toşoyan-u*³⁴³ tamu-ača toniluşsan dötüger jüil *buyu*³⁴⁴ : ::

Basa tere çay-tur nigen süm-e keyid-ün dergede : nigen mergen nomči *ayay-a*³⁴⁵ tegimlig arban qoyar nasun-ača inaysida : Čayan lingqu-a-yin *nom-un*³⁴⁶ sudur-i *idam*³⁴⁷ barin *ung-sigči*³⁴⁸ bülüge : adqay seşig-tür masi qurča sedkel-tü *buyu*³⁴⁹ : busu *činadus*³⁵⁰ *ayay-a*³⁵¹ tegimlig-üd-i adqay seşig-iyer doroyituyulju : könügegči *buyu*³⁵² : *tendeče*³⁵³ *qoyina busu*³⁵⁴ nigen çay-tur naran *singeged*³⁵⁵ söni-yin çay-tur nigen kümün irejü *namayi*³⁵⁶ Erlig *qayan*³⁵⁷ jarlıy *bolju*³⁵⁸ *čimai-yi*³⁵⁹ abçu ire genem kemebe : *tegün-i qoyina*³⁶⁰ tere *ayay-a*³⁶¹ tegimlig masi busu kündü ebečin *bolju*³⁶² : nasun *yegüdkeju*³⁶³ *şirüken-i*³⁶⁴ *tus-tu*³⁶⁵ bülüyen-i ese *tarqa'ju*³⁶⁶ : doloyan qonoy kürtele kegür-i *ese*³⁶⁷ yadaysi ese yarıyaju bayın atala tere *ayay-a*³⁶⁸ tegemlig nigen keyid(-ün) dotor-a nigen öndör *dengču*³⁶⁹ dotor-a nom-un yosun-luy-a *teğülder*³⁷⁰ nigen *ayay-a*³⁷¹ tegimlig qoyar sanaya'-tu adqa'y seşig-tü yabudal yabuyçı

³³⁵ Монг. рукопись: nom-un

³³⁶ В монг. рукописи отсутствует.

³³⁷ Монг. рукопись: yidam

³³⁸ Монг. рукопись: barıju ungsin :

³³⁹ Монг. рукопись: yabuysan qoyin-a

³⁴⁰ Монг. рукопись: yegüdü'ged

³⁴¹ Монг. рукопись: tengri-yin

³⁴² Монг. рукопись: egülüşen (!)

³⁴³ Монг. рукопись: toş-a-u

³⁴⁴ Монг. рукопись: bolai

³⁴⁵ Монг. рукопись: ayay-q-a

³⁴⁶ В монг. рукописи отсутствует.

³⁴⁷ Монг. рукопись: yidam

³⁴⁸ Монг. рукопись: ungsıysan

³⁴⁹ Монг. рукопись: bülüge

³⁵⁰ Монг. рукопись: činadus-un

³⁵¹ Монг. рукопись: ayay-q-a

³⁵² Монг. рукопись: bülüge

³⁵³ Монг. рукопись: tegün-eče

³⁵⁴ Монг. рукопись: qoyin-a basa

³⁵⁵ Монг. рукопись: şinggeged

³⁵⁶ В монг. рукописи отсутствует.

³⁵⁷ Монг. рукопись: qayan-u

³⁵⁸ В монг. рукописи отсутствует.

³⁵⁹ Монг. рукопись: čimai

³⁶⁰ Монг. рукопись: tegün-ü qoyin-a

³⁶¹ Монг. рукопись: ayay-q-a

³⁶² Монг. рукопись: kürteju

³⁶³ Монг. рукопись: yegüdbei

³⁶⁴ Монг. рукопись: şirüken-ü

³⁶⁵ Монг. рукопись: tusdu

³⁶⁶ Монг. рукопись: tarqaysan-du

³⁶⁷ В монг. рукописи отсутствует.

³⁶⁸ Монг. рукопись: ayay-q-a

³⁶⁹ Монг. рукопись: dengči

³⁷⁰ Монг. рукопись: teğüldür

³⁷¹ Монг. рукопись: ayay-q-a

nigen³⁷² dergede : kimusutu ariy-a-tu masi qurča³⁷³ qumusutu³⁷⁴ ayuqu metü imayta olan bolju nigen nigen-iyen bey-e-teki miq-a-yi³⁷⁵ qayaçayul-un idejü : basa yasun bügüde-yi öber-e öber-e butaryuluyad : qarin kümün-i³⁷⁶ bey-e-tü bolyaju³⁷⁷ :: basa miq-a-yi möljijü yasun-i butaryuluyasan-i³⁷⁸ tere jam-tur ürgülji olan job[a]llang-iyar tesül ügei³⁷⁹ jobayad³⁸⁰ üje=jü : ad'qay sejiğ üiledügçi masida todan³⁸¹ ayuğu : tendeeçe tere mergen nomçi ayay-a³⁸² tegimlig (Erlig qayan emüne³⁸³ kürçü :) Erlig qayan-tu³⁸⁴ mörgüged : bi uridu jayayan-tur mayu üilesi³⁸⁵ üiledügsen-iyer Erlig qayan bolun töröbei : edüge mergen nomçi³⁸⁶ nadur doloğan-ta Dorji gçodba nom ungsi kemebe : tendeeçe tere mergen nom-çi ayay-a³⁸⁷ tegimlig Erlig-tür doloğan qonoğ-tu kürtele Dorji gçodba-yi idam³⁸⁸ bariju ungsibai : tere doloğan³⁸⁹ qonoğ ungsiysan-u buyan inu Erlig qayan tere mergen nomçi ayay-q-a tegimlig-tür çurban jayun kiyb-i³⁹⁰ buyan-tur ögbei³⁹¹ : tere mergen nomçi ayay-q-a tegimlig kümün-i³⁹² yirtençü-tür ireged : qarin sanayan-i oluyad : tede³⁹³ çurban jayun kiyb-üd³⁹⁴ abdaran-aça toy-a-bar³⁹⁵ bürin-e olbai : tendeeçe mergen nomçi ayay-q-a tegimlig : tere nigen töröl-tür [17a] ad'qay sejiğ-ün üilesi³⁹⁶ tebçiged : nigen üjügür-tü sedkel-iyer Dorji gçodba-yi ungsiju : nom-un törö-eçe bolugsan-u yosuyar dotorban oroyul-un³⁹⁷ üiledçü sam[a]jdi deyan-tur [=diyan-dur] orobai : tegün-eçe qoyina³⁹⁸ yeren tabun nasuluyad jun-u aday sarayin sinede vaçir-du jabilal-iyar jabil[a]ju ene çasalang-aça nöğçi=jü bögetele dörben on boltala : miq-a-[y]i³⁹⁹ öngge inu urbal ügei : üyes gisigün bügüde çučaral ügei amui :

Ene belig-ün çinadu kiçayar-a kürügsen-ü açi tusa-aça⁴⁰⁰ ad'qay sejiğ-tü ayay-q-a tegimlig ad'qay sejiğ-iyen tebçijü tamu-yin üiles-eçe toni=luysan tabtayar jüil buyu⁴⁰¹ :: ::

³⁷² Монг. рукопись: nigen-i

³⁷³ В монг. рукописи отсутствует.

³⁷⁴ Монг. рукопись: kimusu-tu

³⁷⁵ Монг. рукопись: miqan-i

³⁷⁶ Монг. рукопись: kümün

³⁷⁷ Монг. рукопись: bolyaju

³⁷⁸ Монг. рукопись: yasu-i butarayuluyad

³⁷⁹ Монг. рукопись: + olan

³⁸⁰ Монг. рукопись: jobaysad

³⁸¹ Монг. рукопись: jüden

³⁸² Монг. рукопись: nom-çi ayay-q-a

³⁸³ Монг. рукопись: qayan-u emün-e

³⁸⁴ Монг. рукопись: qayan

³⁸⁵ Монг. рукопись: üiles-i

³⁸⁶ Монг. рукопись: + ayay-q-a tegimlig-i

³⁸⁷ Монг. рукопись: ayay-q-a

³⁸⁸ Монг. рукопись: yidam

³⁸⁹ В монг. рукописи отсутствует.

³⁹⁰ Монг. рукопись: juyun (!) kkib-i

³⁹¹ Монг. рукопись: ergübei

³⁹² Монг. рукопись: kümün-ü

³⁹³ Монг. рукопись: tere

³⁹⁴ Монг. рукопись: kkib-üd-i

³⁹⁵ Монг. рукопись: toyo-bar

³⁹⁶ Монг. рукопись: üiles-i

³⁹⁷ Монг. рукопись: oroyulan

³⁹⁸ Монг. рукопись: tegünçe qoyin-a

³⁹⁹ Монг. рукопись: miq-a-u

⁴⁰⁰ Монг. рукопись: tusa-yin sudur-aça

⁴⁰¹ Монг. рукопись: bolai

Tendeče angqan-u *uridu*⁴⁰² nigen čay-tur qan *kümün-i*⁴⁰³ nigen tüsimel jasay-tur torču tere (tüsimel jasay-ača) ayuyad Dorji gčodba-yin *auy-a*⁴⁰⁴ küčün yeke-yin *tulada*⁴⁰⁵ : bi ene erigün-eče [=eregüü-eče] tonilbasu Dorji gčodba-yi mingyan *toy-a-tu*⁴⁰⁶ ungsisuyai kemen *ama abuba*⁴⁰⁷ : tere tüsimel-luy-a (!) mingyan *toy-a-tu*⁴⁰⁸ kümün jasay-tu torbai : tere tüsimed-iyen küjügün-deki ginji *bayu*⁴⁰⁹ uyaysan-i *qiyuraju*⁴¹⁰ öber-e öber-e yařar-tur unabai : teyimü yeke küčün-i üjeřü : *yar'yači-nar*⁴¹¹ qa'=yan-tur *öčibei*⁴¹² : qařan masi yařiqamsiy sedkil-tü bolju : tere *tüsimed-i*⁴¹³ erigün-eče [=eregüü-eče] tonilbai : tendeče *kümün-i*⁴¹⁴ yirtenčü-yin kümün ene Dorji gčodba-yi yekede itegeřü besireged : nigen üjügür-tü sedkil-iyer bečiküi ba : ungsiqui ba : bečigüljü *ungsiyulqui*⁴¹⁵ ba : *besirei*⁴¹⁶ sedkil-iyer *egüskebesü*⁴¹⁷ : ene ba qoyitu *töröldü*⁴¹⁸ ülü medekü qamuy *üiles medekü*⁴¹⁹ boluyu : qamuy erigün-eče [=eregüü-eče] tere tüsimed tonilqui metü *tede*⁴²⁰ olan amitan tonilqu bolbai :

Ene bilig-ün činadu kiřayar-a *kürügsen*⁴²¹ ači tusa-yi ögüle[g]sen sudur-ača tüsimel qan *kümün-i*⁴²² jasay-ača toniluřan jiryuduyar jüil *buyu*⁴²³ :: : ::

Tendeče basa busu nigen yařar-tur nigen emegen kümün miq-a araki kiged : *sarimsay*⁴²⁴ *s[fo]ngiyän*⁴²⁵ terigü=ten-i ülü iden : burqan-i jasay-yi kičiyen sakigči nigen emegen bülüge : tere emegen Dorji gčodba-yi *idam*⁴²⁶ bariřu nasun ürgüljide ungsiřu : tere ungsiqui čay-tur aman-ban bulquyad yař-iyän masida ariřun-a *ugiyan čü*⁴²⁷ *beyeben*⁴²⁸ eldeb küjis-iyer sürčijü : ariřun yařar-tur sařuřu : Dorji gčodba ungsiřsan-u küčün-iyer *eneg-de*⁴²⁹ quriyan üiledküi yirtenčü-eče nasun-tur kürčü yegüd(ke)bei : tere emegen-i kegür yasun-i a'nu orčün jařun ber-e-tür kürtele küji kiged : candan *kiged*⁴³⁰ : *tngri-yin*⁴³¹ *sayin amtatu ünür eldeb sayin ünüd-i*⁴³² butaran bügüde-dü *ünüsdebei*⁴³³ : tere emegen Abida *burqan-i*⁴³⁴

⁴⁰² Монг. рукопись: urida

⁴⁰³ Монг. рукопись: kümün

⁴⁰⁴ Монг. рукопись: au-a

⁴⁰⁵ Монг. рукопись: tula

⁴⁰⁶ Монг. рукопись: toyo-tu

⁴⁰⁷ Монг. рукопись: aman abubai

⁴⁰⁸ Монг. рукопись: toyo-tu

⁴⁰⁹ Монг. рукопись: bayun

⁴¹⁰ Монг. рукопись: qiyaraju

⁴¹¹ Монг. рукопись: jirayuči-nar

⁴¹² Монг. рукопись: öčubei

⁴¹³ Монг. рукопись: tüsimed

⁴¹⁴ Монг. рукопись: kümün-ü

⁴¹⁵ Монг. рукопись: ungsiqu

⁴¹⁶ Монг. рукопись: bisireltü

⁴¹⁷ Монг. рукопись: egüskebei

⁴¹⁸ Монг. рукопись: töröl-tür

⁴¹⁹ Монг. рукопись: üiles-i medekü

⁴²⁰ Монг. рукопись: tere

⁴²¹ Монг. рукопись: kürüysen-ü

⁴²² Монг. рукопись: kümün-ü

⁴²³ Монг. рукопись: bolai

⁴²⁴ Монг. рукопись: sarimsuy

⁴²⁵ Монг. рукопись: songginu

⁴²⁶ Монг. рукопись: yidam

⁴²⁷ Монг. рукопись: ugiyaju

⁴²⁸ Монг. рукопись: bey-e-ben

⁴²⁹ Монг. рукопись: ende

⁴³⁰ Монг. рукопись: ba

⁴³¹ Монг. рукопись: tengri-yin

⁴³² Монг. рукопись: eldeb sayin amtatu ünüd

⁴³³ Монг. рукопись: ünüsdübei

⁴³⁴ Монг. рукопись: burqan-u

yaĵar-a Su'kavadi-tur lingqu-a čečeg-dür qubilun töröjü⁴³⁵ : burqan-u yaĵar⁴³⁶ ilete böged⁴³⁷ üjebei :

Ene bilig-ün činadu kiĵayar-a kürügsen-ü [17b] ači *tusa-ıyan*⁴³⁸ sudur-ača emegen *beyeben*⁴³⁹ küjis-ıyer sür=čiged ariyun-a üiledčü : nigen üjügür-dü sedkel-ıyer Dorĵi gčodba-yi ungsıgsan-u küčün-ıyer Su'kavadi-yin yaĵar-a töröl oluısan doloduyar jüil *buyu*⁴⁴⁰ :: : ::

*Tende*⁴⁴¹ basa busu⁴⁴² yaĵar-tur alaqu nidulqu üiles-tür : bayasuyči nigen kümün aĵıyu : tere kümün yambar ba kilinčas-ıyan *arıyaquı-tur*⁴⁴³ : Dorĵi gčodba-yin nom-un *ay-a*⁴⁴⁴ küčün inu yeke aĵıyu kemen sonosuyad *te'de*⁴⁴⁵ kilinčas-ıyan arıyaqu-yin tulada : nigen Dorĵi gčodba bečıbei : tere kümün *ende-eče*⁴⁴⁶ nasun *yegüdkeged*⁴⁴⁷ : Erlig qayan-u *emüne*⁴⁴⁸ kürügsen čay-tur : olan *amitan-i amin tasuluısan-i*⁴⁴⁹ ači ür-e *buyan-i*⁴⁵⁰ čıyulıyan-tur qoor *qomsa*⁴⁵¹ (ese) bolĵu Erlig qayan tere kümün-eče asay[u]bai : či kümün-ü yırtənčü-tür *kümün-i*⁴⁵² *töröl-i*⁴⁵³ olĵu *buyan*⁴⁵⁴ čıyulıyan kedüi činegen bui kemen asay[u]bai : tere kümün *ayıju*⁴⁵⁵ jüdejü *amisqun*⁴⁵⁶ yadaĵu qariyu ögülen ese čıdabai : Erlig qayan basa *ögüle'-rün*⁴⁵⁷ : či *amin nasun yegüdkejü*⁴⁵⁸ ende iregsen-i⁴⁵⁹ : üliгерlebesü nigen kümün yeke dalai-tur olan erdeni-dü *qoi-tur*⁴⁶⁰ kürčü : qarın yar qoyosun ger-degen *ireısen-tür*⁴⁶¹ adali buyu : edüge činu yabuqu yaĵar inu sibar nüke qada kiged *modun ebesün*⁴⁶² terıgüten qubilĵu : qoyar ir'tü *ıldü*⁴⁶³ yaĵča ir'tü ıldüs *ba*⁴⁶⁴ : *usun*⁴⁶⁵ [=üsün] kituy-a ba : eldeb qurča *meses-ıyen*⁴⁶⁶ dotor-a yabumui či : *tegün-i*⁴⁶⁷ dotor-a *čini*⁴⁶⁸ amabar olan amitan-i miq-a *ıdeısen-i*⁴⁶⁹ (öri) *tölügen-i*⁴⁷⁰ abuyči basa bui : kemen *jarlıy (qayan)*⁴⁷¹

⁴³⁵ Монг. рукопись: töröbei

⁴³⁶ Монг. рукопись: yaĵar-i

⁴³⁷ Монг. рукопись: böğöd

⁴³⁸ Монг. рукопись: tusayın

⁴³⁹ Монг. рукопись: bey-e-ben

⁴⁴⁰ Монг. рукопись: bolai

⁴⁴¹ Монг. рукопись: tendече

⁴⁴² Монг. рукопись: + nigen

⁴⁴³ Монг. рукопись: arıyaqu-yin tulada

⁴⁴⁴ Монг. рукопись: au-a

⁴⁴⁵ Монг. рукопись: tere

⁴⁴⁶ В монг. рукописи отсутствует/

⁴⁴⁷ Монг. рукопись: yegüdeged

⁴⁴⁸ Монг. рукопись: emün-e

⁴⁴⁹ Монг. рукопись: amitan-u ami tasuluısan-u

⁴⁵⁰ Монг. рукопись: buyan-u

⁴⁵¹ Монг. рукопись: qomsu

⁴⁵² Монг. рукопись: kümün-ü

⁴⁵³ Монг. рукопись: töröl

⁴⁵⁴ Монг. рукопись: buyan-u

⁴⁵⁵ Монг. рукопись: ayun

⁴⁵⁶ Монг. рукопись: amisqa

⁴⁵⁷ Монг. рукопись: ögüler-ün

⁴⁵⁸ Монг. рукопись: ami nasun-ıyan yegüdkeged

⁴⁵⁹ Монг. рукопись: + činu

⁴⁶⁰ Монг. рукопись: qoyıy-tur

⁴⁶¹ Монг. рукопись: irıgsen-dür

⁴⁶² Монг. рукопись: modu ebü'sün

⁴⁶³ Монг. рукопись: ıldün ba :

⁴⁶⁴ В монг. рукописи отсутствует.

⁴⁶⁵ Монг. рукопись: üsün

⁴⁶⁶ Монг. рукопись: meses-ün

⁴⁶⁷ Монг. рукопись: tegün-ü

⁴⁶⁸ Монг. рукопись: činu

⁴⁶⁹ Монг. рукопись: idegsen-ü

⁴⁷⁰ Монг. рукопись: tölügesün-i

⁴⁷¹ Монг. рукопись: Erlig qayan Jarlıy

bolba : tendeeçe olan yar'yaçin tere kümün-i köteljü ire' kemebe : tendeeçe kötoljü ireysen-tür jiryuyan temür qayalyan buyu⁴⁷² : kötol'jü eng terigün qayalyan-tur orobasu : gegen genel-dü buyu : qoyaduyar qayalyan-tur temür çuyuryan-tur çiyuryalamui⁴⁷³ : yutayar⁴⁷⁴ qayalyan uridaki-aça⁴⁷⁵ masi qar[a]ngyui tamu-yin yirtençü-deki nigen kümün irejü : beyen-eçe türçigenejü yeke dayun-i dayuris=qayad : deledbesü tere kümün-ü bey-e üçüken bolyan⁴⁷⁶ butarayu=luysan(-u) qoyina⁴⁷⁷ qarın tere kümün elige⁴⁷⁸ uruyu kebtëjü alay-a-ban qamtudqaju enerijü⁴⁷⁹ masida yasiyudan uyilayad namai örösiyen üjen ibegedkün⁴⁸⁰ namai küliyesün-eçe suldaqaytun kemen jalbaribai : tamu-yin yirtençü-deki yar'yaçin bügüdeger (!) ögülerün⁴⁸¹ : kümün⁴⁸² yirtençü-yin amitan buyan kilinča ba : arı-a qayur'may ba : yayun üiledügsen-ü ene tamu-yin yirtençü-tür : sir-a⁴⁸³ üsün-ü tedüi çinegen qoor qomsa⁴⁸⁴ ülü boluyu : çı öber-e-iyen⁴⁸⁵ üiledügsen nigül bui y-a : çı uyilaba yayun-i⁴⁸⁶ tusa kemen ögülebe : kemen ögüle[g]sen-ü qoyina⁴⁸⁷ Ariy-a-balu⁴⁸⁸ bodistv eldeb lagsin-iyar [18a] çimejü : egülen dotor-a oytaryui-aça⁴⁸⁹ bayun irejü : tamu-daki yaryaçin-tur⁴⁹⁰ eyin kemen Jarliq bolbai⁴⁹¹ : arban naiman tamuyin⁴⁹² oron(-taki) amitan bügüde-dü⁴⁹³ kümün-ü yirtençü-dür dededü Dorji gçodba-yi ken beçiyen bögesü : inaysı qaray'tun kemen ögü=legea⁴⁹⁴ saça : naiman tümen amitan-i tamu-yin job[a]lang-aça toni=lyaju yaryabai :: tendeeçe uridu tere kümün barayun ebüdüg-iyer⁴⁹⁵ sögödü : bi kümün-ü yirtençü-tür aqui-tur⁴⁹⁶ : bılıg-ün⁴⁹⁷ kişayar-a kürtüsen-i nigen Dorji gçodba beçibe kemen öçe'=be⁴⁹⁸ : tendeeçe tamu-yin yarya'çin-nar⁴⁹⁹ ene üge sonosçu : tere kümün-i köteljü : Erlig qayan-u emüne⁵⁰⁰ od'bai : ene kümün-ü yirtençü-tür nigen Dorji gçodba-yi beçibe bi kemen öçibe : tendeeçe Erlig qayan altan qayırçay-un amsar⁵⁰¹ negejü üje'=bei : üjeysen-tür tere kümün Dorji gçodba-yi öber-ün nere-luy-a (!) qamtu biçigsen-i altan qayırçay-aça yarbai : Erlig qayan asay[u]bai : çı nadur yayun-tur ese ögülebe : bi ber çinu buyan-u çiyulyan bui bögetele : tamu-tu il[e]gegsen-i küliçen⁵⁰² soyur'q-a : nadur kilinča buu⁵⁰³ [=büü] boltuyai :

472 Монг. рукопись: qayaly-a bui ajıy

473 Монг. рукопись: çiyuryan-tur çiyuryulamui

474 Монг. рукопись: yutayar

475 Монг. рукопись: uriduki-aça

476 Монг. рукопись: bolan

477 Монг. рукопись: qoyin-a

478 Монг. рукопись: elege

479 Монг. рукопись: enü'ren

480 Монг. рукопись: ibegeytün

481 Монг. рукопись: ögüler-ün

482 Монг. рукопись: kümün-ü

483 Монг. рукопись: šira

484 Монг. рукопись: qor qomsu

485 Монг. рукопись: öber-iyen

486 Монг. рукопись: uyilabaçu yayun-u

487 Монг. рукопись: qoyin-a

488 Монг. рукопись: + neretü

489 Монг. рукопись: oytoryui-aça

490 Монг. рукопись: yiryān-dur (!)

491 Монг. рукопись: bolai

492 Монг. рукопись: tamu-yin

493 Монг. рукопись: bügüdedü

494 Монг. рукопись: ögülüged

495 Монг. рукопись: ebüdeg-iyer

496 Монг. рукопись: aqui-dayan

497 Монг. рукопись: + çinadu

498 Монг. рукопись: öçüysen-dür (!)

499 Монг. рукопись: yiryāçin-nar

500 Монг. рукопись: emün-e

501 Монг. рукопись: amasar

502 Монг. рукопись: tamu ilegiysen-i küleçen

503 Монг. рукопись: büü

kemen namančilaju : nigen dengji *dotor-a-ki*⁵⁰⁴ altan tabčing *degere*⁵⁰⁵ tere kümün-i uriju sayulyayad : *alaya-ban*⁵⁰⁶ qamtudqaju tere *kümün-tür*⁵⁰⁷ Dorji gčodba-yi nomlan soyur'q-a : kemen öčiged činglejü : *tegün-i buyan-i*⁵⁰⁸ *küčü-ber*⁵⁰⁹ naiman tümen amitan bügüde tamu-yin job[a]lang-ača toniluyad : *örüne*⁵¹⁰ жүг-үн Su'kavadi-yin oron-tur törökü boluyu : tendeče Erlig qayan oroi(-tur)-iyan *alayaban*⁵¹¹ qamtudqaju tere kümün-ber kümün-ü yirtenčü-tür ireküi čay-tur : qonin ba : yaqai *ba*⁵¹² : jiyasun *ba*⁵¹³ : buyu ba : *yuryuyul*⁵¹⁴ *ba*⁵¹⁵ : tulai *ba*⁵¹⁶ : *jiruman*⁵¹⁷ *ba*⁵¹⁸ : *balčuūqai*⁵¹⁹ *ba*⁵²⁰ : čigetei *ba*⁵²¹ : quluyun-a *ba*⁵²² : terigüten Erlig *qa'=-yan-du*⁵²³ eyin kemen öčibe : ene *kümün bida[n]-i*⁵²⁴ olan amita[n]-i amin-i tasulju *miq-a-i ideysen čisuni ayuysan-u*⁵²⁵ öri tölüge bui kemen öčibe : Erlig qayan tere amitan bügüdeger-tür eyin kemen jarliy bolurun : ene kümün yeke *kesig-luy-a* (!) *teğülder*⁵²⁶ boluysan-u *tulada*⁵²⁷ : *belig-ün činadu kijayar-a kürgesen nigen Dorji gčodba-yi bečigisen bui* : ta bügüdeger ene kümün-i *könügen*⁵²⁸ buu [= büü] eretülüyütin : *ker-be könügebesü*⁵²⁹ ta *bügüdeger*⁵³⁰ yurban mayu jayayan-tur unažu tonilqu čay ügei buyu : tede amitan bügü=de ülü itegen : bida ene kümün-i *il[e]gekü bisi kemen öčiged* : tere *kümün-i*⁵³¹ *dayaju yabuq'ui-dur* : Erlig qayan nigen *činglegür-dü*⁵³² nigen üjügür-tü Dorji *gčodba*⁵³³ ačiju : nigen üjügür-dü *tede*⁵³⁴ olan amitan-i ačiju : kündü könggen-i *teng*⁵³⁵ *boluy-a kemebe*⁵³⁶ : ačigsan-tur kündü könggen ese *tengčeju*⁵³⁷ : Dorji gčodba kündü boluyad : *tede*⁵³⁸ olan amitan *könggen bolbai*⁵³⁹ : könggen boluy=san-i *tede*⁵⁴⁰ amitan yayiqamsiy

⁵⁰⁴ Монг. рукопись: dotorki

⁵⁰⁵ Монг. рукопись: degere

⁵⁰⁶ Монг. рукопись: alay-a-ban

⁵⁰⁷ Монг. рукопись: kümün-ü

⁵⁰⁸ Монг. рукопись: tegün-ü buyan-u

⁵⁰⁹ Монг. рукопись: küčüber

⁵¹⁰ Монг. рукопись: ögün-e

⁵¹¹ Монг. рукопись: alay-a-ban

⁵¹² В монг. рукописи отсутствует.

⁵¹³ В монг. рукописи отсутствует.

⁵¹⁴ Монг. рукопись: yuryuyul

⁵¹⁵ В монг. рукописи отсутствует.

⁵¹⁶ В монг. рукописи отсутствует.

⁵¹⁷ Монг. рукопись: jiruma

⁵¹⁸ В монг. рукописи отсутствует.

⁵¹⁹ Монг. рукопись: bilčuqai

⁵²⁰ В монг. рукописи отсутствует.

⁵²¹ В монг. рукописи отсутствует.

⁵²² В монг. рукописи отсутствует.

⁵²³ Монг. рукопись: qayan-a

⁵²⁴ Монг. рукопись: kümün-i bida

⁵²⁵ Монг. рукопись: miqan-i idejü : čisu[n]-i ayuysan-i

⁵²⁶ Монг. рукопись: teğüldür

⁵²⁷ Монг. рукопись: tula

⁵²⁸ Монг. рукопись: könügün

⁵²⁹ Монг. рукопись: kerbe könegebesü

⁵³⁰ Монг. рукопись: bügüdeger-i

⁵³¹ В монг. рукописи отсутствует.

⁵³² Монг. рукопись: čingligür-ün

⁵³³ Монг. рукопись: čodba-yi

⁵³⁴ Монг. рукопись: tere

⁵³⁵ В монг. рукописи отсутствует.

⁵³⁶ Монг. рукопись: boluyuy-a kemen

⁵³⁷ Монг. рукопись: tengčeju

⁵³⁸ Монг. рукопись: tere

⁵³⁹ В монг. рукописи отсутствует.

⁵⁴⁰ Монг. рукопись: tere

*bisirel-tü*⁵⁴¹ boluyad : tere degedü [18b] nom-i itegegsen-eče tere kümün-i *emüne*⁵⁴² *ilege*⁵⁴³ *oroqu*⁵⁴⁴ kebte'=jü : *mandur*⁵⁴⁵ olan amitan-i küličen tonilyan soyur'q-a : kemeqsen-tür : *tede*⁵⁴⁶ amitan bögüde nasun *yegüdkе-ged*⁵⁴⁷ sača yučin yurban *tengri-yin yajar*⁵⁴⁸ töröl-i olbai :: tende-eče Erlig qayan tere kümün-i yirtендү-tür il[e]gebei : tamu-yin *yirtендү*⁵⁴⁹ *qayaly-a-ača*⁵⁵⁰ činadus-tu yarqui čay-tur : kümün-ü yirtендү-tür : nigen⁵⁵¹ *kümün-i*⁵⁵² küjü'-gün-tegen (!) temür ginji-ber *ginjilejü*⁵⁵³ yadan-a köteljü yabuqui-yi üjebei : tere qayan ögüler-ün : namai tanibuu kemen asay[u]bai : tere kümün bi taniba kemebe : či man[a]i kümün-ü yirtендү-tür *kümün-i*⁵⁵⁴ qayan bülüge : ende yayun-du irebe kemen *öčibe*⁵⁵⁵ : qayan tere kümün-dü ögülebei : bi *kümün*⁵⁵⁶ yirtендү-tür sedkel-iyen endegürejü *nom-i*⁵⁵⁷ qoyar sedkel(-i) bariyad : nom ünen busu buyu : (kemen) doromjilaysan-i namančilaju *böge=tele*⁵⁵⁸ kilinča minu ese ariluysan-u tulada buyu či kümün-ü yirtендү-tür kürbesü minu köbegün qan *oron*⁵⁵⁹ sayu=yсан tegün-tür kele : Dorji *gčodba*⁵⁶⁰ nom-i bičigüljü ungsigtun : *namai-yi*⁵⁶¹ ene *eregü*⁵⁶² job[a]lang-ača *qayačayul-un*⁵⁶³ tonilyaytun : kemen üge kelejü il[e]gebei : tere kümün-ber kümün-ü yirtендү-tür kürčü : qarin *edegeregsen-tür*⁵⁶⁴ qan *kümün-i*⁵⁶⁵ duradugsan-i sanayad : uruy *iligen*⁵⁶⁶ bögü=de-yin dayun-i sonosču : tere kümün ködölbei : tere kümün-i ködölüg-sen-tür : uruy *eligen*⁵⁶⁷ bögüde ayuyad dutayaju yadan-a yarbai : *tegün-i qoyina*⁵⁶⁸ tere kümün degegsi bosču : uruy *eligen*⁵⁶⁹ bögüdeger-tür ta nada-ača buu [= büü] dutayaytun : namayi Erlig qayan kümün-ü yirtендү-tür elči il[e]geysen *bui*⁵⁷⁰ : kemejü *dergede*⁵⁷¹ dayudabai : *te'de*⁵⁷² olan amitan ülü *itegede*⁵⁷³ : üküysen kümün bosbasu jig bosuysan-tur adali bui-y-a : *qayan-u oron-tur*⁵⁷⁴ sayuysan qayan-u köbegün-tür tere kümün *ögülerün*⁵⁷⁵ : ečege qayan činu nadur üge kelejü il[e]gebe : bi *kümün*⁵⁷⁶

⁵⁴¹ Монг. рукопись: bisireltü

⁵⁴² Монг. рукопись: emün-e

⁵⁴³ Монг. рукопись: elege

⁵⁴⁴ Монг. рукопись: türügü

⁵⁴⁵ Монг. рукопись: man-dur

⁵⁴⁶ Монг. рукопись: tere

⁵⁴⁷ Монг. рукопись: yegüdü'ged

⁵⁴⁸ Монг. рукопись: yajar-a

⁵⁴⁹ Монг. рукопись: yirtinčü-yin

⁵⁵⁰ Монг. рукопись: qayalyan-ača

⁵⁵¹ Монг. рукопись: + qan

⁵⁵² Монг. рукопись: kümün-ü

⁵⁵³ Монг. рукопись: ginjilen

⁵⁵⁴ Монг. рукопись: kümün-ü

⁵⁵⁵ Монг. рукопись: öčibesü

⁵⁵⁶ Монг. рукопись: kümün-ü

⁵⁵⁷ Монг. рукопись: nom-dur

⁵⁵⁸ Монг. рукопись: bögötele

⁵⁵⁹ Монг. рукопись: oron-a

⁵⁶⁰ Монг. рукопись: čodba-yin

⁵⁶¹ Монг. рукопись: namai

⁵⁶² Монг. рукопись: eregüü

⁵⁶³ Монг. рукопись: qayačayulun

⁵⁶⁴ Монг. рукопись: edegegsen-dür

⁵⁶⁵ Монг. рукопись: kümün-ü

⁵⁶⁶ Монг. рукопись: elegen

⁵⁶⁷ Монг. рукопись: elegen

⁵⁶⁸ Монг. рукопись: tegün-ü qoyin-a

⁵⁶⁹ Монг. рукопись: elegen

⁵⁷⁰ Монг. рукопись: bülüge

⁵⁷¹ Монг. рукопись: dergede-ben

⁵⁷² Монг. рукопись: tere

⁵⁷³ Монг. рукопись: iteged

⁵⁷⁴ Монг. рукопись: qan oron-a

⁵⁷⁵ Монг. рукопись: ögüler-ün

⁵⁷⁶ Монг. рукопись: kümün-ü

yirtenčü-tür sedkel-iyen endegürejü nom-i qoyar sanayad nom⁵⁷⁷ ünen busu buyu : kemen doromjilagsan-i medeged namančilaju bögetele⁵⁷⁸ ese arilba : tende⁵⁷⁹ namančilaqui-yin tula Dorji gčodba(-yin) nom-i bečijü ünen-e⁵⁸⁰ ungsiyad⁵⁸¹ namai ene job[a]lang-ača qayačayulugtun : kemebe tere qayan⁵⁸² köbegün ečege qayan-u üge⁵⁸³ sonosuyad : Dorji gčodba-yin nom-i jayun naiman⁵⁸⁴ bečiged : dolojan⁵⁸⁵ dolojan qonutala ungsibai : tere nom-un küčüber ečege qayan inu tamu-yin job[a]lang-ača tonilju burqan-u qutuy-[19a]-tur kürbe⁵⁸⁶ uridaki-ača tere basa olan nasu nasulju⁵⁸⁷ masida yeke⁵⁸⁸ jiry[a]lang-iyar jiryay'ad : ene yirtenčü-tür nigen üjügür-dü sedkel-iyer Dorji gčodba-yin nom-i örlege⁵⁸⁹ üdesi idam⁵⁹⁰ bariju ungsiysan-u küčüber endeeče nasun yegüdkege⁵⁹¹ : Su'kavadi-tur Abida burqan-u dergede lingqu-a čečeg<-ün>-eče qubilju töröbei :

Bilig-ün činadu kijayar-a kürügsen Dorji gčodba-yin ači tusa-yi ögüle[g]-sen sudur-ača alaqu nidulqu-yin tamu-ača tonilju Su'kavadi-yin yačar-dur töröggen naimaduyar jüil buyu⁵⁹² :: :: :

Basa busu nigen čay-tur : nigen ger-ün ežen ebečin-e⁵⁹³ kürteju : kedün-te namančilaju⁵⁹⁴ bögetele⁵⁹⁵ ebečin inu ese idegebei⁵⁹⁶ : tere ger-ün ežen-ü em-e inu masi ariyun nigen yačar-tur küji tülejü arban jüg-ün qamuy burqan bodi-saduva⁵⁹⁷-nar-tur besiren mörgüged jalbariju⁵⁹⁸ : minu ger-ün ežen-ü ene ebečin-i anayulqui⁵⁹⁹ nigen ary-a bui bögesü : nadur üjügülün⁶⁰⁰ soyurq-a kemebe : tedüi oytaryui-ača⁶⁰¹ Dorji gčodba nom-i ungsi kemen dayun yarbai : tendeeče tere⁶⁰² Dorji gčodba-yi qamuy jüg-tür eriju⁶⁰³ ese olbai : ger-ün yadn-a bügüde-yi ariyula[n] ačaraju⁶⁰⁴ : yačar-tur usun sačuju : ariyula[n] ende tende sikür ba : körüg ba⁶⁰⁵ : eldeb čimeg⁶⁰⁶ ba⁶⁰⁷ : anaysan (!)⁶⁰⁸ čečeg terigüten⁶⁰⁹ tngri-yin⁶¹⁰ eldeb titim

- ⁵⁷⁷ Монг. рукопись: nom-i
⁵⁷⁸ Монг. рукопись: bögötele
⁵⁷⁹ Монг. рукопись: tende-eče
⁵⁸⁰ Монг. рукопись: olan-ta
⁵⁸¹ Монг. рукопись: ungsiyatun
⁵⁸² Монг. рукопись: qayan-u
⁵⁸³ Монг. рукопись: üge-yi
⁵⁸⁴ Монг. рукопись: naiman-ta
⁵⁸⁵ Монг. рукопись: doloj-a
⁵⁸⁶ Монг. рукопись: kürbei
⁵⁸⁷ Монг. рукопись: nasulaju
⁵⁸⁸ В монг. рукописи отсутствует.
⁵⁸⁹ Монг. рукопись: örlüge
⁵⁹⁰ Монг. рукопись: yidam
⁵⁹¹ Монг. рукопись: yegüdüged
⁵⁹² Монг. рукопись: bolai
⁵⁹³ Монг. рукопись: ebečin
⁵⁹⁴ Монг. рукопись: emlejü
⁵⁹⁵ Монг. рукопись: bögötele
⁵⁹⁶ Монг. рукопись: edegebei
⁵⁹⁷ Монг. рукопись: bodi-sadu
⁵⁹⁸ Монг. рукопись: jalbiraju
⁵⁹⁹ Монг. рукопись: anayaqu-yin
⁶⁰⁰ Монг. рукопись: üjügülen
⁶⁰¹ Монг. рукопись: oytaryui-ača
⁶⁰² Монг. рукопись: + em-e
⁶⁰³ Монг. рукопись: erejü
⁶⁰⁴ Монг. рукопись: arčiju
⁶⁰⁵ Монг. рукопись: kiged
⁶⁰⁶ Монг. рукопись: čimeg-üd
⁶⁰⁷ В монг. рукописи отсутствует.
⁶⁰⁸ Монг. рукопись: uγuysan
⁶⁰⁹ Монг. рукопись: + ba
⁶¹⁰ Монг. рукопись: tengri-yin

kiged küjis sitayaqui saba ba : agaru terigüten eldeb sayin *amtatu*⁶¹¹ ünüd-iyer sitayaçu : *tende-eče*⁶¹² tedeger *oyтарыи-ача*⁶¹³ dayun yarugsan metü *üküküi-yin*⁶¹⁴ siltayan kürügsen çay-tur ene sonosuy=san *idam*⁶¹⁵ Dorji gčodba-yin *sono(su)gsan*⁶¹⁶ minu yar-tur *idam*⁶¹⁷ nom *ödter*⁶¹⁸ böged irekü boltuyai : *kemeged irü=ger irügebei*⁶¹⁹ : darui deger-e nom-un yosun-luy-a *tegülder*⁶²⁰ nigen quvaray yar-tayan nigen debter nom-i bariju : bi ene ger-ün *ejen-i*⁶²¹ ebečin-eče tonilyaqui-yin *tulada*⁶²² : ene *idam*⁶²³ nom-i jalaju irebei bi kemebe : tere ger-ün *ejen tere idam*⁶²⁴ nom-i yar-tayan abuyad : tere quvaray-tur mörgüjü namančilaqui-yin *jayura*⁶²⁵ tere quvaray qubal=ju ügei bolbai : basa tere ger-ün *ejen doloğan qonu=tala Dorji gčodba nom-i idam*⁶²⁶ bariju ungsiyad saça tere ger-ün *ejen-i kündü ebečin-eče tonilbar*⁶²⁷ : urida=ki-aça auy-a küčün ba öngge çirai *ba*⁶²⁸ : mayu ese bolju : qarın masi *sayin*⁶²⁹ bolbai : tendegče tere ger-ün *ejen ene idam*⁶³⁰ nom-i qarın yekede *besirel sedkel*⁶³¹ egüskebei : olan kümün bügüdeger qamuy job[a]lang-aça tonilbai : *qan*⁶³² *qaruçus*⁶³³ bügüde(ge)r yekede itegen besirebei :

Ene belig-ün činadu *kıjayar-a kürügsen Dorji gčodba-yin ači tusa-yin [19b] sudur-aça ger-ün ejen*⁶³⁴ *kündü yekē*⁶³⁵ ebečin-e kürteged : *ükü=küi çay oyir-a kürügsen-i*⁶³⁶ jobalang-aça tonilyaçu : *qan*⁶³⁷ ba *qaruçus*⁶³⁸ bügüdeger besiren nom-tur oroyсан *yösüdüger jüil buyu*⁶³⁹ :: : :

Basa busu nigen çay-tur öber *jayur-a-bar*⁶⁴⁰ *ebder[e]lčeju*⁶⁴¹ olan kümün nigen nigen-iyen alalçaqu çay-tur Dorji gčodba nom-i ungsin çidayçi nigen kümün alaqui-aça ayuju : qotan degere-eče degülün dutayay-a *gegsen-tür*⁶⁴² : *yađn-a*⁶⁴³ nigen kümün yar-tayan qoyar ir'tü ildü bariju alan *jabduju*⁶⁴⁴ bayıgsan-i üjeju : tere kümün basa busu nigen çayar-aça

⁶¹¹ В монг. рукописи отсутствует.

⁶¹² В монг. рукописи отсутствует.

⁶¹³ Монг. рукопись: *oyтарыи-ача*

⁶¹⁴ Монг. рукопись: *üküküi*

⁶¹⁵ Монг. рукопись: *yidam*

⁶¹⁶ В монг. рукописи отсутствует.

⁶¹⁷ Монг. рукопись: *yidam*

⁶¹⁸ Монг. рукопись: *ödter*

⁶¹⁹ Монг. рукопись: *kemen irügel talbibai : talbiysan-u*

⁶²⁰ Монг. рукопись: *tegüldür*

⁶²¹ Монг. рукопись: *ejen-ü*

⁶²² Монг. рукопись: *tula*

⁶²³ Монг. рукопись: *yidam*

⁶²⁴ Монг. рукопись: *yidam*

⁶²⁵ Монг. рукопись: *jayur-a*

⁶²⁶ Монг. рукопись: *yidam*

⁶²⁷ Монг. рукопись: *tonilyabai*

⁶²⁸ Монг. рукопись: *anu*

⁶²⁹ Монг. рукопись: *sayıqan*

⁶³⁰ Монг. рукопись: *yidam*

⁶³¹ Монг. рукопись: *sedkil-i*

⁶³² Монг. рукопись: *qayan ba*

⁶³³ Монг. рукопись: *qaruçus*

⁶³⁴ Монг. рукопись: *ejen-ü*

⁶³⁵ В монг. рукописи отсутствует.

⁶³⁶ Монг. рукопись: *kürüysen-ü*

⁶³⁷ Монг. рукопись: *qayan*

⁶³⁸ Монг. рукопись: *qaruças*

⁶³⁹ Монг. рукопись: *bolai*

⁶⁴⁰ Монг. рукопись: *jayura-ban*

⁶⁴¹ Монг. рукопись: *ebdereldüjü*

⁶⁴² Монг. рукопись: *kemegsen-dür*

⁶⁴³ Монг. рукопись: *yađan-a*

⁶⁴⁴ Монг. рукопись: *jabdaju*

degüliysen-tür köser-e unal ügei buyan-i sakiyçi nigen tengri möred-eçe⁶⁴⁵ bariju köser-e unayal ügei amidu-bar talbiju⁶⁴⁶ dayurisbai : tere kümün-i⁶⁴⁷ beyen-tür⁶⁴⁸ kejiy-e-ber bögesü ingri⁶⁴⁹ sayin amtatu ünür qayaçal ügei yabubai :

Ene belig-ün çinadu kiñayar-a kürüysen Dorji gçodba-yin açi tusa-yin sudur-aça çinadus-un⁶⁵⁰ çereg-ün çiyulyan-aça nigen kümün-i⁶⁵¹ amin-i nidulqui-yi buyan-i sakiyçi tengri-yin ibe=gegsen arbaduyar jüil buyu⁶⁵² :: ::

Basa busu nigen yañar-tur⁶⁵³ : ger-ün ejen-i⁶⁵⁴ köbegün mergen-e⁶⁵⁵ qarbuyçi nigen ajiyu : tere köbegün görögösün⁶⁵⁶ ba : sibayun terigüten-i olan amitan-i alaju bögötele⁶⁵⁷ : tere köbegün Dorji gçodba : nom-i nasun ürgüljide ungsiysan ajiyu : tere köbegün Dorji gçodba nom-i jalayu nasutai bögetele amiban mayujiran üküdkeju nigen köl-ün ilçi⁶⁵⁸ ese tar-qay'san-tur⁶⁵⁹ : doloyan qonoy kür=tele yasun-i yadaysi ese yaryan bayibai : tendeçe qarın edegeju : uruy eligen⁶⁶⁰ bügüde-tü Erlig qayan-u yirtençü-teki üge ögülebei :: namai Erlig qayan-u yar'yaçın abçu : Erlig qayan-u emüne⁶⁶¹ kürügsen-dü : nadur eyin kemen jarliy bolbai : köbegün çı ması yayıqamsiy-tu kümün-ü⁶⁶² töröl-i olugsan çay-tur buyan-i⁶⁶³ üile kedüi çinegen üiledbe kemen jarliy bolba : köbegün bi Dorji gçodba kemekü nom-i nasuda ungsiju yabubai kemen öçibe⁶⁶⁴ : tendeçe Erlig qayan jarliy bolurun : ene buyan-u çiyulyan çinu qamiy-a bögesü : egün-tür⁶⁶⁵ adalı ügei : Erlig qayan-u yirtençü-tür Dorji gçodba-yin nom-aça ilegüü ayu-a⁶⁶⁶ kücün ügei : buyu kemen jarliy bolurun⁶⁶⁷ : köbegün nasun çinu baraydaju bülüge : teyin ber bögesü çı olan amitan-i job[a]llang-aça tonilyayulugçi⁶⁶⁸ : burqan-u nom Dorji gçodba-yi bütügeysen-ü tula tegün⁶⁶⁹ erdem-iyer çimai⁶⁷⁰ qarın kümün-i⁶⁷¹ yirtençü-tür il[e]gey-e keme'=be :: çı üjeju besireküi-yin tulada⁶⁷² tamu-taki qamuy amitan-i job[a]llang-yi yambarçılan bui bögesü : üjeju yabuytun kemen jarliy bolbai : ene yirtençü-ber jaliy⁶⁷³ qubilyan-tur adalı⁶⁷⁴ üjeju keseju⁶⁷⁵ irebe bi : tendeçe Erlig qayan

⁶⁴⁵ Монг. рукопись: mören-eçe

⁶⁴⁶ Монг. рукопись: + kemen

⁶⁴⁷ Монг. рукопись: kümün-ü

⁶⁴⁸ Монг. рукопись: bey-e-dür

⁶⁴⁹ Монг. рукопись: tengri-yin

⁶⁵⁰ Монг. рукопись: çinadusun

⁶⁵¹ Монг. рукопись: kümün-ü

⁶⁵² Монг. рукопись: bolai

⁶⁵³ Монг. рукопись: çay-tur

⁶⁵⁴ Монг. рукопись: ejen-ü

⁶⁵⁵ Монг. рукопись: mergen

⁶⁵⁶ Монг. рукопись: görögösün

⁶⁵⁷ Монг. рукопись: bögetele

⁶⁵⁸ Монг. рукопись: elçi

⁶⁵⁹ Монг. рукопись: dayaraysan-dur

⁶⁶⁰ Монг. рукопись: ilegen

⁶⁶¹ Монг. рукопись: emün-e

⁶⁶² Монг. рукопись: kümün-i

⁶⁶³ Монг. рукопись: buyan-u

⁶⁶⁴ Монг. рукопись: öçübesü (!)

⁶⁶⁵ Монг. рукопись: egündür

⁶⁶⁶ Монг. рукопись: aru-a (!)

⁶⁶⁷ Монг. рукопись: bolba

⁶⁶⁸ Монг. рукопись: tonilyuyçi

⁶⁶⁹ Монг. рукопись: tegün-ü

⁶⁷⁰ Монг. рукопись: çimai-yi

⁶⁷¹ Монг. рукопись: kümün-ü

⁶⁷² Монг. рукопись: tula

⁶⁷³ Монг. рукопись: jali

⁶⁷⁴ Монг. рукопись: adalı-yi

⁶⁷⁵ Монг. рукопись: kestüju

nadur eyin kemen jarliq bolba : qamuy *kilinča-[20a]-tu-yin*⁶⁷⁶ dotor-a *Erlig qayan*⁶⁷⁷ *namayı odču*⁶⁷⁸ yabuju üje' kemebe bi üjebesü temür *delkei degere*⁶⁷⁹ *badarangyui*⁶⁸⁰ yal sitaju *tegüni*⁶⁸¹ degere amitan nişged-ün *beyen-tür*⁶⁸² *jayuyad jayuyad*⁶⁸³ temür *qadaşasu*⁶⁸⁴ tere temür *delkei degere*⁶⁸⁵ qadaşu : aman-tur qayılıysan *siremün*⁶⁸⁶ çidquysan-i üjebei : Erlig qa'=yan jarliq *bolurun*⁶⁸⁷ : köbegün *çimai*⁶⁸⁸ teyimü tamu-tur il[e]gekü beşe : çı yurban çay-un qamuy *burqad-un*⁶⁸⁹ eke belig(-ün) çinadu kişayar-a kürüysen-ü jüg rasiyan metü : ene *burqan-i*⁶⁹⁰ nom Dorji gçodba-[y]i ungsıysan-u *küçün-tür*⁶⁹¹ *edü'ge bi*⁶⁹² çimai-yi kümün-ü yirtençü-tür il[e]gebei : tendegeçe görögesün terigüten olan jüil *adayusun ba olan*⁶⁹³ sibayun bügüdeger tere : köbegün-tür qoor-tu sedkil egüşkeküi ügei qamuy nom-un dotor-a Erlig qayan-u aman-aça : ene Dorji gçodba-yin nom-un açi tusa ögüleküi sonosçu tede bügüde amitan masi bisirel *sedkil-i*⁶⁹⁴ egüşkeşü : qarın tere *köbegün-i*⁶⁹⁵ *qoyina-aça*⁶⁹⁶ *alayaban*⁶⁹⁷ qamtudqaju : *bisireküi*⁶⁹⁸ küçün-lüge barılduyulşu *küli=yesün(-eçe)*⁶⁹⁹ tonilşaju il[e]gebei : tendegeçe tere köbegün *kümün-i*⁷⁰⁰ yirtinçü-tür kürüged : Dorji gçodba nom-i *beçiküi*⁷⁰¹ ungsıqui-tür : masida bayasan küşeşü bögetele : tere köbegün ügei=rejü yayum-a olan yadaşu : *busu*⁷⁰² kümün-eçe yayum-a ed tavar *erin*⁷⁰³ abçu : şayun naiman Dorji gçodba beçijü : şayun [naiman] kümün-tü *tügişü*⁷⁰⁴ *ögçü*⁷⁰⁵ ene Dorji gçodba nom-i beçijü ungsıytun kemeşü : masi nom-un öglige bolşan ögbei : *qoyina*⁷⁰⁶ tere köbegün-ü amin nasun urtu boluyad : engke amuyulang-iyar bayasqul[a]ng-yi olbai : *qoyina*⁷⁰⁷ ende-eçe nasun *yegüdkeged*⁷⁰⁸ *örüne*⁷⁰⁹ jüg-ün Su'kavadi-yin şayar-tur töröbei :

Ene belig-ün çinadu kişayar-a kürüysen Dorji *gçodba*⁷¹⁰ açi tusa-yin sudur-aça köbegün kilinča-tu tamu-yin şob[a]llang-aça tonilşu Su'kavadi-yin şayar-tur töröl-i oluşsan arban nigedü'ger jüil *buyu*⁷¹¹ :: :: :

⁶⁷⁶ Монг. рукопись: kilinča-tan-i

⁶⁷⁷ В монг. рукописи отсутствует.

⁶⁷⁸ Монг. рукопись: namai nüden (!)

⁶⁷⁹ Монг. рукопись: delekiy deger-e

⁶⁸⁰ Монг. рукопись: badara[n]gyui-yin

⁶⁸¹ Монг. рукопись: tegün-ü

⁶⁸² Монг. рукопись: biy-e-dür

⁶⁸³ Монг. рукопись: Јауу Јауун

⁶⁸⁴ Монг. рукопись: qadaşasun

⁶⁸⁵ Монг. рукопись: delekiy deger-e

⁶⁸⁶ Монг. рукопись: şireme

⁶⁸⁷ Монг. рукопись: bolur-un

⁶⁸⁸ Монг. рукопись: çimai

⁶⁸⁹ Монг. рукопись: burqad

⁶⁹⁰ Монг. рукопись: buyan-i

⁶⁹¹ Монг. рукопись: küçün-iyer

⁶⁹² Монг. рукопись: bi edüge

⁶⁹³ В монг. рукописи отсутствует.

⁶⁹⁴ Монг. рукопись: sedkil

⁶⁹⁵ Монг. рукопись: köbegün-ü

⁶⁹⁶ Монг. рукопись: qoyin-a-aça

⁶⁹⁷ Монг. рукопись: alay-a-ban

⁶⁹⁸ Монг. рукопись: bişireküyin

⁶⁹⁹ Монг. рукопись: küleçen

⁷⁰⁰ Монг. рукопись: kümün-ü

⁷⁰¹ Монг. рукопись: biçijü

⁷⁰² Монг. рукопись: bui

⁷⁰³ Монг. рукопись: eren

⁷⁰⁴ Монг. рукопись: tügegeşü

⁷⁰⁵ Монг. рукопись: ögüged

⁷⁰⁶ Монг. рукопись: qoyin-a

⁷⁰⁷ Монг. рукопись: qoyin-a

⁷⁰⁸ Монг. рукопись: yegüdçü

⁷⁰⁹ Монг. рукопись: örün-e

⁷¹⁰ Монг. рукопись: çodba-yin

⁷¹¹ Монг. рукопись: bolai

*Tere*⁷¹² basa busu nigen çay-tur : nigen ger-ün *ejen-tür*⁷¹³ nigen ökin kümün bülüge : tere ökin-i *qadam-tur*⁷¹⁴ bayulyaju *öggüsen-ü*⁷¹⁵ *qoyina*⁷¹⁶ nigen *sara*⁷¹⁷ boluyad üküjü : *oytaryui-aça*⁷¹⁸ *gene[d]te*⁷¹⁹ bayuju eçege eke-tegen irebei : *tere*⁷²⁰ iregsen-tür uruy *eligen*⁷²¹ eçege eke anu : ökin çi yayun-u tulada irebei *çi*⁷²² kemen *asay[u]bai*⁷²³ : ökin eçege eke-tegen eyin kemen ögülebei : nadur busu kilinča ba [= ber] ügei : nisvanis-un kilinča ber ügei : *namayi*⁷²⁴ bayulya'qu-du qurimlagnan-du alaysan üker qonin-aça *busu* : *nadur*⁷²⁵ kilinča ügei : Erlig qayan-u yirtinčü-tür nisvanis-un job[a]lang yeke buyu : Erlig qayan-u yirtinčü-tür Dorji gčodba nom-i ali kümün bečijü : ungsi=gsan kümün-i Erlig qayan altan mönggün ba eldeb erdenis-iyer čimegsen *tabčang*⁷²⁶ deger-e sayulyaju : kilinča namančil[a]qui : [20b] buyan-u čiyulyan-i masi yekede üjügüljü : tede bügüde basa *masida*⁷²⁷ burqan-u *yañar*⁷²⁸ jokiyabai : tere ökin eçege eke qoyar-tur : nadur Dorji gčodba nom-i ungsiytun kemen *ögüleged*⁷²⁹ : ügei bolbai : *tendeče eçege eke qoyar ökin-i*⁷³⁰ tulada : *doloğan qonutala*⁷³¹ Dorji gčodba-yi ungsibai : tere *doloğan qonuysan-u söni eçege eke-yin jegüdü-tür*⁷³² irejü ögülebei bi : ene Dorji gčodba *nom-i*⁷³³ küčün-iyer tamu-yin job[a]lang-aça tonilju : qarın kümün erdeni-yin bey-e olbai kemen ögülebei : Ene belig-ün činadu kiñar-a kürügsen Dorji gčodba-yin ači tusa-yin sudur-aça ökin kümün tamu-yin ayul-aça tonilju : er-e *kümün*⁷³⁴ töröl-i oluysan arban qoyaduyar jül *buyu*⁷³⁵ :: ::

Basa busu Yau-a ner-e-tü yañar-a nigen ger-ün ejen-ü masi qurča *oyutu*⁷³⁶ nigen köbegün bülüge : eçege eke inu tere (köbegün-i) bečig *surqui-tür*⁷³⁷ il[e]gebei : tere *köbegün-i qoyina*⁷³⁸ nigen dayuli *köbegün*⁷³⁹ il[e]gebei : *uridu dayuluysan*⁷⁴⁰ köbegün-eče qoyitu dayaysan köbegün *urida*⁷⁴¹ biçiküi ba : *ungsiqui*⁷⁴² surbai : tere *köbegün-i*⁷⁴³ dededü bayı

⁷¹² В монг. рукописи отсутствует.

⁷¹³ В монг. рукописи отсутствует.

⁷¹⁴ Монг. рукопись: qadam-dur

⁷¹⁵ Монг. рукопись: egüsgen-ü (!)

⁷¹⁶ Монг. рукопись: qoyin-a

⁷¹⁷ Монг. рукопись: sar-a

⁷¹⁸ Монг. рукопись: oytoryui-aça

⁷¹⁹ В монг. рукописи отсутствует.

⁷²⁰ Монг. рукопись: tegün-i

⁷²¹ Монг. рукопись: elegen

⁷²² В монг. рукописи отсутствует.

⁷²³ Монг. рукопись: asayubasu

⁷²⁴ Монг. рукопись: namai

⁷²⁵ Монг. рукопись: nadur busu

⁷²⁶ Монг. рукопись: tabčan

⁷²⁷ Монг. рукопись: mörgüged

⁷²⁸ Монг. рукопись: yañar-a

⁷²⁹ Монг. рукопись: ögüleged

⁷³⁰ Монг. рукопись: ökin-ü

⁷³¹ Монг. рукопись: qonoy-tur

⁷³² Монг. рукопись: jigüden-dür

⁷³³ Монг. рукопись: nom-un

⁷³⁴ Монг. рукопись: kümün-ü

⁷³⁵ Монг. рукопись: bolai

⁷³⁶ Монг. рукопись: oyuu-tu

⁷³⁷ Монг. рукопись: suryaqui-dur

⁷³⁸ Монг. рукопись: köbegün-ü qoyin-a-aça

⁷³⁹ Монг. рукопись: köbegün-i

⁷⁴⁰ Монг. рукопись: urida dayayuluysan

⁷⁴¹ Монг. рукопись: urid

⁷⁴² Монг. рукопись: ungsiqui-yin

⁷⁴³ В монг. рукописи отсутствует.

inu tere *dayuli*⁷⁴⁴ köbegün-i ar'γ-a kijü : *γaryan*⁷⁴⁵ il[e]gebei : *γaryay'san-u qoyina*⁷⁴⁶ jasay-un üile-tür *kündegü*⁷⁴⁷ üile üiledcü jasay-tur torbai : jasay-tu toruysan-u *qoyina*⁷⁴⁸ (tere köbegün-i *mali aduyulan*⁷⁴⁹) tere qota'-yin γadan-a qorin alda'-yin *činegen*⁷⁵⁰ ayui yeke *anu*⁷⁵¹ γajar bülüge : tegün-dü⁷⁵² mal *aduyuluyči*⁷⁵³ buyu : *tegün-i qoyina-ača*⁷⁵⁴ mal *aduyulju*⁷⁵⁵ yabuqui çay-tur : urida tere *noyan*⁷⁵⁶ köbegün-lüge-ben beçig surqui çay-tur Dorji gčodba nom-un ači tusa-yi sonosuysan-i sanaju mal *aduyulan*⁷⁵⁷ yabuqui çay-tur nigen Dorji gčodba-yi beçimüi kemen küsejü : *kümün-i*⁷⁵⁸ mal *aduyulaqui*⁷⁵⁹ çay-tur : *idekü*⁷⁶⁰ idegen-eçe jarim-i inu ülegen : mal *aduyuluy=san-ača*⁷⁶¹ *kölösü'ni*⁷⁶² abçu : *çayasan*⁷⁶³ beke qoyar-i *qudul=duy-a*⁷⁶⁴ kemen sanaju : beke üsü'g büridbe : *çayasan-i qudulduy-a*⁷⁶⁵ ese *kürbei-ni*⁷⁶⁶ : tendeeçe tere *idam*⁷⁶⁷ Dorji gčodba-yin eke-yin sudur-i kümün-eçe abçu : qubugi *toγoysan-tur*⁷⁶⁸ beke jiyuraju γar-tayan *üsü'g(-i)*⁷⁶⁹ bariju : mal *qudaldun*⁷⁷⁰ od'qui tere jüg-tür kür'ču : nigen *γajar*⁷⁷¹ nigen qulusun oγtolju tegün-luy-a (!) kemjijü γajar-tur jiruqayilan jirubai : kemjij-e inu qosiyad qosiyad [21a] tuqai bolyan jiruyad : küjügün-teki *erike*⁷⁷² abçu : qamuy üsü'g-yi *toγulaysan-tu*⁷⁷³ *üçü-ken*⁷⁷⁴ bolbai : basa tende üsü'g *singgeküi*⁷⁷⁵ kem-iyer nigen γajar jiruqayilan jiruju : ene *idam*⁷⁷⁶ Dorji gčodba nom-i beçiy-e kemen sanaba *tegün-i qoyina*⁷⁷⁷ tere mal *aduyuluyči*⁷⁷⁸ : köbegün gene[d]te dotorban sanaju : ene degedü nom-i *kündülen*⁷⁷⁹ takiju üiledbesü olan amitan arban naiman tamu-yin γajar-un qamuy *jobalang*⁷⁸⁰ tonilqu bögetele : bi köser-e beçibesü olan mal *aduyuluyči*⁷⁸¹

⁷⁴⁴ Монг. рукопись: dayayuli

⁷⁴⁵ Монг. рукопись: γaryayju

⁷⁴⁶ Монг. рукопись: qoyin-a

⁷⁴⁷ Монг. рукопись: күндү

⁷⁴⁸ Монг. рукопись: qoyin-a

⁷⁴⁹ Монг. рукопись: mal-i aduyulan

⁷⁵⁰ Монг. рукопись: činege

⁷⁵¹ Монг. рукопись: ayu

⁷⁵² Монг. рукопись: + olan

⁷⁵³ Монг. рукопись: aduyuluyči

⁷⁵⁴ Монг. рукопись: tegün-ü qoyin-a-ača

⁷⁵⁵ Монг. рукопись: adayulju

⁷⁵⁶ Монг. рукопись: noyan-u

⁷⁵⁷ Монг. рукопись: adayulan

⁷⁵⁸ Монг. рукопись: kümün-ü

⁷⁵⁹ Монг. рукопись: adayulqui

⁷⁶⁰ Монг. рукопись: ideküi

⁷⁶¹ Монг. рукопись: adayulaysan-ača

⁷⁶² Монг. рукопись: kölösün-i

⁷⁶³ Монг. рукопись: çiyasu

⁷⁶⁴ Монг. рукопись: qudalduju abuba [= abuy-a]

⁷⁶⁵ Монг. рукопись: qudalduy-a

⁷⁶⁶ Монг. рукопись: kürbei

⁷⁶⁷ Монг. рукопись: yidam

⁷⁶⁸ Монг. рукопись: toγtaysan-dur

⁷⁶⁹ Монг. рукопись: üjüg-yi

⁷⁷⁰ Монг. рукопись: quduldan

⁷⁷¹ Монг. рукопись: γajar-tur

⁷⁷² Монг. рукопись: erike-ben

⁷⁷³ Монг. рукопись: toγulaysan-du

⁷⁷⁴ Монг. рукопись: üçügüken

⁷⁷⁵ Монг. рукопись: šinggeküi-yin

⁷⁷⁶ Монг. рукопись: yidam

⁷⁷⁷ Монг. рукопись: tegün-ü qoyin-a

⁷⁷⁸ Монг. рукопись: adayuluyči

⁷⁷⁹ Монг. рукопись: күнделен

⁷⁸⁰ Монг. рукопись: jobalang-ača

⁷⁸¹ Монг. рукопись: adayuluyči

kümün gisgebesü : tede bügüdeger tamu-tur odqu bolumui : bi ene degedü nom-i *kündüleju*⁷⁸² ʧajar-a bečibesü kilinča nigül tüidügči [=tüidker] yeke boluyad : dorodus iʧayur-ača ülü tonilu-mui : kemen sanaju : tendeeče *qarin*⁷⁸³ bisirel sedkil egüskeju : dörben jüg-tür takil egüskeged : minu sanayan-tur : nigen Dorʧi gčodba bečiy-e kemen küsebesü *yaɣum-a*⁷⁸⁴ ügei-yin tulada' : *čayasu*⁷⁸⁵ ese olju eke sudur-un yosu-ɣar (!) *oytaryui-tur*⁷⁸⁶ bečibesü bolumui kemegeed mal *aduyulugči*⁷⁸⁷ tere köbegün *beke*⁷⁸⁸ bisilyayad : ɣar-tayan üsü'g bariju *uridu*⁷⁸⁹ köser-e bečiy-e *gegsen-i*⁷⁹⁰ tere ʧajar-tur kürčü : *sayuju*⁷⁹¹ : tere *idam*⁷⁹² Dorʧi gčodba-yin eke sudur-ača üjeju : *oytaryui-tur*⁷⁹³ bečibeı : tere nom-i bečijü dayusuysan-u *qoyina*⁷⁹⁴ tendeeče bosuyad küji sitayaju : ene *idam*⁷⁹⁵ Dorʧi gčodba-yin nom-un *küčün-i*⁷⁹⁶ *törö-eče*⁷⁹⁷ ögüleksen metü ünün bögesü : nadur *lagsan*⁷⁹⁸ belges *üjügü=lü'ged*⁷⁹⁹ : ene Dorʧi gčodba nomla'ɣči burqan-tur adali yeke buyan-i olqu boltuyai :: kemen *irüger*⁸⁰⁰ irügebei : tere *gem-čiju*⁸⁰¹ Dorʧi gčodba bečiy-e *gegsen*⁸⁰² tere ʧajar-tur ene Dorʧi gčodba bečigsen-ü adistid-un küčün-iyer *siregün*⁸⁰³ qatayu ʧajar jögelen *debüsker-tür*⁸⁰⁴ adali bolbai : tere *ʧajar-un*⁸⁰⁵ tengri-ner-ün sayin ünür-dü *čečeg*⁸⁰⁶ tegüs-iyer uryubai : tere kemjigsen ʧajar-tur möndür ba : ulayan salkin *ba*⁸⁰⁷ : doysin qur-a časun ba : qalayun ɣang terigüten ügei bolbai ::

Ene bilig-ün činadu *kiʧayar-a* kürüksen Dorʧi gčodba-yin (ači tusa-yi ögüleksen sudur-ača mal *aduyulugči*⁸⁰⁸ Dorʧi gčodba-yi) *oytaryui-tur*⁸⁰⁹ bečigsen-ü ači tusa masi yeke boluysan-u arban *ɣutayar*⁸¹⁰ jüil *buyu*⁸¹¹ :: ::

Basa ger-ün ejen : Dorʧi gčodba-yin ači tusa-yin (nigen) sudur-i bečigsen-tür tere bečigči *kümün-i*⁸¹² ger-de-eče : *öber-ün ger-degen jalaju ireküi-tür* : tere ger-ün ejen-i⁸¹³ öber-ün doloyan *nasutu*⁸¹⁴ nigen ökin-i *dayulju*⁸¹⁵ : öber-ün *ger-degen*⁸¹⁶ qariju ireküi čay-tur : jam

⁷⁸² Монг. рукопись: kündelejü

⁷⁸³ Монг. рукопись: qaril

⁷⁸⁴ Монг. рукопись: yaɣuma

⁷⁸⁵ Монг. рукопись: čayasu

⁷⁸⁶ Монг. рукопись: oytaryui-tur

⁷⁸⁷ Монг. рукопись: adayulugči

⁷⁸⁸ Монг. рукопись: beke-ben

⁷⁸⁹ Монг. рукопись: urida

⁷⁹⁰ Монг. рукопись: kemegeen

⁷⁹¹ Монг. рукопись: sayuyad

⁷⁹² Монг. рукопись: yidam

⁷⁹³ Монг. рукопись: oytaryui-dur

⁷⁹⁴ Монг. рукопись: qoyin-a

⁷⁹⁵ Монг. рукопись: yidam

⁷⁹⁶ Монг. рукопись: küčün-iyer

⁷⁹⁷ Монг. рукопись: dur-a-ača (!)

⁷⁹⁸ Монг. рукопись: lagsin

⁷⁹⁹ Монг. рукопись: üjegülüged

⁸⁰⁰ Монг. рукопись: irüger-i

⁸⁰¹ Монг. рукопись: gemšiju

⁸⁰² Монг. рукопись: kemegeen

⁸⁰³ Монг. рукопись: sirigün

⁸⁰⁴ Монг. рукопись: debisker-tür

⁸⁰⁵ Монг. рукопись: ʧajar-tur

⁸⁰⁶ Монг. рукопись: sečeg

⁸⁰⁷ Монг. рукопись: kiged

⁸⁰⁸ Монг. рукопись: adayulugči köbegün

⁸⁰⁹ Монг. рукопись: oytaryui-dur

⁸¹⁰ Монг. рукопись: ɣutayar

⁸¹¹ Монг. рукопись: bolai

⁸¹² Монг. рукопись: kümün-ü

⁸¹³ В монг. рукописи отсутствует.

⁸¹⁴ Монг. рукопись: nasu-tu

⁸¹⁵ Монг. рукопись: dayayulju

⁸¹⁶ Монг. рукопись: ger-tü

deger-e ečige inu mör üjeke odqui čay-tur *sana'yan-tur-iyar*⁸¹⁷ sanayad : ene degedü nom-i kündülen ariyün-a takibasü : burqan-u yaĵar-a töröküi ači *törö-yi*⁸¹⁸ [=ür-e-yi] [21b] olumui : bi ene *idam*⁸¹⁹ Dorĵi gčodba nom-i *bujarlaĵu*⁸²⁰ yaĵar-tur abču odbasu : kerbe nadur buyan ülü bolumui : *dorodus-un*⁸²¹ iĵayur-tu törömüi kemen *san-a-yad*⁸²² : (tere) Dorĵi gčodba-yi *ökin-i*⁸²³ ĵar-tur bariyulĵu : tere ökin nom-i bariĵu : doloyan alqu kürtele yabuyad : qarin ečige-yin ĵar-tur talbibai : tere ökin *ötelüged*⁸²⁴ nasun-ača *yegüdkegsen-tür*⁸²⁵ : tere Dorĵi gčodba-yi doloyan alqu abču yabuĵ=san-u buyan-iyar ĵučin ĵurban tengri-nerün oron-tur töröĵü badm-a *lingqu-a-yin*⁸²⁶ čečeg-tür qubilĵu yabuqui-luy-a tegülde boluyad : doloyan üy-e boltala : *tengri-ner-ün*⁸²⁷ töröl-i oluyad : masi yeke bayasqulang ĵiryalang-đu boluyad tende-eče nasun *yegüdkeĵü*⁸²⁸ : *örüne*⁸²⁹ ĵüg-ün Sukavadi-yin oron-tur : itegel Abida burqan-u köl-tür badm-a lingqu-a degere qubilĵu törö=ged : bodisadu-narun oron-i olbai :

Ene bilig-ün činadu kiĵa=ĵar-a kürügse Dorĵi gčodba-yin ači tusa-yi ögüleĵsen sudur-ača *gerün*⁸³⁰ eĵen-ü *ökin-i*⁸³¹ tengri-nerün oron-tur töröĵ=sen-i arban dötüger ĵüil *buyu*⁸³² :: ::

Basa nigen nom-un törö yosun-ača dabaĵu : mayu yabudal-iyar yabuĵči : nigen *ayay-q-a*⁸³³ tegimlig qayaŕqai *nöküsü'tü*⁸³⁴ qubčasun emüsčü : tere ĵüg-ün ulus irgen-eče miq-a kiged : ĵiĵasun-i miq-a abču *ideĵü*⁸³⁵ mayu yabudal(-iyar) yabuĵad : öber-ün öngge *bey-e-yi*⁸³⁶ *tačiyaqü*⁸³⁷ nigen bülüge : teyin bögetele Dorĵi gčodba nom-i nasun ürgülĵide ungsiyçi *buyu*⁸³⁸ : qan⁸³⁹ *qaračus*⁸⁴⁰ bügüdeger (tere) Ĵiluba neretü *ayay-q-a*⁸⁴¹ tegimlig-i kümün-lüğe *ülü*⁸⁴² toyomui : tere Ĵiluba tendeeče nasun *yegüdkeĵü*⁸⁴³ : tegüni kegür-ün ayçi tere *yaĵar*⁸⁴⁴ ĵüg-tür : ĵadaysida tabun ber-e kürtele tengri-yin eldeb *amtatu*⁸⁴⁵ *küĵis*⁸⁴⁶ tere *oron-i*⁸⁴⁷ bügüdeger-ün *dügür=ün*⁸⁴⁸ ünür ünüstebei : basa nigen söni tere⁸⁴⁹ yaĵar-tur eldeb

⁸¹⁷ Монг. рукопись: sanay-a

⁸¹⁸ Монг. рукопись: ür-e-yi

⁸¹⁹ Монг. рукопись: yidam

⁸²⁰ Монг. рукопись: bujarlaqu

⁸²¹ Монг. рукопись: dorodusun

⁸²² Монг. рукопись: sanayad

⁸²³ Монг. рукопись: ökin-ü

⁸²⁴ Монг. рукопись: ötülüged

⁸²⁵ Монг. рукопись: yegüdüysen-dür

⁸²⁶ Монг. рукопись: lingqu-a

⁸²⁷ Монг. рукопись: tngri-yin

⁸²⁸ Монг. рукопись: yegüdü

⁸²⁹ Монг. рукопись: örün-e

⁸³⁰ Монг. рукопись: ger-ün

⁸³¹ Монг. рукопись: ökin

⁸³² Монг. рукопись: bolai

⁸³³ Монг. рукопись: ayay-a

⁸³⁴ Монг. рукопись: nökügese-tü

⁸³⁵ Монг. рукопись: ideged

⁸³⁶ Монг. рукопись: bey-e-dür-iyen

⁸³⁷ Монг. рукопись: tačiyaqü

⁸³⁸ Монг. рукопись: bülüge

⁸³⁹ Монг. рукопись: + ba

⁸⁴⁰ Монг. рукопись: qaručas

⁸⁴¹ Монг. рукопись: ayay-a

⁸⁴² В монг. рукописи отсутствует.

⁸⁴³ Монг. рукопись: yegüdü

⁸⁴⁴ Монг. рукопись: yaĵar-un

⁸⁴⁵ Монг. рукопись: amta-tu

⁸⁴⁶ Монг. рукопись: küĵis-iyer

⁸⁴⁷ Монг. рукопись: oron-tur

⁸⁴⁸ Монг. рукопись: dügüren

⁸⁴⁹ Монг. рукопись: + ĵüg

kög dayun biba biskegür-iyer dayurisqabai : jun-u ekin sarayin nigen sinedü jabilan sayuju : nasun *yegüdkeged*⁸⁵⁰ : dörben on bol=tala amidu kümün-tür adali : üy-e gisigün bügüdeger çučaral ügei boluyad : *miq-a*⁸⁵¹ öngge-ber mayu ese bolju amui : tende-eçe *quvaray-ud-un*⁸⁵² ayımay çiyulju : tabun *öngge*⁸⁵³ *buday-iyar*⁸⁵⁴ tere *bey-e*⁸⁵⁵ sürçigsen-i edüge kürtele : Kitad-un yajar-tur teyimü yosuyar sayuju amui : *buyan*⁸⁵⁶ *sakiyçi tngri*⁸⁵⁷ olan irejü tegün(-tür) takil *egüskemü*⁸⁵⁸ : tere jüg-ün yajar-taki amitan bügüde nasun ürgüljide yeke amuyulang-tu bol=bai :

Ene belig-ün çinadu *kıfayar-a* kürügsen Dorji gçodba-yin açi tusa-yi ögüle[g]sen sudur-aça *Jiluba neretü*⁸⁵⁹ *ayaq-q-a*⁸⁶⁰ tegimlig nögçiküi çay-tur masi yeke yayiqamşiy *belges sidi*⁸⁶¹ üjügü=[22a]=lüysen arban *tabuduyar*⁸⁶² jüil *buyu*⁸⁶³ :: :: :

Ene belig-ün çinadu *kıfayar-aj*⁸⁶⁴ kürügsen-ü jüg-teki Dorji gçodba-yin açi tusa ögüleküi sudur *tegüsbei*⁸⁶⁵ :: :: :

*Nasun*⁸⁶⁶ qutuy orosiqu boltuyai ::

Ar[slan-u] dayubar çidayçid-un erketü itegel *nomlarun*⁸⁶⁷ :

*Ayaq-q-a*⁸⁶⁸ tegimlig Sub[udi] ayul ügei öçeçü :

Amuyulang oduysad-un Vçir-çideka-yin [mör]-iyer :

Amitan bügüde-yi egüber amuyulang-tu *oi-tur*⁸⁶⁹ kürgekü *minu*⁸⁷⁰ boltuyai ::

*Şakilig-ud-un*⁸⁷¹ *erketü*⁸⁷² ene mör-i *nomlaysan*⁸⁷³ [:]

Sayibar *oduysad-un*⁸⁷⁴ eke belig-ün ongyoça-bar [:]

Sayaral *ügegüy-e*⁸⁷⁵ ungsin üiledüged saça :

*Sangsar*⁸⁷⁶ yeke dalai-aça getülkü boltuyai :: :: :

Erte aldar *ner-e yeke-dü*⁸⁷⁷ *Sayin-Vaçirai*⁸⁷⁸ *qayan-i* [:]

Erdeni-tü altan(-u) *oron-tur* (!)⁸⁷⁹ anu [:]

Erke bisirel yeke-tü Magada bingtu qatun-i [:]

⁸⁵⁰ Монг. рукопись: yegüdeged

⁸⁵¹ Монг. рукопись: miqan-u

⁸⁵² Монг. рукопись: quvaray-ud

⁸⁵³ Монг. рукопись: öngge-yin

⁸⁵⁴ Монг. рукопись: buday-iyar

⁸⁵⁵ Монг. рукопись: biy-e-dür

⁸⁵⁶ Монг. рукопись: buyan-u

⁸⁵⁷ Монг. рукопись: tengri

⁸⁵⁸ Монг. рукопись: egüskebei

⁸⁵⁹ Монг. рукопись: nere-tü

⁸⁶⁰ Монг. рукопись: ayaq-a

⁸⁶¹ Монг. рукопись: sidi belgis

⁸⁶² Монг. рукопись: tabtayar

⁸⁶³ Монг. рукопись: bolai

⁸⁶⁴ В монг. рукописи отсутствует.

⁸⁶⁵ Монг. рукопись: tegüsbe

⁸⁶⁶ Монг. рукопись: nasun-u

⁸⁶⁷ Монг. рукопись: nomlar (!)

⁸⁶⁸ Монг. рукопись: ayaq-a

⁸⁶⁹ Монг. рукопись: qoyıy-tur

⁸⁷⁰ В монг. рукописи отсутствует.

⁸⁷¹ Монг. рукопись: Sayçiliy-ud-un

⁸⁷² Монг. рукопись: erketü-yin

⁸⁷³ Монг. рукопись: nomlaysan-i

⁸⁷⁴ Монг. рукопись: oduysan

⁸⁷⁵ Монг. рукопись: ügügey-e

⁸⁷⁶ Монг. рукопись: sansar-un

⁸⁷⁷ Монг. рукопись: nere yekedü

⁸⁷⁸ Монг. рукопись: Vçir

⁸⁷⁹ Монг. рукопись: uruy-tur

Ene *Vaçir*⁸⁸⁰-çideka-yin *tonilqu-yin*⁸⁸¹ mör-ün [:]
 Açi *tusa-yin nara-yi*⁸⁸² küsejü *bür-ün*⁸⁸³ :
 Amitan bügüde-yin jirüken-ü *lingqu-a-yi*⁸⁸⁴ :
 Ayuda yeke geyigül-ün delgereged *saça*⁸⁸⁵ :
 Amuyulang-tu⁸⁸⁶ oron-tur törögülküi kemen küsen duraduysan-iyar :
 Ayay-q-a tegimlig Ĵing çorĴi blam-a :
 Ariyun *süsü* 'g⁸⁸⁷ sedkel-i törögüljü [:]
 Ayudayar Enedkeg Töbed Mongyol-un :
*Ayul'yus-tur*⁸⁸⁸ *ayul ügei*⁸⁸⁹ orçi=yulbai :: ::
 Ene Dori gçodba-yin açi tusa-yi *egün-i*⁸⁹⁰ [:]
*Beçig-i anu çayasun-dur bayulyaju*⁸⁹¹ :
 Erte[n]-ü irüger-ün *küçün-ber*⁸⁹² uçiraĴu [:]
*Bayinjuur sangĴiy*⁸⁹³ sudur bolyan beçibeı :
 Ene *üiledügsen-ü*⁸⁹⁴ sayin *buyan-i*⁸⁹⁵ küçün-iyer [:]
 Ejed qad terigülen eçege eke *bolurun*⁸⁹⁶ :
 Enelkü qamuy amitan *eregüü*⁸⁹⁷ jobalang-aça tonilju [:]
 Erketü burqan-u *qutuy-yi*⁸⁹⁸ ödtör⁸⁹⁹ olqu boltuyai :: ::
*Qorin Ĵil-ün Ĵun-u dumdadu*⁹⁰⁰ sarayin sayin *edür*⁹⁰¹ *Ĵungyor*⁹⁰² neretü yaĴar-a tegüsbe ::
yerü-de bayasqulang üsü 'g tegüsken beçibeı:⁹⁰³

⁸⁸⁰ Монг. рукопись: Vçir

⁸⁸¹ Монг. рукопись: tonilqu

⁸⁸² Монг. рукопись: tusayin naran-i

⁸⁸³ Монг. рукопись: bürün

⁸⁸⁴ Монг. рукопись: lingqu-a

⁸⁸⁵ В монг. рукописи отсутствует.

⁸⁸⁶ Монг. рукопись: amitan-i amuyulang-tu

⁸⁸⁷ В монг. рукописи отсутствует.

⁸⁸⁸ Монг. рукопись: ayalyus-iyar

⁸⁸⁹ В монг. рукописи отсутствует.

⁸⁹⁰ В монг. рукописи отсутствует.

⁸⁹¹ Монг. рукопись: ögüleĴsen sudur-i çayasun-du bayulyajuçi

⁸⁹² Монг. рукопись: küçün-iyer

⁸⁹³ Монг. рукопись: Erdeni ubasi

⁸⁹⁴ Монг. рукопись: üiledüysen

⁸⁹⁵ Монг. рукопись: buyan-u

⁸⁹⁶ Монг. рукопись: kiged

⁸⁹⁷ Монг. рукопись: ereĴü-tü

⁸⁹⁸ Монг. рукопись: qutuy-i

⁸⁹⁹ Монг. рукопись: ödtör

⁹⁰⁰ Монг. рукопись: Güi yaçai Ĵil-ün qabur-un aday

⁹⁰¹ Монг. рукопись: edür-e

⁹⁰² Монг. рукопись: Çui

⁹⁰³ В монг. рукописи отсутствует.

Перевод

[13b] Сутра, повествующая о пользе «Ваджраччхедика праджня парамиты»
Поклоняюсь всем буддам и бодхисаттвам⁹⁰⁴.

Однажды я слышал, что давным-давно на землях монастыря Ява [14a] жил один очень мудрый монах. Тот монах в десятилетнем возрасте принял обеты архата⁹⁰⁵. В тех же краях пребывал некий учитель, прорицатель-брамин⁹⁰⁶. Ученый, мудрый монах и все [его исполнявшие] обеты товарищи, решив узнать у того мудрого прорицателя добрые и дурные предзнаменования [будущего], отправились к нему. Тот мудрый прорицатель многим монахам указал все добрые и дурные предзнаменования. Мудрому же монаху сообщил:

— У тебя очень острый ум, но короткая жизнь. Больше восемнадцати лет не проживешь.

Тот монах поверил всем этим словам. С тех пор минуло два-три года, и эти слова забылись. Но [однажды] тот монах вдруг вспомнил, что ему предсказана короткая жизнь, и очень испугался. [Тогда] тот мудрый монах обратился к своему высшему наставнику с такими словами:

— Я слышал, что в одном укромном месте на горном утесе есть много книг со священным писанием. Разреши мне пойти туда.

Когда наставник дал согласие, [монах] отправился [в путь].

Прибыв туда, [он] взял одну книгу из множества книг, имевшихся в том скалистом укромном месте. Когда взглянул [на нее], это оказалась книга под названием «Дорджи чодба». Тогда [монах] произнес благопожелание: «Пусть всегда буду видеть и слышать среди этих книг только книгу, продлевающую мою жизнь, которую до сих пор так долго искал». Сделав «Дорджи чодба» своим покровителем, [он] днем и ночью читал [ее].

Однажды вечером уединенное место, где [монах] читал [«Дорджи чодба»], озарилось ярким белым светом и явились двое, по виду очень похожие на непорочных монахов, ростом в десять локтей⁹⁰⁷. [Каждый из них] держал в руках по книге. Они молвили:

— Это «Дорджи чодба», которую ты читаешь. Ты будешь наделен долголетием, добродетелью и могуществом. Будешь следовать святому учению. Для тебя закроются врата трех видов печальной участи⁹⁰⁸, и [ты] обретешь судьбу [человека], обладающего сверхъестественными способностями.

Когда тот наделенный острым умом монах, обрадовавшись, с благоговением поклонился, те монахи неожиданно исчезли.

Обладающий острым умом монах возвратился из скалистого укромного места, где имелось множество священных книг, и прибыл к прорицателю. Тот прорицатель, увидев [его], очень испугался и спросил:

— Что ты сделал, чтобы продлить жизнь и обрести могущество?

⁹⁰⁴ Бодхисаттвы (монг. bodistv, bodisadu-a, санскр. bodhisattva) — в ламаизме существа, достигшие состояния будд, но оставшиеся в материальном мире (орчилане) ради спасения всех живых существ. В пантеон Махаяны включены восемь бодхисаттв (Сынов Будды): Манджушри, Авалокитешвара, Ваджрапани, Кшитигарбха, Сарваниварана, Майтрея, Самантабхадра, Акашагарбха. Особым почитанием у северных буддистов пользовались Авалокитшвара, воплощение милосердия, и Манджушри, олицетворявший «небесную мудрость».

⁹⁰⁵ Архат (монг. arqad, санскр. arhat) — одна из высших ступеней буддийской святости.

⁹⁰⁶ Брамин (брахман) (монг. biraman, санскр. brahman) — в буддизме человек, постигший высшее начало; в индуизме — член высшей касты жрецов.

⁹⁰⁷ Локоть (toqai ~ toqoi) — мера длины, равная 0,32 м.

⁹⁰⁸ Три вида печальной участи (yugban mayu jayayan) — перерождение животным, претой (т. е. существом, испытывающим постоянные муки голода и жажды) и обитателем ада.

Обладающий острым умом монах ответил:

— Я ничего не предпринимал, кроме того, что читал «Дорджи чодба», сделав ее своим покровителем.

С тех пор среди всех людей прославились мудрость, сила и благодать этой книги — «Дорджи чодба». Все жители той страны, прослышав о великом могуществе и пользе «Дорджи чодба», [14b] сделали ее своим покровителем и поклялись читать ее.

Обладающий острым умом монах дожил до девяноста пяти лет. Скончавшись, возродился в области тридцати трех тэнгриев — Тушите⁹⁰⁹.

Первая глава книги о том, как в скалистом укромном месте нашли сутру, повествующую о пользе чтения «Ваджраччхедика праджня парамиты».

В другой стране был монастырь, внутри которого обитал свирепый, возникший сам собой тэнгри⁹¹⁰. Тот тэнгри [насылал] дождь, град, ураган и прочие [бедствия]. Это был черт, чинивший произвол, грабивший всех людей и препятствовавший исполнению их желаний. Живые существа даже на много бээр⁹¹¹ не могли приблизиться к тому монастырю. В его окрестностях никто не смел прикоснуться к траве, деревьям, цветам, плодам и [всему] остальному. [Тэнгри] был столь могуществен, что даже птицу, пролетающую в небе возле того монастыря, он обрекал пасть замертво на землю.

Тогда из Индии прибыл могущественный и мудрый заклинатель по имени Великий дракон, способный чтением заклинаний остановить сильное течение большой реки. Чтением заклинаний он мог связать всех могущественных повелителей драконов. [Он] подчинил себе всех бесов и злых духов, подобно тому как сильный владыка подчиняет своих подданных.

Для того чтобы усмирить свирепого тэнгрия, тот всемогущий заклинатель вошел в монастырь и стал читать самые грозные заклинания. [Однако] в полночь [тэнгри] отрубил заклинателю все конечности, а голову размозил на части. На рассвете, когда взошло солнце, в монастыре обнаружили останки мудрого заклинателя.

У того мудрого заклинателя был очень грозный и могущественный учитель. Тот учитель, увидев, что мерзкий, свирепый эрлик⁹¹²-тэнгри убил [его] ученика, взял необходимые заклинателю принадлежности и, воскурив разные зловония, вошел в монастырь, сел и с очень рассерженным видом стал громко читать заклинания. [Но] свирепый тэнгри проник в сердце заклинателя. Того вырвало кровью, и он скончался.

Где-то в окрестностях того же монастыря пребывал некий молодой банди⁹¹³, читающий «Дорджи чодба». Увидев, что свирепый тэнгри убил двух мудрых заклинателей, тот молодой [15a] банди взял курительные свечи и пошел в монастырь, не слушая многих хуварак⁹¹⁴, которые, увидев, что [он] отправляется [в монастырь], советовали: «Не ходи туда. Если пойдешь — живым не вернешься».

Придя в монастырь, он сел и стал углубленно читать «Дорджи чодба». Однажды ночью со всех сторон надвинулись тучи, засверкали молнии, сильно затряслась земля,

⁹⁰⁹ Тушита (монг. Tüsid, санскр. Tuschita — «Всерадостная область») — третья область чувственного мира, в которой пребывают будды перед своим перевоплощением в человека.

⁹¹⁰ Тэнгри (tngri ~ tengri) — небожитель. В ламаистской литературе упоминаются, как правило, 33 тэнгрия. Широкую известность они приобрели также в мифологии монгольских народов, где насчитывается уже 99 тэнгриев во главе с Хормуста-тэнгрием.

⁹¹¹ Бээр (ber-e) — расстояние, равное приблизительно двум километрам.

⁹¹² Эрлик (erlig) — служитель ада, помощник Владыки ада Эрлик Номун-хана. Эрлики обычно изображаются с головами различных животных (кабарги, тигра, обезьяны, быка и т.д.).

⁹¹³ Банди (монг. bandi; тиб. bandhe) — низшая степень монашества для принявших пять обетов: не убивать, не воровать, избегать женщин, не лгать, не пить вино.

⁹¹⁴ Хуварак (монг. quvraq, уйг. quvraq) — член монашеской общины, послушник.

пошли сильные дождь и град, разбушевалась буря, повалившая множество деревьев. На всех морях поднялись волны. После этого в монастырь в окружении товарищей прибыл устрашающего вида бес с телом величиной с гору Сумеру⁹¹⁵, испускавший изо рта пламя, а из носа — дым. [Он] издавал всякие неприятные звуки и был увешан разными мечами.

Молодой банди невозмутимо продолжал сидеть, читая [вслух] «Дорджи чодба». Послушав чтение этой книги, бес совершенно успокоился. Вскоре небо прояснилось. Ливень и буря стихли. Множество товарищей [беса] скрылось, и только [сам] свирепый тэнгрий, с благоговением сложив ладони, стоя на коленях, слушал чтение «Дорджи чодба».

[Затем] свирепый тэнгрий сказал молодому банди:

— Я пришел лишить тебя жизни. Но, как только услышал чтение этой сутры «Дорджи чодба», моя великая сила истощилась и все злые помыслы исчезли. Облик мой очень страшен. Поэтому те двое заклинателей не смогли одолеть меня и погибли. Вообще-то, все книги заклинателей греховны. Не может не погибнуть тот, кто задумает причинить вред другим. Могушество драгоценной «Праджня парамиты» очень велико.

Увидев, как был усмирен свирепый тэнгрий, люди и [прочие] живые существа преисполнились благоговения и переписали это книгу. Некоторые получили разрешение на ее изучение. Некоторые, сделав [сутру] своим хранителем, дали слово читать [ее]. Некоторые совершили различные жертвоприношения. Польза от жертвоприношений и чтения [«Дорджи чодба»] такова: приумножается добродетель, исчезают болезни, и продлевается жизнь, с прибавлением сил увеличивается могушество.

Вторая глава из сутры, повествующей о пользе «Дорджи чодба», о том, как молодой банди в мире [людей] усмирил свирепого тэнгриа.

[15b] Тогда же существовал один монастырь. Вблизи от того монастыря жил монах по имени Дарма-Гарба. Тот монах построил монастырь. Возле него возвел храм для молитвенных собраний хувараков, уединенную обитель, кладовую для хранения имущества, помещение для религиозных диспутов. Неподалеку поставил храм для совершения молебствий и жертвоприношений. В нем собрали все существующие в мире сутры, переписали и читали их.

После того как с чистой душой закончили [переписку] всех священных книг Будды, в начале среднего весеннего месяца тот монах тяжело заболел. Когда болезнь обострилась, он подошел к построенному им из золота и серебра монастырю и увидел, что все [изображения] будд украшены разными драгоценностями. Около монастыря на высокой террасе восседал красивый, благословенный монах в монашеской одежде. В руках у него была книга. Он обратился к монаху Дарма-Гарбе с такими словами:

— В этом рождении ты исполнил множество добрых дел. Однако ты самовольно пользовался имуществом, [посвященным] трем драгоценностям⁹¹⁶. Ты вперемешку совершал добрые и греховные деяния. Поскольку ты совершил множество грехов, будешь низвергнут в «Бесперывный ад»⁹¹⁷. Если хочешь очистить все эти грехи, то перепиши сутру «Дорджи чодба» и молись [ей]. Твои грехи полностью очистятся.

Монах оправился от болезненного помрачения [разума], к нему вернулось сознание, и он вспомнил все те слова. Все свое имущество и скот без остатка пожертвовал на то, чтобы сто восемь раз переписали «Дорджи чодба». Благодаря силе той книги

⁹¹⁵ Сумеру (монг. Sumber, санскр. Sumeru) — мифическая гора, расположенная в центре мира.

⁹¹⁶ Три драгоценности (монг. yurban erdeni, санскр. triratna) — Будда, его учение, монашеская община.

⁹¹⁷ «Бесперывный вечный ад» (Jabsar ügei ayusi tamu) — самое нижнее и ужасное, восьмое отделение горячего ада, в котором грешники испытывают постоянные, нескончаемые муки.

наступило полное благоденствие. Болезнь прошла, и жизнь продлилась. Скончавшись, [он] переродился в Тушите, области святого Майтреи⁹¹⁸.

Третья глава сутры, [повествующей] о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты», о том, как монах по имени Дарма-Гарба, избавившись от болезни, обрел память и благодаря тому, что сто восемь раз переписал «Дорджи чодба», переродился в области Тушита.

Некий мирянин заболел. [Тогда] прибыл слуга Эрлик-хана, [16а] забрал душу того больного человека и доставил ее в мир Эрлик-хана. Тот человек увидел, что там находится какой-то монах вместе с множеством [других] живых существ. Эрлик-хан спросил:

— Монах, сколько добрых дел ты совершил?

— Я читал книгу «Дорджи чодба», сделав [ее своим] покровителем, — ответил монах.

Услышав такие слова, Эрлик-хан поднялся с престола, сложив ладони, поклонился и молвил:

— О монах, ты сын величественного будды. Измучился ли ты, идя сюда? Тут с неба спустилось разноцветное облако. На том облаке находился трон, украшенный различными драгоценностями. Монах, усевшись на трон, вознесся к небесам.

[Эрлик-хан] спросил у одного человека, сидевшего вместе с другими пришедшими с тем монахом людьми:

— Обретя прекрасное рождение [в облике] человека, какие благие деяния ты совершил?

— Хан, я читал «Дорджи чодба», сделав ее своим покровителем. С благоговением изучал также восемь мирских наук. И в мыслях, и устно унижал и обзывал других [людей].

Тогда те люди, [т.е. эрлики], [сообщили]:

— Из-за того что ты [изучал] восемь мирских наук, обзывал и унижал других [людей], польза от твоей добродетели, [обретенной] изучением книги [«Дорджи чодба»], пропала.

Эрлик-хан промолвил:

— Человек, сегодня ты увидишь «Ад великих страданий». Великие страдания в нем непрерывны. Оглянись назад.

Когда тот оглянулся, то увидел, как в огромном котле с кипящей медью появился человек с огромным телом, длиной в пятьсот локтей. У него было сто голов зверей, птиц и прочих живых существ. Поверх их находилась единственная человеческая голова. Когда она говорила, остальное множество голов, глядя на живые существа в мире людей, насмехалось, поносило и обзывало их. Тут зрачок глаза [того человека] упал на землю. Раздался крик.

Эрлик-хан сказал тому человеку:

— Человек, в то время как ты обрел рождение [в облике] человека, ты преуспел в мирских науках. При помощи мер, весов и иными способами обманывал [других]. Клеветал, обзывал, унижал и насмехался [над людьми]. За эти грехи ты должен был испытать страдания. Однако благодаря тому, что ты читал «Дорджи чодба», сделав ее своим покровителем, я отправлю тебя в мир людей. Во что бы то ни стало, откажись от клеветы, издевательства, унижения и посрамления людей и [прочих] живых существ, [16б] а также от мирских книг. Усердствуй в благих деяниях.

Сказав это, отпустил [его].

⁹¹⁸ Майтрея (монг. Mayidari, санскр. Maitreya) — 1) один из восьми главных бодхисаттв; 2) будда грядущих времен.

Тот человек, прибыв в мир людей Дзамбудвип⁹¹⁹, отказался от унижения и обзывания других [людей], а также от восьми [мирских] учений. Углубленно читал «Дорджи чодба», сделав ее на всю жизнь своим покровителем. Скончавшись, переродился в области тридцати трех тэнгриев.

Четвертая глава сутры, повествующей о пользе «Дорджи чодба праджня-парамиты», о том, как [мирянин] избежал ада с котлом расплавленной кипящей меди.

В то же время возле одного монастыря пребывал некий ученый монах, который, сделав своим покровителем буддийскую сутру «Белый лотос»⁹²⁰, в течение двенадцати лет читал [ее]. Однако он был очень недоверчив. Своими сомнениями он смущал и других монахов, тем самым причиняя вред.

Однажды после захода солнца, ночью, прибыл какой-то человек и сообщил:

— Я пришел забрать тебя по приказу Эрлик-хана.

После этого монах очень тяжело заболел и скончался. Но поскольку сердце его не остывало, то в течение недели труп [монаха] не выносили [из дома]. [В то время] монах подошел к двум спорящим монахам, сидящим на высокой террасе внутри монастыря. [Те неожиданно] превращались в свирепых хищников с острыми когтями. Они друг от друга отрывали мясо и пожирали его, а кости разбрасывали [вокруг]. Затем вновь превращались в людей и также рвали мясо и разбрасывали кости. Увидев на [своем] пути такое множество постоянных, непрерывных страданий, недоверчивый [монах] очень испугался.

Оттуда ученый монах прибыл к Эрлик-хану. Эрлик-хан поклонился и молвил:

— За прежние свои дурные поступки я переродился Эрлик-ханом. Теперь [ты], ученый монах, ради меня прочитай семь раз книгу «Дорджи чодба».

Ученый монах в течение недели читал Эрлик[-хану] «Дорджи чодба», сделав [сутру его] покровителем. За семидневное чтение Эрлик-хан поднес тому ученому монаху триста кусков шелка. Монах вернулся в мир людей, обрел память и обнаружил в сундуке триста кусков шелка.

С тех пор ученый монах на всю жизнь [17а] отказался от всяческих сомнений. Внимательно читал «Дорджи чодба». Вникнув в суть учения, предался созерцанию. Он прожил девяносто пять лет. В последнем месяце лета скончался, сидя, скрестив ноги. После этого в течение четырех лет внешний вид [монаха] не изменялся, и даже суставы его не ослабли.

Пятая глава [сутры] о пользе «Праджня парамиты» о том, как недоверчивый монах, избавившись от сомнений, избежал ада.

В давние времена царь приговорил одного чиновника к наказанию. Тот чиновник, испугавшись наказания, уверовал в великое могущество «Дорджи чодба» и поклялся прочитать «Дорджи чодба» тысячу раз, если будет избавлен от кары. Вместе с тем чиновником наказанию были подвергнуты тысяча человек. Однако, когда чиновнику на шею надевали кандалы, они раз за разом разваливались и падали на землю.

Увидев такое могущество, палачи доложили царю. Царь очень удивился и избавил того чиновника от наказания. После этого обитатели мира людей премного уверовали

⁹¹⁹ Дзамбудвип (монг. *Jambutiḅ*, санскр. *Jambudvīpa*) — в буддийской космологии один из четырех материков, расположенный к югу от горы Сумеру. Наряду с наиболее употребительным значением «Индостан» термин использовался также для обозначения Азии, а в простонародной литературе (как, например, в данном случае) и для обозначения всего мира.

⁹²⁰ «Белый лотос» (*Ṣayan lingqi-a*) — каноническое сочинение, представленное в Ганджуре в разделе “*Eldeb*” тремя редакциями, состоящими из различного количества глав (*Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol imprimé. Vol. I. Budapest, 1942, № 866–868*).

в «Дорджи чодба» и, преисполнившись благоговения, усердно переписывали и читали ее [сами], а также велели другим переписывать и читать [сутру].

[Благодаря этому они] поняли все, чего [прежде] не понимали о настоящем и будущем рождении. Многие живые существа избавились от всех наказаний, подобно тому как избавился от них чиновник.

Шестая глава сутры, повествующей о пользе «Праджня парамиты», о том, как чиновник избежал царского наказания.

В одной стране жила старуха, усердно исполнявшая заповеди Будды и не употреблявшая в пищу мяса, водки, лука, чеснока и тому подобного. Та старуха постоянно читала «Дорджи чодба», сделала ее своим покровителем. [Приступая] к чтению, она ополаскивала рот, чисто мыла руки, опрыскивала тело благовониями. [Затем], сидя в чистом месте, читала «Дорджи чодба».

Поэтому, когда она скончалась, вокруг трупа старухи на много бээр распространились прекрасные ароматы благовоний, сандала и разнообразных чудных небесных запахов. Та старуха возродилась из лотоса в Сукавади⁹²¹, области будды Амитабы, и явственно увидела область будд.

[17b] Седьмая глава сутры о пользе «Праджня парамиты» о том, как старуха переродилась в области Сукавади благодаря тому, что усердно читала «Дорджи чодба», опрыскивая свое тело благовониями и очищая его.

В одной стране жил человек, которому нравилось убивать [животных]. Тот человек, услышав, что при помощи великого могущества книги «Дорджи чодба» можно очистить грехи, ради очищения своих грехов переписал «Дорджи чодба». Скончавшись, тот человек предстал перед Эрлик-ханом. То, что он лишил жизни множество живых существ, не причинило ущерба собранию его благих деяний. Эрлик-хан спросил того человека:

— Обретя в мире людей рождение [в облике] человека, какие добрые дела ты совершил?

Тот человек от испуга не мог даже вздохнуть и ответить на вопрос. Эрлик-хан тогда промолвил:

— То, как ты прожил жизнь, подобно тому, как некий человек, найдя в океане множество драгоценностей, вернулся домой с пустыми руками. Теперь ты отправишься в место, где болота, ущелья, скалы, деревья, трава и [все] остальное имеют форму мечей, бритв и разных острых ножей. Там с тебя взыщут за то, что ел мясо многих живых существ.

После этого множество палачей повели того человек, велев:

— Иди!

Когда привели [на место], там оказалось шесть железных ворот. Войдя в первые ворота, [увидели] яркий свет. Вторые ворота были заперты на железный замок. Третьи ворота были мрачнее [двух] предыдущих. Как только тот человек прибыл в мир ада, его стали избивать с шумом и криками. После того как тело его съежилось и [как будто] рассыпалось [на части], тот человек, лежа ничком, сложил вместе ладони и, невыносимо жалобно рыдая, взмолился:

— Будьте милосердны! Спасите меня! Освободите от пут!

Адские палачи ответили:

— В этой стране ада даже на волос невозможно уменьшить совершенные живыми существами в мире людей добрые деяния, грехи, обман. Ты сам совершил [свои] грехи. Поэтому какая польза оттого, что ты плачешь.

⁹²¹ Сукавади (монг. Sukavadi, санскр. Sukhavati — «Земля чистоты») — один из буддийских раев, в котором пребывает будда Амитаба (монг. Abida, санскр. Amitābha — «Обладающий бесконечным светом») в окружении праведников.

Как только они это сказали, с небес на облаке опустился украшенный различными атрибутами бодхисаттва Арьябало⁹²², [18a] который приказал палачам ада:

— Выведите сюда всех находящихся в восемнадцати адах живых существ, которые в мире людей переписали высшую [сутру] «Дорджи чодба».

Так восемьдесят тысяч живых существ избавились от адских мук. Тогда тот человек опустился на правое колено и молвил:

— Пребывая в мире людей, я [тоже] один раз переписал «Дорджи чодба».

Услышав такие слова, палачи ада привели того человека к Эрлик-хану и доложили:

— Он в мире людей один раз переписал «Дорджи чодба».

Тогда Эрлик-хан открыл золотой сундук, заглянул в него и достал оттуда переписанную тем человеком «Дорджи чодба» с его именем.

Эрлик-хан спросил:

— Почему ты не сказал мне [об этом]? Прости меня за то, что отправил тебя в ад, хотя за тобой числится [такая] добродетель. Пусть на мне не будет [подобного] греха, — сказав так, помолился, усадил того человека на террасе на золотое седалище, сложил ладони и попросил того человека читать «Дорджи чодба», [а сам] внимательно слушал. Благодаря силе этой добродетели восемьдесят тысяч живых существ избавились от адских страданий и переродились в западной области Сукавади.

После этого Эрлик-хан возложил ладони на голову того человека, и когда тот направился в мир людей, овцы, свиньи, рыбы, олени, фазаны, зайцы, суслики, мелкие пташки, дикие мулы, мыши и [многие] другие сообщили Эрлик-хану следующее:

— Взыщите с этого человека долг за то, что он, убив нас, множество живых существ, поедал [наше] мясо и пил [нашу] кровь.

Эрлик-хан ответил всем тем живым существам:

— Поскольку этот человек для обретения большой счастливой судьбы переписал «Дорджи чодба праджня парамиту», то вы не причиняйте ему вреда. Если причините вред, то все вы падете к [перерождениям] в трех видах печальной участи и час избавления [для вас] не наступит.

Живые существа не поверили и сказали:

— Мы не отпустим этого человека, — и задержали его.

Тогда Эрлик-хан поместил на одну чашу весов «Дорджи чодба», а на другую — всех тех многочисленных живых существ и взвесил их. «Дорджи чодба» оказалась весомее, а многочисленные живые существа легче. Оказавшись легче, те живые существа удивились и преисполнились благоговения. [18b] Уверовав в высшую святую книгу, они пали ниц и попросили:

— Соизволь простить всех нас многочисленных живых существ.

Когда те живые существа скончались, они переродились в области тридцати трех тэнгриев.

Эрлик-хан отправил того человека в мир [людей]. Когда тот вышел из ворот ада, то снаружи увидел царя из мира людей, на шее которого были железные оковы.

— Ты узнал меня? — спросил царь.

— Узнал, — молвил тот человек. — Вы царь моей страны. Почему вы попали сюда?

Царь ответил:

— В мире людей я заблуждался, сомневаясь в святом учении — истинно оно или нет. И хотя я покаяться, грехи не очистились. Когда прибудешь в мир людей, передай моему царственному сыну, чтобы велел переписывать и читать книгу «Дорджи чодба» и [тем] избавил меня от этих страданий.

⁹²² Арьябало (Arya-a-balo, санскр. Avalokiteśvara) — один из восьми бодхисаттв (Сынов Будды), олицетворявший величайшее сострадание и милосердие ко всем живым существам и пользовавшийся большой популярностью и почитанием среди тибетских и монгольских буддистов.

Тот человек, прибыв в мир людей, выздоровел и вспомнил напутствие хана. Услышав голоса родственников, тот человек пошевелился. Когда он шевельнулся, все родственники в страхе бегали прочь. Тогда тот человек встал и сказал родственникам:

— Вы не убегайте от меня. Эрлик-хан отправил меня посланником в мир людей, — и позвал их обратно.

Люди не поверили. Если умерший человек встает, то это подозрительно. Тот человек сказал воссевшему на престол сыну царя:

— Твой царь-отец послал меня, чтобы передать такие слова: «В мире людей я заблуждался, сомневаясь в святом учении — истинно оно или нет. И хотя, понимая, что унизил [святое учение], покался, [этот грех] не очистился. Поэтому ради [моего] покаяния пусть перепишут и читают „Дорджи чодба“ и избавят [меня] от этих страданий».

Царевич, выслушав слова царя-отца, сто восемь раз переписал книгу «Дорджи чодба» и в течение недели читал ее. Благодаря могуществу этой книги царь-отец избавился от адских мук и обрел святость будды. [19a] А тот [человек] счастливо прожил долгие годы. При жизни он и утром и вечером с усердием читал «Дорджи чодба», сделав ее своим покровителем. Благодаря ее могуществу, скончавшись, он возродился из лотоса возле будды Амитабы в [области] Сукавади.

Восьмая глава сутры, повествующей о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты», о том, как убийца избежал ада и переродился в области Сукавади.

Однажды некий мирянин заболел. Сколько его ни лечили, болезнь не проходила. Тогда жена того мирянина в священном месте зажгла курительную свечу, поклонилась всем буддам и бодхисаттвам десяти сторон [света]⁹²³ и помолилась:

— Если есть средство излечить от болезни хозяина моего дома, соизвольте указать мне его.

Тогда с небес прозвучал голос:

— Читай книгу «Дорджи чодба».

«Дорджи чодба» искали повсюду, но не нашли. Тогда очистили все снаружи дома, опрыскали [благовонной] водой, [украсили] зонтами, изображениями [будд], драгоценностями и цветами. Зажгли курительные свечи, ладан, кипарис и прочие благовония. Согласно тому, что прозвучало с небес, [мирянин] произнес благопожелание: «В час, когда нахожусь при смерти, дайте мне скорее покровительственную книгу „Дорджи чодба“».

Незамедлительно появился монах с книгой в руках.

— Я принес эту покровительственную книгу для того, чтобы мирянин избавился от болезни, — сказал он.

Когда мирянин взял книгу, поклонился и помолился монаху, тот чудесным образом исчез. Тот мирянин в течение семи дней читал «Дорджи чодба», и тяжелая болезнь его прошла. Сила и внешний вид его не ухудшились, а, наоборот, стали лучше. Мирянин преисполнился великого благоговения перед этой покровительственной книгой. Все люди избавились от страданий. Царь и весь народ уверовали [в «Дорджи чодба»] и стали почитать ее.

Девятая глава сутры, повествующей о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты», о том, [19b] как мирянин, тяжело заболев, в свой предсмертный час избавился от страданий, а царь и весь народ обратились в святую веру.

Однажды, когда в одной стране произошла внутренняя смута и многие люди убивали друг друга, там был человек, читавший «Дорджи чодба». Боясь смерти, он

прыгнул со [стены] крепости. В это время снаружи стоял человек с мечом в руках, приготовившийся убить его. Однако, прежде чем человек упал на землю, покровитель добродетели тэнгрий схватил его за плечо и спас жизнь. От тела того человека всю жизнь исходил чудесный божественный аромат.

Десятая глава сутры о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты» о том, как покровитель добродетели тэнгрий спас человека от убийства вражеским войском.

В другой стране у одного мирянина был сын, умевший метко стрелять из лука. Этот юноша убивал зверей, птиц и множество других живых существ. Однако он постоянно читал книгу «Дорджи чодба». Когда этот [читавший] «Дорджи чодба» юноша скончался в раннем возрасте, одна его нога [долго] не остывала, поэтому труп его в течение семи суток не выносили [из дома]. Тогда он ожил и рассказал всем родственникам о стране Эрлик-хана: «Как только слуги Эрлик-хана привели меня к нему, Эрлик-хан спросил:

— Юноша, обретя прекрасное рождение [в облике] человека, какие благие деяния ты исполнил?

— Постоянно читал книгу под названием „Дорджи чодба“, — ответил я.

На это Эрлик-хан молвил:

— Из всей совокупности твоих добрых дел нет [деяния], равного этому. В стране Эрлик-хана [для спасения] нет более могущественной силы, чем книга „Дорджи чодба“.

Дав такое наставление, он продолжил:

— Юноша, жизнь твоя окончилась. Однако благодаря тому, что ты читал божественную книгу „Дорджи чодба“, избавляющую от страданий многие живые существа, отправлю тебя обратно в мир людей. Чтобы ты убедился, каковы в аду страдания всех живых существ, иди и посмотри. Этот мир иллюзорен и утомителен.

После этого Эрлик-хан дал мне наставление. Из всех [наказуемых] грехов [20а] Эрлик-хан велел мне посмотреть один. Взглянув, я увидел, что на железной, раскаленной, пылающей земле тело каждого [лежащего там] живого существа было прибито сотней гвоздей. В рот им вливали расплавленный чугун. Эрлик-хан сказал также:

— Юноша, ты должен был отправиться в этот ад. Но благодаря могуществу, [которое дает] чтение этой божественной книги „Дорджи чодба“, подобной нектару „Праджня парамиты“, [учения] всех будд трех времен, я и отправил тебя в страну людей.

Тогда дикие звери, другие многочисленные домашние животные, а также множество птиц отказались от злых намерений в отношении того юноши. Услышав, что из всех святых книг Эрлик-хан проповедовал пользу именно этой книги — «Дорджи чодба», все живые существа преисполнились великого благоговения. Сложив ладони, почтительно попросили прощения у того юноши и отпустили [его].

Возвратившись в мир людей, тот юноша с чувством великой радости переписывал и читал книгу «Дорджи чодба». В результате этого юноша крайне обнищал. Взяв у других людей в долг, переписал «Дорджи чодба» сто восемь раз и раздал ее ста восьми человекам. Велел [другим] также переписывать и читать «Дорджи чодба» и раздавал обильное религиозное подаяние. После этого жизнь того юноши продлилась и он обрел покой и счастье. Скончавшись, [он] возродился в западной области Сукавади.

Одиннадцатая глава сутры о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты» о том, как грешный юноша избежал адских мук и возродился в области Сукавади.

В другой стране у одного мирянина была дочь. Через месяц после того, как ее выдали замуж, она скончалась. Неожиданно она спустилась с небес и пришла к отцу и матери. Родители и родня спросили у этой явившейся [девицы]:

— Зачем ты пришла?

Девушка ответила своим родителям:

— У меня нет греха привязанности к бренному миру и прочих [подобных] грехов. Кроме того, что для моей свадьбы забили корову и овцу, за мной нет иных грехов. В стране Эрлик-хана за привязанность к мирской суете бывают очень мучительные страдания. В стране Эрлик-хана любого человека, переписывавшего и читавшего «Дорджи чодба», Эрлик-хан усаживает на престол, украшенный золотом, серебром и разными другими драгоценностями. Грехи устраниются. [20b] Добродетель значительно приумножается, и всех отправляют в страну будд.

[После этого] девушка попросила родителей:

— Ради моего [спасения] читайте «Дорджи чодба», — и исчезла.

Тогда отец и мать ради [блага] дочери в течение семи суток читали «Дорджи чодба». Ночью седьмого дня во сне родители услышали голос:

— Благодаря могуществу «Дорджи чодба» я избавилась от адских мук и вновь обрела драгоценное тело человека.

Двенадцатая глава сутры о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты» о том, как девушка избежала ужасов ада и обрела рождение [в облике] мужчины.

В стране Ява у одного мирянина был очень способный сын. Родители послали сына обучаться грамоте. Вместе с сыном отправили юношу-слугу. Слуга научился читать и писать лучше своего господина. Тогда учитель, прибегнув к хитрости, отослал слугу. После высылки [слуги] совершил преступление и был наказан. В наказании юноша стал пасти скот за пределами города, где находилось большое поле размером в двадцать маховых сажень.

Выпасая скот, он вспомнил, что, в то время когда обучался грамоте вместе с сыном князя, он слышал о пользе книги «Дорджи чодба», и пожелал за время пастушества переписать «Дорджи чодба». Он решил: «Пока буду пасти чужой скот, сокращу свое пропитание и, получив плату за выпас скота, куплю бумагу и чернила». Чернила и перо нашлись. Бумагу же купить не смог. Тогда у одного человека одолжил покровительственную сутру «Дорджи чодба», развел в котле чернила и, взяв в руки перо, отправился на пастбище. Придя туда, начертил на земле линии, размечая их с помощью срезанного тростника. Расстояние [между линиями] сделал в два локтя. [21a] Снял с шеи четки, [с их помощью] подсчитал все буквы, разметил их на земле и решил: «Перепишу эту покровительственную книгу „Дорджи чодба“».

Однако тот юноша-пастух вдруг подумал: «Если многие живые существа станут почитать эту высшую книгу, то избавятся от всех страданий в области восемнадцати адов. Но если я напишу на земле, то многие пастухи затопчут ее и все отправятся в ад. Поэтому, несмотря на то что, почитая эту высшую книгу, перепишу ее на земле, грехи и пороки мои приумножатся и мне не избежать низших рождений».

[В нем] опять зародилось благоговение. Сделав жертвоприношения четырем сторонам света, решил: «Я хотел переписать „Дорджи чодба“, но из-за своей бедности не смог достать бумаги. Поэтому перепишу эту сутру на небесах». Юноша-пастух приготовил чернила, взял в руки перо и, сидя в том месте, где хотел на земле переписать сутру, написал покровительственную сутру «Дорджи чодба» на небесах.

Закончив переписку книги, он встал, зажег курительную палочку и произнес благопожелание: «Если эта покровительственная книга „Дорджи чодба“ действительно могущественна, как об этом говорят, то пусть у меня появятся признаки того, что я наделен великой добродетелью, подобно Будде, преподававшему эту „Дорджи чодба“».

Благодаря силе благословения того, кто, желая переписать «Дорджи чодба», записал ее на земле, грубая, твердая почва стала подобна мягкой подстилке. На этом

месте выросли благоуханные небесные цветы. В этой местности прекратились град, ураганы, сильные ливни, снегопады, засуха.

Тринадцатая глава сутры, повествующей о пользе «Дорджи чодба праджня парамита», о том, сколь велика оказалась польза того, что пастух переписал «Дорджи чодба» на небесах.

Некий мирянин заказал переписать сутру о пользе «Дорджи чодба». Когда он отправился в дом переписчика, чтобы принести [сутру] домой, за ним последовала его семилетняя дочь. Возвращаясь домой, отец подумал: «Если буду почитать эту высшую книгу, то обрету рождение в области будд. [21b] Если же отнесу покровительственную книгу „Дорджи чодба“ в грязное место, это не станет моей добродетелью и я возрожусь низкородным». Подумав так, он отдал «Дорджи чодба» дочери. Девочка, держа книгу, прошла семь шагов и возвратила ее отцу.

Девочка, постарев и скончавшись, возродилась из лотоса в области тридцати трех тэнгриев благодаря тому, что семь шагов пронесла «Дорджи чодба». Семь раз она перерождалась тэнгрием. Жила очень счастливо и радостно. Умерев, она возродилась из лотоса у стоп будды Амитабы в западной области Сукавади и отправилась в область бодхисаттв.

Четырнадцатая глава сутры, повествующей о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты», о том, как дочь мирянина возродилась в области тэнгриев.

Был некий монах скверного поведения, нарушавший светские и религиозные законы и носивший рваную, залатанную одежду. Приобретая у населения той местности мясо и рыбу и употребляя их в пищу, он порочил себя. Он сам портил свой внешний вид. И хотя он постоянно читал книгу «Дорджи чодба», хан и весь народ не считали того монаха по имени Джилуба за человека.

Когда тот Джилуба скончался, от того места, где находился его труп, на пять бээр вокруг распространился аромат различных небесных курительных палочек. Однажды ночью послышалось звучание флейты и арфы.

В начале лета он скончался, сидя, скрестив ноги. В течение четырех лет он оставался как живой. Члены его не ослабли. Внешность не ухудшилась. Тогда монахи той общины, собравшись, покрасили его тело различными красками. Оно и поныне в таком виде находится в Китае. Тэнгрии хранители добродетели приносят ему жертвоприношения. Все живые существа той местности постоянно пребывают в благополучии.

Пятнадцатая глава сутры, повествующей о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты», о том, как в смертный час монах по имени Джилуба проявил великие чудеса.

[22a] Сутра, повествующая о пользе «Дорджи чодба праджня парамиты» окончена.

Да пребудет вечная святость!

[Колофон]

Пусть все живые существа, стремящиеся к благоденствию,

Достигнут райских куш, следуя путем Ваджраччхедики,

Которую львиным гласом проповедал Всемогуший⁹²⁴

И без страха поведал монах Субуди⁹²⁵!

Пусть одушевленные существа выплывут из великого океана сансары

На корабле истинной мудрости,

⁹²⁴ Могущественный (čidayčid-un erketü) — эпитет Будды.

⁹²⁵ Субуди (Subudi) — один из ближайших учеников Будды.

Непрерывно читая

О пути, который проповедал Могущественный из Шакьев⁹²⁶!

Когда с чувством великого благоговения *Магада-Бингту хатун*

Из драгоценного золотого рода

Издавна прославившегося *Сайн-Вачирай хана*,

Стремясь к солнцу пользы

Пути спасения «Ваджраччхедеми»,

Вознамерившись полностью осветить

Лотос сердец всех живых существ

И желая переродиться в безмятежной области, попросила,

*Монах Джин цорджи лама*⁹²⁷,

Зарождая [в людях] чистые набожные мысли,

Не побоявшись, полностью перевел с индийского и тибетского [языков]

На монгольское наречие

Эту книгу о пользе «Дорджи чодба»,

Записав на бумаге

И пользуясь могуществом прежних благопожеланий,

Байнджуур-Санджи переписал в форме сутры⁹²⁸.

Благодаря силе этой исполненной добродетели

[Пусть] владыки, ханы и прочие [правители] уподобятся родителям.

Пусть все скорбящие живые существа избавятся от мук и страданий

И быстро обретут святость могущественного Будды!

Окончено в счастливый день среднего летнего месяца двадцатого года в местности Джунгор.

Написал, в целом завершив радостные письма.

Summary

A.G. Sazykin

An Early Mongol Translation of the Collection of Stories about the Good of the *Diamond Sutra*

The collection of stories about the good of the *Vadjrachkhedika* (the *Diamond Sutra*), which was translated from the Tibetan language into Mongol many times and spread among various Mongol peoples, has acclaimed a great popularity. As a rule, there are no translator's colophons in the extant manuscripts or xylographic editions of this collection of stories. For the first time, the name of a Mongol translator—Djin-tsordji—appears in the Ulan Bator manuscript. Also its colophon contains the year of translation—1623. Recently another manuscript with a colophon of the same translator has been found in the Mongol collection of the St. Petersburg Institute of Oriental Studies (RAS). The present full edition is based on the St. Petersburg manuscript (code Q 415). This is the earliest precisely attributed Mongol translation of the collection of stories about the good of the *Diamond Sutra*.

⁹²⁶ Могущественный из Шакьев (*Šakilig-ud-un erketü*) — эпитет Будды.

⁹²⁷ Цорджи лама (*čorji blam-a*) — монастырская должность. В обязанности цорджи входит наблюдение за порядком во время богослужения, а также вообще за порядком в монастыре.

⁹²⁸ Сутра (*sudur*, санскр. *sutra*) — священный текст, содержащий проповедь Будды.

Рис. 1. Листы 13b-14a

Рис. 2. Листы 14b-15a

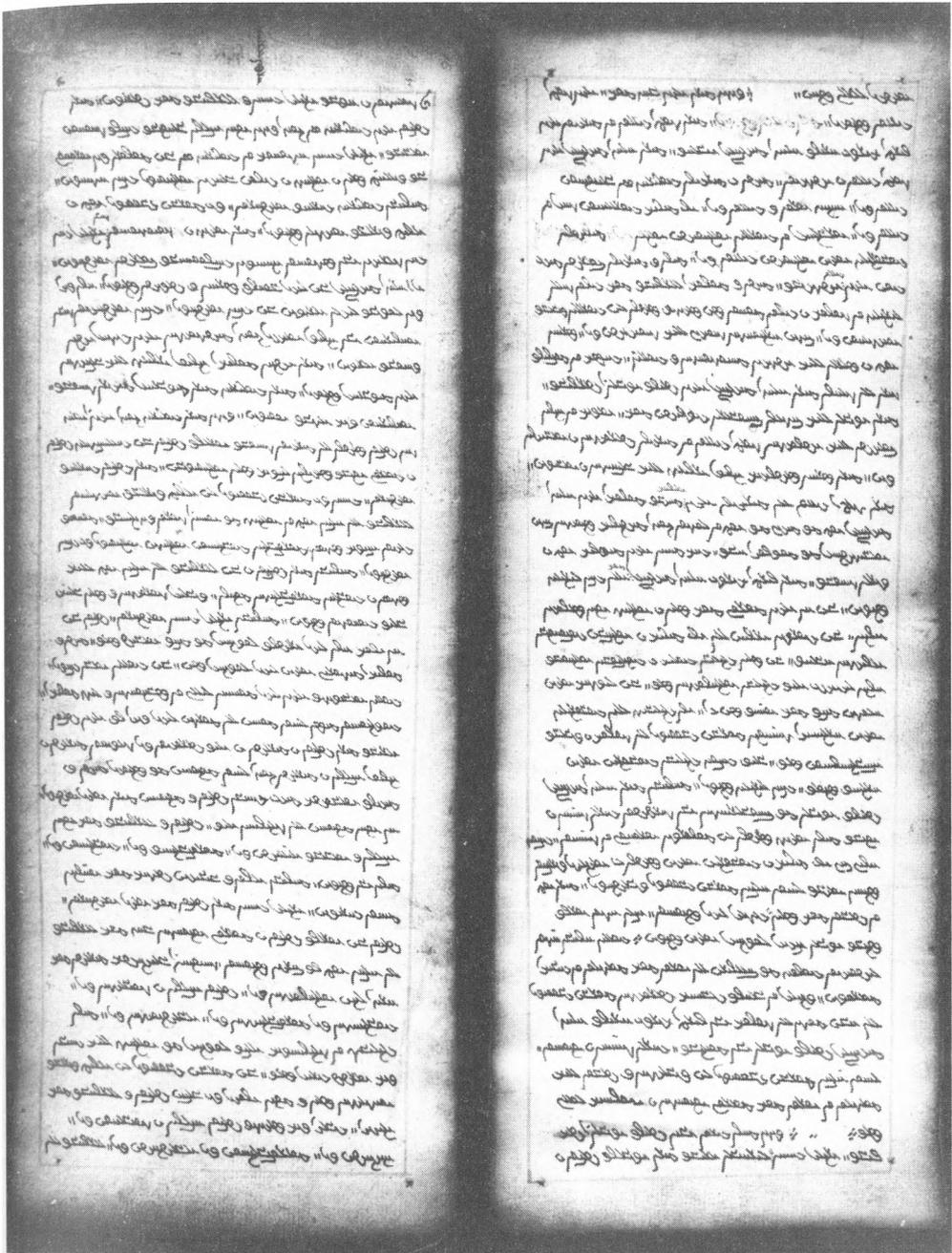

Рис. 3. Листы 15b-16a

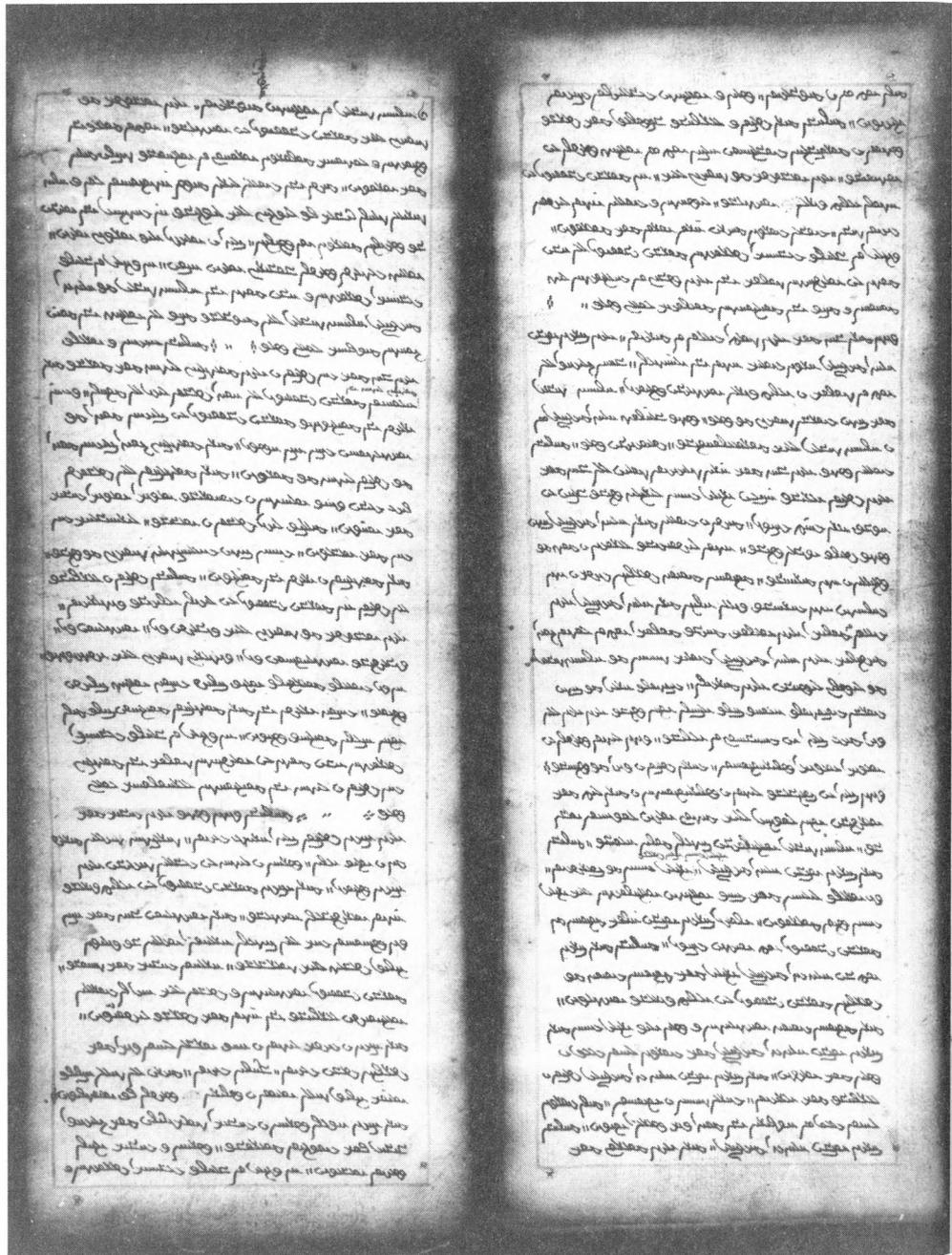

Рис. 4. Листы 166–171а

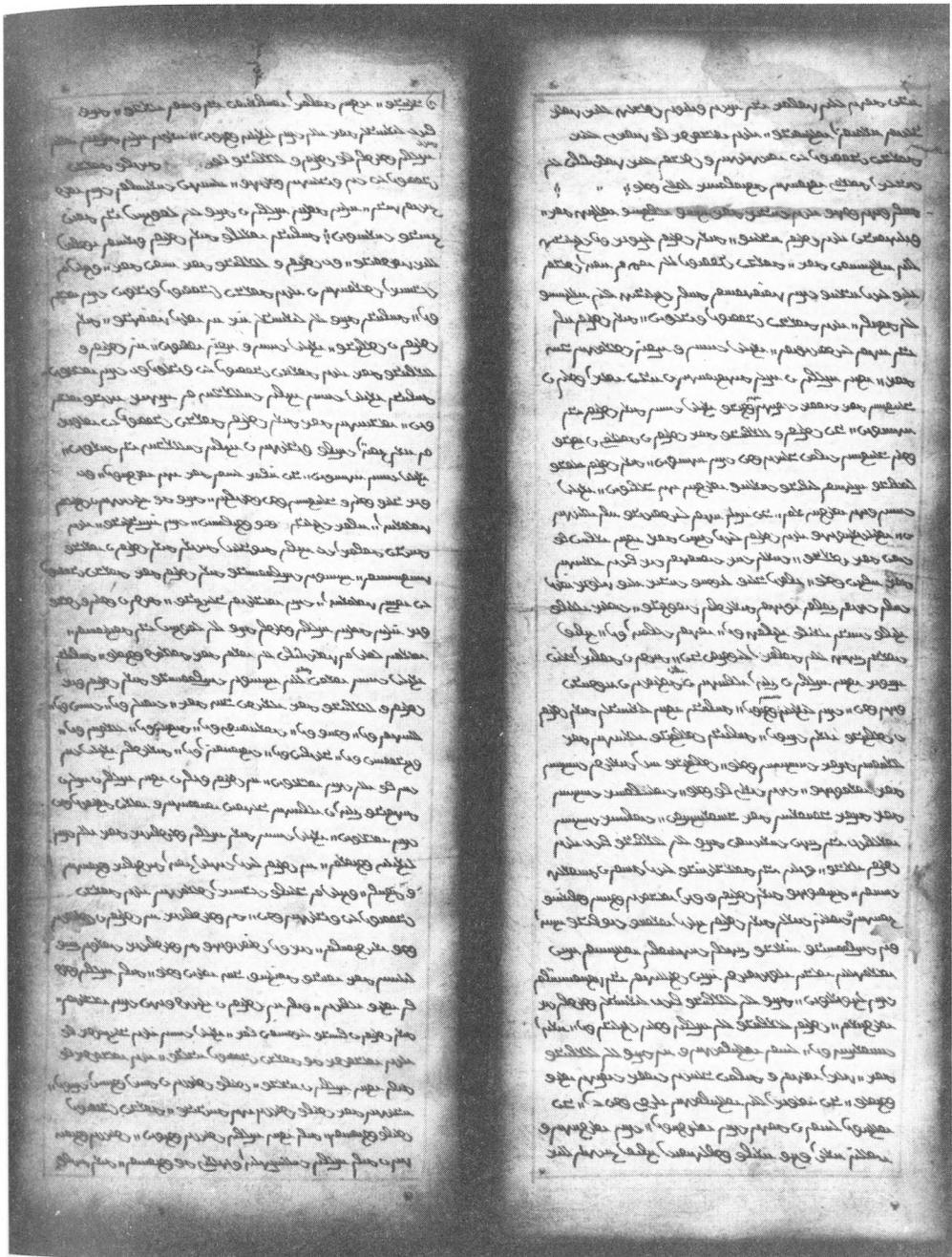

Рис. 5. Листы 177-18a

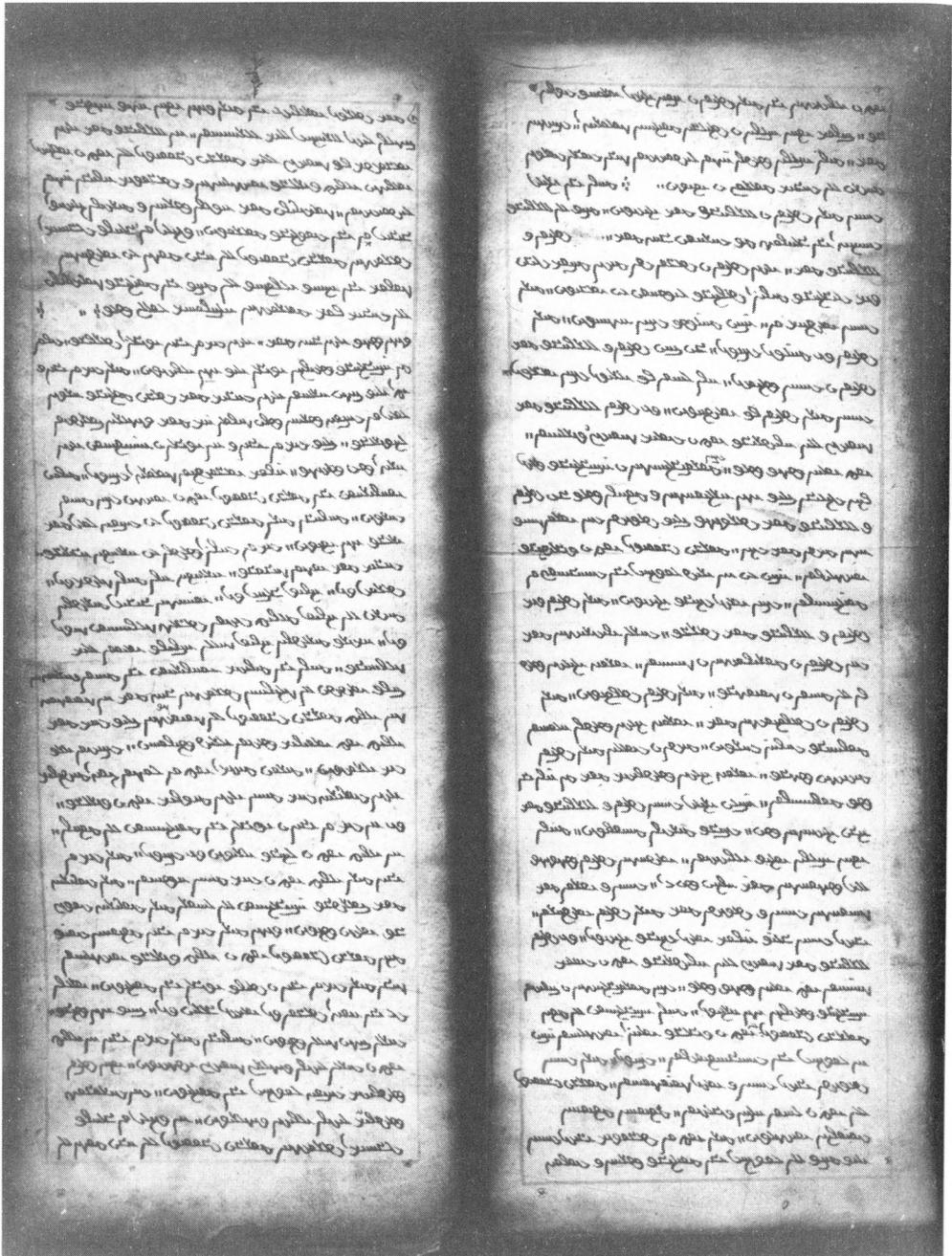

Рис. 6. Листы 18b-19a

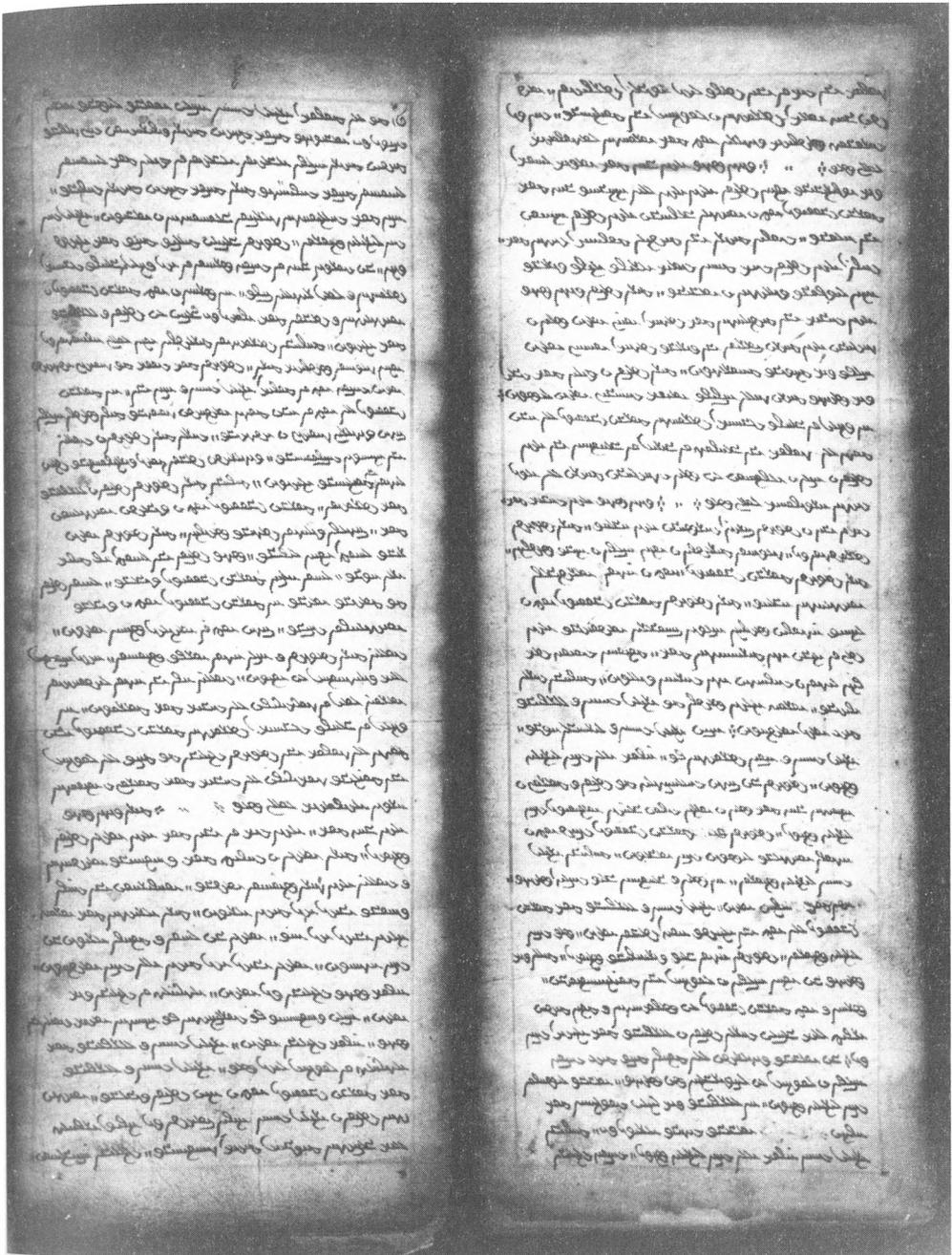

Рис. 7. Листы 19б-20а

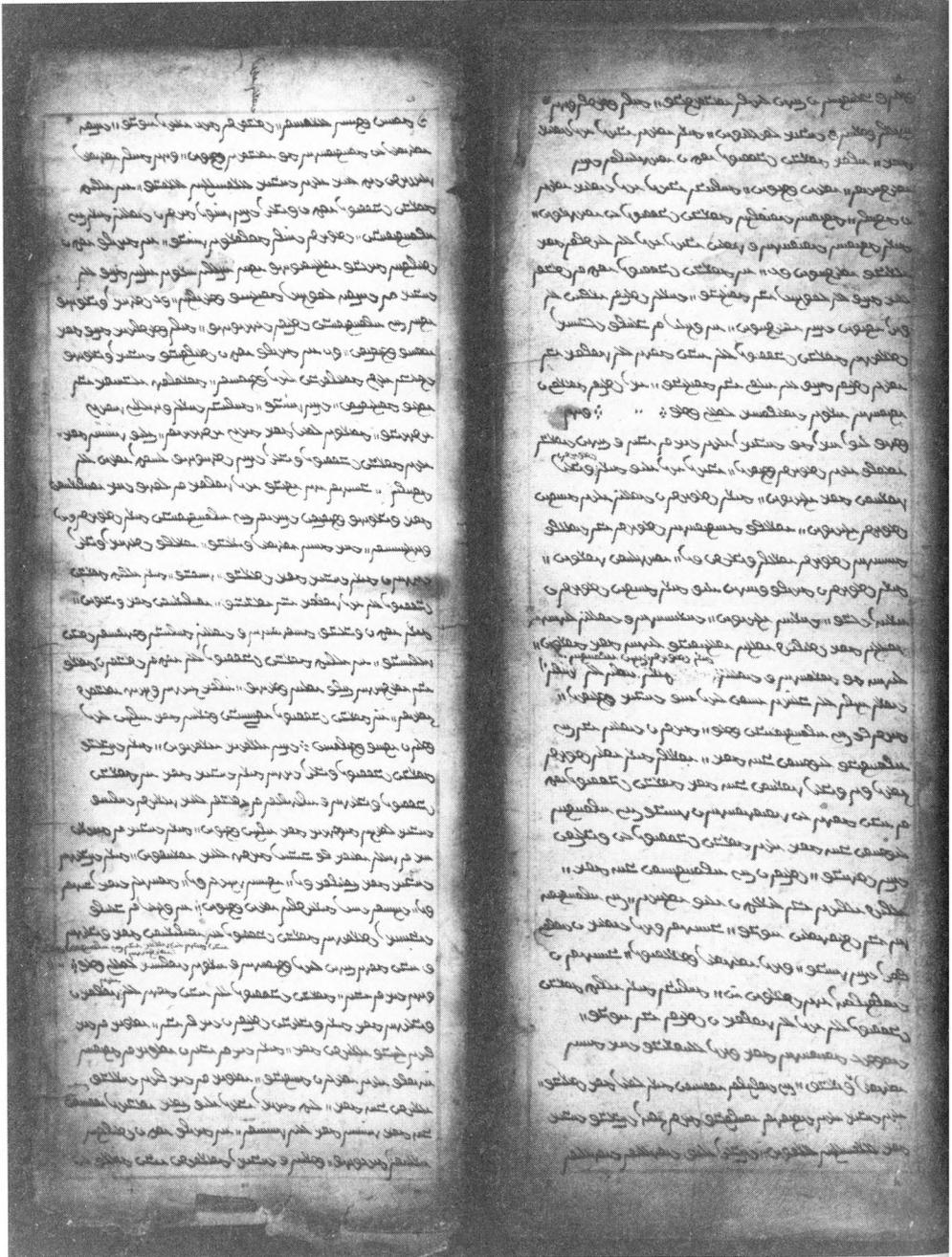

Рис. 8. Листы 20b-21a

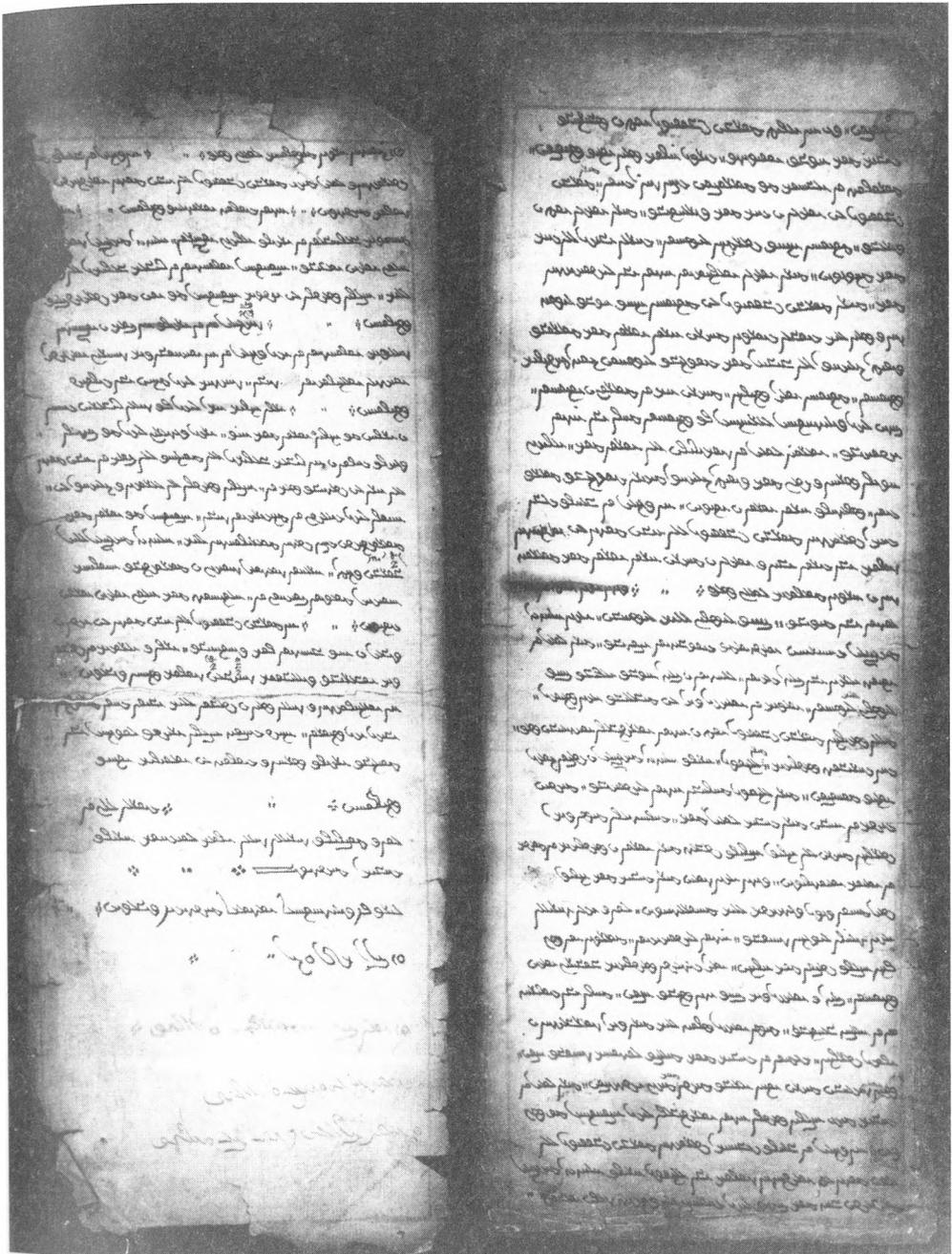

Рис. 9. Листы 21b-22a

«Книга о верности»

Предисловие, перевод и примечания И.Ф. Поповой

Верность (忠 чжун) относится к числу тех фундаментальных и многозначных категорий, которые, зародившись в глубокой древности в классических книгах, прошли через всю историю традиционной китайской идеологии, обеспечивая ей преемственность и жизнеспособность на протяжении тысячелетий. В разные периоды истории Китая категория «верность» составляла важнейший элемент государственной идеологии, большую роль отводившей воспитательной и вспомогательной функциям сановника по отношению к государю. Среди важнейших качеств, присущих образцовому подданному, *верность* занимала главенствующее положение. Эта категория лежала в основе осмысления способов самореализации личности в традиционной китайской культуре.

Разъяснение и анализ категории *верность* осуществлялись обычно через фундаментальную категорию *сыновней почтительности*, а аргументация строилась на сопоставлении понятий *государство* и *семья*. Параллельные высказывания: «Сын должен быть почтительным, подданный должен быть верным» восходят к раннему конфуцианству. Значительные изменения в толковании категории *верность* произошли при династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), когда собственно оформилась государственная доктрина императорского Китая. Социально-философские произведения, созданные в ханьскую эпоху, во-первых, детально конкретизировали *верность* в соответствии с социальным статусом и, во-вторых, отдавали *верности* почти безоговорочный приоритет перед *сыновней почтительностью*.

Назидательный трактат «Книга о верности» («Чжун цзин») был написан известным ученым-филологом, комментатором и поэтом Ма Жунем (Ма Цзи-чаном, 79–166) в период с 147 по 166 г., когда автор занимал должность наместника (*тайшоу*) области Наньцзюнь (на территории нынешней пров. Хубэй)¹.

Предлагаемый ниже перевод «Книги о верности» выполнен по изданию в серии «Цун шу цзи чэн»².

Книга о верности

Предисловие

составлено наместником [области] Наньцзюнь Ма Жунем при Поздней Хань

«Книга о верности» написана под влиянием «Книги о сыновней почтительности». Конфуций говорил, что суть сыновней почтительности состоит в служении государю и тот, кто знает, что такое сыновняя почтительность, [способен] воплотить и верность [подданного]. Проявляя верность и сыновнюю почтительность, воздают за милость

Попова Ирина Федоровна — д.и.н., директор СПбФ ИВ РАН.

¹ Хоу Хань шу (История династии Поздняя Хань). Сост. Фань Е // Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936. Цз. 90.50. С. 12а.

² Чжун цзин (Книга о верности). Сост. Ма Жун // Цун шу цзи чэн. Шанхай, 1936. С. 1–11.

государю и родителям, выполняют долг подданного и сына. Верностью нельзя пренебрегать в государстве, от сыновней почтительности нельзя отказываться в семье. Но о сыновней почтительности существует трактат, а о верности [подданного] — до сих пор не было, и посему [я], толкуя слова Конфуция, написал [сию] «Книгу о верности».

Нынешний государь имеет облик, как у Пао и Сюаня, добродетели, как у Сюня и Хуа, и нет таких отдаленных уголков, где бы не находил [он себе] помощников и мудрецов³.

Я, [Ма] Жун, подданный, живущий в уединении, неразумный и простой по натуре, удостоившийся щедрых милостей, — разве могу [я] молчать? [Я] создал сей труд в надежде хоть немного содействовать [управлению]. Хотя слова и доводы [мои] настолько пусты, что не стоило бы и произносить их!

Верность потому и существует, что живет в наставлениях. Наставления [эти] всеобъемлющи! Что же можно добавить по поводу верности [подданного] и сыновней почтительности?

Выделив главное и второстепенное, [я] составил главы, приведя цитаты из «[Книги] песен» и «[Книги] документов», разъяснил основную суть. Я учился на древних истинах, и каким же образом осмелился подражать им?

Видя их сходство и отличие, я должен был привести их последовательно; или [процитировать] параллельно, чтобы показать их содержание; или переместить, чтобы объединить их по признаку подобия; или сократить, чтобы упростить их; или дополнить, чтобы исчерпывающе изложить их суть. Так [я] сопоставил верность с сыновней почтительностью, а также написал восемнадцать глав, для того чтобы в них прославить высшую справедливость, поощрить совершенную искренность, определить главное в управлении [государством], основное в служении правителю.

Начинают с утверждения [на пути] добродетели, заканчивают достижением заслуг. В этом состоит смысл «Книги о верности».

Предисловие с почтением [составлено мною].

Глава 1

Духи Неба и Земли

В древности, когда [на Земле] царил совершенный порядок, правители и народ обладали единой добродетелью, и Небо ниспосылало [им] за это счастье. Так воплотился Путь-Дао верности.

Из всего, что существует под Небом и на Земле, что имеет хождение среди людей, ничего нет превыше верности. Верность — это середина, высшая справедливость и беспристрастность. Беспристрастность Небес проявляется в смене времен года, беспристрастность Земли — в порождении сущего, беспристрастность людей — в величайшей честности.

Верным называют того, кто сохраняет свое сердце цельным.

Все, что составляет основу государства, разве не исходит от верности? С помощью верности можно привести в согласие правителей и подданных, умиротворить страну, растрогать [духов] Неба и Земли. А что же тогда говорить о людях?

Известно, что верность начинается с [отдельных] людей, проявляется в семье, находит наивысшее воплощение в государстве и [везде] соблюдается одинаково. Посему источник верности заключается в человеке, ее продолжение — в семье, заверше-

³ Здесь имеется в виду ханьский император Хуань-ди (147–167). Пао — император Фу-си, Сюань — имя легендарного императора Хуан-ди, данное ему по названию холма Сюаньюань, где он родился. Сюнь (Доблестный) и Хуа (Великолепный) — соответственно титулы Яо и Шуня.

ние — в государстве. Когда человек целеустремлен, множество благ стекается [к нему]; когда семья сплочена, то родственники живут в согласии; когда государство едино, десятки тысяч людей пребывают в мире. В «[Книге] документов» сказано: «Лишь чистый и цельный искренне придерживается срединного пути»⁴.

Глава 2

Совершенномудрые государи

Только правители, обладавшие совершенной добродетелью, [могли] управлять множеством государств. Сверху донизу — ко всем обращались [они] с почтением. Взирая горе, служили Небу, обращаясь долу — Земле, находясь посередине — стране⁵. Так [они] заботились о народе, и народ преобращался под их влиянием, весь до единого [человека] даруя им искреннюю верность.

Вот почему [государям следует] проявлять чрезвычайную осмотрительность, день ото дня приумножать [свою] мудрость, жалованье предоставлять мудрым, должности — способным, подавать [подданным] примеры для великого преобразования. Когда милости [государя] изливаются долго, то простой народ следует [за ним].

Посему замыслы монарха должны быть велики, поступки очевидны всем в Поднебесной, молва [о нем должна] передаваться последующим поколениям, и таким образом государство будет сохранено [в целости], а почившие предки прославлены.

В этом заключается верность совершенномудрых правителей. В «[Книге] песен» сказано [о государе Вэнь-ване]: «Вышнему Неба владыке со славой служил, много от Неба он принял и благ, и щедрот»⁶.

Глава 3

Высшие сановники

В служении сановника правителю верность является первоосновой. Имея [прочную] основу, добиваются преобразования народа.

Высшие чины с государем составляют будто одно тело. Сановники служат, государь доверяет [им], и благодаря этому [сановники] могут проявить свою верность.

Разве верность заключается лишь в том, чтобы, не щадя себя, содействовать правителю; чтобы служить государству, забывая о семье; чтобы соблюдать внешние приличия, произносить неллицеприятные речи и чтобы в трудную минуту предпочесть смерть утрате добродетели? [Верность] проявляется в глубоких замыслах, самозабвенном служении, упорядочении государства, умиротворении народа.

[Правитель] назначает на должности мудрых, чтобы установить порядок [в государстве], и после [сидит], облекшись в парадные одежды, а преобразование [народа] осуществляется само собой.

Такого государя почитают, [будто он] обладает величием Неба и Земли, ясностью Солнца и Луны, упорядоченностью [стихий] Инь и Ян, постоянством времен года. Совершенная добродетель [его] могуче изливается [повсеместно], и звучит славословие [ему]. В «[Книге] документов» сказано: «До чего ясна голова! До чего надежны руки и ноги! Сколь благополучно свершаются все дела!»⁷.

⁴ Шан шу (Книга документов) // Сы бу цун кань. Шанхай, 1936. Цз. 2.3. С. 4а–4б; Legge J. The Chinese Classics. Vol. 3. Pt. 1, 2. The Shoo King, or the Book of Historical Documents. L., 1865. С. 61–62.

⁵ Букв. *цзунмяо* — храм предков государя; государство, империя.

⁶ Мао Ши Чжэн цзянь («Книга песен» в редакции [господина] Мао с комментарием [господина] Чжэна) // Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936. Цз. 16.23. С. 3б; Шицзин. Пер. А.А. Штукина. М., 1957. С. 332.

⁷ Шан шу. Цз. 2.5. С. 13а; Legge J. The Chinese Classics. С. 89.

Глава 4 Чиновничество

Если в государстве заведено, что чиновников назначают лишь за способности, а должностные лица с почтением выполняют [свои] обязанности, такое не является воплощением Пути-Дао верности.

Когда благородный муж служит государю, [он] приходит [к нему] и излагает свои замыслы; выходит [от него] и осуществляет [определенные государем] принципы управления; на покое размышляет о его Пути-Дао; на службе соблюдает ритуал. Исполняя должность, [благородный муж] не колеблется; обсуждая дела, не ведает боязни; ради пользы государства забывает о себе.

Низшие и высшие нуждаются друг в друге. Посему верность чиновничества заключается в том, чтобы прославлять добродетели государя. В «[Книге] песен» сказано: «Свершайте же мирно на службе свой долг, Пусть честный в любви с благородным живет!»⁸.

Глава 5 Наместники и министры

Исполняя должность, [надлежит] быть четким; занимаясь делами, [надлежит] быть невозмутимым; утверждаясь [на пути добродетели], [надлежит] быть спокойным. Спокойный не имеет страстей; невозмутимый чужд несправедливости; четкий может надлежащим образом соблюдать обычаи. Если человек обладает [этими] тремя качествами, [он] способен управлять людьми.

Благородный муж в полной мере воплощает свои верность и способности, и таким образом добивается выполнения указов и распоряжений, а тот, кто не [способен] управлять, и не слышал [о перечисленных качествах].

Известно, что все люди хотят спокойной [жизни]. Следуя наставлениям благородного мужа, они обретают [ее]. Все стремятся к богатству. Слушая поучения благородного мужа, они обогащаются. [Благородный муж] одаривает их гуманностью и справедливостью, и сердца их успокаиваются. [Он] направляет их с помощью ритуала и благорасположения, и дух их укрепляется. [Он] прославляет добродетели государя, чтобы усилить его преобразующее влияние. [Он] растолковывает государственные законы, чтобы не было преступлений. Когда правитель относится к людям как к детям, то они любят его как отца.

В этом заключается верность наместников и министров. И в «[Книге] песен» сказано: «Достойные, милые гости мои, Народу заменят и мать, и отца»⁹.

Глава 6 Народ

Небо и Земля спокойны, если государь обладает добродетелью. Когда добродетель государя очевидна [для всех], то [стихии] Инь и Ян, ветер и дождь находятся в гармонии. Народ доверяет [такому государю] и множит чад своих.

Посему [люди] благоговеют перед законами правителя, проявляют сыновнюю и братскую любовь к близким, выполняют повинности, сеют хлеб и убирают урожай, чтобы внести правителю налоги.

В этом заключается верность народа. И в «[Книге] документов» сказано: «Если один человек совершенен, то под его влиянием придут в порядок и все царства»¹⁰.

⁸ Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 13.20. С. 86; Legge J. Шицзин. С. 284.

⁹ Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 10.17. С. 2а; Шицзин. С. 216.

¹⁰ Шан шу. Цз. 2.5. С. 13а; The Chinese Classics. С. 89.

*Глава 7**Принципы управления*

Воспитание [народа] с помощью добродетели является наилучшим способом управления: люди незаметно для себя с каждым днем меняются к лучшему. Применение мер представляет собой обычный способ управления: людям ничего не остается, как делать добро. Использование наказаний — крайний способ управления: люди трепещут и не осмеливаются творить зло.

Прибегая к наказаниям, надлежит быть умеренным и беспристрастным; управляя с помощью установлений, надлежит быть кратким и умелым; преображая с помощью добродетели, надлежит быть просвещенным и постоянным.

Добродетель — главное в управлении. Если [государь] полагается на установления и не имеет добродетели, [он] является ограниченным; если [он] применяет наказания и не имеет добродетели, то является жестоким.

Посему благородный муж все внимание обращает на добродетель, совершенствует установления, почитает законы. Если верность его постоянна, то доверие к нему очевидно. Если [он] осуществляет это неустанно, разве останутся люди, не охваченные [благами] управления?

В «[Книге] песен» сказано [о Чэн-тане]: «Правя повсюду, любезен был всем! Небо его осчастливило множеством благ»¹¹.

*Глава 8**Военные приготовления*

Правитель применяет военную силу для устрашения Поднебесной и для умиротворения множества людей. Совершенная добродетель изливается на [варваров] *жунов* и *и*. Тот, кто удостоивается быть военачальником, обладает гуманностью, чтобы привлечь людей; справедливостью, чтобы воодушевлять их; придерживается ритуала, чтобы наставлять их; внушает доверие, чтобы управлять ими; поощряет их с помощью наград; взыскивает с них с помощью наказаний. И о [человеке], который воплощает эти шесть [качеств], говорят, что он приносит пользу.

Такому [человеку] воины служат всею душой, отдают все силы, рискуют жизнью. При наступлении одерживают победы, при обороне дают отпор.

Таков Путь-Дао военных приготовлений.

В «[Книге] песен» сказано: «Отважный воин — служит князю как крепость и щит»¹².

*Глава 9**Изучать настроения [подданных]*

Когда сановник, получив повеление Сына Неба, отправляется изучать настроения [народа] Поднебесной, то слух [его] не может не быть чутким, зрение не может не быть острым. Если [слух] чутко, то [сановник] способен разобраться в делах; если [зрение] острое, [он] умеет различать истину. Если [подданный] придерживается истины, [он] является верным, если понимает в делах, то является добросовестным.

Благородный муж забывает о личных интересах, сохраняет строгий вид, не вредит истине, не наносит ущерба людям. Рекомендуя на должности, [он] не поддается [никакому] влиянию; содействует добру и искореняет зло.

¹¹ Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 20.29. С. 13а; Шицзин. С. 463.

¹² Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 1.1. С. 7а; Шицзин. С. 16.

Если, соблюдая это, служат, то добиваются успехов, а если уходят [с должности], не оставляют [за собой] недовольства.

Когда так происходит, то в Поднебесной все рачительно выполняют служебные обязанности и мириады государств пребывают в спокойствии.

В «[Книге] песен» сказано: «И лошади мчатся, и хлещут бичи»¹³. Так [сказано] о желании быстрее испросить совета.

Глава 10

Воплощать сыновнюю почтительность

Почтительный сын непременно высоко ценит верность. Если [он] не имеет верности, то ни в чем не воплотит [он] Пути-Дао. Не имея верности, утрачивают то, чем обладают, вредят себе и навлекают позор на своих родителей. Посему благородный муж, чтобы быть почтительным к родителям, прежде должен проявить верность [к государю]. [Он] исчерпывает свою верность, и тогда счастье и почет находят его.

Ведь тот, кто заботится о [своих] родителях, будучи преисполненным любовью и уважением к ним, распространяет [эти любовь и уважение] на прочих людей. Это называется соблюдением сыновней почтительности. В «[Книге] песен» сказано: «Не оскудеет любовью твой сын, Благо вовеки тебе, господин!»¹⁴.

Глава 11

Улучшать управление государством

Управляя государством, просвещенный монарх выдвигает честных, удаляет подлых.

Криводушный [человек] не бывает верным, верный — всегда честен. Прежде всего [надлежит] учитывать, честный [человек или нет], и лишь затем находить применение его способностям. Посему наставники [наследников престола должны] быть добродетельны, а ближайшие помощники [правителей] — мудры и честны. [Народ] в границах государства умиротворяют с помощью просвещенности, а живущих за пределами страны устрашают, прибегая к военной силе. [Люди] покоряются под воздействием ритуала и музыки, остерегаются, [помня] о законах и наказаниях.

Посему великое преображение широко изливается [на народ], [варвары] мани и и покоряются, подданные живут в мире и счастье, государство пребывает в спокойствии и благополучии.

Так происходит, когда государь умеет дать [правильные] назначения сановникам; когда низшие верны [высшим], а высшие внушают [им] доверие.

В «[Книге] песен» сказано, что «помощники светлые»¹⁵ внушали спокойствие Вэнь-вану.

Глава 12

Достигать совершенного правления

В древности совершенномудрые [правители] взирали [на мир] глазами [народа] Поднебесной, слушали его ушами, а сердца [людей] считали [своим] сердцем. [Такие государи восседали] в парадных одеждах, а [люди] сами собой преобразались; [они] сохраняли спокойствие, и [более от них] ничего не требовалось. Можно сказать, что это и было совершенным правлением.

¹³ Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 9.16. С. 3а; Шицзин. С. 201.

¹⁴ Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 17.24. С. 6б; Шицзин. С. 359.

¹⁵ Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 19.26. С. 1а; Цз. 20.29. С. 4а.

Если государь стремится к совершенному правлению, то разве оно труднодостижимо?

Если [он] правит надеянием, то Поднебесная сама собой приходит в порядок. Если [он сам] не ведает сомнений, то [все] в Поднебесной без усилия доверяют ему. Если [он] беспристрастен, то в Поднебесной естественным образом устанавливается справедливость. Если [он] презирает редкости, то люди не ведают корысти. Если [он] отвергает роскошь, то люди невзыскательны. Если [он] придерживается истинного, то люди не прибегают к ложному. Если [он] почитает уступчивость, то люди не соперничают.

Такой [государь] добивается того, что в сердцах людей воцаряется мир, а в Поднебесной утверждаются добрые нравы; [он] делает жизнь [людей] радостной, продлевает их годы. И [его] превосходная, неизбывная, совершенная добродетель гармонична с природой.

В «[Книге] песен» сказано: «Не полагаясь на знания свои и на опыт, Ты подчинился владыкою данным заветам»¹⁶.

Глава 13

Прославлять величайшую мудрость

Великой добродетелью государя верный подданный гордится; недостаточной добродетели государя верный подданный стыдится. Малую добродетель [он] восполняет, совершенную мудрость [он] прославляет. Путь-Дао [верных сановников] древности состоял в этом.

Посему Цзю Яо воспевал добродетель Юй [Шуня], Чжоу-гун восхвалял Путь-Дао Вэнь-вана, а Цзи-фу превозносил в стихах расцвет при Сюань-ване¹⁷.

Если великий муж служит при выдающемся и просвещенном [государе], он непременно прославляет его. И тогда совершенная добродетель заполняет Поднебесную и передается последующим поколениям

В этом состоит верность!

Глава 14

Выделять верных

О сколь велико значение верности! Проявляя ее в отношении к близким, можно сохранить семью и государство. Распространяя ее на дальних, можно дойти до пределов Неба и Земли. Посему просвещенный правитель, управляя государством, прежде всего выделяет верных.

Слова благородного мужа наполнены верностью и не льстят. Слова ничтожного человека льстивы, прикрываются верностью и ложны. Внимающий непременно различит их.

Если верный [подданный] способен проявлять гуманность, то в государстве процветает добродетель; если верный [подданный] обладает мудростью, то в государстве с почтением относятся к принципам управления. Если верный [подданный] отличается мужеством, то в государстве [все] трудности преодолимы. И хотя [человек] обладает способностями, он добивается успеха с помощью верности.

Гуманный, но не имеющий верности пристрастен в своей милости. Мудрый, но не имеющий верности [может] приукрасить обман. Мужественный, но не имеющий вер-

¹⁶ Мао Ши Чжэн цзянь. Цз. 16.23. С. 13а; Шицзин. С. 346–347.

¹⁷ Цзю Яо, или Гао Яо, — прославленный советник императора Шуня; Чжоу-гун — советник чжоуского го Вэнь-вана; Цзи-фу (Инь) — наставник чжоуского Сюань-вана (827–782 гг. до н.э.).

ности легко становится бунтовщиком. Так, [человек], обладающий способностями, но не придерживающийся верности, терпит крах.

Эти три [качества] нельзя не различать, и в «[Книге] документов» именно об этом сказано: «Прославляйте добрых, отделяйте плохих»¹⁸.

Глава 15

Верноподданные советы

Для верного подданного в служении государю первейшим делом является предоставление советов.

Если низшие могут говорить, а высшие умеют слушать, то Путь-Дао правителя славен.

Предостерегающий по поводу того, что еще не случилось, является достойнейшим [из подданных]. Предостерегающий относительно того, что [еще] не стало очевидным, обычный [среди подданных]. Предостерегающий по поводу того, что уже произошло, низший [из подданных]. А тот, кто уклоняется и не подает советы, не является верным подданным.

Известно, что советы начинают с поучений, продолжают в изъяснении протестов, завершают лишением себя жизни во имя сохранения душевной чистоты. Так добиваются благоденствия государя и спокойствия в государстве. В «[Книге] документов» сказано: «Дерево выпрямляют с помощью плотничьего шнура, правитель становится совершенномудрым, следуя советам»¹⁹.

Глава 16

О воздаянии

Небо контролирует людей и непременно откликается на их добрые и злые [поступки]. Наивысшей из добродетелей является верность. Из зол наибольшим является отсутствие верности.

Если [подданный] верный, то счастье и удача стекаются к нему; если подданный не является верным, то наказания и кары находят его.

Благородный муж придерживается Пути-Дао и этим продлевает свое благополучие. Низкий человек отвергает общепринятые нормы и сам навлекает на себя несчастья.

Разве не ясны истоки благополучия и несчастья?

В «[Книге] документов» сказано: «Тому, кто творит добро, даруются все блага; на того, кто приносит зло, ниспосылаются все беды»²⁰.

Глава 17

Служение государству

Подданные служат правителю, исполняя должности. Высочайшей наградой для прежних и будущих поколений является добродетель государя.

Разве верный [подданный может] не думать о служении государству?

Благородный муж, не имеющий чина, [должен] содействовать [своему] правителю. [При этом он] не получает жалованья — и только.

Путь-Дао служения государству состоит из четырех [принципов]: первый — рекомендовать на службу мудрых; второй — излагать [свои] замыслы; третий — свершать подвиги; четвертый — приносить пользу.

¹⁸ Шан шу. Цз. 12.26. С. 2а; Legge J. The Chinese Classics. С. 573.

¹⁹ Шан шу. Цз. 5.12. С. 96; Legge J. The Chinese Classics. С. 253.

²⁰ Шан шу. Цз. 4.4. С. 76; Legge J. The Chinese Classics. С. 198.

Мудрость является основой государства; планы — образцами для государства; подвиги — защитой государства; польза — выгодой для государства. В этом состоит Путь-Дао служения государству, и, лишь обладая способностями к [перечисленным делам], можно следовать этому [Пути].

В «[Книге] песен» сказано: «Знай же, что слово найдет непременно ответ, Блага, чтоб кануло без воздаяния, нет»²¹. Что же говорить об отношении верного подданного к государству?

Глава 18

Быть верным до конца

Если [все] в Поднебесной до конца соблюдают верность, то добрые нравы процветают.

Когда благородный муж исполняет до конца [долг] верного [подданного], [он] отдает всю свою душу. Когда маленький человек исполняет до конца [долг] верного [подданного], [он] отдает все свои силы. Исчерпывая физические силы, подрывают здоровье; исчерпывая силы духовные, достигают непревзойденных высот.

Посему просвещенный монарх, управляя государством, назначает на должности мудрых, они истово выполняют [долг] верности, и добродетель правителя простирается [повсеместно].

Благодаря этому управление и просвещение возвышаются; ритуал и музыка процветают; наказания и кары становятся понятны; гуманность и милость распространяются и в пределах четырех морей царит Великое спокойствие.

Благие знамения подтверждают [это] и становятся очевидны и людям, и духам. [Такое] воспевают в одах и гимнах, прославляют в беспредельных владениях.

Summary

Ma Jong

The Book of Loyalty (Chung-ching).

Preface, Translation and Comments by I.F. Popova

The paper offers a Russian translation of the treatise *Book of Loyalty* written by Chinese philologist, commentator and poet of the Han dynasty Ma Jong (79–166) in the period of 147–166, when the author had a position of a governor (*t'ai-shou*) of Nanchun in modern Ho-pei province.

In his work Ma Jong offered a model for a faithful subordinate's behaviour and gave an interpretation of "loyalty" (*chung*), one of the fundamental categories, which provided viability and continuity for the traditional Chinese state ideology. In his analysis the author used a parallel of "loyalty" with "filial piety" (*hsiao*) and of state with family. The core of many of his arguments went back to the classical works: the *Book of Historical Documents (Shu-ching)*, and the *Book of Poetry (Shih-ching)*.

The translation is based on the edition of *Chung-ching* in *Ts'ung-shu-chi-ch'eng* series.

Материалы к характеристике политической и этноконфессиональной ситуации в восточном Иране и Хорасане

(по сведениям мусульманских географов IX–XII вв.)¹

Средневековая географическая литература мусульманского мира стала широко известна европейской ориенталистике только в последней трети XIX в., хотя отдельные труды мусульманских географов издавались и раньше. Начало активизации географических штудий было положено изданием в 60–70-е годы XIX в. многотомного словаря Йакута (XII–XIII вв.), осуществленным Ф. Вюстенфельдом². Сочинение Йакута представляет алфавитный свод топонимии мусульманских стран и их соседей, насыщенный сведениями историко-географического характера и списками выдающихся деятелей эпохи. Взяв за основу труды географов IX–X вв., которые он хорошо знал и на которые часто ссылается, Йакут дополнил «Словарь» расспросными сведениями современников и личными впечатлениями, обогатил его тысячами названий второстепенных населенных пунктов, дав потомкам определенное представление о микротопонимии областей ислама в XII–XIII вв.

С 1870 г. в течение 25 лет успешно осуществляется издание серии «*Bibliotheca Geographorum Arabico-rum*», инициатором и исполнителем которого стал известный ориенталист де Гуге. Каждый том «Библиотеки» (кроме четвертого, содержащего словарь и указатели к первым трем) включал сочинение одного автора IX–X вв., иногда двух. Таким образом достоянием ориенталистики стали географические труды ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мукаддаси, Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, Ибн Хордадбега, Кудама б. Джа'фара, Ибн Русты, ал-Йа'куби, ал-Мас'уди. Достоинством географической серии (по сравнению с более ранними публикациями) было то, что сочинение каждого автора издавалось с привлечением нескольких надежных рукописей и исследователь текста имел возможность учитывать разночтения в списках.

Перечисленные выше географические труды написаны по-арабски. Но иранское происхождение большинства географов способствовало тому, что преимущественную часть в сочинениях занимает описание областей Ирана, Афганистана и Центральной Азии. Современником географов X в., писавших по-арабски, является анонимный персоязычный автор трактата «Пределы мира от Востока до Запада». Единственный экземпляр этого сочинения был обнаружен в конце XIX в. русским исследователем А.Г. Туманским и позднее издан факсимиле академиком В.В. Бартольд³.

Колесников Алий Иванович — д.и.н., вед. н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ РАН.

¹ Часть этих материалов была использована при написании статей: *Kolesnikov A. The Early Muslim Geographers on the Ethnic Situation in Khurasan (IX–XIII cent. AD) // Iran and Caucasus. Tehran, 1997. Vol. I. P. 17–24; Kolesnikov A.I. The Information of the Early Muslim Geographers about the Confessional Situation in Khurasan in the 9th–12th Centuries // Studies in Arabic and Islam. Proceedings of the 19th Congress UEAI, Halle, 1998. Leuven–Paris–Sterling, Va., 2002. P. 81–88.*

² *Jacut's Geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford...* hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. I–IV. Lpz., 1866–1869 (далее — Йакут). Пятый и шестой тома содержат указатели к основному тексту «Словаря».

³ Худуд ал-'Алем, рукопись Туманского, с введ. и указ. В. Бартольда. Л., 1930 (далее — Худуд). Ныне рукопись хранится в Секторе восточных рукописей и документов СПбФ ИВ РАН под шифром С 612.

Об интересе иранского общества к географической литературе своих предшественников свидетельствует появление в XI в. труда Гардизи, использовавшего в своем сочинении извлечения из Ибн Хордадбега и ал-Джейхани⁴, а также перевод на персидский язык труда ал-Истахри, выполненный неизвестным лицом в XI–XII вв., т.е. через 100–150 лет после появления первоисточника⁵.

Отмечено, что в раннемусульманскую эпоху географическая наука развивалась для удовлетворения практических запросов времени⁶. Но при этом сочинения такого рода вряд ли можно считать сугубо географическими справочниками или учебниками по географии. В них сплошь и рядом встречаются сведения о торговле и производительной деятельности населения отдельных областей, этнографии и религии народов, исповедующих ислам, и их соседей, приводятся экскурсы в историю и историческую географию регионов, отмечаются особенности языка и обычаи. При существовавшей в то время зависимости от традиционной (или заданной) схемы географического описания и от наличия материала каждый из авторов делал отступления для более детального освещения заинтересовавшей его попутной темы, привлекая сведения из других областей знания. Поэтому информация разных географических сочинений не столько исключает, сколько дополняет одна другую.

Материалы средневековых географических сочинений исследователи неоднократно привлекали при написании региональных историй и разработке проблемных тем истории Востока (таких, как развитие средневекового города, торговых путей, вопросы исторической географии и т.д.). Первая удачная попытка суммировать информацию арабоязычных трудов о средневековом Иране была предпринята П. Шварцем. Его монография «Иран в средневековье по данным арабских географов» выходила отдельными выпусками в течение сорока лет⁷. Книга стала ценным справочником по исторической географии и экономике Ирана в рамках его нынешних границ, и к ней до сих пор обращаются специалисты. Более детально в работе Шварца охарактеризованы центральные области исторического Ирана, Иранское нагорье, и практически не затронуты его западные (Междуречье) и восточные, кроме Кермана, окраины. В известной мере эта лакуна заполняется сведениями, собранными в книге Г. Ле Стренджа, который пользовался примерно той же группой источников⁸, однако восточный Иран заслуживает более пристального внимания.

В массе научных публикаций, так или иначе опирающихся на сведения раннемусульманских географов, существует целый ряд работ, посвященных областям восточного Ирана в его историческом понимании, но большинство их касалось территории бывших советских республик Средней Азии. Такой интерес к географической литературе объяснялся бурным развитием археологии и необходимостью сопоставить археологические материалы с данными письменных источников. Историко-географическое исследование восточной части современного Ирана и Афганистана в раннее средневековье проводилось недостаточно. Между тем оно требует к себе повышенного внимания хотя бы потому, что многие аспекты социально-экономической и культурной жизни общества этого региона, утвердившиеся в развитое и позднее средневековье и дошедшие до наших дней, складывались еще в доисламскую эпоху и в первые века ислама.

⁴ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 256.

⁵ Abu Ishāq Ibrāhīm Isṭakhrī. Masālik wa mamālik, ba ehtemām-e Iraj Afshār. Tehrān, 1340/1961 (далее — Истахри (перс.)).

⁶ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Академик И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. М., 1957. С. 17.

⁷ Schwarz P. Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen. I–IX. Leipzig, Zwickau, 1896–1936.

⁸ Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur. Cambridge, 1905.

Восточный Иран, отделенный от западного широкой полосой пустынь, во многих отношениях (географическом, экономическом, этнокультурном) представлял собой изолированный регион, в котором длительное время сохранялись пережитки древних традиций и своеобразный уклад жизни. В то же время он был связующим звеном между странами Переднего и Дальнего Востока, обладателем древних караванных путей, стыком древних цивилизаций. Эти его особенности находят отражение и в раннемусульманской географической литературе.

Восточная окраина мусульманского мира к IX в. почти полностью была объединена территориальным понятием «Хорасан». В сасанидское время это название употребляется в двух значениях. Среднеперсидские и парфянские манихейские тексты представляют Хорасан как одну из четырех частей света — восток⁹. В Сасанидском судебнике это уже топоним (кустак Хорасан), обозначающий определенную территорию¹⁰. Размеры этой территории мы находим в позднем пехлевийском сочинении «Города Ирана», представляющем Хорасан как один из четырех кустов (или четвертей) Ираншахра, в которых легендарные и исторические правители строили свои города. Репертуар хорасанской топонимии в пехлевийском трактате свидетельствует о том, что хорасанский куст включал области северо-восточного Ирана в нынешних государственных границах, земли между Гиндукушем и Амударьей до Памира (нынешний северный Афганистан), Мервский оазис и районы к северу от Амударьи¹¹. Провинции южного Афганистана, Сакастан и Арахозия, согласно тому же источнику, входят в состав южной четверти Ираншахра.

В надписи магупата Картира из Сар-и Машхада (вторая половина III в.) Хорасан несколько раз фигурирует как отвлеченное понятие «Восток», вся же восточная часть Сасанидского государства вплоть до северо-западной Индии представлена в наскальных надписях III в. перечнем конкретных провинций и царств, признававших верховную власть «царя царей»¹².

Географические представления о восточных провинциях Ираншахра в домусульманскую эпоху далеко не всегда отражали реальную политическую ситуацию. Фактические границы Сасанидского государства на востоке более-менее устойчиво сохранялись по линии Мерв–Герат–Систан. Восточнее этой линии находились владения кушан и затем эфталитов, севернее Мерва — владения тюркских хаканов и Согд, отделенный от Ирана Амударьей. Включение в официальные сасанидские надписи областей к северу от Амударьи и территорий до Пешавара и Индии выражало скорее честолюбивые претензии новой династии, стремившейся достичь величия Ахеменидов, нежели реальное положение вещей. Гипотеза о завоевании Кушанского царства уже первыми Сасанидами тоже имеет своих сторонников, но их построения покоятся на шатких основаниях. Позднее, в VI в., когда составлялся свод царских деяний «Хвадай-намаг», представление о великом Иране вплоть до границ современной Индии обуславливалось феноменом исторической памяти и питалось общеиранским эпосом, что и нашло отражение в пехлевийском географическом трактате «Города Ирана» и в «Шах-наме».

При обращении к раннемусульманской географической литературе исследователи в первую очередь и преимущественно извлекали и анализировали сведения, относящиеся к разным аспектам географических знаний о регионе или мусульманском мире

⁹ Henning W.B. Selected Papers, I // Acta Iranica, Série II. Hommages et Opera Minora. Vol. V. T. 14. Leiden–Téhéran–Liège, 1977. P. [8], [38], [40], [316], [317].

¹⁰ Периханян А.Г. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений». Ер., 1973. С. 400, АЗ1.3–5.

¹¹ Markwart J., Messina G. A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr. Roma, 1931. P. 10–12.

¹² Back M. Die sassanidischen Staatsinschriften // Acta Iranica. Série III. Vol. VIII. Téhéran–Liège, Leiden, 1978. P. 452, 454, 456.

в целом. При этом оставался вне поля зрения внушительный пласт «попутной» информации, которая представляет существенный интерес для характеристики истории и идеологии эпохи. Своевременным в этой связи представляется введение в научный оборот нетрадиционной для географических сочинений информации, которая касается территории восточного Ирана и Афганистана в современных политических границах, соответствующих территории исторического Хорасана и Кермана.

В данном исследовании мы остановились на освещении следующих основных вопросов:

1) пределы Хорасана в мусульманской географической литературе IX–XII вв.;

2) события военно-политической истории Хорасана и смежных территорий в VII–XII вв.;

3) этнический состав населения Хорасана и соседних областей; конфессиональная ситуация в регионе.

По этим проблемам географические источники предоставляют ценный и разнообразный материал. Но сведения по этноконфессиональной характеристике являются, пожалуй, наиболее интересными.

1. Пределы Хорасана

У географов нет единого мнения о протяженности территории и границах Хорасана, но в разнообразии их информации на этот счет обнаруживаются несколько основных точек зрения.

Согласно одной из них, Хорасан разделяется на четыре четверти: мервскую, гератскую, балхскую и мавераннахрскую. Самый ранний из доступных нам географов, — Ибн Хордадбех (вторая половина IX в.) представляет хорасанские четверти как четыре марзбанства, т.е. владения, управлявшиеся марзбанами («охранителями границ», маркграфами), которые, в свою очередь, подчиняются спяхбеду (воеводе) Хорасана¹³. Косвенно он связывает такое деление с сасанидской традицией.

Другие авторы идею четвертичного деления Хорасана приписывают ал-Балазури (IX в.), опуская ее возможную сасанидскую подоплеку. У ал-Балазури схема административно-территориального членения Хорасана более развернута. В полном или несколько сокращенном виде ее приводят Ибн ал-Факих ал-Хамадани (начало X в.), ал-Мукаддаси (конец X в.), Йакут (рубеж XII–XIII вв.).

Детали этой схемы иллюстрируются в таблице.

Из таблицы видно, что каждая четверть Хорасана включает более мелкие административные единицы. По ал-Балазури, четыре четверти Хорасана выглядят так: первая охватывает регион Нишапура–Герата, вторая — нижнее левобережье Амударьи до Хорезма включительно (территорию Туркменистана), третья — северные провинции современного Афганистана, южные районы Узбекистана и Таджикистана, четвертая — Мавераннахр, все прочие земли за Амударьей.

Как явствует из таблицы, наиболее точно информацию ал-Балазури воспроизвел Йакут. У Ибн ал-Факиха заметны некоторая путаница (например, Замм назван в четвертях II и III) и усложнение схемы малоизвестными населенными пунктами, которые вряд ли были центрами областей (см. № 10, 12, 13 в четверти IV). Цитирование ал-Мукаддаси — это, в сущности, пересказ первоисточника, который понадобился ему для присоединения Серакса к Мервской четверти¹⁴.

¹³ Kitāb al-masālik wa'l-mamālik auctore Abu'l-Kāsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh...// BGA VI. 1889. С. 18 (далее — Ибн Хордадбех).

¹⁴ Descriptio imperii moslemici auctore al-Mokaddasi // BGA III. 1877. С. 313 (далее — ал-Мукаддаси).

Т а б л и ц а
 Схема административно-территориального деления Хорасана,
 по ал-Балазури, в передаче мусульманских географов X–XII вв.

ал-Мукаддаси	Ибн ал-Факих	Йакут
I четверть 1. Ираншахр (Нишапур) 2. Кухистан 3. Герат 4. Тус	I четверть 1. Ираншахр (Нишапур) 2. Кухистан 3. ат-Табасайн 4. Герат 5. Бушандж 6. Бадгис 7. Тус	I четверть 1. Ираншахр (Нишапур) 2. Кухистан 3. ат-Табасайн 4. Герат 5. Бушандж 6. Бадгис 7. Тус
II четверть 1. ал-Марван (т.е. Мерв и Мервруд) 2. Сарахс 3. Ниса 4. Абивард 5. ат-Таликан 6. Хваразм	II четверть 1. Марв аш-Шахиджан 2. Сарахс 3. Ниса 4. Бавард 5. Марв ар-Руд 6. Таликан 7. Хваразм 8. Замм 9. Амул	II четверть 1. Марв аш-Шахиджан 2. Сарахс 3. Ниса 4. Абивард 5. Марв ар-Руд 6. ат-Таликан 7. Хваразм 8. Амул
III четверть 1. ал-Джуджанан 2. Балх 3. ас-Саганийан	III четверть 1. ал-Фарйаб 2. ал-Джуджанан 3. Тухаристан ал-ульйа (ат-Талакан) 4. ал-Хутгал (Вахш) 5. ал-Кувадийан 6. Хаст 7. Андараба 8. ал-Бамйан 9. Баглан 10. Валидж 11. Рустак Банк 12. Бадахшан 13. ат-Тирмиз 14. ас-Саганийан 15. Замм 16. Тухаристан ас-суфла 17. Хулм 18. Симинджан	III четверть 1. ал-Фарйаб 2. ал-Джуджанан 3. Тухаристан ал-ульйа 4. Хаст 5. Андараба 6. ал-Бамйан 7. Баглан 8. Валидж 9. Рустак Бил 10. Бадахшан 11. ат-Тирмиз 12. ас-Саганийан 13. Тухаристан ас-суфла 14. Хулм 15. Симинджан
IV четверть Мавераннахр	IV четверть Мавераннахр: 1. Бухара 2. аш-Шаш 3. ат-Турарбанд 4. ас-Сугд (Кисс) 5. Насаф 6. ар-Рубистан 7. Усрушана 8. Санам (крепость ал-Муканны) 9. Фергана 10. аш-Шам 11. Самарканд 12. Абаркат 13. Банакат 14. ат-Турк	IV четверть Мавераннахр: 1. Бухара 2. аш-Шаш 3. ат-Турарбанд 4. ас-Сугд (Кисс) 5. Насаф 6. ар-Рубистан 7. Ушрусана 8. Санам (крепость ал-Муканны) 9. Фергана 10. Самарканд

По-видимому, схема ал-Балазури, основанная на сасанидской традиции административно-территориального деления Хорасана, имела известное значение только в его время (IX в.). Более поздние географы на нее ссылаются, но не всегда следуют ей. С некоторыми оговорками можно утверждать, что больше других ее принимает Ибн ал-Факих (хотя и допускает отступления в частности)¹⁵, который, сославшись на источник, нигде больше не обращается к границам Хорасана. Для ал-Мукаддаси схема ал-Балазури существует только для иллюстрации какой-то мысли, у него есть собственное представление о пределах Хорасана. В другом месте ал-Мукаддаси уже без всяких ссылок изображает Хорасан состоящим из девяти провинций (*кувар*) и восьми областей или районов (*навах*). К первым он относит Балх, Газнин, Буст, Систан, Кухистан, Герат, Джуджанан, Мерв, Нишапур; ко вторым — Тохаристан, Бамйан, Бушандж, Бадгис, Кандж Рустак, Исфизар, Гарджистан, Марв ар-Руд¹⁶. Таким образом, не споря с ал-Балазури, ал-Мукаддаси молча исключает из его схемы Мавераннахр и добавляет равный ему по территории регион большого Систана, как бы смещая весь хорасанский массив в южном направлении.

Йакут в «Географическом словаре» сопоставляет схему ал-Балазури с собственными представлениями о пределах Хорасана. Прочитав источник, он добавляет: «Так сказал сочинитель. Но верное разграничение Хорасана — это то, к чему мы пришли вначале. То, что упомянул ал-Балазури как совокупность относящегося к этой стране (Хорасану. — А.К.), — это присоединенное к [владениям] наместника Хорасана, и название „Хорасан“ объединило его. Однако Мавераннахр — это страна эфталитов, область на его (Хорасана) окраине, как и Сиджистан — область на его окраине»¹⁷. Полемизуя с ал-Балазури, Йакут отстаивает высказанную им точку зрения о том, что Хорасан — это территория между Амударьей и Систаном, без Мавераннахра и без Систана: перечень приведенных им провинций Хорасана является подтверждением его мнения¹⁸. В большой статье Йакута, специально посвященной Систану, нет и намека на его административное подчинение Хорасану, и единственным звеном, связывающим эти области, является указание расстояния между Заранджем и Гератом в фарсангах и в днях пути¹⁹.

Современник Ибн ал-Факиха — Ибн Руста (начало X в.) еще находится под сильным влиянием традиционной схемы. Хотя он нигде не ссылается на ал-Балазури и не выделяет территориальных четвертей Хорасана, однако он включает в этот регион обширные пространства от Нишапура до Бадахшана и от Гиндукуша до Шаша и Ферганы включительно. Как ал-Балазури и Ибн ал-Факих, Ибн Руста причисляет к Хорасану и земли Мавераннахра, но исключает из Хорасана Систан²⁰.

Другой современник Ибн ал-Факиха — Кудама б. Джа'фар понимает под Хорасаном территорию всего восточного Ирана, Афганистана и республики Средней Азии в современных границах, т.е. собственно Хорасан, Мавераннахр и Систан, доказательством чего является приводимый им список 39 областей, локализуемых в разных частях этого обширного региона²¹. Отступление нашего автора от заданной географической схемы было вызвано, вероятно, тем, что в «Книге о харадже» географическая проблематика является второстепенной по сравнению с экономической и подчинена ей.

¹⁵ Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni // BGA V. 1885. С. 321–322 (далее — Ибн ал-Факих).

¹⁶ ал-Мукаддаси. С. 295. Примеч. f.

¹⁷ Йакут. II. С. 410. Стк. 7–11.

¹⁸ Там же. С. 409. Стк. 3–10.

¹⁹ Йакут. III. С. 41–42: «Между ним и Гератом 10 дней [пути, или] 80 фарсахов».

²⁰ Kitâb al-A'lâk an-naftsa auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... // BGA VII. 1892. С. 105. Стк. 19–23 (далее — Ибн Руста).

²¹ ...Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far // BGA VI. 1889. С. 243 (далее — Кудама б. Джа'фар).

Ал-Истахри (середина X в.) и дополнивший его труд Ибн Хаукал (конец X в.) относят к Хорасану территорию между Систаном и Амударьей, Индией и Гурганом. На этом пространстве они помещают четыре главные провинции с одноименными административными центрами: Нишапуром, Мервом, Гератом и Балхом, а также перечисляют 16 областей Хорасана. Любопытно, что оба автора не относят к Хорасану Хорезм и в качестве аргумента приводят факт большей удаленности столицы Хорезма от городов Хорасана по сравнению с расстоянием до Бухары, а также расположение столицы Хорезма по другую сторону Амударьи²². Другой особенностью сочинений ал-Истахри и Ибн Хаукала является глава о великих пустынях, разделяющих западный и восточный Иран; немногочисленные населенные пункты в зоне пустынь административно примыкают к Хорасану либо, на другой стороне, — к Фарсу или ал-Джибалу²³. В своих описаниях авторы стремятся следовать географической схеме, даже если она не совпадает со схемой административного деления. Так, они отделяют Тохаристан от Балха, хотя в учетных документах оба значатся как одна административная единица — Балх и Тохаристан. Лучшим критерием для сведения вместе или разведения областей ал-Истахри и Ибн Хаукал считают карту²⁴.

Анонимный автор «Худуд ал-‘Алам» (конец X в.) не приводит сводного списка провинций и областей Хорасана, но последовательно дает их краткое описание, а также дважды акцентирует внимание читателя на границах территории. Из изложения следует, что пределы Хорасана автор воспринимал в тех же рамках, что и ал-Мукаддаси, т.е. без Мавераннахра, но с Систаном²⁵.

Таким образом, разнообразие представлений мусульманских географов IX–XII вв. о пределах Хорасана сводится к четырем взаимоисключающим точкам зрения:

1) Хорасан — обширная территория, протянувшаяся с запада на восток от великих пустынь Дашт-и Кавир и Дашт-и Лут до Памира (включая Бадахшан) с землями по обеим сторонам рек Вахш и Амударья, т.е. области современного восточного Ирана (без Систана), северного Афганистана и бывших советских республик Средней Азии. Эта точка зрения является пережитком сасанидской традиции административно-территориального деления. В раннемусульманской географической литературе к числу ее сторонников относятся Ибн Хордадбех (конец IX в.), Ибн ал-Факих ал-Хамадани и Ибн Руста (оба — начало X в.). Ал-Мукаддаси (конец X в.) и Йакут (XII–XIII вв.) только иллюстрируют свое знакомство с традиционной схемой, но не принимают ее полностью;

2) Хорасан — весь восточный Иран, Афганистан (без Нангархара) и среднеазиатские государства СНГ. Этот вывод следует из перечня провинций, которые включает в Хорасан Кудама б. Джа‘фар (начало X в.). Тема Большого Хорасана, очевидно, выкристаллизовалась из идеи концентрации налоговой политики всего региона в руках хорасанского наместника;

3) Хорасан — территория, ограниченная на севере течением Вахша–Амударьи, на юге — Систаном, на западе — Гурганом, на востоке — Индией. Из нее исключается Хорезм, расположенный у впадения Амударьи в Аральское море. Этой схемы придерживаются ал-Истахри (середина X в.), Ибн Хаукал (конец X в.), Йакут (XII–XIII в.);

4) для ал-Мукаддаси и анонимного автора «Худуд ал-‘Алам» (оба — конец X в.) Хорасан — это вся территория мусульманских владений без Синда, находящаяся

²² *Viae regnorum. Descriptio ditonis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri* // BGA I. 1870. С. 253–254 (далее — ал-Истахри); *Viae et Regna. Descriptio ditonis moslemicae auctore Abu'l-Kâsim Ibn Haukal* // BGA II. 1873. С. 309–310 (далее — Ибн Хаукал); Истахри (перс.). С. 202–203.

²³ ал-Истахри. С. 227–237; Ибн Хаукал. С. 286–296.

²⁴ ал-Истахри. С. 254; Ибн Хаукал. С. 310; Истахри (перс.). С. 203–204.

²⁵ Худуд. С. 37–42 (л. 19а–21б).

к востоку от больших иранских пустынь и ограниченная с севера течением Вахша–Амударьи. В сущности, это схема Кудамы б. Джа'фара без Мавераннахра или схема ал-Истахри–Ибн Хаукала с добавлением Систана. Под Систаном географы имели в виду земли юго-восточного Ирана и почти все земли южного Афганистана.

Из четырех очерченных выше географических схем последняя более всего соответствует региональному понятию «земли восточного Ирана и Афганистана». Сюда следует добавить район Нангархара, который в то время относили к Индии, и область Керман, описанию которой все географы посвящают специальную главу. Сведения об областях исторического Хорасана, локализуемых на территории нынешнего Туркменистана, привлекаются в статье для сравнительной характеристики этнической и конфессиональной ситуации, имевшей место во всем хорасанском регионе в ранне-мусульманскую эпоху.

2. События военно-политической истории Хорасана и примыкающих территорий в VII–XII вв.

Изучение источников в комплексе обнаруживает одну любопытную деталь: никто из мусульманских географов не дает развернутого изложения событий в Хорасане от начала арабских завоеваний до своего времени. Очевидно, это обуславливалось своеобразием традиционного жанра географических сочинений, который не допускал чрезмерных отклонений от заданной схемы. Не очень пренебрегали условностями жанра и такие географы, как ал-Йа'куби (конец IX в.) и ал-Мас'уди (середина X в.), более других находившиеся под влиянием исторической тематики и проявлявшие к ней незаурядный интерес.

Исторические сюжеты, в большей или меньшей степени получившие освещение в трудах раннемусульманских географов, можно разделить на три хронологические группы:

- а) домусульманская история;
- б) период ранних арабских завоеваний (VII в.);
- в) внутривосточные события и внешние завоевания VIII–XII вв. в Хорасане.

В сущности, вся домусульманская история иранского востока сводится в географических сочинениях к фиксации разрозненных фактов и преданий, почерпнутых из более ранних источников и имевших целью подчеркнуть глубокую древность и достоинства города, обозначить его наиболее ранние исторические вехи, выделить из ряда других городов. Экскурсы в древность сопровождают описание не только крупных городов, сыгравших выдающуюся роль в мусульманской истории (Нишапура, Герата, Мерва, Балха), но и более мелких, но расположенных в том же регионе. Как правило, авторы не распространяются о событиях седой старины, они их только фиксируют, и делают это ненавязчиво, как бы мимоходом, в потоке других сведений и без непосредственной связи с ними. Создается впечатление, будто географы не только иллюстрируют собственную осведомленность в древней истории, но и стараются привлечь к ней внимание читателя.

При датировке строительства наиболее древних городов Хорасана географов часто «выручает» знакомство с эпической традицией иранских народов. Так, характеризуя Балх как один из великолепнейших городов Хорасана, Йакут среди прочих сведений называет и легендарных основателей города, Лухраспа и Александра Македонского²⁶. С именем завоевателя Александра связывается и основание Мерва²⁷. Строительство

²⁶ Йакут. I. С. 713.

²⁷ ал-Мукаддаси. С. 298–299.

Абиварда и Серакса относят ко времени царя Кей Кавуса²⁸, а основание округа Буштанфуруш в Нишапурской провинции — ко времени Виштаспа (Буштасф)²⁹. Строительство Асфараина (древнего Михраджана), укрепленного города в провинции Нишапур, приписывается царю Исфандийару³⁰.

Список легендарных строителей далеко не исчерпывается приведенными примерами.

На этом фоне большую историческую ценность представляют сведения географов из реально существовавшей сасанидской эпохи. Их информация отличается и большей надежностью, и большим разнообразием, несмотря на ее фрагментарность. Заслуживает внимания краткое сообщение Ибн ал-Факиха о строительстве города Мервруда выходцами из Вавилонии, переселенными на восток при Хосрове (Ануширване. — А.К.): «Послал туда Кисра людей из жителей Савада. Они построили и заселили его (Мервруд)»³¹. Для сравнения отметим, что в Актах несторианского собора 554 г. стоит подпись епископа Мевруда (mrmgwd) Теодора³². Таким образом, функционирование Мервруда как восточнохристианской епископии приходится на середину правления Хосрова I Ануширвана (531–579), что не противоречит версии более позднего источника о времени основания города.

Из других сасанидских сюжетов стоит упомянуть замечание Йакута (со ссылкой на Ибн Кутейбу) о традиционной оппозиции хорасанцев персидским царям («ни одному из них они не платили ни дани, ни хараджа») и его рассказ о гибели шаханшаха Пероза на востоке от рук эфталитов³³. Определенный интерес представляет рассказ географов о древней столице Систана Рам Шахристане, причинах ее упадка и основания новой столицы, Заранджа³⁴. Ценны также указания источников на возможную локализацию царской резиденции эфталитов в Бауне, административном центре области Бадгис³⁵, на хорасанское (нишапурское) происхождение таких выдающихся личностей позднесасанидской эпохи, как врач Барзуйе и музыкант Барбуд³⁶, титулы мусульманских наместников и удельных владетелей восточного Ирана и другие сведения исторического характера³⁷.

История первых походов мусульманских армий в области восточного Ирана и Хорасана у географов IX–X вв., за редким исключением, не фиксируется. Однако она присутствует во многих статьях «Географического словаря» Йакута (начало XIII в.). Основную часть информации об арабских завоеваниях второй половины VII в. автор черпает из сочинений историков IX–X вв., о чем свидетельствуют его частые ссылки на ал-Мада'ини, на «Китаб ал-Футух» и «ал-Футух»³⁸. Указаниями на источник информации сопровождаются около половины исторических экскурсов. Другая, большая половина приводится без всяких ссылок, возможно, потому, что сами факты излагаются как давно известные. Не исключено, что они заимствованы у ат-Табари,

²⁸ Йакут. I. С. 111; там же. III. С. 71–72.

²⁹ Йакут. I. С. 630.

³⁰ Там же. С. 246–247.

³¹ Ибн ал-Факих. С. 319. Стк. 4–5.

³² *Guidi I. Ostsyrische Bischöfe und Bischofssitze im V., VI. und VII. Jahrhundert // ZDMG. 1889. Bd. 43. S. 412; Synodicon orientale ou recueil de synodes nestoriens, publié, traduit et annoté par J.B. Chabot // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques. P., 1902. T. 37. Текст — с. 109, стк. 23, пер. — с. 366 (далее — Несторианские соборы).*

³³ Йакут. II. С. 410–411.

³⁴ ал-Истахри. С. 242; Ибн Хаукал. С. 300; Истахри (перс.). С. 194.

³⁵ Йакут. I. С. 461–462.

³⁶ ал-Истахри. С. 262.

³⁷ Ибн Хордалбех. С. 17–18, 39–40.

³⁸ Известны имена нескольких историков, писавших «Книги о завоеваниях стран». Ко времени Йакута сохранились труды ал-Балазури (вторая половина IX в.) и ал-Куфи (начало X в.). При глухих ссылках на «Китаб ал-Футух» географ, очевидно, имел в виду книгу ал-Балазури как более надежный источник.

ибо в ряде случаев приводятся параллельные версии завоевания, что было свойственно писательской манере этого историка. Так, о подчинении Абиварда Йакут сообщает следующее: «Абивард был завоеван Абдаллахом б. Амиром б. Курайзом в 31 году. Говорят [также], что он был завоеван до этого ал-Ахнафом б. Кайсом ат-Тамими»³⁹.

Информация Йакута и некоторых других географов о ранних мусульманских завоеваниях, как правило, либо несколько короче, либо пространнее процитированной выше. В первом случае сообщается время (чаще — год) или сам факт завоевания того или иного города, способ его подчинения — «силой оружия» (*'анватан*) или «мирный» (*сулхан*); эти сведения нередко дополняются именами военачальника и халифа, при котором это событие имело место:

«Завоевал его (Балх. — *А.К.*) Абдаррахман б. Самура при (букв. «в дни») Му'авии б. Абу Суфйане»⁴⁰;

«Подчинил его (город Бабну в области Бадгис. — *А.К.*) Салим, моула Шарика б. ал-А'вара, для Абдаллаха б. Амира в 31 году силой оружия»⁴¹;

«В ал-Футухе сказано о нем (о городе Багун в области Бушандж. — *А.К.*), что мусульмане подчинили его силой оружия в 31 году»⁴²;

«Раскан — город (или область, в тексте — *балад*) в Тохаристане. Ал-Ахнаф завоевал его в 32 году силой оружия»⁴³;

«Он (Синдж, населенный пункт под Мервом. — *А.К.*) был подчинен силой оружия, а Мерв был подчинен мирным путем»⁴⁴.

Большая подробность в изложении военных событий на других территориях достигается за счет освещения сопутствующих обстоятельств:

«Баннат... — город в [области] Кабул. В „Китаб ал-Футух“ [говорится], что ал-Мухаллаб б. Абу Суфра в 44 году при Му'авии напал на границу ас-Синда и прошел до Банната и Лакора, которые расположены между ал-Мултаном и Кабулом. Его встретил противник. Ал-Мухаллаб и те, кто с ним, сразились с противником»⁴⁵.

О завоевании Гузгана Йакут, ссылаясь на ал-Мада'ини, сообщает: «Ал-Ахнаф б. Кайс одолел врагов в Тохаристане. Часть их ушла в ал-Джуджан. Ал-Ахнаф послал против них ал-Акра б. Хабиса ат-Тамими. Они сразились в ал-Джуджане. Часть мусульман погибла. Затем враг побежал. Ал-Джуджан был завоеван в 33 году»⁴⁶.

В словаре Йакута сюжеты ранних походов мусульман в Хорасан встречаются в полусотне статей. Большинство их известны по источникам IX–X вв. и не являются оригинальными. Но, собранные вместе, эти сведения дают возможность более рельефно представить направления и последовательность мусульманской экспансии на восток в глубь территории, очерченной границами современного Афганистана.

У ал-Йа'куби тема первых походов мусульман в Хорасан неоднократно всплывает в главе о хорасанских наместниках.

В VIII–X вв. происходит значительное расширение территории Хорасанского наместничества в результате регулярных походов мусульман против «неверных», утверждение политической власти ислама (Халифата) на землях к востоку от Герата и Заранга. VIII и IX века отмечены частыми восстаниями местного населения против халифской администрации и укреплением позиций восточноиранских феодалов и

³⁹ Йакут. I. С. 111. Стк. 17–18.

⁴⁰ Kitab al-boldân auctore Ahmed ibn Abî Jakûb... al-Jakûbi // BGA VII. 1892. С. 287. Стк. 13–16 (далее — ал-Йа'куби). У этого же автора в другом месте есть и более подробная версия событий.

⁴¹ Йакут. I. С. 487. Стк. 9–11.

⁴² Там же. С. 474. Стк. 9–10.

⁴³ Йакут. II, с. 780. Стк. 12.

⁴⁴ Там же. III. С. 161. Стк. 7–11.

⁴⁵ Там же. I. С. 747. Стк. 11–13.

⁴⁶ Там же. II. С. 149. Стк. 12–15.

роли древних династий, середина XII в. — вторжением в Хорасан тюркских племен, которые современники событий называют гуззами. При Йакуте имеет место монголо-татарское нашествие в Хорасан; новых завоевателей он называет татарами.

Такая канва событий вырисовывается при чтении географических сочинений IX–XIII вв. Вместе с тем факты военно-политической истории не даются у географов в чистом виде, вне связи с деятельностью наместников, халифов, религиозной политикой и т.д.

По обилию информации военно-политического характера здесь наибольшую ценность представляют географы IX–X вв., а Йакут отходит на второй план. Исторические экскурсы ограничиваются у него темой древней истории и ранних мусульманских завоеваний (VII в.), описание или просто фиксация более поздних событий в статьях его «Словаря» уступают место спискам известных личностей (факихов, шейхов, историков, литераторов, везиров), прославивших ислам и носивших нисбу их родного города или селения. Факт монгольского нашествия в Среднюю Азию и восточный Иран в начале XIII в. исчерпывается у него свидетельствами очевидца (в качестве которого часто выступает сам автор) о том, что такой-то город или селение он посетил до нашествия татар и застал его в таком-то виде.

Из ранних географов основную массу информации о событиях VIII–IX вв. дают ал-Йа'куби (конец IX в.) и ал-Мас'уди (середина X в.). Первый сосредоточивает ее главным образом в главах, посвященных наместникам Систана и Хорасана⁴⁷, второй привязывает исторический материал к характеристике деятельности омейядских и аббасидских халифов. У того и другого изложение предельно сжато, ограничивается фиксацией факта (иногда и обстоятельств) военного похода, организованного при том или ином наместнике или халифе, и его результатов. Вся эта информация датируется с точностью от одного года до нескольких лет, поскольку при отсутствии дат датировочным признаком являются имена халифов, годы жизни которых давно известны и сведены в таблицы.

Как следует из источников, военная экспансия ислама в тот период осуществлялась по трем главным направлениям — в Мавераннахр, в Тохаристан и в области к востоку от Систана. Неоднократное упоминание о походах в одни и те же земли при разных наместниках дает возможность судить об этапах и последовательности политического подчинения территорий на востоке.

В своих исторических экскурсах географы не обходят молчанием и оппозиционные течения в Восточном халифате, более подробно останавливаются на движениях, имевших серьезные политические последствия, в частности на антиомейядском выступлении Абу Муслима в Хорасане⁴⁸. Движение Саффаридов с момента его возникновения до образования династийного государства лучше всего изложено у ал-Истахри, Ибн Хаукала, безымянного переводчика ал-Истахри (XI–XII в.) в главах, посвященных Систану⁴⁹. Заслуживает также внимания приведенный только у Ибн Хаукала рассказ о волнениях городского населения Герата, поддержанных местным правителем. Источник характеризует это движение как бунт, вовсе не касаясь его мотивов, но вполне конкретно сообщает о судьбе мятежного города. Полководец наместника подчиняет город мирным путем, а цитадель — силой оружия. По приказу наместника оборонительные стены и цитадель разрушаются до основания, «как если бы там не было вовсе ни стены, ни цитадели»⁵⁰.

Один из переписчиков труда Ибн Хаукала, живший во второй половине XII в., добавил в текст первоисточника вставки, которые сообщают некоторые сведения

⁴⁷ ал-Йа'куби. С. 282–286, 295–308.

⁴⁸ Там же. С. 302–303; ал-Мас'уди. С. 327–328.

⁴⁹ ал-Истахри. С. 246–247; Ибн Хаукал. С. 302–303; Истахри (перс.). С. 197–198.

⁵⁰ Ибн Хаукал. С. 317. Стк. 6–12.

о нашествии гуззов и изменении топографии городов к его времени. В главе, посвященной Хорасану, таких вставок три: о разрушении Нишапура гуззами в 549 г.х. (1154 г.) и возрождении города на новом месте тридцать лет спустя⁵¹; о разрушении гуззами Балха в 550 г.х. (1155 г.) и возрождении города рядом с прежним⁵²; о судьбе соборных мечетей Мерва к 580 г.х. (1184 г.)⁵³. Правда, эти сведения относятся скорее к истории городов, чем к военно-политической истории в строгом смысле слова, но они частично заполняют хронологическую лауну между временем ранних географов и Йакута. Идеальным хронологическим заполнителем в «Словаре» Йакута являются списки религиозных деятелей, ученых, писателей и поэтов, юристов, везиров и других деятелей мусульманского востока, живших в период с VII по XIII в.

3. Этнический состав населения Хорасана и соседних областей. Конфессиональная ситуация

В географической литературе IX–XIII вв. тема этноса не является самостоятельным объектом исследования. Она возникает попутно в связи с описанием городов и провинций, в тех случаях когда автор этническую принадлежность населения той или иной местности выделяет в качестве ее характерной особенности. Одни географы уделяют этой теме больше внимания, другие — меньше, третьи практически ее не касаются ни в каком контексте. Все это создает впечатление пестрого и случайного материала. Собранный вместе, он еще не создает полной картины народонаселения восточного Ирана и территорий современного Афганистана в раннеисламскую эпоху, но помогает уточнить районы расселения основных этнических групп.

На представлениях географов об основном этносе — персах сказалось влияние до-мусульманской иранской государственности, отводившей персам-зороастрийцам ведущую роль среди подчиненных народов на обширных пространствах от Евфрата до Индии.

В середине X в. ал-Мас'уди следующим образом обозначил границы расселения персов: горные районы Мидии и соседних областей, Азербайджан (Иранский или Южный Азербайджан) до Армении, Арран и Байлакан до Дербенда, прикаспийские области Шабаран, Табаристан и Гурган, Рей, Маскат (восточный Оман), Абаршахр (Нишапур), Герат, Мерв и другие области Хорасана, Систан, Керман, Фарс, Ахваз (Хузистан) «и все, что из иранских земель примыкает к этому в настоящее время». Все эти страны (области) составляли единое государство с одним царем и единым языком. Различия в языке между ними были незначительны. Среди иранских языков автор выделяет пахлави, дари и азари — язык северо-западного Ирана⁵⁴.

Нетрудно заметить, что в данном контексте понятие «персы» объединяет иранскую общность народов, населявших земли исторического Ираншахра в сасанидскую и раннемусульманскую эпоху (с III по X в.).

Условность обобщающей схемы ал-Мас'уди становится очевидной при наложении на нее данных по региональным этносам, почерпнутых из сочинений других географов, предшественников и современников ал-Мас'уди.

Наличие иранского этноса (*ал-'аджам*) ал-Йа'куби (конец IX в.) отмечает в Тусе, Нишапуре, Серахсе, Мерве, Герате, Бушандже, в Систане, т.е. в областях западного

⁵¹ *Ibn Hauqal*. Configuration de la terre (Kitab Surat al-ard). Introd. et trad. ... par J.H. Kramers et G. Wiedt. I. II. Beyrouth-Paris, 1964. С. 417 (далее — Ибн Хаукал-Крамперс).

⁵² Там же. С. 433.

⁵³ Там же. С. 420–421.

⁵⁴ Kitab at-Tanbih wa'l-Ischrâf auctore al-Masûdi // BGA VIII. 1894. С. 77–78 (далее — ал-Мас'уди).

Хорасана⁵⁵. Но, согласно тому же источнику, во всех перечисленных областях персы живут рядом с арабами: в Тусе обосновались арабы-тайиты и другие, но большинство населения составляют персы; в Нишапуре — арабы и персы (без указания их количественного соотношения); то же — в Серахсе; в Мерве — «благородные из иранских дехканов» (*ашраф мин дахакин ал-'аджам*) и арабы из племен азд, тамим и других; в Герате — «благородные из персов» и арабы; в Бушандже — «смесь из иранцев (*ахлат мин ал-'аджам*) и немного арабов»; в Систане — иранцы, большинство которых претендует на йеменское происхождение.

География расселения персов и арабов у ал-Йа'куби не перекрывает всей территории западного Хорасана. Создается впечатление, что для автора важно было не столько осветить этническую картину той или иной области, сколько выделить в них наличие арабского элемента. Его информация объективно отражает результаты процесса миграции арабов на восток в ходе многократных военных походов и оседания завоевателей на подчиненных землях.

Для ал-Йа'куби и некоторых более поздних географов арабы в Хорасане и соседних с ним областях были явлением неординарным, поэтому их присутствие в больших массах обязательно фиксировалось. География расселения арабов у других авторов выходит за рамки, очерченные ал-Йа'куби.

Ал-Мукаддаси (конец X в.) упоминает о наличии арабского населения в Хулме, городе Балхской провинции («Хулм — небольшой город аздитов»)⁵⁶, в Симинджане, расположенном в Тохаристане («население — из тамимитов»)⁵⁷, в лесистой местности Хаст в провинции Балх («там — арабы»)⁵⁸. Махан в Керманской области Бардасир он вообще считает арабским городом (*ва махан мадинат ал-'араб*)⁵⁹.

Как бы дополняя ал-Мукаддаси, его персоязычный современник отмечает, что в Герате «много арабов»⁶⁰ и что в пустынях Гузганана живут 20 тысяч арабов, которые разводят овец и верблюдов; «эти арабы богаче всех арабов, рассеянных по всему Хорасану»⁶¹. Таким образом, имея достаточное представление о расселении арабов в Хорасане, автор «Худуд ал-'Алам» счел нужным упомянуть о них только в двух случаях: в первом — в связи с их многочисленностью в одном из главных городов Хорасана, во втором — в связи с родом их занятий, отличным от остальных арабов имущественным положением и вассальной зависимостью от удельного правителя Гузганана.

Косвенным свидетельством этнической принадлежности является у географов информация о языке населения. И если сведения об употреблении арабского языка в той или иной области еще не доказывают, что в ней живут арабы, то указания на распространенность персидского (или тюркского) как раз предполагают наличие в ней иранского (тюркского) элемента. В этом отношении наиболее полную информацию по Хорасану дает ал-Мукаддаси в пространном экскурсе о языках (*алсинат*), а точнее — о диалектах Хорасана в современном понимании⁶².

За сто с лишним лет после издания труда ал-Мукаддаси исследователи несколько раз обращались к этому сюжету, но пересказывали только тот небольшой отрывок, где говорится о степени близости одного диалекта к другому⁶³. При этом отмечалось,

⁵⁵ Йа'куби. С. 277–281.

⁵⁶ Ср.: Йакут. II. С. 465: «Это — город арабский (или — „принадлежит арабам“). Там поселились асадиты, тамимиты и кайситы во время завоеваний».

⁵⁷ Ср.: Йакут. III. С. 142: «Там часть арабов-тамимитов».

⁵⁸ ал-Мукаддаси. С. 303.

⁵⁹ Там же. С. 462.

⁶⁰ Худуд. С. 38 (л. 19б).

⁶¹ Там же. С. 41 (л. 21а).

⁶² ал-Мукаддаси. С. 334–335.

⁶³ См., например: *Оранский И.М. Введение в иранскую филологию*. М., 1960 (2-е изд. — 1988 г.). С. 280.

что ал-Мукаддаси, конечно, не специалист-филолог, но его сведения заслуживают внимания. Такая верная по сути характеристика все же не раскрывает ни отношения писателя к хорасанским диалектам, ни степени его знакомства с ними. Да и сама иллюстрация материала, а не его пересказ при всей краткости позволяет специалисту лучше судить о том, идет ли речь об отдельном языке или о диалекте. На персидский язык отрывок переведен М. Муином⁶⁴.

С некоторыми сокращениями, полностью опуская притчу о функциональном назначении языков и почти полностью — характеристику диалектов и языков Мавераннахра, приводим собственный перевод текста:

«Они (хорасанцы) говорят на разных языках. Что касается языка Нишапура, то он изящен, понятен, однако они ломают начало слова (или: ставят кесру в начале слова) и добавляют *йа*⁶⁵, например говорят: *бигу*, *бишав*; без пользы добавляют *син* в словах, например говорят *бихурдасти*, *бикуфтасти*, *бихуфтасти* и так далее. В нем есть мягкость и настойчивость (*рахават ва ладжадж*)⁶⁶.

У населения Туса и Нисы — самый лучший язык⁶⁷. Речи [людей] Систана присущи неприязнь и вражда. Они исторгают ее (речь) из груди и говорят громко. Язык Буста — лучше⁶⁸. Язык обоих Мервов (Мерва и Мервруда. — *А.К.*) неплох, однако они (мервцы) имеют обыкновение растягивать фразы. Так, считается, что если нишапурцы говорят *бара-йи ин*, то они (мервцы) говорят *ба тарун-и ин*⁶⁹, то есть для этого. Они считают удобным добавлять лишние буквы⁷⁰.

Язык Балха — лучший из языков, однако в нем есть плохие слова. Язык Герата — дикий⁷¹. Они напускают на себя серьезность, ведут себя агрессивно, после этого исторгают слова, замаранные ругательствами⁷².

Это⁷³ — основа языков Хорасана. Другие следуют за ней, ответвляются от нее, возвращаются к ней. Языки Туса и Нисы относятся к⁷⁴ нишапурскому. Языки Серакса и Абиварда близки к языку Мерва⁷⁵. Язык Гардж аш-Шара (Гарджистана) занимает среднее положение между гератским и мервским, а язык Джуджана — между мервским и балхским. Языки Бамйана и Тохаристана близки к балхскому, но в них есть неясности⁷⁶.

Язык Хорезма непонятен⁷⁷. В языке бухарцев имеются непонятные повторы. Например, они говорят [*а'тайту*] *йак-и дирам-и*⁷⁸ или *ра'айту йак-и мард-и*. Другие

⁶⁴ Mohammad Hosain ebn-e Khalaf de Tabrīz. Borhān-e Qāte' (Dictionnaire de la langue Persane)... par M. Mo'īn. Vol. I. Teheran, 1963. Введение. С. 43–44. Перевод выполнен по второму изданию труда ал-Мукаддаси.

⁶⁵ Муин переводит «добавляют ба» (так, очевидно, в новом издании).

⁶⁶ Термином *хуруф ар-рахават* в современных словарях обозначают фрикативные согласные.

⁶⁷ Муин переводит не совсем точно: «Язык населения Туса и Нисы лучше него» (нишапурского. — *А.К.*).

⁶⁸ В Константинопольском списке добавлено: «В их рустаках и в рустаках Нишапура язык другой, дикий».

⁶⁹ У Муина: *батра-йи ин*.

⁷⁰ У Муина: «такого рода [отступлениями] они пользуются часто».

⁷¹ В Константинопольском списке: «Нет во всем климате более дикого языка, чем гератский».

⁷² У Муина дан упрощенный и более короткий перевод фразы.

⁷³ У Муина: «Эти шесть» (отступление от оригинала).

⁷⁴ У Муина: «близки к» (не совсем точно).

⁷⁵ В Константинопольском списке добавлено: «однако жители Абиварда свистят во время разговора».

⁷⁶ Вариант Константинопольского списка: «Языки Мервруда и Джуджанана близки к балхскому и мервскому».

⁷⁷ В Константинопольском списке добавлено: «Языки Амоля (здесь: город на Амударье. — *А.К.*) и Фарбара по звучанию похожи на хорезмийский, а по ясности — на бухарский. Язык Термеза близок к балхскому».

⁷⁸ Принимаем конъектуру Бахара и Муина вместо непонятого диалектного слова *адарм-и* (так в тексте). Странность цитируемых примеров ал-Мукаддаси усматривает в двойном выражении единичности — с помощью числительного *йак* перед словом и посредством выделительного суффикса *-и* (*йа-и вахдам*) в конце слова.

же (небухарцы) говорят *а'тайту дирам-и* («я дал дирхем». — А.К.), и только. Кроме того, в речи они добавляют ненужное слово *данисти*.

Однако это — *дари*. Он потому называется *дари*, что на этом языке пишут султанские послания, составляют на нем ему (султану) донесения. Название происходит от (слова) *дар*, то есть „Врата“, „двор (царский)“. Это — речь, на которой говорят при дворе...»

Процитированный отрывок свидетельствует о том, что ал-Мукаддаси прекрасно разобрался в языковой обстановке в Хорасане своего времени. Отмеченные в его рассказе примеры диалектных различий и пристрастность, с которой автор противопоставляет одни «языки» другим, обнаруживают в нем человека, долго жившего в Хорасане и имевшего контакты с населением разных его районов.

По ал-Мукаддаси, ареал распространения персидского языка и его диалектов в Хорасане включает районы от Нишапура и Туса на западе до Бамйана и Тохаристана на востоке, от Мерва и Амударьи на севере до Систана и Буста на юге. Эпизодическое противопоставление языка городов языку рустаков может указывать как на различия между литературной нормой и диалектом, так и на то, что ираноязычный элемент не везде численно преобладал, но иногда оказывался в меньшинстве в окружающей массе населения рустаков.

В середине X в. неираноязычным было, по-видимому, население Гура, на что указывает следующее замечание географа: «Их (гурцев) язык отличается от языка жителей Хорасана»⁷⁹. Сам факт противопоставления языка Гура не какому-то отдельному диалекту, а языку всех хорасанцев говорит о принципиальных различиях между ними и, следовательно, о численном превосходстве в Гуре иного этноса. К XII в. положение, по-видимому, изменилось в пользу персидского («хорасанского») ⁸⁰.

В нескольких случаях источники, не раскрывая этнического состава населения в том или ином городе (области), ограничиваются замечанием, что там население смешанное. Так обстоит дело в Валвалидж, административном центре Тохаристана: «население смешанное» (*ва мардуман амизанде*)⁸¹ и в Панджахире, городе в Балхской провинции⁸². Далее Йакут отмечает, что между разными группами населения имеют место вражда и кровопролитие. В начале XIII в., как и раньше, регулярные столкновения могли возникать и на конфессиональной, и на этнической почве и при стечении этих двух факторов, разъединяющих население. Учитывая это обстоятельство, что, по ал-Мукаддаси, Тохаристан и Балх находятся в сфере хорасанских «языков», одной из главных этнических групп смешанного населения в этих областях были иранцы (персы и таджики), в другую входили представители иного этноса. Ибн Хаукал и переводчик труда ал-Истахри сочли необходимым отметить, что в Банджахире (Панджахире) люди «плохие» (*муфсид*)⁸³.

Судя по географической литературе, на территории, составляющей восточную оконечность современного Афганистана (в треугольнике Газни–Гардиз–Кабул), а также в некоторых районах Систана и в Гуре в IX–XII вв. существовало мощное племенное объединение тюрков-халаджей, проникших на эти земли «в давние времена»: «халаджи — подразделение тюрков» (*ал-халадж синф мин ал-атрак*)⁸⁴; «халаджи — племя

⁷⁹ ал-Истахри. С. 281.

⁸⁰ Откровенное высказывание на этот счет встречается в персидском «перевод» труда ал-Истахри: «Язык Гура тот же, что и язык Хорасана» (*ва забан-и гур чун забан-и хурасан аст*) (Истахри (перс.). С. 220). Нет никаких оснований упрекать персидского переводчика в слабом знании арабского языка. Здесь, как и в других случаях, он отступил от оригинала, исправляя устаревшие за полтора века сведения.

⁸¹ Худуд. С. 42 (л. 216).

⁸² Йакут. I. С. 743–744.

⁸³ Ибн Хаукал. С. 327; Истахри (перс.). С. 219.

⁸⁴ ал-Истахри. С. 245; Ибн Хаукал. С. 302.

тюрков» (*ва халадж каум-и туркан*)⁸⁵. Источники добавляют, что укладом жизни и внешним обликом халаджи похожи на тюрков, говорят по-тюрки. Переводчик сочинения ал-Истахри упоминает о халаджах и в связи с курдами, кочующими в степях и пустынях Кухистана, т.е. на западе Хорасана⁸⁶.

Автор конца X в. ошибочно, как доказал В.Ф. Минорский, называет халаджей халухами, смешивая их с тюрками-харлухами, кочевавшими в степях севернее Гиндукуша. Смешение двух племенных групп в одну привело его к тому, что район расселения халаджей он представляет значительно шире: Газни с примыкающими землями, Буст, Гузганан, Балх и Тохаристан⁸⁷. Из этого списка областей безусловно следует исключить Балх и Тохаристан, так как район северных отрогов Гиндукуша был местом обитания тюрков-харлуков. Исторически халаджи и халухи (харлухи, карлуки) обитали на соседних пространствах, и в источнике IX в. те и другие упоминаются как соседи на зимних кочевьях под Таласом⁸⁸.

Географ начала XIII в., перефразировав ал-Истахри (или использовав более ранний текст его сочинения), пишет, что халаджи «проникли в давние времена на земли Кабула, которые находятся между Индией и районами Систана», обозначив самый восточный предел оседания этой народности⁸⁹. Он же или переписчик его труда изменил огласовку названия племени — *ал-хилдж* вместо *ал-халадж*, предоставляя современным исследователям пищу для размышлений относительно генетических или иных связей между тюркской народностью и афганским племенем гильзаев. Согласно выводам современной науки, халаджи являются потомками эфталитов. Часть их осталась севернее Гиндукуша, другая часть мигрировала на юг Афганистана. Южные халаджи в процессе нескольких этнических трансформаций превратились в пуштуязычное племя гильзаев⁹⁰.

Ранние мусульманские географы характеризуют население Кабула лишь с точки зрения его конфессиональной принадлежности. Но и в этом случае отчетливо проявляется сосуществование разных этнических групп. Это прежде всего индусы, которых авторы X–XI вв. называют идолопоклонниками и кафирами⁹¹. То обстоятельство, что мусульмане и кафиры живут компактными массами в разных частях города, косвенно указывает и на их этническое различие. Поскольку неоднократное мусульманское завоевание Кабула осуществлялось отрядами наместников Хорасана и Систана, естественно предположить, что основную массу мусульман в гарнизонах составляли ираноязычные поселенцы.

В «Худуд ал-‘Алам» мы впервые в географической литературе встречаем упоминание об афганцах: «Саул — благоустроенное горное селение, в котором живут афганцы (*афганан*)»⁹². Краткое описание местности не очень помогает в локализации малоизвестного населенного пункта, но в контексте двух топонимов, названных до Саула (Банихар или Нинхар, Нангархар) и после него (Гардиз), можно утверждать, что Саул располагался недалеко от юго-восточной границы современного Афганистана⁹³. В X в. этот район традиционно относили к Индии. В том же источ-

⁸⁵ Истахри (перс.). С. 196.

⁸⁶ Истахри (перс.). С. 216.

⁸⁷ *Hudūd al-‘Ālam*, “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. Transl. and expl. by V. Minorsky // “E.J.W. Gibb Memorial” Series. New Series. L., 1937. Vol. XI. С. 111–112 (далее — Худуд–Минорский).

⁸⁸ Ибн Хордадбех. С. 28.

⁸⁹ Яакут. IV. С. 220.

⁹⁰ *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. III. The Crossroads of Civilizations (A.D. 250 to 750). P. UNESCO Publishing, 1996. P. 179–182.

⁹¹ Худуд. С. 43 (л. 22а); Истахри (перс.). С. 219–220.

⁹² Худуд. С. 31 (л. 16а).

⁹³ Худуд–Минорский. С. 251–253.

нике в числе многочисленных жен правителя Банихара (Нинхара), выдающего себя за мусульманина, есть упоминание о женщинах-афганках рядом с мусульманками и индусками⁹⁴. Роль нового этнического элемента неуклонно возрастала, и в первой половине XI в. Газневиды вынуждены были защищать свою столицу от афганцев⁹⁵.

Указание на обилие буддийских храмов (*бутханаха*) в Банихаре и соседних с ним Ламгане (Лагмане) и Динуре косвенно свидетельствует о многочисленности индийского этнического элемента в Нангархарской долине и примыкающих к ней районах, хотя более конкретные данные на этот счет здесь, как и везде, отсутствуют.

Города Ламган и Динур значатся в источнике как центры транзитной караванной торговли, в которых собираются купцы со всего Хорасана (т.е. в большинстве персы, таджики, возможно, согдийцы), однако о численности их колоний можно только догадываться⁹⁶.

О миграциях тюрков на пространствах между Гиндукушем и Амударьей источники сообщают неоднократно. Их сведения не всегда конкретны как в смысле характеристики этноса («Раст — крайний предел Хорасана... через который вторгались тюрки. Там ал-Фадл б. Йахья б. Халид б. Бармак поставил ворота»)⁹⁷, так и в определении ареала миграции: «В его (Тохаристана) степях живут тюрки-халухи»⁹⁸.

Географы X в. пространство между Мервом и Хорезмом называли «землей гуззов» (*билад ал-гуззийя*), которая была знаменита разведением породистых овец⁹⁹. Автор хроники середины XI в. сообщает о том, что гуззы (огузы) весьма беспокоили Газневидов, поддерживая их противников¹⁰⁰. Более поздние источники фиксируют появление гуззов в северо-западном Хорасане как завоевателей в середине XII в.: в 548 г.х./1153 г. они разрушили Нишапур¹⁰¹, в 550 г.х./1155 г. — Балх¹⁰², в 553 г.х./1158 г. — Данданакан¹⁰³. Имя огузов (гуззов) в сочинениях их мусульманских современников всплывает только в связи с завоеваниями, их этническая характеристика опускается. Точно так же Йакут фиксирует во многих статьях своего словаря появление монголо-татар в Хорасане, которых он называет просто татарами.

Население Кермана в географической литературе предстает этнически неоднородным. Самое общее, имеющее скорее ретроспективную ценность определение встречается у Йакута: «Хабис — окраина страны парфян, язык которых Бог стер, а страну — изменил»¹⁰⁴. Даже такое определение справедливо только для северной половины Керманского климата.

Географы X–XI вв. обнаруживают в Кермане четыре этнические группы: персы, белуджи, куфичи, арабы.

⁹⁴ Худуд. С. 31 (л. 16а).

⁹⁵ Kitâb Zainu'l-Akhbar Composed by Abu Sa'id... Gardizi. Ed. by M. Nazim. L., 1928. С. 109 (далее — Гардизи).

⁹⁶ По-видимому, Ламганов было несколько, Йакут (т. IV, с. 343) помещает их в районе Газны. По его определению, Ламаган — селение в Газне («Ламаган — район (*кура*), состоящий из нескольких селений в горах Газны; иногда [его] называют Ламган»). Упоминание Ламгана в «Худуд» рядом с Динуром дает основание локализовать его в современном Лагмане. Эта локализация подтверждается сведениями ал-Бируни.

⁹⁷ Ибн Хордадбех. С. 34. Немного подробнее, но почти в тех же выражениях об этом сообщает и Йакут (Т. II. С. 733).

⁹⁸ Худуд. С. 42 (л. 21б).

⁹⁹ ал-Истахри. С. 281–282; Ибн Хаукал. С. 329–330.

¹⁰⁰ Гардизи. С. 64.

¹⁰¹ Йакут. IV. С. 858.

¹⁰² Ибн Хаукал—Краммерс. С. 433. Краммерс пользовался списком труда Ибн Хаукала, дополненным интерполяциями XII в.

¹⁰³ Йакут. II. С. 610.

¹⁰⁴ Там же. С. 401.

Арабский город Махан в Керманской провинции уже упоминался выше со ссылкой на ал-Мукаддаси.

О персах как о народности в источниках не говорится, но языковая характеристика Керманского климата, которая встречается у географов, не только свидетельствует об их наличии в Кермане, но более того — об их численном превосходстве. Так ал-Мукаддаси отмечает: «Их (керманцев) язык понятен и близок к хорасанскому. Иногда непонятен язык рустака. Языки куфсов и балусов непонятны и похожи на синдский язык»¹⁰⁵. Таким образом, в качестве языка основной массы населения здесь выделяется язык, близкий к хорасанскому, на котором говорят в городе и в значительной части рустаков.

Более определенно высказываются на этот счет ал-Истахри, Ибн Хаукал и персидский переводчик сочинения ал-Истахри. Отдавая дань языковой ситуации в Кермане, ал-Истахри пишет: «Язык населения Кармана — фарси, что же до куфсов, то у них наряду с фарси [используют] язык куфси. То же — у балусов и у [горцев] ал-Бариза: наряду с персидским они пользуются другим языком»¹⁰⁶.

Экскурс о малых народностях Кермана представляет повествование о белуджах и куфичах, причем рассказ об одних незаметно переходит в рассказ о других, и уже сами географы не могли разобраться, какие характеристики относятся к куфичам, а какие — к белуджам. Те и другие в разных источниках называются по-разному. Куфичи — *куфс* (ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси), *куфидж* (Худуд ал-'Алам), *куч* (Истахри, перс.). Белуджи — *балус* (ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси), *балудж* (Худуд ал-'Алам), *балуч* (Истахри, перс.).

Наиболее обстоятельным является повествование Ибн Хаукала, который, взяв за основу лаконичную характеристику ал-Истахри, дополнил ее существенными подробностями. По Ибн Хаукалу, куфичи занимают обширную горную область Джибал ал-куфс (в «Худуд» — персидский эквивалент названия, Кух-и куфидж), южной границей которой является «море» (т.е. Персидский залив), северной — районы Джирuftа и Рудбара, восточной — районы Ахваша и пустыни перед Мекраном, западной — районы расселения белуджей, Мануджана и Хормуза. Фактически речь идет о юго-восточной оконечности Кермана. Эта область состоит из семи «гор» (по-видимому, из семи горных районов), каждой из которых правит свой вождь. Они (куфичи)¹⁰⁷ — одно из подразделений курдских племен (*синф мин ал-акрад*), образ их жизни такой же, как у курдов. Они независимы и решительны. Их около 10 тысяч. Правитель выдает им довольствие, но они занимаются разбоем на дорогах по всему Керману от Фарса до пустынь Систана. Буидский правитель пытался одолеть их силой. Затем мобилизовал их на службу и разослал в разные концы своих владений¹⁰⁸. Они заявляют, что происходят от арабов¹⁰⁹.

В «Худуд ал-'Алам» сказано, что куфиджи — это люди, живущие на горе Куфидж. Они — горцы, их семь групп (*горух*), и во главе каждой группы стоит вождь (*мехтар*). Эти куфиджи, так же как и белуджи, — вору, пастухи и земледельцы¹¹⁰. Далее следует описание местности, отдаленно напоминающее тот же сюжет у Ибн Хаукала.

У ал-Истахри и переводчика его сочинения описание границ территории куфичей практически идентично тексту Ибн Хаукала. Но за описанием следует рассуждение

¹⁰⁵ ал-Мукаддаси. С. 471.

¹⁰⁶ ал-Истахри. С. 167; ср.: Ибн Хаукал. С. 224; Истахри (перс.). С. 144.

¹⁰⁷ Крамерс или его источник (список) все повествование после фиксирования западной границы Джибал ал-куфса ошибочно связывает с белуджами (с. 304), что противоречит как логике, так и сведениям автора «Худуд ал-'Алам».

¹⁰⁸ Последняя мысль содержится только в списке, которым пользовался Крамерс.

¹⁰⁹ Ибн Хаукал. С. 220–221; ср.: ал-Истахри. С. 164.

¹¹⁰ Худуд. С. 52 (л. 266).

о семи процветающих горах с пальмами, развитым земледелием и скотоводством. Этническая привязка отсутствует, географы ограничиваются замечанием, что на каждой горе правит *ра'ис*, поставленный султаном. Далее говорится о разбое этих абстрактных горцев на дорогах Кермана, их претензиях на арабское происхождение¹¹¹.

Краткий экскурс о белуджах у ал-Истахри, в его персидской редакции, и у Ибн Хаукала в целом однороден, если не считать собственные дополнения переводчика и Ибн Хаукала к версии ал-Истахри. Согласно этой версии, белуджи живут у подножия горы Куфс или в горной области Куфс. Они ведут кочевой образ жизни, миролюбивы, никому не причиняют вреда. Куфичи, которые не боятся никого, опасаются белуджей¹¹². Ибн Хаукал добавляет к этому, что с помощью белуджей буидский правитель Ширази смог справиться с куфичами. Персидский переводчик труда ал-Истахри дополняет оригинал иранским эквивалентом названия куфичей и указывает на существующую между двумя этническими группами связь: «*Куфс* на фарси — это *куч*. Эти две народности (*каум*) именуют *куч* и *балуч*»¹¹³.

Рассказ автора «Худуд ал-'Алам» о белуджах несколько отличается от версии ал-Истахри и его последователей. Район их кочевий он очерчивает более точно: это степь между городами Магун, Валашгерд, Кумин, Бахрукан, Манукан и горой Куфич, т.е. центральная часть южного Кермана между Джибал куфс и рекой Руде Ширин на современной географической карте¹¹⁴. В отличие от других географов он называет белуджей ворами, перенося на них характеристику куфичей, считает их пастухами, лишенными страха и милосердия. Он отмечает также, что раньше их было много, но Банна Хосров (у Минорского — Пана Хосров, у Ибн Хаукала — Фанна Хосров) разными хитростями многих истребил. Заключительный сюжет повествования перекликается с характеристикой отношений буидского правителя к куфичам у Ибн Хаукала, только здесь эти отношения перенесены на белуджей.

С хорасанскими белуджами, возможно, связано название селения Балуджузаджан в области Серахс в Хорасане; нисба *балуджи*, которая сопутствовала именам знаменитых уроженцев этого селения, как будто не исключает такой возможности¹¹⁵.

О присутствии в западном Хорасане кочевников-курдов единодушно сообщают ал-Истахри, персидский переводчик его труда и Ибн Хаукал. Их информация указывает на два района расселения курдов. Первый, наиболее значительный, — пустынные пространства между городами и селениями Кухистана, соседней с Керманом области¹¹⁶. В персидском переводе сочинения ал-Истахри курды, как говорилось выше, соседствуют с халаджами. Островок курдского населения отмечен и в окрестностях городка Уштурдж в пустыне под Анхудом, которому подчинены семь селений и становища курдов (*буйут ли-л-акрад*)¹¹⁷. Географы фиксируют их род занятий (разведение верблюдов и овцеводство), но ни слова не говорят о языке курдов. О курдских правителях области Завазан (или Зузан) в Нишапурской провинции упоминает Йакут¹¹⁸.

¹¹¹ ал-Истахри. С. 164; Истахри (перс.). С. 141.

¹¹² ал-Истахри. С. 164; Ибн Хаукал. С. 221; Истахри (перс.). С. 141.

¹¹³ В XI в., очевидно, не было большой разницы между куфичами и белуджами, по крайней мере появилась устойчивая тенденция объединять эти две народности в одну, о чем свидетельствует отрывок из историко-дидактического сочинения: «Те воры были из *куч-балуч* (или *куч-и балуч*); *куч-балуч* постоянно проживают в Кермане». См.: Seyasat-nāme, ta'lif-e xwāje Neẓām al-Molk. Tehran, 1346/1967. С. 87 (далее — Незам ал-Молк).

¹¹⁴ Худуд. С. 52 (л. 266). См. также: *Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Map VI.*

¹¹⁵ Йакут. I. С. 480.

¹¹⁶ ал-Истахри. С. 274; Ибн Хаукал. С. 325; Истахри (перс.). С. 216.

¹¹⁷ ал-Истахри. С. 271; ср.: Ибн Хаукал. С. 322.

¹¹⁸ Йакут. II. С. 57.

В географической литературе не сохранилось сведений о евреях как об этносе в Хорасане. Но о существовании их колоний как будто свидетельствует топонимика западного Хорасана. На этноконфессиональную характеристику части населения Балха и его окрестностей прямо указывают названия двух из шести ворот города — «ворота индусов» и «ворота иудеев»¹¹⁹. Не исключено, что от «ворот иудеев» вел путь к одному из двух населенных пунктов в Балхской провинции — селению Джаху-данак или городу Джахудан, отождествлявшемуся в начале XIII в. с Маймане¹²⁰. У Ибн Хаукала есть упоминание об иудеях, живущих в рабаде Кабула¹²¹, но очень возможно, что *йахуд* в тексте рукописи получился в результате искажения *хунуд*, т.е. «индусы»¹²².

Рассмотренный выше материал мусульманских географических сочинений позволяет суммировать наши наблюдения по поводу этнической ситуации в Хорасане IX–XII вв.:

1) ни в одной из областей Хорасана и соседних с ним территорий этнический состав населения не был однородным;

2) этническая ситуация неуклонно менялась в сторону закрепления на землях, подчиненных исламом, этнических групп, принявших новую идеологию, прежде всего иранцев (персов и таджиков) и затем арабов. Ареал их миграции выходил далеко за пределы собственно Хорасана, о чем свидетельствуют косвенные указания источников: «Языки населения Мансуры, Мултана и его районов — арабский (*ал-‘арабийя*) и синдский (*ас-синдийя*). Языки населения Мекрана — персидский (*ал-фарсийя*) и мекранский (*ал-макрыйя*)»¹²³. В тот же период заметно численное увеличение тюркского этнического элемента в Хорасане;

3) в этнографических экскурсах географов больше привлекали малые, «экзотические» народности, заявлявшие о себе необычным жизненным укладом, обычаями, одеждой, языком и другими отличительными признаками. Поэтому об иранских народностях они практически не пишут, хотя во многих провинциях, особенно в западном Хорасане, они составляли численное большинство. И только косвенные свидетельства (данные о распространении «хорасанского» языка и его диалектов) позволяют судить о реальной территории расселения иранского этноса в окраинных восточных пределах Халифата в домонгольскую эпоху.

* * *

В этноконфессиональной картине восточного Ирана и большого Хорасана географов все-таки больше интересовала идеологическая сторона проблемы. Это заметно и по их стремлению подменить этническую характеристику конфессиональной, и в их повышенном внимании к достопримечательностям, связанным с религией и культом.

Удельный вес «конфессиональной» информации в общем объеме сведений о Хорасане и соседних областях в географической литературе сравнительно невелик. Она чаще всего не систематизирована, редко учитывалась в современных исследованиях, и уже это обстоятельство дает основание считать ее весьма ценной для характеристики конфессиональной ситуации в регионе.

Весь материал, имеющий отношение к идеологической сфере, условно можно разделить на две большие группы: а) сведения о религиях, религиозных толках и сектах, противоборстве на конфессиональной почве и т.п.; б) сведения о культовых сооруже-

¹¹⁹ ал-Истахри. С. 278 — *бав ал-йахуд*; Истахри (перс.). С. 217–218 — *дар-и джахудан*.

¹²⁰ Йакут. II. С. 167–168.

¹²¹ Ибн Хаукал. С. 328.

¹²² Именно так («индусы») у ал-Истахри (с. 280).

¹²³ ал-Истахри. С. 177; Ибн Хаукал. С. 325; ср.: Истахри (перс.). С. 151.

ниях (мечетях, храмах, капищах). Первая группа сведений прямо указывает на распространение той или иной формы идеологии, вторая служит материальным подтверждением распространенности религии на конкретной территории. Обе вместе они помогают составить более четкое представление о сосуществовании в одной местности разных конфессиональных групп.

Среди географов универсальным с точки зрения освещения конфессиональной ситуации является ал-Мукаддаси (конец X в.). Ему свойственно стремление дать наиболее полную картину соотношения различных религий и сект как в Хорасане вообще, так и в отдельных его районах. Темы религии в главе о Хорасане ал-Мукаддаси касается в трех самостоятельных экскурсах, из которых первый дает географию распространения религиозных толков и сект, второй посвящен обычаям населения Хорасана, в том числе особенностям отправления культа, третий дает представление о вражде между различными группами населения, происходящей на идеологической (конфессиональной) почве.

В характеристике конфессиональной обстановки у ал-Мукаддаси нет явно выраженной неприязни к иноверцам и «еретикам», и, может быть, поэтому первый экскурс о религиях Хорасана он начинает с перечисления конфессиональных меньшинств: «В нем (в Хорасанском климате. — А.К.) много иудеев, мало христиан (*насара*) и есть подразделения зороастрийцев (*аснаф ал-маджус*)»¹²⁴.

Ограничившись этим кратким замечанием, ал-Мукаддаси переходит к более подробной характеристике мусульманских течений и сект. Он считает нужным отметить, что в Хорасане высоко чтут потомков Али б. Абу Талиба. По его мнению, большинство населения исповедует «праведную» веру (*мазахибухум мустакима*). Как видно из дальнейшего повествования, к праведникам автор относит ханафитов и шафиитов. В Систане и в районах Гератской провинции Карух и Астарбайан он отмечает колонии хариджитов (*ал-хаваридж*). В Нишапуре есть общины му'тазилитов, шиитов и каррамитов. Сказав о том, что в Хорасанском климате приверженцы Абу Ханифы находятся в большинстве, он сразу же дает перечень 12 областей (*кура*), полностью шафиитских. Половина этих областей и районов расположена за Амударьей, в Мавераннахре¹²⁵, остальные (Тус, Ниса, Абивард, Синдж, Данданакан, Асфараин) являются собственно хорасанскими. Отдельные общины шафиитов зафиксированы в Герате, Систане, Серахсе, Мерве и Мервруде, в Нишапуре. В Герате и Гардж аш-Шаре (Гарджистане) существуют общины каррамитов, у которых есть *ханака*х и в других концах климата — в Фергане, Хутгале, Джузджанане, в Мервруде и в Самарканде. В рустаках эфталитов (*хайтал*) живут люди, которых называют «одетые в белое», их учение близко к манихейству (*аз-зандака*)¹²⁶, и приверженцы учения Абдаллаха ас-Серахси, которые практикуют пост и причащение (*зухд ва такарруб*). Большинство жителей Термеза — джахмиты (*джахмийа*), жители Ракки (город в Кухистане) — шииты, а жители Кундура — кадариты. В Гардж аш-Шаре по двум праздникам ('*ид ал-адха*, '*ид ал-фитр*. — А.К.) совершают молитвы по «слову» Абдаллаха б. Мас'уда и по учению Абу Ханифы, принимая оба чтения Корана и четырехкратный *такбир*¹²⁷.

Конфессиональная картина, нарисованная ал-Мукаддаси, является далеко не полной, но ее можно взять за основу, уточняя и дополняя сведениями из других источников. В принципиальном плане к ней можно добавить отсутствующие у ал-Мукаддаси

¹²⁴ ал-Мукаддаси. С. 323.

¹²⁵ ал-Мукаддаси включает Мавераннахр в состав Хорасанского климата, но как провинцию рассматривает отдельно.

¹²⁶ Речь идет о хуррамитах, одно из течений которых имеет иранское название *сатиджамаган*. В источнике — *байд ас-сийаб*.

¹²⁷ ал-Мукаддаси. С. 323.

сведения о религиозной обстановке в Гуре, в районах, граничивших с Индией, и районах, которые средневековые географы относили к Индии и которые находятся на восточном берегу современного Афганистана.

География распространения мусульманских религиозных течений и сект, представленная у ал-Мукаддаси, детализируется им самим и другими географами в описаниях отдельных городов и областей. Высказанное среди других общих положений замечание о многочисленности хариджитов в Систане подтверждается сведениями о наличии сторонников этой ереси как в самой столице Систана, в Зарандже, так и в других крупных и мелких городах провинции — в Фарахе, Кувайне, Занбук¹²⁸. В повествовании о правителях систанской династии — Саффаридах важное значение придается их борьбе с хариджитами¹²⁹. После поражения хариджитов в Систане сама секта продолжала существовать вплоть до XIII в. Во всяком случае, Йакут пишет о хариджитах Систана как о своих современниках, которые открыто исповедуют свою веру и гордятся этим. Они одеваются иначе, чем все, и их всегда можно отличить от других. В местечке Каркуйе все жители — хариджиты. У них есть пост, многочисленные молитвы, есть свои факихи и ученые¹³⁰.

Религию Керманского климата в общем виде рассматривают сразу несколько географов, однако более пространный экскурс конфессиональной ситуации, как и в главе о Хорасане, принадлежит ал-Мукаддаси. По ал-Мукаддаси, большинство керманцев придерживаются шафиитского толка. Исключение составляет население Джируфта, в котором число факихов уменьшилось. Традиционалисты (*ахл ал-хадис*) берут верх везде, кроме Хормуза, поскольку там у их проповедников не хватает знаний. Автор сообщает также, что в Бамме существует община хариджитов, которая имеет собственную соборную мечеть, в ней хранится казна¹³¹.

Общая характеристика исламских течений в Кермане у ал-Истахри, в персидской редакции его сочинения и у Ибн Хаукала предельно лаконична. Авторы выделяют компактные группы традиционалистов в Шираджане (Сираджане, Сирагане), «приверженцев самостоятельного суждения» (*ар-ра'й, сахиб-и ра'й*) в Джируфте, шиитов в Рудбаре, Кухистане Абу Ганам, у балусов (белуджей), в Мануджане¹³². В их рассказе названия шафиитов и ханафитов закамуфлированы приверженностью первых к мусульманской традиции, а вторых — к самостоятельному суждению. Сведения о хариджитах в Кермане косвенно всплывают у тех же авторов несколько раньше, при описании достопримечательностей Бамма, из которого следует, что в городе было три пятничных мечети: мечеть хариджитов на базаре рядом с дворцом местного правителя Мансура б. Хурдина, мечеть верующих (*ахл ал-джама'а, ахл-и суннат*) в квартале торговцев тканями и «мечеть в крепости». В соборной мечети хариджитов хранится их казна для садаки. Их еретиков (*шуратухум*) немного, но они богаты¹³³.

Сведения о культовых сооружениях географы сообщают неравномерно: то акцентируют на них внимание при упоминании каждого большого или малого города, то просто забывают об этом. Показательна в этом отношении позиция ал-Мукаддаси, наиболее сведущего в вопросах религии. После перечисления административно-территориальных единиц провинции Нишапур он сообщает любопытную деталь: в 12 рустаках Нишапура насчитывается 6 тыс. селений и 120 мечетей¹³⁴. Однако информация о мечетях раскрывается лишь частично: в дальнейших описаниях населенных

¹²⁸ Там же. С. 305–306.

¹²⁹ ал-Истахри. С. 246; Ибн Хаукал. С. 302–303; Истахри (перс.). С. 197–198.

¹³⁰ Йакут. III. С. 42.

¹³¹ ал-Мукаддаси. С. 468–469.

¹³² ал-Истахри. С. 167; Ибн Хаукал. III. С. 223; Истахри (перс.). С. 143.

¹³³ ал-Истахри. С. 166–167; Ибн Хаукал. С. 223; Истахри (перс.). С. 143; Худуд. С. 53 (л. 27а).

¹³⁴ ал-Мукаддаси. С. 300.

пунктов и районов провинции автор вскользь упоминает о семи мечетях в рустаке Бушт, о мечетях в шести из 70 селений рустака Джунавид и еще о нескольких мечетях в городах разного назначения¹³⁵. Ал-Йа'куби посчитал нужным упомянуть о 47 мечетях в Балхе и о пятничной мечети в Талукане¹³⁶. Кое-какой новый материал о мечетях провинции Нишапур есть у Йакута, но его следует учитывать с поправкой на время: естественно, что в начале XIII в. мечетей было больше, чем в X в. Общее число мечетей, которые локализует в Нишапурской провинции ал-Мукаддаси по городам и округам, составляет всего одну пятую от фактически существовавших в конце X в.

Для характеристики этноконфессиональной ситуации в западном Хорасане несомненную ценность представляют сведения ал-Мукаддаси о столкновениях на религиозной и этнической, а также социальной почве между различными группами населения. Рассказ об этих событиях он начинает с Нишапура. Город, по его словам, расколот враждой между выходцами из Манишака и выходцами из Хиры; «дикая нетерпимость» обращена против неверных (*гайр ал-мазхаб*). В его время эта вражда выливается в столкновения между шиитами и каррамитами. В Систане враждуют между собой самакиты (*ас-самакийя*), которые являются ханифитами, и садакиты (*ас-садакийя*), которые являются шафиитами. Их распри сопровождаются кровопролитием, и в дело вмешивается султан. Серахс отмечен борьбой аруситов (*ал-арусийя*) — они же ханифиты — и ахлитов (*ал-ахлийя*) — они же шафииты. В Герате враждуют амалиты (*ал-амалийя*) и каррамиты, в Мерве — горожане со старым рынком, в Нисе — кварталы ал-Хана и Ра'с ас-сук, в Абиварде — Кардари и Ра'с ал-балад (т.е. ремесленники и городские власти). В Балхе процветает нетерпимость к «неверным», то же — в Самарканде. Экскурс завершается обобщающим заключением, что во всех странах очень немного найдется мест, не занятых враждой¹³⁷.

Сведения географов о религии Гура, обширной горной области между Гератом и Газной, достаточно противоречивы. В этом противоречии отчетливо выделяются две точки зрения, взаимоисключающие одна другую, поскольку обе принадлежат авторам X в., и нет нужды объяснять различие позиций временным фактором.

Согласно первой, Гур — «страна неверия» (*дар куфр*), включенная во владения ислама только потому, что там есть и мусульмане. На ее восточных границах живут люди, которые выдают себя за мусульман, но не являются таковыми¹³⁸. В ином контексте говорится, что Гур — это горы, окруженные со всех сторон мусульманскими землями. Их населяют «неверные», но есть среди них и немного мусульман. Большая часть гурских рабов поступает в Герат и Систан¹³⁹.

Согласно второй точке зрения, в древности все население Гура составляли «неверные», а ныне большинство — мусульмане. Они живут в городках, многих селениях. Оттуда вывозят рабов, кольчуги, доброе оружие. Население имеет дурной нрав, непокорно, невежественно¹⁴⁰.

Вторая точка зрения выдает желаемое за действительное. Если в Гуре действительно численно преобладали мусульмане, то странной кажется их нелестная характеристика в устах их единоверца. Да и тот факт, что во всех источниках Гур фигурирует как поставщик рабов на невольничьи рынки Хорасана, указывает скорее на область, где «неверных» больше, чем мусульман.

¹³⁵ Там же. С. 316–321.

¹³⁶ ал-Йа'куби. С. 287–288.

¹³⁷ ал-Мукаддаси. С. 336.

¹³⁸ ал-Истахри. С. 272; Ибн Хаукал. С. 323.

¹³⁹ ал-Истахри. С. 281; Ибн Хаукал. С. 329. В списке труда Ибн Хаукала, который привлек Крамерс, эти два отрывка сведены в один (Ибн Хаукал–Крамерс. С. 429–430).

¹⁴⁰ Худуд. С. 42 (л. 216).

Массовая исламизация Гура происходила столетием позже, в XI или даже XII в. Современником, а возможно, и очевидцем этого процесса был персидский переводчик труда ал-Истахри. Но и для него, вероятно, было еще не все ясно. В одном месте, немного «поправляя» первоисточник, он пишет, что в Гуре «много мусульман», а через несколько страниц он формулирует прямо противоположную версию: гурцы — кафиры, среди которых есть немного мусульман¹⁴¹. Автор начала XIII в., ни слова не говоря о конфессиональной принадлежности гурцев, упоминает крепость Фирузкух — резиденцию местных правителей, а далее приводит список местных знаменитостей, проявивших себя на ниве служения исламу. Самый ранний из перечисленных в списке умер в 348 г.х. (959-60 г.), дата смерти последнего — 409 г.х. (1018-19 г.)¹⁴². Для Йакута гурцы безусловно мусульмане, вместе с тем указание на даты смерти ранних деятелей ислама в Гуре не может служить достаточным основанием для того, чтобы считать население области исповедующим ислам уже в X в.

Обобщая характеристику ислама в Гуре и других областях восточного Хорасана в середине X в., можно было бы ограничиться компромиссным замечанием ал-Истахри: «Багнин¹⁴³, Халадж, Кабул, Гур — это районы, в которых некоторые приняли ислам (*асламу*), а некоторые из них (местных жителей) мирятся с исламом (*мусалимун*)»¹⁴⁴. Учет отдельных региональных условий позволяет наполнить это общее заключение конкретным содержанием.

Форпостом ислама на востоке Хорасана на границе с Индией уже в X в. были Газна (Газак, Газнин) и Кабул. Автор «Худуд ал-'Алам» пишет, что когда-то давно Газак принадлежал Индии, а ныне находится в мусульманских пределах и является границей между мусульманами и «неверными», местом сбора купцов¹⁴⁵. Йакут называет Джазну (Газну) столицей большой и знаменитой области Забулистан между Гуrom и Индией на окраине Хорасана¹⁴⁶. При описании Газни географы подчеркивают исключительно важное значение города и области, но особенно не распространяются о конфессиональной ориентации, если не считать замечания ал-Мукаддаси о том, что в Газнине была соборная мечеть¹⁴⁷. Он же сообщает о красивой соборной мечети в Банджавайе, административном центре Руххаджа¹⁴⁸. Есть основания считать, что ислам в «земле халаджей» был неоднородным и в X в., и в начале XIII в. Географы не называют, какой из «праведных» толков был ведущим в Газне и ее дальних и ближних пригородах, зато свидетельствуют о наличии там мусульманских сектантов. В конце X в. Гардиз — «город на границе между Газнином и Хиндустаном, расположенный на холме. В нем есть мощная крепость с тремя стенами (трыйной стеной). Его население — хариджиты»¹⁴⁹.

Значительно больше сказано о малоизвестном Алабани, расположенном в двух переходах от Газны по кабульской дороге: «Его население — остатки азракитов, которых изгнал ал-Мухаллаб. Они до сих пор живут по обычаю своих предков, но повинуются султану. Среди них есть купцы, богатые люди, ученые и адибы, общающиеся с царями Индии и Синда, которые приближают их к себе. У каждого из их старшин (*пу'аса*) есть арабское и индийское имя для удобства»¹⁵⁰. Последние сведения фиксирует источник начала XIII в. и говорит о них как о событиях своего времени.

¹⁴¹ Истахри (перс.). С. 214, 220.

¹⁴² Йакут. III. С. 823.

¹⁴³ Он же — Багни, город с мусульманским населением и одноименный округ, расположенный рядом с Гуrom (Худуд. С. 43 (л. 22а)), по ал-Истахри — в Систане.

¹⁴⁴ ал-Истахри. С. 245; то же у Ибн Хаукала (с. 302).

¹⁴⁵ Худуд. С. 43 (л. 22а).

¹⁴⁶ Йакут. II. С. 72.

¹⁴⁷ ал-Мукаддаси. С. 304.

¹⁴⁸ Там же. С. 305.

¹⁴⁹ Худуд. С. 31 (л. 16а) — в главе о Хиндустане и его городах.

¹⁵⁰ Йакут. I. С. 348.

В X в. Кабул все еще оставался городом, большинство населения которого исповедовало буддизм, хотя он и входил во владения ислама. В нем была мощная крепость, которой владели мусульмане, и рабад, населенный «кафирами из индусов» (*ал-куффар мин ал-хунуд*) или, как считает другой географ, «кафирами и иудеями» (*ал-куффар ва-л-йахуд*)¹⁵¹. Об иудеях упоминает только Ибн Хаукал, другие авторы, характеризуя население Кабула по конфессиональному признаку, выделяют только мусульман и индусов (т.е. буддистов), и их версия предпочтительнее. Персоязычный источник конца X в. сообщает о наличии в Кабуле буддийских храмов, но ни слова не говорит о мечетях¹⁵², что может служить косвенным указанием на малочисленность мусульманского гарнизона в кухандизе, который вполне мог обходиться скромной мечетью.

В X в. Кабул был крупным центром буддизма не только в Хорасане, но и для соседней Индии. Согласно традиции, изложенной автором «Худуд ал-‘Алам», а также ал-Истахри и Ибн Хаукалем, буддийский храм в Кабуле был местом обязательного паломничества раджи княжества Киннаудж при восшествии на престол. Возвращение княжеского знамени в храм означало официальное утверждение власти раджи Киннауджа. Религией большинства населения Кабула буддизм оставался в XI и частично в XII в.¹⁵³ К XIII в. положение решительно изменилось в пользу ислама, о чем пишет Йакут¹⁵⁴.

В начале X в. Ибн ал-Факих ал-Хамадани сообщает, что население Хорасана добровольно и послушно приняло ислам¹⁵⁵. Для его времени такое утверждение не совсем верно, поскольку речь может идти в основном о городском населении, да и то не обо всем. Сельская округа в X в., как свидетельствуют источники, сохраняла верность местной конфессиональной традиции. О немногочисленности мусульман в рустиках говорит малое число мечетей по сравнению с численностью селений: в Нишапуре — 120 на 6000 селений¹⁵⁶, на весь Гарджистан — 10 мечетей¹⁵⁷, в Гузганане — 14¹⁵⁸, в округе Валиштан Газнийской провинции — 6 мечетей на 1100 селений¹⁵⁹. Это не исключало того факта, что ислам через территорию Хорасана проникал и дальше на восток с военными походами и через миссионеров. Показательно в этом отношении сообщение ал-Йа’куби о послых из Тибета, прибывших к халифу Омару б. Абдалазизу (717–720) с просьбой прислать миссионера-мусульманина: «Явились к нему послы Тибета просить его, чтобы послал к ним того, кто бы объяснил им веру ислама»¹⁶⁰. Реакция халифа или наместника на это посольство неизвестна, но сам факт заслуживает внимания. Рядом с этим сообщением приводится другое, не менее любопытное: мусульмане, осевшие в Мавераннахре с семьями, отказываются подчиниться приказу халифа и вернуться в Мерв.

Прямые и косвенные свидетельства раннемусульманских географов дают основание утверждать, что в первые века ислама на значительной территории восточного Хорасана был распространен буддизм. Крупным буддийским центром на севере нынешнего Афганистана до арабских завоеваний был храм Ноубахар (от *Nava vihara* — «Новый храм») в Балхе с настенными изображениями и сценами удивительных

¹⁵¹ ал-Истахри. С. 280; Ибн Хаукал. С. 328.

¹⁵² Худуд. С. 43 (л. 22а).

¹⁵³ Истахри (перс.). С. 219–220.

¹⁵⁴ Йакут. IV. С. 221: «Его население — мусульмане».

¹⁵⁵ Ибн ал-Факих. С. 317.

¹⁵⁶ ал-Мукаддаси. С. 300.

¹⁵⁷ Там же. С. 309.

¹⁵⁸ Худуд. С. 41 (л. 21а).

¹⁵⁹ ал-Мукаддаси. С. 297.

¹⁶⁰ ал-Йа’куби. С. 301.

деяний. К концу X в. от него сохранились только развалины¹⁶¹. Как сообщает Ибн ал-Факих ал-Хамадани, к храму совершали паломничество удельные правители из других областей, чтобы поклониться «большому идолу». Храм был построен еще в древности представителями местной аристократии — Бармакидами, исповедовавшими «идолопоклонство» (*'убадат ал-авсан*). Бармакидам принадлежали обширные земли вокруг храма, 700 арыков и рустак Зуван в Тохаристане площадью 8×4 фарсахов, все население которого составляли рабы. Один из Бармакидов добровольно принял ислам при халифе Османе (644–656). Попытки удельных правителей и тархана Низака вернуть его в лоно прежней веры оказались безуспешными, и род Бармакидов был почти полностью истреблен тюрками¹⁶². Вновь имя Бармакидов всплывает уже в связи с завоеванием мусульманами областей восточного Хорасана в конце VIII в. Наместник Хорасана ал-Фадл б. Йахйа б. Халид б. Бармак посылает свое войско в союзе с отрядами удельных владетелей и дехкан против Кабул-шаха; мусульмане завоевали город Гураванд, овладели ущельем Гураванда и рядом населенных пунктов, в том числе Шах-Бахаром, в котором находился большой «идол». Храм был разрушен и сожжен, население попросило пощады¹⁶³.

В конце IX в. в Балхе и его окрестностях насчитывалось 47 мечетей. Город становился оплотом ислама в Тохаристане, в X в. велась ожесточенная борьба с «неверными», как свидетельствует ал-Мукаддаси. Микротопонимия Балха подсказывает, что противниками ислама были в X в. индусы (= буддисты) и иудеи.

В Симинджане (Симингане), городе, расположенном восточнее Балха, в Тохаристане, в конце X в. были мечеть¹⁶⁴ и, значит, мусульманское население. Наряду с этим в окрестных горах были вырублены жилые помещения, дворцы, буддийские храмы, конюшни. Росписи на стенах изображали сюжеты из «деяний индусов»¹⁶⁵.

Один из центров буддизма — Бамйан источники характеризуют лишь с географической точки зрения. Только один из них добавляет к географической информации титул удельного правителя и фразу о существовании в Бамйане двух каменных статуй Будды: Красного Будды (*сурхбут*) и Белого Будды (*хингбут*)¹⁶⁶. Молчание источников о наличии в Бамйане культовых зданий ислама можно расценить как их полное отсутствие в X в.

Йакут (начало XIII в.) дополняет описание Бамйана информацией о здании с высокими колоннами, на которых изображены «все птицы, которых создал всевышний Аллах на земле»; он сообщает также, что два больших «идола» в полный рост высечены в скале, что нет во всем мире им подобных. Он добавляет, что из Бамйана родом несколько «людей знания»¹⁶⁷, и тем косвенно свидетельствует о процессе исламизации области.

Упоминание о «золотом идоле», инкрустированном драгоценными камнями, — достопримечательности Давара (Заминдавар, Балад ал-Давар) — дважды встречается в сравнительно позднем источнике¹⁶⁸. В первом случае имя «идола» (аз-Зун) приводится в контексте арабских завоеваний VII в. в Систане и Даваре, во втором — без исторического контекста и в иной форме — аз-Зур. В рассказе о Даваре, как и при описании Бамйана, географы сознательно опускают характеристику области, расположенной между Руххаджем, Бустом и Гуром.

¹⁶¹ Худуд. С. 41 (л. 21а).

¹⁶² Ибн ал-Факих. С. 322–324.

¹⁶³ ал-Йа'куби. С. 290–291.

¹⁶⁴ ал-Мукаддаси. С. 303.

¹⁶⁵ Худуд. С. 42 (л. 21б).

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Йакут. I. С. 481.

¹⁶⁸ Там же. II. С. 541, 956.

Несколько городов с преобладающим буддийским населением географ X в. помещает в главе об Индии, не локализуя их. Ныне они входят в состав Республики Афганистан, в ее восточные провинции Лагман и Нангархар. Речь идет о городах Ламган, Динур и местности Банихар. Ламган характеризуется как город в среднем течении реки, склад товаров из Индии и место сбора купцов. В нем есть буддийские храмы. Динур (в другом месте — Данпур) расположен напротив Ламгана на другом берегу реки. Это тоже крупный торговый центр, в который съезжаются купцы со всего Хорасана. Там тоже есть буддийские храмы. Район Банихара населен в основном буддистами, имеет три больших Будды; правитель этой местности выдает себя за мусульманина и имеет более 30 жен из мусульманок, афганок и индусок¹⁶⁹.

Сведения о зороастризме и его течениях на территории восточного Ирана и Хорасана в географической литературе отрывочны и не дают исчерпывающей картины распространения этой религии на землях восточной окраины Халифата после арабских завоеваний. Высвечиваются только ее отдельные контуры, ограничивающие зороастрийский ареал на востоке отдельными районами Кермана и западном Хорасана. Географы связывают с зороастрийскими общинами отдельные населенные пункты и округа и хранят молчание в отношении многих других, в которых существование зороастрийцев и их культовых зданий подтверждается другими источниками. Вряд ли географы не знали о распространении зороастризма за пределами поименованных территорий. Скорее всего, при выборе альтернативы — писать или не писать о «гебрах» — решающее значение имел не столько феномен экзотичности старой религии на фоне мусульманского традиционализма («праведного ислама»), сколько влияние зороастрийской общины на развитие внутривосточных событий и идеологию данной местности. К сожалению, информация о зороастрийцах не всегда дается в историческом контексте, что вполне естественно для географических сочинений, авторами которых были мусульмане.

Ал-Истахри и его последователи сочли нужным отметить сохранение зороастризма (*ал-маджусийа*) у горцев района ал-Бариз в Кермане. Даже приняв ислам в начале аббасидского правления (вторая половина VIII в.), они составляли сильную оппозицию центральной власти (и, возможно, имели относительную свободу вероисповедания) вплоть до утверждения в последней трети IX в. династии систанских правителей Саффаридов¹⁷⁰.

Город Зузан в одноименном рустаке Нишапурской провинции известен своим храмом огня, который, по преданию, появился там при перевозке священного огня из Азербайджана в Систан¹⁷¹. Упоминание о зороастрийском храме естественно предполагает наличие в данной местности зороастрийской общины. С другой стороны, тот же источник называет Зузан «малой Басрой» из-за множества мусульманских мудрецов, литераторов и ученых, уроженцев этой местности.

Географы X в. фиксируют в полуфарсах (вариант — в двух фарсах) от Герата по дороге на Балх наличие действующего храма огня (*байт нар*) Сиришк, расположенного на вершине горы. Между этим храмом и городом находится христианская церковь (*каниса ли-н-насара*)¹⁷². В XI–XII вв. храм огня, по-видимому, прекратил свое существование, поскольку персидский переводчик труда ал-Истахри упоминает в этой связи только христианскую церковь¹⁷³. С созидательной деятельностью зороастрийцев связывают строительство моста в Герате, «удивительнее которого нет во

¹⁶⁹ Худуд. С. 31 (л. 16а); Худуд-Минорский. С. 251–253.

¹⁷⁰ ал-Истахри. С. 164–165; Ибн Хаукал. С. 221; Истахри (перс.). С. 141–142. Последний именует горцев гебрами.

¹⁷¹ Якут. II. С. 958.

¹⁷² ал-Истахри. С. 265; Ибн Хаукал. С. 317.

¹⁷³ Истахри (перс.). С. 210.

всем Хорасане». Работами руководил зороастриец, оставивший на мосту свое имя. Во время этих работ строители съели тысячу джерибов соли. По преданию, местный правитель пожелал написать свое имя на этом сооружении. Судьба зороастрийца неизвестна: одни считают, что он принял ислам, другие — что бросился в реку¹⁷⁴.

Селение Каринайн, расположенное в 25 фарсах от Мерва по дороге в Тохаристан, на полпути к Мервруду, в первой половине X в. было населено зороастрийцами, которых называли еще *туркван*¹⁷⁵. Автор конца X в. в кратком географическом описании Хорасана посчитал нужным упомянуть о селении Паркадар (?) на берегу р. Мерв, в котором живут гебры, именуемые также бехафриди¹⁷⁶.

Упоминание источника о бехафриди свидетельствует о том, что мусульманские географы имели достаточное представление и о зороастрийском сектантстве. Дополнительным подтверждением этого является сводка ал-Мас'уди, в которой названы основные маздакитские и хуррамитские секты (*ал-маздакийя*, *ал-маханийя*, *ал-мухаммира*, *ал-кудакийя*, *ал-кудшахийя* и проч.) и области их распространения, среди которых упомянут и Хорасан без детализации по районам¹⁷⁷. Секта «одетых в белое», ветвь хуррамитов, уже была названа выше в связи с первым экскурсом ал-Мукадаси о религиях Хорасана. Замечание Йакута о том, что население Серакса оказывало большую помощь движению ал-Муканны и шайкам, разукрашенным золотом, является косвенным свидетельством того, что в последней четверти VIII в. оно в своем большинстве исповедовало хуррамизм¹⁷⁸.

В экскурсах, посвященных конфессиональным меньшинствам, практически не чувствуется неприязни мусульманских географов по отношению к иноверцам (в том числе и к зороастрийцам), но она отчетливо проступает, когда речь заходит о мусульманских сектантах, прежде всего о хариджитах и «еретиках» (*шурат*) вообще. Объяснялось это, вероятно, тем, что в IX–XI вв. внутренний враг в исламе был более грозным для его адептов, чем враг внешний. В рассказе-наставлении правителю о необходимости поручать дело людям чистой веры и достойным Незам ал-Молк сетует на то, что в государственных учреждениях и при дворе полно иноверцев и еретиков. Правителю следует, говорит он, очистить землю и свое государство от еретиков; лучше иметь дело с иудеем, гебром и христианином и назначить их над мусульманами, чем с «этими»¹⁷⁹. В этой сентенции государственного деятеля и писателя XI в. четко обозначена позиция правоверного мусульманина по отношению к исламским ересям.

Список сокращений

BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum ed. J. de Goeje. Lugduni Batavorum
 UEAI — Union Européenne des Arabisants et Islamisants
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Lpz.

¹⁷⁴ ал-Мукадаси. С. 330.

¹⁷⁵ Кудам б. Джа'фар. С. 209.

¹⁷⁶ Худуд. С. 39 (л. 20а).

¹⁷⁷ ал-Мас'уди. С. 353.

¹⁷⁸ Йакут. III. С. 72.

¹⁷⁹ Незам ал-Молк. С. 214.

Summary

A.I. Kolesnikov

Materials for Estimation of the Political and Confessional Affairs in the Eastern Iran and Khurasan

(based on information of the Muslim geographers of the 9th–12th centuries A.D.)

The information on the political and other historical events that occurred in the Islamized countries of the early middle ages cannot be regarded as adequate if we are to rely only on the facts derived from the traditional sources (such as “the world-wide chronicles” or “the books of conquests”). Therefore the author of the paper tries to collect and reveal the numerous historical data dispersed in the so-called untraditional sources, namely in the works of the Muslim geographers of the 9th–12th centuries.

The information of the geographical treatises makes it possible to throw more light on such problems as:

- a) the regions and borders of Khurasan in the 9th–12th centuries;
- b) military and political events that occurred at the same period in Khurasan and adjacent areas;
- c) the ethnic structure of the Khurasanians and their neighbours under the early Islamic dominion.

Confessional situation in the region.

The preliminary results received from the study of the geographical sources can be summarized as follows:

A. The diversity of information about the extent of the territory and borders of Khurasan reflects four different points of view, expressed by the geographers on the problem.

B. The geographical sources, while mentioning political events, show a preference for three chronological periods: 1) pre-Islamic history, 2) the time of the great Arab conquests (7th century), 3) home policy affairs concerning Khurasan and outer conquests in the 8th–12th centuries.

C. In none of the regions of Khurasan proper and neighbouring areas the ethnical structure of population was homogeneous. The situation steadily changed with the settling on conquered territories of the peoples who had adopted the new ideology Islam. The geographers practically never describe the Iranians, although the latter constituted the majority of population in the Western Khurasan. Only indirect evidence concerning the diffusion of the “Khurasanian languages” help us conceive the actual area of migration of the ethnic Iranians to the eastern extremities of the Caliphate before the Mogul invasion.

D. All the material concerned with confessional characteristics presents two classes of information:

- a) on religions, religious sects and trends, conflicts caused by ideological motives etc.;
- b) on religious buildings (mosques, churches, Zoroastrian and pagan, i. e. Buddhist temples).

Analysis of both groups of information gives rise to an idea about the coexistence of different confessions in several regions.

The information presented by the geographical sources may give valuable additions and elaborations to the data derived from historical chronicles.

Мела Махмуд Баязиди и его первый перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси на курдский язык

Труд выдающегося курдского историка Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме» — единственный пока известный памятник, освещающий историю курдов и Курдистана, а также историю сопредельных стран позднего средневековья. Он был написан на персидском языке в конце XVI в. и давно уже признан ученым миром как ценный историко-культурный источник не только курдов, но и народов Ближнего Востока. Сочинение Шараф-хана переведено на турецкий, французский, арабский, русский языки, отдельные главы опубликованы в переводе на немецкий язык¹. В 1972 г. «Шараф-наме» было издано на южном диалекте курдского языка (*сорани*)².

Благодаря работе талантливого ученого-курдоведа М.Б. Руденко³ стало известно, что в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится перевод сочинения Шараф-хана Бидлиси на северный диалект курдского языка (*курманджи*), выполненный в середине XIX в. видным ученым и общественным деятелем Мела Махмудом Баязиди под названием «Таварих-и кадим-и Курдистан»⁴.

Как явствует из предисловия к переводу, инициатором его создания был видный русский ученый-востоковед А.Д. Жаба. В предисловии Мела Махмуд Баязиди писал: «Книга Шараф-хана встречается очень редко, и во всем Курдистане находятся два-три списка. По поручению господина Жабы я перевел ее с персидского на язык курманджи»⁵. И далее он сообщает, что перевод был им осуществлен в 1275 г.х. (1858-59 г.).

Имена А.Д. Жабы и Мела Махмуда Баязиди, неразрывно связанные между собой, навсегда вошли в историю курдоведения.

Август (Александр) Дементьевич Жаба (1801–1894) — один из корифеев русского курдоведения — с 1830 г. работал на дипломатической службе на Востоке. В мае 1856 г. он был назначен консулом в Эрзерум. Именно в это время академик Б.А. Дорн в Петербурге предложил А. Жабе заняться собиранием и изучением материалов на диалекте курманджи. В этот период курдоведение в России только зарождалось и носило описательный характер. Однако наряду с накоплением описательной литературы и сведений о курдах предпринимались попытки научного освещения отдельных вопросов курдского языка, литературы, истории.

А. Жаба отличался большой эрудицией, говорил и писал на многих западных и восточных языках, в совершенстве владел турецким, арабским, персидским. Продолжи-

Мусаэлян Жакелина Суреновна — к.ф.н., ст.н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. М., 1967. С. 20, 23.

² ١٩٧٢ شرفنامه‌ی شرفخانای بدلیسی، هه‌زار کردویه به کوردی، چاپخانه‌ی نعمان، نه‌جه‌فی بیروز،

³ Руденко М.Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Мела Махмуд Баязиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. 1. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указ., оглавл. К.К. Курдоева и Ж.С. Мусаэлян. М., 1986 (ПТВ, LXI). С. 1.

тельное пребывание в Курдистане дало А. Жабе возможность основательно изучить язык и быт курдов. Весь свой досуг он проводил в поисках и изучении материалов по литературе, языку, истории курдского народа и не прекращал своей деятельности в этой области до конца жизни⁶.

Большую, неоценимую помощь оказал А. Жабе мулла и ученый Мела Махмуд Баязиди.

По сведениям А. Жабы, Мела Махмуд Баязиди, курд по национальности, родился в 1797 г. в городе Баязиде (Турция). Свои первые изыскания он сделал в своем родном городе, а позднее — в Тебризе. В детстве он изучал Коран, литературу на арабском, персидском и турецком языках. После поездки в Персию и Курдистан он возвратился в Баязид, где стал главой школы и сразу же приобрел известность среди своих соотечественников. С падением Пахлул-паши, последнего отпрыска из правящего племени курдов в Баязиде, он обосновался в Эрзеруме. Свое пребывание в Эрзеруме Мела Махмуд начал с профессии учителя. Совершив паломничество в священные мусульманские города, он стал именоваться Хаджи и снискал большое уважение среди мусульманского духовенства. Следует отметить, что Мела Махмуд Баязиди пользовался авторитетом среди государственных представителей Османской Турции. Несколько раз он был уполномочен султанскими правителями вести переговоры с руководителями курдских восстаний в районах Бохтана и Хаккари. Так, в 1846 г. мушир Хафиз-паша возложил на него военную миссию вести переговоры со знаменитым Бадр-хан-беком, поднявшим восстание в Джебзире против Порты. Год спустя по приказу Камил-паши, тогдашнего правителя Эрзерума, он был направлен к Нурулла-беку, главе курдов Хаккари, который также поднял восстание против османского правительства. И вновь цель его миссии была вести переговоры с Нурулла-беком о прекращении восстания.

По сведениям А. Жабы, Мела Махмуду Баязиди было поручено встретить и сопровождать брата Бадр-хан-бека Хан-Махмуда, когда последний прибыл в Эрзерум. «Этого могущественного господина знали не только курды, но и османское правительство проявляло к нему большой интерес. В продолжение его путешествия в Эрзерум ему были оказаны всевозможные почести»⁷.

Есть основания предполагать, что Мела Махмуд Баязиди имел тайные связи с руководителями курдских восстаний. Вероятно, он старался выполнять правительственные поручения не в интересах османской Турции, а в пользу восставших курдов. В статье, посвященной восстанию Бадр-хан-бека (1846–1848), в газете «Курдистан» (1898 г., № 13) сообщается: Султан Маджит отправил Мела Махмуда Баязиди из Стамбула в Джебзире к Бадр-хан-беку, чтобы вести переговоры с ним о прекращении восстания и привезти Бадр-хан-бека в Стамбул. Мела Махмуд издавна был знаком с Бадр-хан-беком. Когда он прибыл в Джебзире, то сообщил Осман-паше — командующему османскими войсками, что отправляется к Бадр-хан-беку, чтобы уговорить его прекратить восстание в Курдистане, и просил Осман-пашу не нападать на Джебзире до тех пор, пока не вернется с ответом от Бадр-хан-бека. Тогда же он показал Осман-паше фирман Садр-Азима Рашид-паши. Об этом имеются сведения в книге султанских указов. Осман-паша хотел вступить в сражение с Бадр-хан-беком и ознаменовать свое нападение на Джебзире большой победой. Сперва он не позволил Мела Махмуду идти к Бадр-хан-беку и задержал его, но потом отпустил. Не ожидая ответа от Бадр-хан-бека, Осман-паша напал на Джебзире. И когда он встретил организованное сопротивление восставших курдов против его войск, то решил, что Мела Махмуд выдал секрет о готовившемся на них нападении. Мела Баязиди принес ответ

⁶ Мусаэлян Ж.С. А.Д. Жаба и курдоведение // ПП и ПИКНВ. М., 1991. XXIV/III. С. 83–99.

⁷ Jaba A. Recueil de notices et récits kourdes. SPb., 1860. С. IX.

от Бадр-хан-бека и выразил свой протест Осман-паше в связи с его нападением на Джезире. Тогда Осман-паша арестовал его и в сопровождении конвоя отправил в Стамбул. В письме, адресованном главе османской Турции, он писал: «Этот человек — союзник Бадр-хан-бека, он изменник государства». Мела Махмуд был сослан в Ван⁸.

О пребывании Мела Баязиди в Ване А. Жаба сообщает следующее: «Спустя некоторое время Хан-Махмуд восстал в Хавадже — месте своей резиденции, расположенной в десяти часах от Вана, предоставленной ему османским правительством»⁹. Тогда власти Турции стали подозревать Мела Махмуда в том, что он замешан в этом восстании. Они схватили его, бросили в тюрьму и отпустили лишь через 15 дней. Мела Махмуд пользовался большим авторитетом, что не позволило подвергнуть его более суровому наказанию. Тем не менее доверие официальных кругов, по-видимому, было утрачено, и в судьбе Мела Баязиди начались превратности.

Далее А. Жаба отмечает, что в течение русско-турецкой войны (1853–1856) Мела Махмуд потерял брата. В период поражения Турции дела его сыновей, занимавшихся коммерцией, пришли в упадок. «Бедный Махмуд не может больше терпеть нужду и думает о возвращении в Курдистан после моего отъезда из Эрзерума», — пишет А. Жаба¹⁰. В этот тяжелый для Махмуда Баязиди период А. Жаба обратился к нему за помощью.

«Среди писателей Эрзерума Мела Махмуд единственный, пожалуй, взявшийся за редакцию персидских произведений и за их перевод на турецкий и курдский языки. После 1856 г., — сообщает А. Жаба, — он стал моим учителем, осведомителем и сотрудником в изучении языка, истории и культуры курдского народа»¹¹.

Так, выполняя поручение академика Б.А. Дорна, А.Д. Жаба приступил в Эрзеруме к собиранию рукописных материалов на курдском языке и его изучению. С помощью образованных курдов, и в особенности Мела Махмуда Баязиди, ставшего его ярым помощником, он приобретает сравнительно большое количество курдских рукописей и присылает их в Петербург в Академию наук¹². Мела Махмуд становится переписчиком, переводчиком и автором некоторых сочинений. Уже в конце 1856 г. А. Жаба доставляет в Петербург ряд рукописей, в их числе были переписанный Мела Махмудом перевод турецких пословиц на курдский язык и перевод персидских сказок.

Среди рукописей, принадлежавших перу Мела Баязиди, были труды по истории, этнографии, фольклору, языку курдского народа. В 1858–1859 гг. он переписал арабско-персидско-курдскую грамматику Али Теремахи, автора конца XVI — начала XVII в., и снабдил ее своим предисловием (автографом), в котором привел биографические данные об Али Теремахи, упомянул других курдских ученых и авторов грамматик, дал сведения о школьном образовании и культурной жизни Курдистана, представляющие определенную ценность.

В это же время, в 1858–1859 гг., Мела Баязиди по предложению А. Жабы написал интересное сочинение «Нравы и обычаи курдов», повествующее о приметах и поверьях, об устройстве жилища, о национальных играх и музыке, о видах ремесла и основных занятиях курдов. В этом сочинении автор отразил свое представление о нравах и обычаях курдов. Рукопись в 1963 г. была опубликована М.Б. Руденко¹³.

⁸ Курдистан (газ.). 1898. № 13. С. 3–4 (на курд. яз.).

⁹ *Jaba A. Recueil de notices et récits kourdes.* С. IX.

¹⁰ Там же. С. X.

¹¹ Там же. С. IX–X.

¹² *Лерх П.И.* Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. II. СПб., 1857. С. IV–V.

¹³ *Мела Махмуд Баязиди.* Нравы и обычаи курдов. Пер., предисл. и примеч. М.Б. Руденко. М., 1963.

Мела Махмуд — переписчик и один из трех авторов «Курдско-французского разговорника (Курдские диалоги)», составленного как пособие для изучения курдского языка¹⁴.

Интересна судьба этой рукописи, завершенной в 1275 г.х. (1858-59 г.) Она не значилась в коллекции курдских рукописей Санкт-Петербургских собраний, но из письма А. Жабы акад. Б.А. Дорну в марте 1876 г. следует, что он собирался прислать ее в Петербург. По-видимому, что-то помешало А. Жабе осуществить это намерение. Сравнительно недавно, несколько лет тому назад, эта рукопись курдских диалогов была обнаружена в архиве СПбФ ИВ РАН при разборе фонда В.Ф. Минорского¹⁵.

Личность А. Жабы, его успешная научная деятельность на благо развития курдоведения не могли не вызвать интереса ученых. В.Ф. Минорский оставил следующую запись на титульном листе рукописи разговорника: «Какой почтенный человек: не погряз в мелочах консульского бытия, а с просвещенным интересом изучал жизнь народа, чье будущее в те времена было еще менее разгадано, чем теперь». В 1913 г. В.Ф. Минорский, находясь в Константинополе и узнав, что бумаги ученого остались у его семьи в Смирне, обратился к российскому консулу в этом городе с просьбой разыскать оставшийся архив А. Жабы. Консул обратился к сыну А.Д. Жабы, и, как пишет В.Ф. Минорский: «Семья охотно прислала мне всю кипу бумаг, но многие из рукописей оказались уже напечатанными в изданиях Академии наук. Мне так и не удалось узнать, имеется ли копия настоящей рукописи в Академии»¹⁶.

Уникальная рукопись «Курдские диалоги» была подарена В.Ф. Минорским СПбФ ИВ РАН в мае 1952 г.

Более 3000 диалогов (476 с. рукописи) охватывают некоторые стороны жизни и быта курдов Турции середины XIX в. В них содержатся сведения о нравах, обрядах, обычаях, правилах этикета, в том виде как это понимали авторы разговорника. В текстах, построенных в форме беседы двух курдов, приводятся конкретные исторические факты (например, о русско-турецкой войне 1853–1856 гг.), сведения о курдских племенах, их численности, территориальном расселении. В одном из разделов диалогов под названием «О знании языков» прослеживаются биографические данные из жизни Мела Махмуда.

В предисловии к завершеному в 1880 г. переводу диалогов на французский язык А. Жаба сообщал, что намеревается написать биографию своего верного помощника Мела Махмуда Баязиди. Возможно, русский консул и выполнил свое обещание, на что у него были все основания, однако рукопись, к сожалению, пока не обнаружена.

Первые сведения о классической курдской литературе А. Жаба получил у Мела Махмуда Баязиди и с его помощью составил первые французско-курдский¹⁷ и курдско-французский словари¹⁸, а также словарь курдских диалектов хаккари-раванди¹⁹. Между тем, как отмечал А. Жаба, Мела Махмуд Баязиди в большинстве случаев не подписывал свои сочинения или сделанные им копии и переводы своим именем, чтобы не навлечь на себя недовольство мусульманского духовенства, которое, несомненно, осудило бы мусульманина, да еще вдобавок муллу, составлявшего свои сочинения и делавшего переводы по заказу и просьбе иноверца²⁰. Некоторые из переписанных

¹⁴ Мусазян Ж.С. Новая рукопись А.Д. Жабы как источник по изучению курдской культуры // Петербургское востоковедение. СПб., 1995. Вып. 7. С. 493–512.

¹⁵ АВ СПбФ ИВ РАН, разряд III, оп. I, ед. хр. 86.

¹⁶ Там же.

¹⁷ СПбФА РАН, ф. 776 А.Д. Жабы, оп. 4, № 7–10.

¹⁸ *Jaba A. Dictionnaire kurde-français.* SPb., 1879.

¹⁹ Руденко М.Б. Описание курдских рукописей. С. 108.

²⁰ Там же. С. 114.

им рукописей Мела Махмуд Баязиди подписывал именами Факир Махмуд Эфенди и Хаджа Махмуд Эфенди.

Выйдя в отставку в конце 1866 г. и поселившись в Смирне, А. Жаба полностью отдается сбору материалов по истории, этнографии, литературе, языку курдов. «Я занимаюсь новыми изысканиями в языке и курдской литературе и отделяваю перевод одной исторической книги с курдского, являющейся продолжением истории Шараф-хана», — сообщает он в письме в Петербург от 30 марта 1867 г.²¹

С этим же письмом в Императорскую Академию наук был доставлен из Смирны французский перевод введения (50 с.)²² к «Новой истории Курдистана», выполненный А. Жабой. «Наконец, — сообщает он в письме, — эта „История“ была написана в 1275 г.х. (1858-59 г.) в одном экземпляре, которым я обладаю и который предполагаю перевести тотчас же, как закончу две части моего словаря»²³.

Во «Введении», присланном А. Жабой, не встречается имя продолжателя Шараф-хана. Однако в письме А. Жаба сообщает, что «История курдов» в 1000 с. составлена по его повторной просьбе и за большое вознаграждение Мела Махмудом Баязиди²⁴. Этот труд, задуманный как продолжение «Шараф-наме», Мела Махмуд назвал «Таварих-и джадид-и Курдистан».

А. Жаба не прислал в Петербург курдский оригинал, с которого был сделан французский перевод «Введения», он также не сообщил, на основании каких источников была написана «Новая история Курдистана»²⁵. В начале «Введения» Мела Махмуд упоминает о Шараф-хане, рассказывает легенду о происхождении курдов, об их характере и наклонностях, образе жизни, об их диалектах, географическом расселении курдских племен. Затем он возвращается к «Шараф-наме» и его автору, упоминает о сделанном в Бидлисе турецком переводе этого сочинения, существующем, по его словам, только в двух или трех экземплярах.

За «Введением» следовал список правителей Курдистана с 1785-86 по 1857-58 г. Этот список правителей и эмиров, а также оглавление сочинения, состоящего из 11 глав, по которому можно судить о содержании труда Мела Махмуда Баязиди, А. Жаба приводит в письме к Б.А. Дорну от 13 июня 1867 г.²⁶

В сочинении описаны события, происходившие во всех курдских регионах за почти столетний период их истории с 1785-86 по 1857-58 г. По свидетельству А. Жабы, автор обращается и к более отдаленным временам вплоть до эпохи Шараф-хана Бидлиси. Мела Махмуд описывает события, произошедшие в Эрзерумской области, в Муше и Бидлисе, в округе Махмуди, в Ванской области, в Хаккари, Равандузе, Бахдинане, Силиване, в Карсе, Азербайджане, в Хойе, Тебризе, Ереване, Урмии, Мараге и Маку.

Остается неизвестной судьба сочинения «Тарих-и джадид-и Курдистан». Возможно, незавершенный перевод и рукопись остались в архиве А. Жабы в Смирне.

А. Жаба вместе с Мела Махмудом Баязиди собрал единственную по своей полноте коллекцию курдских рукописей (более 50, не считая словарей) по литературе, фольклору, истории, этнографии, языку курдов. Будучи в отставке и, по-видимому, испытывая материальные затруднения, А. Жаба в сентябре 1868 г. обращается с письмом в Императорскую публичную библиотеку с просьбой приобрести коллекцию курдских

²¹ СПбФА РАН, ф. 776, оп. 2, № 90: 12.

²² СПбФА РАН, ф. 2, оп. 1 — (1865), № 20: 52–101.

²³ СПбФА РАН, ф. 776, оп. 4, № 10: 2.

²⁴ Там же.

²⁵ Васильева Е.И. Неизвестное сочинение по истории Курдистана // ПП и ПИКНВ. Л., 1967. III. С. 8–10; она же. Книга по истории Курдистана, которая остается найденной // ПП и ПИКНВ. М., 1991. XXIV/III. С. 33–59.

²⁶ СПбФА РАН, ф. 776, оп. 4, № 10: 2.

рукописей²⁷. Дирекция библиотеки поручает П.И. Лерху, Б.А. Дорну и В.В. Вельяминову-Зернову ознакомиться с коллекцией и сообщить свое мнение, а также определить ее стоимость. В конце 1868 г. собрание рукописей было приобретено²⁸. Коллекция А. Жабы 90 лет не имела печатных описаний (имеется лишь упоминание П.И. Лерха в Отчете Императорской публичной библиотеки за 1868 г.)²⁹. В 1957 г. М.Б. Руденко опубликовала в трудах Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина описание коллекции курдских рукописей А. Жабы, а в 1961 г. вышла ее работа «Описание курдских рукописей ленинградских собраний»³⁰.

Самую обширную часть коллекции составляют рукописи произведений крупнейших средневековых курдских поэтов, таких, как Факи Тейран, Мела Бате, Мела Джелири, рукописи шедевра курдской поэзии «Мам и Зин» выдающегося поэта XVII в. Ахмеда Хани и т.д.

Собрание, созданное во многом усилиями и стараниями Мела Махмуда Баязиди, содержит ряд уникальных рукописей произведений таких поэтов, как Харис Битлиси, Селим ибн Слемен, Дурфишани, Рамадани, Мурад-хан Баязиди. Благодаря этой коллекции стало известно о существовании литературных версий широкораспространенных курдских сказаний «Лейли и Меджнун», «Юсуф и Зелиха», «Замбилфрош». Выдающийся курдский ученый Бадр-хан, ознакомившись с каталогом рукописей, в письме, адресованном М.Б. Руденко, отмечал, что он сам впервые узнал о многих до тех пор неизвестных ему литературных памятниках. И в этом большая неоспоримая заслуга принадлежит Мела Махмуду Баязиди.

Как указывалось выше, свои первые изыскания Мела Махмуд Баязиди сделал в своем родном городе, а позднее — в Тебризе. Какие были эти изыскания, сказать трудно. Несомненно, он занимался изучением истории и культуры своего народа еще до знакомства с А. Жабой. Можно с уверенностью полагать, что ко времени знакомства с русским консулом он уже хорошо изучил этнографию, фольклор и историю курдов. Его блестящие знания помогли ему быть не только прекрасным осведомителем и помощником А. Жабы в сборе и приобретении курдских рукописей различного характера, но и самому написать на курдском языке ряд интересных работ по истории, этнографии, языку курдского народа.

В наиболее плодотворный период своей деятельности, в 1858–1859 гг., когда Мела Махмуду было уже 60 лет, он осуществляет перевод труда Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме», представляющий большой научный интерес. Это был первый, пока единственный памятник по средневековой истории на курдском языке. Хранящаяся в Российской национальной библиотеке рукопись является автографом Мела Баязиди, и язык курдского перевода труда Шараф-хана Бидлиси отражает особенности норм классической курдской литературы на северном диалекте (курманджи). В этом отношении издание перевода, выполненного Мела Махмудом, имело особое практическое и историческое значение. Учитывая эти обстоятельства, а также и то, что в последние десятилетия у курдов, в частности у интеллигенции — носителей курманджи, возросла потребность изучать историю своего народа на родном языке, петербургские курдоведы в 1986 г. осуществили факсимильное издание этой рукописи³¹, сделав ее достоянием широкого круга курдских читателей.

²⁷ АРНБ, ф. 1. 1868 г. Дело № 16 о приобретении у действительного Статского Советника Жабы коллекции курдских рукописей.

²⁸ Мусазлян Ж.С. История коллекции курдских рукописей ГПБ // ПП и ПИКНВ. М., 1990. XXIII. С. 63–70.

²⁹ Отчет Императорской публичной библиотеки за 1868 г. СПб., 1869. С. 159–167.

³⁰ Руденко М.Б. Коллекция А. Жаба (курдские рукописи) // Труды Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 2. Л., 1957. С. 165–184; она же. Описание курдских рукописей.

³¹ Мела Махмуд Баязиди. Таварих-и кадим-и Курдистан.

Рукопись перевода «Шараф-наме» Мела Махмуда Баязиди содержит 257 страниц, на каждой по 13 строк. Переводу предшествует предисловие переводчика и оглавление рукописи, не всегда совпадающее с разделами в тексте.

При подготовке к факсимильному изданию автографа перевода Мела Махмуда Баязиди он был сличен с известным изданием труда Шараф-хана Бидлиси, осуществленным В.В. Вельяминовым-Зерновым³², в основу которого была положена рукопись из РНБ — копия автографа «Шараф-наме», датированная 1598 г.³³

При сличении обнаружено значительное число разночтений, касающихся собственных имен, географических и этнических названий, дат, пропуски ряда мест и даже глав; в рукописи наличествует, однако, большой отрывок (на полутора страницах), отсутствующий в издании В.В. Вельяминова-Зернова, а также некоторые другие небольшие дополнения.

Эти разночтения, сокращения, пропуски, исправления, дополнения в курдском переводе можно объяснить двояко. Во-первых, в распоряжении Мела Махмуда, несомненно, была другая рукопись сочинения Шараф-хана Бидлиси, отличная от рукописи, положенной в основу издания В.В. Вельяминова-Зернова; во-вторых, Махмуд Баязиди в переводе стремился отразить свое собственное понимание и толкование текста.

Остановимся на наиболее характерных отличиях перевода Мела Махмуда Баязиди в сопоставлении с персидским текстом «Шараф-наме» (издание В.В. Вельяминова-Зернова).

Прежде всего Мела Махмуд Баязиди значительно сократил свой перевод за счет изъятия всей вычурности, пышности, витиеватости стиля Шараф-хана Бидлиси. Мела Махмуд везде сократил начало глав и лишь в единичных случаях оставил в переводе высокий, изысканный стиль автора: «Воссел на ковер духовного руководства» (с. 85, 3-я стк. св.)³⁴; «Не успел он испить и одного глотка вина из чаши правления» (с. 90, 3-я стк. св.) и т.п.

Можно выделить несколько видов сокращений, сделанных Мела Махмудом Баязиди:

1) некоторые из них не влияют на содержание и правильно, не искажая, передают текст «Шараф-наме». По-видимому, для переводчика важно было передать суть содержания творения Шараф-хана, упростив язык оригинала, сделать памятник понятным и доступным простому курдскому читателю;

2) при сокращении Махмуд Баязиди иногда опускает собственные имена, географические, этнические названия, исторические факты, что бывает важно для понимания текста. Можно предположить, что в распоряжении Мела Махмуда была сокращенная рукопись «Шараф-наме»;

3) значительная часть сокращений, предпринятая Мела Махмудом Баязиди, придает переводу сжатость, строгость, лаконизм, однако в некоторой степени лишает текст художественности, красочности, образности, присущей сочинению Шараф-хана Бидлиси.

Сокращены описание пиршества (с. 229), текст грамоты (с. 215), описание праздника (с. 72), трагических событий (с. 223) и т.д.

В переводе Мела Махмуда Баязиди обнаруживается довольно много пропусков по сравнению с персидским оригиналом Шараф-хана Бидлиси. Везде опущены изречения из Корана и стихи, обычно служащие у Шараф-хана подведением итогов сказан-

³² Scheref-nameh, ou Histoire des Kourdes par Scheref prince de Bidlis, publiée pour première fois, traduite et annotée par V. Véliaminof-Zernof. Texte persan. T. I. SPb., 1860.

³³ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. С. 20.

³⁴ Указана страница рукописи Мела Махмуда Баязиди.

ному выше, и лишь в одном случае (с. 68, 3-я стк. св.) Баязиди приводит бейт. Опущены главы о султанах Египта и Сирии, называемых Айюбидами (с. 34), о правителях Хаккари (с. 92), о городе Джелире (с. 47), легенда о названии крепости Хизан и об основателе города Хизан (с. 107), о названии крепости Дарзини (с. 125), большой отрывок о курдах Атака (с. 129), о правителях Терджила (с. 131), о правителях Бане (с. 181), о названии Бидлис (с. 187), об основании города Бидлиса (с. 187), о строительстве Бидлиса (с. 189), характеристика Маулана Мухаммада Ширанши (с. 194), о слове «рожки» (с. 202), описание приготовления к битве (с. 220), описание пиршества у Шараф-хана (с. 241), описание пира по случаю женитьбы сына Шараф-хана (с. 244), опущено начало указа (с. 241) и начало главы о Шамсаддине — сыне Шараф-хана (с. 246).

В рукописи встречаются незначительные добавления историко-этнографического характера, отсутствующие в персидском тексте. Например, добавляется характеристика племени рожки (с. 202), поясняются местонахождение могилы шейха Ади (с. 7), происхождение названия города Шахризур (с. 35, 5-я стк. св.), дополняется характеристика правителя (с. 96, 2-я стк. св.) и т.д. Однако самое интересное и значительное дополнение представляет собой отрывок на полтора страницах рукописи (с. 204, 5-я стк. св. — 205, 6-я стк. св.) — о дарвише Махмуде Каладжири, превосходном поэте, прекрасно знавшем персидскую и турецкую поэзию, который был назначен управляющим правительственной библиотеки. Падишахским диваном ему на время в качестве удела был пожалован санджак Бидлис. Повествуется о его дальнейшей судьбе, о Касым-ага б. Хусейн-ага — правителе племени рожки.

Этот же отрывок имеется в переводе «Шараф-наме» на турецкий язык³⁵, выполненном Мехмедом Амином Бозарсланом с арабского перевода Мухаммад-Али Айни (1958 г.), в котором добавлены также три главы, опущенные как в персидском тексте, изданном В.В. Вельяминовым-Зерновым, так и в курдском переводе Мела Махмуда Баязиди (в третьем разделе второй части: глава 7. Об эмирах [племени] зарза; глава 8. Об эмирах [племени] истуни; глава 9. Об эмирах [племени] дасни). Расхождения наблюдаются в датах и цифрах. По-видимому, это обстоятельство можно иногда объяснить описками, допущенными Махмудом Баязиди при написании своего перевода, но чаще, как уже отмечалось, тем, что в его распоряжении была другая рукопись «Шараф-наме». Количество налогов, подарков, получаемых правителями, численность населения, войск, даты почти везде переданы цифрами. Опускаются названия месяцев. В персидском тексте все численные обозначения и даты даются арабскими словами. Случается, Мела Махмуд Баязиди опускает даты.

В основном переводчик придерживается арабо-персидской терминологии, встречающейся у Шараф-хана Бидлиси. Некоторые персидские, арабские, турецкие термины Махмуд Баязиди стремится заменить словами, понятными курдскому читателю: دينار — курд. فلورين, زير — курд. فرمان.

Иногда Махмуд Баязиди опускает термины или же заменяет другими — опять-таки персидскими или турецкими: زعامت — курд. تیمار. Некоторые термины Махмуд Баязиди переводит описательно: ملازمین «мулазимы» — курд. مروفید اعیرخلن «люди Амир-хана».

Интересно, что فرسخ (единица измерения пути, равная 6 км) везде переводится как ساعت «час». По-видимому, это отражает обычай у курдов измерять путь количеством времени, потраченным на его прохождение.

³⁵ Seref-Han. Serefname. Kurt Tarihi. Arapçadan çeviren Mehmet Emin Bozarşlan. İstanbul, 1975. С. 462–465.

Не буду останавливаться на других, более мелких отличиях. В целом первый перевод на курдский язык, выполненный Мела Махмудом Баязиди, верно передает текст персидского подлинника и, несмотря на отмеченные выше пропуски, сокращения текста, представляет большую научную ценность, а язык Махмуда Баязиди отражает наиболее интересные черты, свойственные языку классической курдской литературы, возникшей на северном диалекте.

К переводу исторического источника Шараф-хана Мела Баязиди шел долго и последовательно. Он высоко ценил труд Шараф-хана. «Действительно, Курдистан обязан своей историей перу этого человека, преисполненного знаний и достоинства, самого выдающегося человека своего столетия»³⁶, — писал он. Свой труд «Таварих-и джадид-и Курдистан» Мела Махмуд задумал как продолжение сочинения Шараф-хана, и в нем он неоднократно обращался к этому выдающемуся памятнику. Так, через четверть тысячелетия прослеживается преемственность идей Шараф-хана, воплощенных в труде Махмуда Баязиди. Перевод на курдский язык сочинения Шараф-хана Бидлиси, а также другие работы, выполненные Мела Махмудом Баязиди, должны послужить источниками для исследования наследия этого видного курдского ученого XIX в.

Список сокращений

АВ СПбФ ИВ РАН — Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук

АРНБ — Архив Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ПП и ПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., Л.

ППВ — Письменные памятники Востока

СПбФ ИВ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук

СПбФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Summary

J.S. Musaelyan

Mela Mahmud Bayazidi and His First Translation of *Sharaf-name* by Sharaf-khan Bidlisi into the Kurdish Language

Sharaf-name, which was compiled in Persian by a famous Kurdish historiograph Sharaf-khan Bidlisi in the 16th century, still remains a unique source shedding light upon the history of the Kurds and Kurdistan, in conjunction with the adjacent countries, in the late middle ages.

The first translation into the Northern Kurdish dialect (Kurmandji), under the title *Tavarih-i kadim-i Kurdistan*, was made by a remarkable man of science and public figure Mela Mahmud Bayazidi in the Hijra year 1275/1858-59.

It was the Russian Consul in Erzurum A.D. Zhaba who initiated this translation. In return, Mela Mahmud Bayazidi gave a valuable assistance to A.D. Zhaba. He helped him in learning Kurdish and collecting Kurdish manuscripts. Their cooperation brought fruitful results—A.D. Zhaba acquired a good deal of manuscripts concerning Kurdish history, ethnology, literature, folklore and language and sent them to St. Petersburg to the Academy of Sciences, while Mahmud Bayazidi became a copyist, translator and the author of a few works including *The Customs of the Kurds*, the *Kurdish-French Phrase-Book*, *Kurdish-French Dictionary*, etc.

The Kurdish translation of the work by Sharaf-khan Bidlisi is of great scholarly importance. Taking this into consideration, the kurdologists from St. Petersburg published the autograph of Mahmud Bayazidi (257 pages) which is kept in the National Library of Russia (former State Public Library). Before publication, the translation of Mela Mahmud Bayazidi was compared to the well-known edition of the *Sharaf-name* by V.V. Vel'yaminov-Zernov. This work made it possible to find a lot of variant readings of personal names, place names and ethnonyms, many discrepancies in dates as well as some lacunae and addenda.

Mela Mahmud Bayazidi considerably simplified the original text—the language of his translation lacks the floweriness of Sharaf-khan Bidlisi's style, sometimes it looks too laconic which obviously deprives the translation of the richness of colours which can be found in the original work. Most probably Mahmud Bayazidi had at his disposal another version, perhaps an abridged one, of the *Sharaf-name*.

By and large, the work of Mahmud Bayazidi can be regarded as a sufficiently precise translation of the Persian original. His language reflects the most peculiar features of the Classic Kurdish literature written in the Northern Kurdish dialect.

К характеристике языка памятников жанра *пинхуа* (平話) периода Сун–Юань¹

Общепринятого определения *пинхуа* как литературного жанра (насколько можно судить по имеющейся литературе) в китаеведении нет. А вот в энциклопедии 永樂大典 *Юн-лэ дадянь* (в части, к сожалению, до нас не дошедшей), согласно указанию каталога 四庫全書總目 *Сы ку цюаньшу цзунму* (из. 54, л. 1), имелся специальный раздел *пинхуа*, включавший произведения на историческую тематику, исполнявшиеся уличными рассказчиками².

Ниже на суд читателя будут предложены такие пункты темы, заявленной в названии статьи, как:

- 1) *пинхуа* как жанр в соотношении с другими, родственными жанрами;
- 2) тексты-источники, отобранные для обследования (их индивидуальные характеристики, сравнительный анализ для выявления степени отражения каждым из них разговорного языка своего времени);
- 3) обследование и описание наиболее существенных параметров языка рассматриваемых текстов (в качестве образцов справочного характера в конце статьи предлагаются описания значений нескольких морфем);
- 4) вопрос о датировке наиболее известного текста изучаемого жанра — *Синьбянь Удай ши пинхуа* 新編五代史平話 (Заново составленное *пинхуа* по истории Пяти династий);
- 5) предположения о диалектной отнесенности источников.

Общие замечания об использовании термина *пинхуа*

Трактовка термина *пинхуа* и соответственно круг текстов, относимых к жанру, у разных исследователей сильно отличаются. Однако при всех разногласиях и разнобоях при использовании интересующего нас термина можно усмотреть то общее, на чем сходятся большинство авторов, причастных к изучению этого жанра. Оно сводится к тому, что название *пинхуа* приложимо в первую очередь к историческим сказам, т.е. к тому, что при Сун называли *цзянши* (講史); при этом некоторые иссле-

Гуревич Изабелла Самойловна — к.ф.н., ст.н.с. Сектора Дальнего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ Настоящую публикацию, которая выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарно-научного фонда (грант № 03-04-00012а), предлагаю рассматривать как первое приближение к обследованию языка своеобразной и совсем неизученной группы текстов, коими являются *пинхуа*. Это определило состав статьи: в ней затрагиваются разноплановые аспекты, что представляется оправданным, когда внимание автора впервые привлечено к «неизведанному» объекту.

² Сведения заимствованы из книги: Павловская Л.К. Заново составленное *пинхуа* по истории Пяти династий. М., 1984. С. 18.

дователи рассматривают *пинхуа* как светский аналог литературы *бяньвэнь* (變文). Сошлюсь на китайского автора Лу Гуна (его цитирует в своей книге «Городская повесть средневекового Китая» А.Н. Желоховцев³), который предлагает причислить к *пинхуа* «[Бяньвэнь] об У Цзы-сюе», как произведение, вышедшее не из рук буддийского монаха, не проповедующее никакой религиозной догмы, а потому не являющееся текстом в жанре *бяньвэнь*. По мнению Лу Гуна⁴, текст об У Цзы-сюе следовало относить к историческому сказу *цзянши*, тем более что название, указывающее на жанровую принадлежность текста, отсутствовало в рукописи памятника и было добавлено составителями сборника *Дуньхуан бяньвэнь цзи*⁵.

Материалом-источником для настоящей статьи послужили в первую очередь тексты «Пяти полностью иллюстрированных пинхуа» (全相平話五種 *Цюань сянь пинхуа учжун*), до настоящего времени начисто обойденные вниманием исследователей⁶. Первоначально предполагалось рассматривать их вместе как единый источник, однако затем вектор подхода к материалу несколько изменился, на что повлияли следующие два замечания, противоречащие одно другому. Первое из них принадлежит Чжэн Чжэньдо, который так характеризует названные выше тексты: «Автор, надо полагать, у них не один, но по грубовато-неуклюжему стилю все пять книг — как одна»⁷. Второе содержится в редакционном предисловии к одному из текстов, где говорится, что, хотя обсуждаемые тексты не принадлежат руке одного автора, издатель, собрав их вместе, прежде чем резать доски для печатания, подверг обработке каждый из текстов с целью унификации; именно поэтому во всех текстах есть пассажи, идентичные по использованным иероглифам, конструированию фраз, стилю описания и т.п. Но тут же утверждается, что степень проведенной обработки не столь уж радикальна, чем объясняется сохранившийся в ряде мест примитивизм в содержании и стиле, свойственный первоначальному состоянию текстов⁸. Таким образом, признавая определенную роль унификации, которая должна была привести к тому, что все тексты стали бы «одинаковыми», автор этого примечания не отказывает ни одному из текстов в некоем присущем ему «своеобразии»; это и побудило меня рассматривать каждый из текстов в отдельности, дабы проверить оба утверждения с точки зрения языка.

³ См.: Желоховцев А.Н. Городская повесть средневекового Китая. М., 1969. С. 49.

⁴ 路工. 唐代的说话与变文 (Лу Гун. Сказ *шохуа* и *бяньвэнь* в эпоху Тан) // Миньцзянь вэньсюе (Народная литература). Пекин, 1962, № 6. С. 106–111.

⁵ 敦煌变文集. 王重民等 (Собрание дуньхуанских бяньвэнь. Сост. Ван Чунмин и др.). Пекин, 1957.

Не обсуждая, какое жанровое название текста об У Цзы-сюе является более точным, считаю, однако, полезным сравнить соотношение языковых пластов в тексте об У Цзы-сюе с таковыми в текстах рассматриваемых *пинхуа*. На основании изучения автором настоящей статьи текста У Цзы-сюя и сопоставления указанного текста с его историческими источниками (Гуревич И.С. К вопросу о жанре небуддийских бяньвэнь (на материале бяньвэнь об У Цзы-сюе) // Дальний Восток. М., 1961. С. 24–35) должна согласиться, что характер соотношения текста У Цзы-сюя с его историческим источником (Сыма Цянь. Ши цзи), с одной стороны, и «Пинхуа по истории Пяти династий» с сочинением Сыма Гуана «Всеобщее зеркало, в управлении помогающее» (см.: Павловская Л.К. Заново составленное пинхуа. С. 24 и сл.; Софронов М.В. Об источнике и времени составления «Синьбянь Удай ши пинхуа» // Проблемы востоковедения. 1960, № 1. С. 144–149) или «Пинхуа по истории Ранней Хань» с соответствующей династийной историей (Бань Гу. Цянь Хань шу) — с другой, дают весьма схожие по творческому методу результаты.

⁶ Если не считать разделы, посвященные *пинхуа* в литературоведческих исследованиях Б.Л. Рифтина (Рифтин Б.Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1970; Рифтин Б.Л. От мифа к роману. М., 1979), и работы гонконгского профессора (см.: Liu Ts' un-yan. Buddhist and Taoist Influences on Chinese Novels. Wiesbaden, 1962).

⁷ 郑振铎. 插图本中国文学史 (Чжэн Чжэньдо. Иллюстрированная история китайской литературы). Т. 1–4. Пекин, 1957. С. 701.

⁸ «武王伐紂平話» (Пинхуа о походе У-вана на Чжоу). Шанхай, 1955. С. 1.

«Пять полностью иллюстрированных пинхуа» объединяют следующие тексты:

1. «Пинхуа о походе У-вана на Чжоу» (武王伐紂平話). За основу взяты реальные события китайской истории — борьба чжоуских племен под началом У-вана с последним властителем иньской династии Чжоу Синем. Китайская историческая традиция относит эти события к XI в. до н.э.⁹

2. «Пинхуа о вёснах и осенях семи царств» (七國春秋平話). После названия следует разъяснение, что данный сборник является «последним сборником» (後集), имеющим подзаголовок: «Замысел Юе И против Ци» (樂毅圖齊). Речь идет о междоусобной борьбе в период раздробленности Китая в VII–III вв. до н.э., в результате чего произошло возвышение царства Цинь.

3. «Пинхуа про то, как Цинь объединило шесть царств» (秦併六國平話). Само название отражает содержание памятника: события, о которых повествуется в тексте, происходили в III в. до н.э.; после заглавия следует разъяснение: «Жизнеописание циньского императора» (秦始皇傳).

4. «Пинхуа по истории Ранней Хань» (前漢書平話). Текст рассказывает о событиях первых лет правления династии Хань (III–II вв. до н.э.); после названия — дополнительные разъяснения, которые указывают, что данный сборник представляет собой продолжение (續集) и речь в нем о том, как «Люй-хоу казнит Хань Синя» (呂后斬韓信).

5. «Пинхуа по истории трех царств» (三國志平話). Рассказ о времени падения династии Хань и разделения Китая на три царства (II–III вв. н.э.)¹⁰.

В настоящей статье в большей степени, чем другие, использованы тексты УВ, ЦГ, ЦБ, а также УД.

Отмечая малоизученность отобранных для обследования текстов, следует сказать, что по сравнению с другими несколько больше «повезло» тексту УД, так как отечественная синология располагает серьезным историко-литературным исследованием¹¹. Что же касается описания языка как такового, то следует назвать статью М.В. Софронова¹², правда, в ней содержатся лишь отдельные языковые характеристики, да и те использованы в «прикладной» роли, а именно как аргументы для датировки текста. Лексика памятника нашла определенное отражение в справочнике «Иллюстрированное примерами толкование лексики „Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий“»¹³. Особо же следует остановиться на диссертации американского исследователя Дж. Крампа, посвященной некоторым особенностям языка

⁹ События, связанные с походом У-вана на Чжоу, лежат в основе содержания широко известного романа XVI в. «Возвышение в ранг духов» («Фэн шэнь яньи» 封神演義) Сюй Чжунлина (許仲琳).

¹⁰ Далее в статье использованы сокращения названий рассматриваемых текстов: 1) УВ; 2) ЦГ; 3) ЦБ; 4) ЦХ; 5) СГ; УД — *Синьбянь Удай ши пинхуа* («Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий»). Ссылки при цитировании даются по «традиционным» шанхайским изданиям (и их перепечаткам) 1954–1955 гг. В работе используются также более поздние издания пинхуа, обнаруженные автором в процессе работы в библиотеках США, главным образом в Азиатском собрании Корнельского университета (г. Итака):

1) 元刊全相平話五種校註, 鍾兆. 華著. 巴蜀書社 Чэнду, 1989 (Юаньское издание пяти полностью иллюстрированных пинхуа с комментариями), выпущено сычуаньским книжным издательством. Сост. Чжун Чжаохуа.

2) 秦始皇傳等六種平話. [宋]佚名[元]無名氏著. 華夏出版社 Пекин, 1995 (Жизнеописание Цинь Ши-хуана и еще шесть пинхуа. Имя [сунского] автора утрачено, имя [юаньского] автора неизвестно).

3) 宋元平話集. 丁錫根点校. 上海古籍出版社 Шанхай, 1990. 上, 下冊 (Сборник пинхуа периода Сун–Юань. Ред. по пунктуации Дин Сигэнь. Т. 1–2).

¹¹ Павловская Л.К. Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий.

¹² Софронов М.В. Об источнике и времени составления «Синьбянь Удай ши пинхуа».

¹³ 閻慎修. “新編五代史平話” 語匯例釋 (*Янь Шэньсю*. Иллюстрированное примерами толкование лексики *Удай ши пинхуа*). Тайбэй, 1988.

УД¹⁴, которая до настоящего момента была недоступна для отечественных исследователей. Сразу отмечу, что в работе, написанной 50 лет тому назад, используются подходы, которые аналогичны тем, что разработаны и приняты в отечественном китаеведении для анализа и описания в исследованиях по исторической грамматике китайского языка любого периода, а подчас и совпадают с ними.

В работе делается попытка представить в качестве доказательной базы для датировки текста УД некоторые синтаксические особенности его языка. Диссертация состоит из двух частей: первая — это собственно грамматическое обследование и описание, вторая включает перевод исследуемого памятника за исключением пассажей, содержащих стихи, а также документальные фрагменты, представленные письмами к трону, докладами правителю и т.п.

Непосредственной задачей работы, по определению самого автора, является описание языковых характеристик конкретного памятника. Он полагает, что при условии адекватно выполненного описания оно может послужить отправной точкой для исследователей других памятников, хронологическая ниша которых сможет быть определена по отношению к УД (раньше, позже или то же время). Когда же определенное количество работ такого рода будет выполнено, то, по его предположению, наступит момент, когда кому-то удастся в рамках такой относительной хронологии довольно точно датировать некий обследуемый текст, что, в свою очередь, позволит поместить весь ряд памятников в рамки реального исторического времени. Тогда-то и можно будет проследить процесс развития ряда явлений современного языка, начиная с момента их возникновения.

Касаясь собственно предмета рассмотрения, автор исследования признается, что на начальном этапе работы он был преисполнен уверенности, что имеет дело с текстом на *байхуа* периода Сун, однако в процессе работы с сожалением вынужден был признать, что безусловно утверждать можно лишь то, что памятник относится к эпохе Сун—Юань (1127–1368): для более точной датировки материал памятника не дает достаточных оснований.

Являясь достаточно репрезентативным памятником простонародной литературы, УД, по мнению автора, может по праву рассматриваться как письменная версия разговорного языка своего времени — таким образом, описание наиболее заметных черт этого текста дает представление об определенной стадии становления современного китайского разговорного языка.

Так в самом общем виде выглядят основные положения диссертации Дж. Крампа, к которой я еще не раз буду обращаться по более частным вопросам, привлекая материал американского коллеги в дополнение к собственным наблюдениям над текстом УД.

Основные характеристики текста УВ

Текст УВ менее других памятников жанра связан с подлинными историческими событиями, он ближе всего к фольклору, прежде всего — к волшебной сказке. Жанровую характеристику, сближающую интересующий нас текст с «народной книгой», находим у Б.Л. Рифтина: «Пинхуа о чжоуском У-ване представляет собой цепь нанизанных на относительно временной стержень эпизодов... нанизывание эпизодов,

¹⁴ См.: *Crump J.K.* Some Problems in the Language of the “Shinbien Wuday Shyy Pijng-huah” (vol. 1–2). *Doct. Diss.* New Haven, Yale University, 1950 (unpubl.). Выражаю глубокую благодарность моему американскому коллеге профессору Виктору Мейеру за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с этим капитальным трудом.

привязанных к имени одного героя, есть как раз характернейшая черта жанра народной книги»¹⁵.

Рассматриваемый текст состоит из трех частей (*цзюаней*) и имеет оглавление, представляющее собой собрание надписей, которые в сброшюрованном бабочкой издании, выполненном в Цзяньани в период с 1321 по 1323 г. (к счастью, оно сохранилось в Японии), располагались на каждом листе под иллюстрациями, сообщая о содержании помещенного ниже текста¹⁶.

Даже при беглом взгляде на язык памятника бросается в глаза если не преобладание, то, во всяком случае, активное присутствие в нем черт и характеристик, свойственных языку эпохи Лючао¹⁷, — иными словами, доля *вэньяня* в языке этого текста достаточно велика. При этом серьезные различия в характере языка наблюдаются между разными частями рассматриваемого текста. Так, первые пять страниц первого (上 *shang*) *цзюаня* отличаются особой насыщенностью элементами *вэньяня* при фактическом отсутствии специфических черт *байхуа*. Примерами могут служить регулярное использование в качестве указательного местоимения (ближнее указание) 此 *ci* (этот), при полном отсутствии характерного для *байхуа* 這 *zhe*; при оформлении определения с «избыточной» частотой используется старый показатель 之 *zhi*, тогда как обычное для *байхуа* 的 *di* на означенных страницах не зафиксировано вообще; в качестве местоимения 2-го лица используется характерное для *вэньяня* 卿 *qing* (ты), а для 3-го лица в функции дополнения — также старое 之 *zhi* (для двух последних их аналоги из *байхуа* на упомянутых страницах не встретились). В качестве вопросительных слов (местоимений и местопредикативов) используется старое 何 *he* и сочетания с ним (若何 *ruohe*, 如何 *ruhe*, 何如 *heru*, 何人 *heren*); из двух послелогов с одним и тем же значением «в», «внутри» 內 *nei* и 里 *li* в пределах первых пяти страниц отмечен только старый *nei*, но не встретился обычный для *байхуа* *li* и т.д. Замечу, что приведенные выше данные об особенностях языка пяти первых страниц рассматриваемого текста касаются как повествовательных пассажей, так и прямой речи в диалогических частях.

По мере продвижения далее по тексту картина меняется: текст постепенно «насыщается» элементами *байхуа* (при этом элементы *вэньяня*, о которых шла речь выше, продолжают использоваться), среди которых особой частотностью встречаемости выделяется морфема 了 *liao*¹⁸.

¹⁵ См.: Рифтин Б.Л. «Пинхуа о походе У-вана против Чжоу Синя» как образец китайской народной книги // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969. С. 110.

Приведенные сведения интересуют меня отнюдь не потому, что, отдавая дань традиции, считаю нужным сначала определить место памятника в контексте фактов литературы, а уж затем только описывать его язык. Дело в том, что представления о непременной увязке «фольклорный текст — разговорный язык» являются весьма стойкими. Отсюда и предположение, что язык УВ, должно быть, самый «разговорный» по сравнению с другими текстами этого жанра, скажем таким, как УД, поскольку первое максимально приближено к фольклорной традиции, тогда как во втором значительные пассажи просто повторяют исторический источник. (Такое предположение в частной беседе со мной высказал и автор цитированной выше статьи — Б.Л. Рифтин.) Насколько справедливо такое мнение, могут решить лишь результаты обследования и сопоставления языка двух упомянутых выше текстов.

¹⁶ См.: Предисловие к УВ. С. 2.

¹⁷ Эпоха Южных и Северных династий (420–589 гг.).

¹⁸ Значения глаголов, оформленных на *liao*, отличаются большим разнообразием: это и действие, происшедшее и завершившееся в прошлом, и действие, предшествовавшее другому действию или состоянию, и действие, которое должно быть завершено в будущем (список значений этим не исчерпывается). Для наглядности несколько примеров:

紂王不阻，留了寶劍，將入後宮 (УВ, 8–9)

Zhou-wang bu zu, liuliao baojian, jiangru houong

Чжоу-ван не препятствовал, [святой мудрец] оставил [драгоценный] меч и направился во дворец наложниц.

Из слов-заместителей в качестве местоимения 1-го лица наряду с 我 *wo* отмечено уступающее ему по частоте новое 俺 *an*, которое, будучи само по себе включающим местоимением, т.е. уже несущим значение множественного числа, встречается тем не менее с показателем множественности 等 *deng* (俺等 *wodeng*); множественное число представлено также путем постановки после *an* словосочетания, указывающего на число: 俺二人 (УВ, 70) *an er ren* (мы двое). Наиболее обычная для *an* функция в предложении — определение; как *wo*, так и *an* выступают в качестве определения без всякого оформления: 我姐姐 (УВ, 9) *wo jiejie* (моя старшая сестра); 俺姐姐 (УВ, 9) *an jiejie* (моя старшая сестра) [ср. 卿之姐姐 (УВ, 10) *qing-zhi jiejie* (твоя старшая сестра)]. Для 2-го лица отмечены как новые, свойственные *baixu* 你 *ni* и 您 *nin*, так и старые — 卿 *qing* и 爾 *er*, которые встречаются также с показателем множественности *deng* (卿等 *qingdeng*, 爾等 *erdeng*) и в сочетании с морфемой 當 *dang* (卿當 *qingdang*, 爾當 *erdang*). Форма с *dang* требует того, чтобы остановиться на ней специально. Приведу несколько примеров:

卿當說之 (УВ, 10)

Qingdang shuo zhi Ты представь ее.

...卿當休慮耳 (УВ, 12)

...*qingdang xiu lu er* ...а ты прекрати беспорядки.

卿當悲啼何事? (УВ, 18)

Qingdang bei-ti heshi? О чем ты рыдаешь?

爾當打罵姐已爲何? (УВ, 18)

Erdang da-ma Da Ji weihe? За что ты третируешь Да Цзи?

Последний из приведенных примеров фигурирует в «Словаре языка Сун–Юань»¹⁹, где *erdang* передается через обычное *ni* (ты). Что касается других справочников, то у Чжан Сяна находим 吾當 *wudang*, которое интерпретируется как простое 吾 *wu* (я), и две статьи по 誰當 *shuidang*, в которых предложены два возможных толкования: 誰人 *shui ren* (кто?) и 何爲 *hewei* (зачем?)²⁰. Цзян Лихун приводит примеры из дуньхуанских *бяньвэнь* и других танских текстов, где *dang* встречается как в сочетании с местоимением 吾 *wu* и 汝 *ru* (*wudang*, *rudang*), так и с существительными²¹. Объяснение для всех случаев одно и то же: *dang* трактуется как 從前 *congqian* или 先 *xian* (прежде), с чем трудно согласиться. Толкование Чжан Сяна представляется более убедительным. Рискну высказать осторожное предположение, что *dang* — во всяком случае, при местоимениях (именно с таким употреблением мы имеем дело в рассматриваемом тексте) — вообще лишено самостоятельного значения, а служит лишь средством создания двусложного слова для сохранения ритмической структуры фразы²².

父見了女，大悅；口中不語 (УВ, 6–7)

Fu jianliao nu, da yue; kou-zhong bu yu

Увидев дочь, отец обрадовался и не мог промолвить ни слова.

...今教毀了玉女之神，火燒了廟宇 (УВ, 7)

...*jin jiao huiliao yu nu-zhi shen, huoshaoliao miaoyu*

... вот ты и повелел, чтобы уничтожили дух яшмовой девы и сожгли храм.

¹⁹ 龙潜庵编者。“宋元语言词典” (Словарь языка периода Сун–Юань. Сост. Лун Цяньань). Шанхай, 1985. С. 244.

²⁰ 張相。詩詞曲語辭匯釋 (Чжан Сян. Комментированное собрание лексики из поэзии и драмы). Пекин, 1954. С. 674–675.

²¹ 蔣禮鴻。敦煌變文字義通釋 (Цзян Лихун. Толкование слов дуньхуанских *бяньвэнь*). Пекин, 1988. С. 380–381.

²² Подобное явление в языке эпохи Лючао подробно рассматривается в кн.: 朱庆之。佛典与中古汉语词汇研究 (Чжу Цинчжэ. Исследование лексики буддийского канона и лексики раннего среднекитайского языка). Тайбэй, 1992.

Из указательных местоимений для ближнего указания в рассматриваемом тексте регулярно используется старое 此 *ci*, обычное же для *байхуа* 這 *zhe* отмечено всего два раза:

却說這西伯侯... (УВ, 12)

Queshuo zhe xi-bo hou... А еще говорят, что этот князь — гегемон Запада...

...你見我這手中大刀麼? (УВ, 71)

...*ni jian wo zhe shou-zhong da dao ma?* ...ты видишь у меня в руке этот большой меч?

Немногочисленны и примеры с местоимением дальнего указания 那 *na*; что же касается вопросительного *nǎ* (какой?, который?) (от указательного, как известно, оно отличается только тоном), то оно встречается не только самостоятельно, но и в формах 那個 *nǎge* и 那裏 *nǎli* (последнее при вопросе о месте; кстати, для выражения такого вопроса употребляется и старое 何處 *hechu*):

...那時破無道之君 (УВ, 33)

...*nashi po wudao-zhi jun* ...и тогда (досл. «в то время») одолею беспардонного господина.

那佳人見天子便躲... (УВ, 45)

Na jia ren jian tianzi bian duo... Та красавица, увидев Сына Неба, тут же скрылась...

那個是男? 那個是女? (УВ, 31)

Nage shi nan? Nage shi nu? Который [из них] мужчина? Который [из них] женщина?

那一事? (УВ, 20)

Nayi shi? Какое дело?

...更那裏管劍之寶? (УВ, 10)

...*geng nali guan jian-zhi bao?* ...где же на сей раз находится на хранении драгоценный меч?

Из вопросительных местопредикативов наряду со старыми 何 *he*, 如何 *ruhe*, 若何 *ruohe*, 何如 *heru* отмечены и новые — 怎 *zen* и 怎生 *zensheng*.

怎有如此之事? (УВ, 70)

Zen you ruci-zhi shi? Как могло случиться (досл. «быть») такое?

怎敢亂朕天下矣! (УВ, 44)

Zen gan luan zhen tianxia yi! Как смеешь ты возмущать мою Поднебесную!

怎生除得? (УВ, 20)

Zensheng chude? Каким образом изгнать?

...怎生分訴? (УВ, 18)

...*Zensheng fensu?* Как же оспорить жалобу?

Что касается невопросительных местопредикативов, то наряду со старым *ruci* несколько раз отмечен и новый 恁 *ren*²³.

卿如何只恁直毀寡人? (УВ, 35)

Qing ruhe zhi ren zhi hui guaren? Как же ты именно так прямо и уничтожишь меня?

...恁可破紂也 (УВ, 81)

...*ren ke po Zhou ye* ...вот так и можно сокрушить Чжоу.

²³ В одном случае 恁 *ren* использовано в значении 您 *nin*:

恁谁人敢去捉胡雷? (УВ, 69)

Ren shui ren gan qu zhuo Hu Lei? Кто из вас рискнет отправиться захватывать Ху Лэя?

Такое значение зафиксировано в Словаре языка периода Сун–Юань, с. 746; И.Т. Зограф отмечает, что 恁 как графический вариант 您 *nin* встречается в цзиньских и юаньских текстах. См.: Зограф И.Т. Средне-китайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979. С. 61.

Из служебных элементов, относящихся к имени, коснемся показателей множественности: для обозреваемого текста это исключительно *deng*, причем все случаи его употребления (исключения единичны) связаны с местоимениями. При этом создатель текста не придавал большого значения разнице между единственным и множественным числом местоимений, так что и неформальное местоимение могло иметь как значение единственного, так и множественного числа. С другой стороны, после местоимения, оформленного на *deng*, множественное число могло быть дополнительно подчеркнуто числительным: 卿等二人... (УВ, 10) *qingdeng er ren...* вы оба...

В рассматриваемом тексте ни разу не отмечен показатель множественности 每 *mei*, характерный для памятников северной группы.

Отметим встречающиеся в тексте немногочисленные (точнее, при малом разнообразии рассматриваемых морфем немалое число их словоупотреблений) примеры удвоения существительных, представляющих термины родства; так, на двух страницах (УВ, 9, 10) зафиксировано 9 словоупотреблений 姐姐 *jiejie* (старшая сестра):

谁是卿之姐姐?.. 月中姮娥是我姐姐... (УВ, 9)

Shui shi qing-zhi jiejie?.. Нэу-ярицн Рутн у ыри цц ошюошу Кто твоя старшая сестра? Фея луны Хэн-э — моя старшая сестра.

Отмечено также удвоение 娘娘 *niangniang* (УВ, 16, 18, 20, 26) (матушка), обозначающее возлюбленную императора или императрицу:

...臣知一人有寶，堪與娘娘帶翫 (УВ, 16)

...*chen zhi yi ren you bao, kan yu niangniang dai wan* ...я знаю, что у одного человека есть сокровища, пригодные для того, чтобы [их] носила как украшения матушка-госпожа.

О значении подобных удвоений по имеющимся примерам судить трудно.

Удвоения 人人 *renren*, 個個 *gege* имеют значение «каждый человек», «все люди»:

...去斬太子... 人人見者無不下淚，個個觀了，咸皆傷情 (УВ, 27)

...*qu zhan taizi...renren jian-zhe wu-bu xia-lei, gege guanliao, xianjie shangqing* ...когда отправили обезглавливать Наследника, люди, [глядя на это], все плакали; наблюдая, все сокрушались.

Обращаясь к глагольному блоку, выделим наиболее часто встречающиеся глагольные суффиксы: безусловно, самым частотным является *liao* (о разнообразии значений которого см. сн. 17), при этом в определенных частях текста (с. 6, 7, 18, 68 и др.) он отмечается особенно часто.

Относительно функций, в которых отмечено 着 *zhao*, следует указать, что это и модификатор, обозначающий достижение результата, и показатель состояния, и в отдельных случаях *zhao* с глаголом имеет значение длительности; также вполне возможен вариант, когда глагол, оформленный на *zhao*, обозначает завершенность действия²⁴:

迎着飛虎，決戰二日，敗了 (УВ, 47)

Yingzhao Fei Hu, juezhan er ri, bailiao [Пяти военачальникам] удалось встретить Фэй Ху, произошло решающее сражение, и [военачальники] потерпели поражение.

眾諸侯見紂王背後簾底坐着妲己... (УВ, 34)

Zhong zhuhou jian Zhou-wang beihou lian-di zuozhao Da Ji... Все князья увидели, что за спиной Чжоу-вана за занавеской сидела Да Цзи...

太公一手擎着... 章，一手擎着... 鏡 (УВ, 84)

²⁴ В этом случае глагол, оформленный на *zhao*, соответствует значению, которое в современном языке глаголу придает *liao*. Как распределялись функции между *liao* и *zhao* к эпохе Юань (1271–1368), не совсем ясно, ибо *zhao* могло иметь значение завершенности, а *liao* — длительности. См.: 王力. 汉语史稿. 上, 中, 下册 (Ван Ли. Опыт истории китайского языка). Пекин, 1958. С. 311.

Taigong yi-shou qingzhao... zhang, yi-shou qingzhao... jing Тайгун в одной руке держал... печать, в другой руке держал... зеркало.

紂王令着一使臣，監押西伯侯... (УВ, 36)

Zhou-wang lingzhao yi shichen, jian-ya Xi-bo hou... Чжоу-ван отправил посланника проинспектировать и взять под стражу князя-владыку Запада...

В числе характерных для *байхуа* послелогов обнаруживаем уже упоминавшийся выше *裏 li* (наряду с достаточно употребительным старым *nei*).

Характеризуя **синтаксические конструкции**, обратимся к глаголам с пассивным значением; чаще всего это глагол *被 bei*, встречается также *蒙 meng*²⁵. Отмечено несколько вариантов пассивной конструкции; так, встречается вариант «имя – пассивный глагол – имя – смысловый глагол»:

師曠被鑼鼓聒耳... (УВ, 71)

Shi Kuang bei luo-gu gua-er... Ши Куан, [наставник по музыке], был оглушен гонгами и барабанами...

Однако более обычна для обследуемого текста конструкция, когда первое имя отсутствует и остается «пассивный глагол – имя – смысловый глагол»:

...被門子拽住... (УВ, 56)

...*bei menzi zhuaizhu...* ...[У Цзи] был схвачен стражником...

В последнем варианте смысловой глагол мог иметь дополнение, тогда конструкция принимала вид: «пассивный глагол – имя – смысловый глагол – имя (или местоимение)»:

被南宮适放一鐵箭... (УВ, 71)

Bei Nan-gong Kuo fang yi te jian... Подверглись тому, что Нань-гун Ко выпустил железную стрелу...

...被武吉殺之 (УВ, 80)

...*bei Wu Ji sha zhi* ...У Цзи убил его (досл. «[он] был убит У Цзи»).

Пассивная конструкция усложняется за счет появления перед пассивным глаголом наречий типа *更 geng*, *又 you*, *却 que* и др.; зависимые слова может принимать и смысловый глагол, а имя, следующее за пассивным глаголом, иногда оказывается субъектом каузативной конструкции.

...更被妖氣入肌 (УВ, 6)

...*geng bei yaoqi ru ji* ...а еще случилось так, что [что-то] странное проникло в [ее] плоть.

...又被姐己妖容媚惑... (УВ, 12)

...*you bei Da Ji yao rongmei huo...* ...к тому же [Чжоу-ван] был околдован чарами Да Цзи...

却被大雷震破女子之腹... (УВ, 11)

Que bei da lei-zhen po nuzi-zhi fu... Однако живот женщины был разорван раскатом грома...

被鼻盪舟用手接了箭... (УВ, 74)

Bei Ao dang-zhou yong shou jieliao jian... [Силач] Ао, волоча [по суше] лодку, рукой перехватил стрелу...

被太公教兵將截了後路 (УВ, 74)

²⁵ Отмечен единственный пример, когда пассивное значение передается морфемой *給 gei*:

給皇后腕上帶着瓊瑤寶釧，咸皆埋了 (УВ, 19)

Gei huanghou wan-shang daizhao qiong-yao bao chuan, xianjie mailiao Драгоценные браслеты, что носила на запястье императрица, [также] были захоронены.

Gei как показатель пассива абсолютно не характерен для языка периода Сун-Юань. См.: *Зограф И.Т.* Среднекитайский язык. С. 263, 309. Не отражена такая функция *gei* и в Словаре языка периода Сун-Юань.

Bei Tai Gong jiao bing-jiang jieliao hou lu Тай Гун вынудил солдат и военачальников пресечь путь к отступлению.

При отмеченной выше вариативности пассивной конструкции (наличии или отсутствии тех или иных элементов в ее составе) все приведенные примеры сходны в одном — ни разу не отмечен вариант пассивной конструкции, где бы отсутствовало имя, стоящее после пассивного глагола и являющееся названием действующего лица, так что пассивный глагол оказался бы непосредственно перед смысловым глаголом. Такова одна из существенных особенностей языка рассматриваемого памятника²⁶.

Среди синтаксических конструкций безусловно заслуживает внимания конструкция с вынесенным вперед дополнением, т.е. препозиция дополнения с помощью служебных морфем 將 *jiang* и 把 *ba*.

Процесс постепенного превращения *jiang* из полноценного глагола, каким в значительной степени его можно было считать в языке периода Лючао, в служебное слово, каким стало *jiang* в современном языке, подробно прослеживается в работе Лю Цзяня, Цзян Ланьшэн и др.²⁷.

Если в эпоху Лючао тенденция превращения *jiang* в служебное слово лишь намечается, но при этом «глагольность» его проявляется еще достаточно ощутимо, то в эпоху Тан последняя заметно утрачивается. Любопытная картина в отношении обсуждаемого явления наблюдается в период поздней Тан и Удай (907–960). Процесс превращения *jiang* в служебное слово рассматривается в упомянутой выше работе на материале двух разных памятников, вернее будет сказать — двух групп памятников: чаньского текста *Цзу тан цзи* (祖堂集) и дуньхуанских *бяньвэнь*. Место создания первого — к югу от Янцзы, второго — район северо-запада. В первом тексте тенденция превращения *jiang* в служебное слово выражена значительно сильнее, чем во втором, из чего следует, что темпы развития этого процесса в разных регионах были разные: на юге превращение *jiang* в служебное слово шло быстрее, чем на севере²⁸. Разделяя точку зрения авторов этой концепции, полагаю, что, кроме территориального фактора, большая степень «служебности» *jiang*, что соответствует большей близости к разговорному языку времени, может определяться и тем, что создававшийся на юге памятник представлял собой чаньский текст, для которого близость к разговорному языку — характерная черта. С наступлением периода Сун–Юань в районах срединной равнины и правобережья Янцзы обсуждаемый процесс, по всей вероятности, испытывал северное влияние, выразившееся и в том, что движение *jiang* в направлении превращения его в служебное слово замедлилось. Для иллюстрации такого положения авторы упоминаемой работы привлекают тексты двух *пинхуа* — УД и ЦБ.

Продолжая анализировать текст УВ, отметим несколько функций, в которых в нем зафиксировано *jiang*²⁹: 1) многочисленную группу составляют случаи именного упо-

²⁶ В процессе развития пассивной конструкции на первом этапе, начиная с периода Чжаньго (475–221 гг. до н.э.), название действующего лица отсутствовало, *bei* стояло непосредственно перед смысловым глаголом. Впоследствии — особенно это относится к текстам эпохи Тан — название действующего лица отмечается все чаще и чаще (Ван Ли. Опыт истории китайского языка. С. 424 и сл.). Тексты эпохи Сун–Юань сильно разнятся в этом отношении (Зюграф И.Т. Среднекитайский язык. С. 257).

²⁷ 刘江坚, 江蓝生等“近代汉语虚词研究”(Лю Цзянь, Цзян Ланьшэн и др. Исследование служебных слов среднекитайского языка). Пекин, 1992. С. 58–59.

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Подробный анализ указанной конструкции в тексте УВ позволит сопоставить функционирование конструкции с *jiang* в нашем тексте с таковым в УД: последнее детально проанализировано и описано в упомянутой выше работе Дж. Крампа.

требления, когда *jiang* имеет значение «военачальник», «генерал»; 2) часто встречается *jiang* — знаменательный глагол «брать», «вести» (соответствует современному 拿 *na* и используется как самостоятельный односложный, так и в составе сложного глагола, состоящего из синонимичных корней); 3) наконец, служебное *jiang*, указывающее на препозицию дополнения.

Именное употребление достаточно просто отличить от других случаев, поэтому оно не нуждается в специальном обсуждении.

Знаменательный глагол *jiang* в отдельных случаях может иметь и собственное оформление: так, отмечены примеры с 着 *zhao*³⁰.

姜皇后將刀子來墜於地 (УВ, 18)

Jiang huanghou jiang daozi lai zhui yu di Императрица Цзян взяла нож, чтобы бросить [его] на землю.

將一具大斧，頭向主，柄向太公... (УВ, 66)

Jiang yiju dafu, tou xiang zhu, bing xiang Tai Gong... [Он] взял большой топор, топором в сторону хозяина, топором — в сторону Тай Гуна...

...若陛下令別人爲使命，恐受西伯侯金珠好財物迷心，不肯將瓊瑤玉釧來 (УВ, 16)

...*ruo bixia ling bieren wei shiming, kong shou Xi-bo hou jin zhu hao caiwu mi-xin, bu ken jiang qiong-yao yu chuan lai* ...если вы прикажете послать другого, боюсь, у князя-владыки Запада вскружится голова от большого богатства — золота и жемчуга, [так что он] не захочет отдать прекрасный подарок, [каким является] нефритовый браслет.

唯有紂王得脫，將着些小敗將走入朝歌去了 (УВ, 80)

Wei you Zhou-wang de tuo, jiangzhao xiexiao bai jiang zou ru Chaoge quliao Лишь одному Чжоу-вану удалось избежать [смерти]; [он] вывел небольшое число разгромленных воинов, чтобы [они] ушли через (досл. «войдя в») Чаогэ.

В тексте УВ отмечены примеры, когда с помощью *jiang* осуществляется инверсия дополнения как прямого, так и инструментального (в современном языке эти функции разделены: для первой используется 把 *ba*, для второй — 拿 *na*; само же *jiang*, если иметь в виду современный разговорный язык, не сохранилось). Разнообразие конструкций со служебным *jiang* в тексте УВ значительно скромнее того, что представлено в УД³¹.

Ниже приведем примеры конструкций с препозицией дополнения.

左右蒙聖旨，將皇后尸首埋 (УВ, 19)

Zuoyou meng sheng-zhi, jiang huanghou shishou mai Восприняв мудрое повеление, ближайшие помощники захоронили труп императрицы (досл. «труп императрицы захоронили»).

(Необычность приведенного примера состоит в том, что заключительным словом в нем выступает глагол.)

費仲遂將寶釧獻與紂王 (УВ, 17)

Fei Zhong sui jiang baochuan xian yu Zhou-wang Тогда Фэй Чжун вручил Чжоу-вану драгоценный браслет (досл. «драгоценный браслет вручил Чжоу-вану»).

(В данном примере служебному *jiang* предшествует полуслужебное наречие; сказуемое же выражено глаголом с двойным управлением, так что дополнение со значением адресата, вводимое с помощью 与 *yu*, стоит после сказуемого.)

遂將文王山陵葬畢 (УВ, 65)

³⁰ Ср. с аналогичной картиной в других текстах периода Сун-Юань (Зограф И.Т. Среднекитайский язык. С. 247, 249).

³¹ Crump J.K. Some Problems in the Language. С. 21–51.

Sui jiang Wen-wang shanling zangbi Тогда [она] Вэнь-вана захоронила в императорской могиле.

左右正欲將西伯侯推轉... (УВ, 14)

Zuoyou zheng yu jiang Xi-bo hou tuizhuan... Помощники ближайшего окружения действительно собирались предать Сибохоу смерти (досл. «Сибохоу предать смерти»).

Препозиция дополнения в двух последних примерах полностью соответствует конструкции с *把 ba* в современном языке³².

В значительной части примеров с препозицией дополнения сказуемое выражено глаголом движения. В этом случае дополнение обозначает нечто, что имеет при себе субъект, выраженный подлежащим, осуществляя действие, переданное сказуемым; в такой ситуации *jiang* может быть передано по-русски предлогом «с» (соответствует *拿 na* в современном языке; в языке же Лючао такое дополнение вводилось с помощью *持 chi*). Следует заметить, что в примерах такого рода *jiang* в какой-то степени сохраняет свою «глагольность».

南燕使奉勅，便辭，將肉醬出朝去 (УВ, 46)

Nan-yan shi feng lai, bian ci, jiang rou-jiang chu chao qu Посланник из [княжества] Южная Янь, получив высочайший указ, попрощался и с мясным соусом (досл. «взяв с собой мясной соус») покинул двор.

...臣將此劍往山中去 (УВ, 8)

...chen jiang ci jian wang shan-zhong qu ...я отправляюсь в горы, имея при себе этот меч.

內有岐州姬昌將禮物來見大王 (УВ, 33)

Nei you Qizhou Ji Chang jiang liwu lai jian da wang Среди [них] был Цзи Чан, [он] с дарами пришел для аудиенции у Великого правителя.

...便辭祖母，將物上路 (УВ, 38)

...bian ci zumu, jiang wu shang lu ...тогда [он] простился с бабушкой и с подарком пустился в путь.

皇帝大悅，將費仲入後宮去 (УВ, 17)

Huangdi da yue, jiang Fei Zhong ru hou-gong qu Император очень обрадовался и ввел Фэй Чжуна во дворец императрицы.

Следующий пример интересен тем, что сказуемое, выраженное глаголом *試 shi* «испытывать», «проверять», управляет предложением; при этом дополнение, вводимое *jiang*, имеет инструментальное значение (*jiang* в этом примере соотносится с *以 yi* в древнекитайском и *用 yong* — в современном языке):

被姐已教紂王，將你兒肉試你賢不賢也 (УВ, 41)

Bei Da Ji jiao Zhou-wang jiang ni er rou shi ni xian bu xian ye Наученный Да Цзи Чжоу-ван с помощью мяса твоего сына проверяет, мудрый ты или нет.

Можно согласиться с Крампом, что трактовка такого рода примеров достаточно субъективна в плане соотношения *jiang* с *na* или *yong*, ибо «глагольность» *jiang* в этом случае явно ошутима.

Особая разновидность препозиции представлена вариантом, когда вынесенное вперед дополнение дублируется в конце предложения с помощью *之 zhi*. Возможно, добавление *zhi* связано с тем, что при неоформленном переходном глаголе оно как бы заменяет модификатор, поскольку в этом случае примеров с модификатором не отмечено.

原我王將臣妾殺之 (УВ, 35)

Yuan wo wang jiang chen-qie sha zhi [Я] хочу, чтобы мой правитель убил наложницу (досл. «наложницу убил»).

³² Там же. С. 24–26.

爲何將卿殺之? (УВ, 35)

Weihe jiang qing sha zhi? Зачем [мне] убивать тебя (досл. «тебя убивать»)?

Конструкцию двух приведенных выше примеров можно представить как «[S] — jiang — O — Вперех. — zhi».

Наряду с несохранившимся в современном языке *jiang* в интересующем нас тексте встречается, правда, значительно реже обычное для современного языка 把 *ba*. Заметим, что последнее представлено одним примером, и в своем глагольном значении «держать»:

告國舅, 緊把關口, 勿令放過周兵 (УВ, 68)

Gao guo-jiu, jin ba guankou, wu ling fangguo Zhou bing [Фэй Чжун] наказывал брату императора крепко удерживать заставу, не давая пройти чжоуским воинам.

Препозиция дополнения с помощью *ba* отмечена в случаях, когда глагол-сказуемое предложения оформлен на *liao* или же при глаголе-сказуемом имеется отрицание:

姜皇后見娘娘心怒, 娘娘便把頭髮亂了, 便來見帝... (УВ, 18)

Jiang huanghou jian niangniang xin-nu, niangniang bian ba toufa luanliao, bian lai jian di... Увидев матушку, императрица Цзян обязательно впадет в гнев, тогда [пусть] матушка, взлохматив волосы, предстанет перед императором...

把皇后宮中宮人除了... (УВ, 20)

Ba huanghou gong-zhong gongren chuliao... [Фэй Чжун сказал:] «Удали [всех] слуганок из дворца императрицы (досл. „слуганок из дворца императрицы удали“)»...

原大王不棄臣妾之容貌, 却把西伯侯斬了者 (УВ, 35)

Yuan da-wang bu qi chen-qie-zhi rongmao, que ba Xibo hou zhanliao zhe Хочу, чтобы Великий правитель не отвергал меня (досл. «мой лик»), а, напротив, казнил бы Сибо хоу (досл. «Сибо хоу казнил бы»).

爾父王無道... 把俺等尸首不埋... (УВ, 25)

Er fu-wang wu-dao... ba andeng shishou bu mai... Твой отец-правитель лишен принципов... он не захоронил наши трупы (досл. «наши трупы он не захоронил»)...

Вынесенное с помощью *ba* дополнение может обозначать не только объект действия, как в современном языке, но иметь также инструментальное значение, т.е. соответствовать современному 拿 *na*.

...你父王, 把爾親母姜皇后從摘星樓上擡在樓下, 擄殺爾親母 (УВ, 24)

...ni fu-wang, ba er qinmu Jiang huanghou cong zhaixing lou-shang cuan zai lou-xia, shuo sha er qinmu ...твой отец-правитель сбросил императрицу Цзян, твою родную мать (досл. «императрицу Цзян, твою родную мать, сбросил») с высоченной башни вниз и [таким образом], столкнув, убил твою родную мать.

却是殷交, 把旗遮地, 擒了離婁 (УВ, 71)

Queshi Yin Jiao, ba qi zhe di, qinliao Li Lou Тогда Инь Цзяо флагами перегородил [участок] земли и [таким образом] захватил Ли Лоу.

Как и в случае с *jiang*, стоящее в препозиции дополнение может дублироваться с помощью *zhi* в конце предложения. (В современном языке конструкция не сохранилась.) И в этом, и в некоторых других случаях вынесенное вперед дополнение может относиться к двум глаголам.

大王把此劍去深宮之內壁上掛之 (УВ, 8)

Da-wang ba ci jian qu shen-gong-zhi-nei bi-shang gua zhi Великому правителю [следует лучше] повесить этот меч (досл. «этот меч повесить») на стене во внутреннем дворце.

...教爾父王去... 把你娘宮中宮監盡皆除之 (УВ, 24)

...jiao er fu-wang qu... ba ni niang gong-zhong gong-jian jinjie chu zhi [Да Цзи] заставила твоего отца изгнать всех слуганок из дворца твоей матери (досл. «всех слуганок из дворца твоей матери изгнать»).

Если сопоставить особенности употребления конструкции с *jiang* и *ba* в тексте УВ с таковыми в УД (для последнего текста использованы также данные, приводимые Краппом), то окажется, что из вариантов обсуждаемой конструкции в тексте УВ преобладают такие, которые не свойственны современному языку (односложный неформленный глагол-сказуемое в качестве заключительного слова в предложении, дублирование вынесенного вперед дополнения с помощью *zhi* в конце предложения), в которых грань между чисто служебной функцией *jiang* и *ba* и их изначально знаменательным значением весьма зыбкая; с другой стороны, в нашем тексте отмечены лишь единичные случаи показателей препозиции дополнения, в отношении которых можно безоговорочно утверждать, что они полностью утратили свое знаменательное значение. Совсем иная картина в тексте УД: в богатой палитре вариантов употребления *jiang* и *ba* значительная доля принадлежит тем, что сохраняются в современном языке. Таковы, например, случаи претранзитивного употребления *jiang* и *ba*, когда глагол-сказуемое оформлено модификаторами, характерными для современного языка, такими, как 了 *liao*, 住 *zhu*, 訖 *qi*, 取 *qu* и др.; употребление наречного определения, выраженного одним словом или словосочетанием, стоящим либо перед *jiang* и *ba*, либо непосредственно перед глаголом при оформленном глаголе-сказуемом; использование претранзитивности при глаголе-сказуемом с двойным управлением, когда прямое дополнение стоит в препозиции, а косвенное в постпозиции к глаголу.

Заметное преимущество текста УД состоит в том, что на его материале четко прослеживается процесс превращения изначально знаменательных слов в настоящие служебные, т.е. их развитие от сугубо конкретного к абстрактному; при этом наблюдается и промежуточная стадия, когда слово, частично сохраняя конкретное, знаменательное значение, все же в определенной степени его утрачивает.

Поскольку, по достаточно обоснованному мнению Краппа, текст УД может в существенной мере рассматриваться как письменная версия разговорного языка своего времени, то по результатам сопоставления языка какого-либо памятника X с языком УД правомерно определять место сопоставляемого текста в иерархии памятников по степени отражения ими разговорного языка эпохи. В этом свете целесообразно продолжить список сопоставляемых грамматических явлений, начатый показателями препозиции дополнения *jiang* и *ba* в тексте УВ с текстом УД.

При сравнении использования показателя определения 的 *di* в упомянутых текстах обнаруживаем: в тексте УД в 257 случаях *di* употреблено в притяжательном значении, в 73 случаях оно является заключительным словом в предложении, в двух случаях *di* оформляет редуцированное определение к глаголу. В тексте УВ *di* встретилось менее 10 раз: во всех случаях оно оформляет определение, выраженное предикативным сочетанием. Таким образом, отличие текста УВ от УД разительное, даже с учетом того, что текст УД превосходит по объему УВ в три раза. При этом следует отметить, что в тексте УВ в качестве показателя определения используется главным образом старое 之 *zhi*, частота встречаемости которого крайне высока.

Из слов-заместителей обратим внимание на употребление указательного местоимения (ближнее указание) 這 *zhe*: если для УД характерно регулярное его употребление, то в тексте УВ оно отмечено всего два раза (обычным же для данной функции является старое 此 *ci*).

Необходимо остановиться на показателе множественности 每 *mei*: в тексте УВ этот показатель не отмечен ни разу, тогда как в УД его частотность как после местоимений, так и после существительных чрезвычайно высока; при этом в ряде случаев *mei* не привносит значения множественности³³.

³³ На это в свое время обратила внимание Л.К. Павловская. См.: Павловская Л.К. Заново составленное пинхуа. С. 42.

Приведенный выше список сопоставлений можно было бы продолжить, однако представляется, что и приведенных примеров достаточно для того, чтобы судить о значительно большей близости к языку своего времени текста УД по сравнению с УВ. И это несмотря на то, что в первом излагаются события исторические и в основе его лежит сочинение Сыма Гуана «Цзычжи тунцзянь», так что солидные пассажи просто повторяют исторический источник, тогда как текст УВ тесно связан с фольклорной традицией. Отсюда снова и снова напрашивается вывод: степень отражения разговорного языка эпохи не находится в прямой зависимости от характера содержания текста.

О датировке УД

Сопоставление по ряду параметров текстов УВ и УД невольно обращает внимание исследователя на проблему датировки последнего. Предположение о том, что время составления текста УД определяется 60–70-ми годами XIII в. или даже серединой XII в., высказанное Л.К. Павловской³⁴, не представляется достаточно убедительным. Более продуманной и взвешенно-осторожной выглядит точка зрения на проблему Дж. Крампа. Основывая свои рассуждения на одном и том же языковом явлении — частице 底 *di*, оформляющей определение, разные авторы интерпретируют его по-разному. Так, Крамп считает, что разовое употребление упомянутой частицы позволяет лишь утверждать, что текст создан не ранее начала Сун. Однако затем он обращается к функционированию в тексте других вариантов частицы, оформляющей определение, — 的 *di* и 地 *di*, отмечая, что различать условия их функционирования чрезвычайно сложно. Последнее обстоятельство приводит Крампа к заключению, что подобная ситуация может свидетельствовать о процессе изменений, начавшихся в фонологической системе языка, что по времени соответствует концу Южной Сун и началу Юань. Таким образом, по мнению Крампа, анализ функционирования служебного слова *di* не позволяет назвать время создания текста УД точнее, чем в границах двухсот лет, иными словами, это означает, что его следует считать памятником периода Сун–Юань³⁵.

Предметом дальнейших размышлений о датировке становится следующая ситуация. Точно известно время издания «Пяти полностью иллюстрированных пинхуа», одним из которых является обследованный выше текст УВ, — это 1321–1323 гг. Таким образом, сопоставление точно датированного текста с текстом УД четко продемонстрировало значительно большую близость последнего к разговорному языку эпохи, да и к современному языку. Однако вряд ли из этого можно делать однозначный вывод, что текст УД был создан после 1323 г.

Вероятно, этот феномен нуждается в каком-то ином объяснении.

Далее подробной характеристике будет подвергнут текст 七國春秋平話 *Qi guo chun-qiu pinghua* («Пинхуа о вёснах и осенях семи царств»)³⁶.

Поскольку в заголовке памятника фигурирует название «последний сборник» (後集 *hou ji*), то, естественно, предполагается существование несохранившегося «первого» (前集 *qian ji*), о содержании которого мы узнаем из минского издания *Lie guo zhi zhuan*³⁷.

³⁴ Там же. С. 42–43.

³⁵ Crump J.K. Some Problems in the Language. С. 78.

³⁶ В основу данного раздела статьи положен текст «Пинхуа о вёснах и осенях семи царств» (далее: ЦГ) — последний сборник (*hou ji*): «Юе И стремится завладеть Ци».

³⁷ Чжэнь Чжэньдо. Иллюстрированная история китайской литературы. С. 702.

Содержание первого сборника составляет история убийства Пан Цзюаня (龐涓) как мечь со стороны Сунь Биня (孫臏).

Пассаж аналогичного содержания — своего рода присказку (入話 *ru hua*) — находим также и в начале рассматриваемого нами текста (後集 *hou ji*), где говорится: «...государство Вэй возложило на Пан Цзюаня обязанности военачальника, и [он] повел войско на государства Хань и Чжао. Государства Хань и Чжао не могли ему противостоять и отправили посланника в Ци просить о помощи. Ци послало в качестве военачальников Сунь-цзы (孫子) и Тянь-цзи (田忌); [они] повели войско на помощь государствам Хань и Чжао. Затем [войско Ци], соединившись с войском Хань и Чжао, в сражении с Вэй разгромило их полководца у подножия гор Малиншань (馬陵山).

[Эти факты] находят подтверждение в «Стихах на историческую тему» [автора] Ху Цэна (胡曾.詠史詩).

В стихах говорится:

Под вой ветра опадала листва в день девятого месяца.
Гнали отошавших коней, [они] поодиночке преодолевали Малин.
[И лишь] место отпечатков у дороги древних деревьев и насекомых
Сохраняют память о годах, когда военачальники громили врага.

В ту ночь Сунь-цзы, осуществляя [свои] замыслы, захватил Пан Цзюаня, и тут же государство Вэй собрало [вокруг себя] правителей шести государств. Пан Цзюань же был казнен — мечь была осуществлена посредством отрубания ступней» (ЦГ. С. 1).

Как было замечено выше, это всего лишь зачин. Основная же часть повествования в *hou ji* — изложение того, как Юе И напал на Ци и как он состязался в хитрости с Сунь-цзы...

Наблюдение над грамматикой текста уместно начать с глагольного блока — по этой части памятник содержит богатый материал в отличие от рассмотренного ранее текста УВ, в котором была замечена лишь высокая частотность 了 *liao* и 着 *zhao*.

В рассматриваемом тексте многократно отмечены глаголы результативного вида, образованного с помощью 得 *de*; эта форма возможна с различными глаголами, в том числе и с глаголами направления движения:

殺得	(ЦГ, 27, 43, 44)	<i>shade</i> — убить
聽得	(ЦГ, 30, 35)	<i>tingde</i> — услышать
知得	(ЦГ, 26, 33, 35)	<i>zhide</i> — узнать
聞得	(ЦГ, 35, 41)	<i>wende</i> — услышать (= узнать)
脫得	(ЦГ, 50)	<i>tuode</i> — порвать, выбраться из...
破得	(ЦГ, 51)	<i>pode</i> — разбить, уничтожить
推得	(ЦГ, 5, 26)	<i>tuide</i> — отступить
認得	(ЦГ, 29, 64)	<i>rende</i> — признать
辨得	(ЦГ, 65)	<i>biande</i> — наладить, справиться (с чем-то)
(不) 辨得	(ЦГ, 43)	(<i>bu</i>) <i>biande</i> — (не) распознать
藏得	(ЦГ, 30)	<i>zangde</i> — спрятать
探得	(ЦГ, 4)	<i>tande</i> — разведать
兀得 (不死)	(ЦГ, 52)	<i>wude</i> (<i>bu si</i>) — наказать отрубанием ног (не до смерти)
畫得	(ЦГ, 42)	<i>huade</i> — начертить
去得	(ЦГ, 14)	<i>qude</i> — уйти; (去不得 <i>qu bude</i> — не уйти) (ЦГ, 15)
到得	(ЦГ, 7)	<i>daode</i> — прийти, прибыть

Значительно меньшее число результативных глаголов образовано с помощью глагольного показателя 着 *zhao* (*zhe*)³⁸.

³⁸ Значение этого показателя в среднекитайском описано Я. Прушеком (*Průšek J. Quelques remarques sur les aspects en chinois // Archiv Orientalní. 1950, vol. 18. № 1–2*). Он считал, что в среднекитайском языке две

Глагольная форма, которая образовывалась в результате присоединения этой морфемы, главным образом имела значение состояния, возникающего в результате действия.

Примеры с показателем *zhao* из рассматриваемого текста:

寫着 *xiezhao* (ЦГ, 14, 17, 42, 48)

寫着甚計來? (ЦГ, 17) *Xiezhao shen ji lai?* Какой план написан?

退着 *tuizhao* (ЦГ, 42)

...一百萬也索退着... (ЦГ, 42)

...*yi-bai wan ye suo tuizhao*... ...и даже миллиону [необходимо] отступить (и в таком положении остаться)...

盛着 *shengzhao* (ЦГ, 42) — наполниться и быть полным

...鼓裏盛着鐵毬子 (ЦГ, 42)

...*gu-li shengzhao te qiuzi*... ...в барабане было полно (= барабан наполнился) железных ядер...

騎着 *qizhao* (ЦГ, 47, 65) — сесть верхом и сидеть

寨門外有一道人, 着青袍騎着青牛... (ЦГ, 47)

Zhai men-wai you yi daoren, zhao qing pao, qizhao qing niu... За воротами лагеря появился некий даос, [он] был одет в темное платье, сидел верхом на темном быке...

伯楊時年一百二十歲, 騎着青牛出陣來 (ЦГ, 65)

Bo Yang shi nian yi-bai er shi sui, qizhao qing niu chu zhen lai Бо Яну тогда было сто двадцать лет, верхом (оседлал и продолжал сидеть). — И.Г.) на темном быке [он] выступил из строя.

接着 *jiezhao* (ЦГ, 61, 65) — поймать и держать

眾將出寨接着鬼谷 (ЦГ, 65)

Zhong jiang chu zhai jiezhao Gui Gu Все военачальники вышли из лагеря и схватили (и удерживали) Гуй Гу.

困着 *kunzhao* (ЦГ, 61) — ставить в тяжелое положение, загнать в тупик (и удерживать в таком состоянии)

此陣四下裏黑氣, 中間裏黃氣, 困着孫子 (ЦГ, 61)

Zi zhen sixia-li hei qi, zhongjian-li huang qi, kunzhao Sun-zi Здесь в боевом расположении везде — черный туман, а внутри — желтый туман (?); [они] загнали в тупик (и удерживают) Сунь-цзы.

睜着 *zhengzhao* (ЦГ, 64) — раскрыть (глаза) и держать их раскрытыми

咬着 *yaozhao* (ЦГ, 64) — стиснуть (зубы) и держать их стиснутыми

四員將睜着眼, 咬着牙, 使槍弄斧... (ЦГ, 64)

Si yuan jiang zhengzhao yan, yaozhao ya, shi qiang nong fu... [Все] четыре генерала, держа глаза широко раскрытыми и стиснув зубы, сделали так, чтобы копья сработали как топоры...

埋着 *maizhao* (ЦГ, 71) — захоронить и оставить захороненными

...若有黑風起處, 便是埋着獸物... (ЦГ, 71)

...*ruo you hei feng qi chu, bianshi maizhao yan wu*... ...если где-то (досл. «в каком-то месте») ветер, значит, [там] захоронено нечистое...

Глагольные образования с другими морфемами в качестве модификаторов: 住 *zhu* — жить, 殺 *sha* — убивать, 見 *jian* — видеть, 取 *qu* — брать, 破 *po* — рвать, разрушать и др.

拿住 *nazhu* (ЦГ, 17) — схватить

扯住 *chezhu* (ЦГ, 17) — схватить

捉住 *zhuozhu* (ЦГ, 30, 31) — схватить, арестовать
 氣殺 *qisha* (ЦГ, 13) — страшно рассердиться, выйти из себя
 掩殺 *yansha* (ЦГ, 40) — напасть и уничтожить
 望見 *wangjian* (ЦГ, 13) — увидеть издалека
 收取 *shouqu* (ЦГ, 48) — захватить, собрать
 咬破 *yaopo* (ЦГ, 69) — прокусить

蘇代至近，一隻手拿住孫子，一隻手扯住田忌... (ЦГ, 17)

Su Dai zhijin, yizhi shou nazhu Sun-zi, yizhi shou chezhu Tian-ji... Су Дай приблизился, одной рукой схватил Сунь-цзы, другой рукой схватил Тянь-цзи...

...進前刺殺淩齒，掩殺楚兵大亂，遂平臨淄 (ЦГ, 40)

...*jin-qian cisha Nao Chi, yansha Chu bing da luan, sui ping Linzi* ...приблизившись, [Ван Сунь-бин] заколол НАО ЧИ, застав врасплох, разгромил мятеж чуских воинов, а затем усмирил Линьцзы.

收取齊境七十城，何以棄之? (ЦГ, 48)

Shouqu Qi jing qi shi cheng, heyi qi zhi? Если захватить семьдесят городов на циской территории, то как можно [потом] их покинуть?

齊王聞之大喜，即上城望見遠遠兵來... (ЦГ, 17)

Qi-wang wen zhi da xi, ji shang cheng wangjian yuan-yuan bing lai... Услышав об этом, Ци-ван очень обрадовался и тут же, взобравшись на городскую стену, и, глядя вдаль, увидел, что далеко-далеко движется войско...

被先生咬破中指... (ЦГ, 69)

Bei xiansheng yaopo zhong zhi... Господином [Гуй Гу-цзы] был прокушен средний палец... (?)

Рассмотрим некоторые наиболее распространенные глагольные конструкции, встречающиеся в обследуемом тексте.

I. Конструкция, состоящая из глагола с модификатором (или без него) + 來 *lai* или 去 *qu*, которые, будучи отделены от глагола, оказываются в конце предложения. (Заметим: *lai* в таких случаях не всегда просто отличить от конечной модальной частицы *lai*.)

田忌在城上望見東南一隊兵，撞過燕軍來 (ЦГ, 39)

Tian-ji zai cheng-shang wangjian dong-nan yidui bing, zhuangguo Yan jun lai Тянь-цзи, глядя вдаль с городской стены, увидел, что на юго-востоке отряд воинов разбил яньское войско.

寫着甚計策來 (ЦГ, 42, 48)

Xiezhao shen jice lai? О каких замыслах он написал?

孫子叫馬昇捉下樂毅來 (ЦГ, 57)

Sun-zi jiao Ma Sheng zhuoxia Yue Yi lai Сунь-цзы велел Ма Шэну захватить Юе И.

...取出宣詔來... (ЦГ, 17)

...*quchu xuanzhao lai...* ...[он] «выхватил» [у Сунь-цзы] высочайшее повеление...

數日前已令劍客送過莒城田忌公子處去也 (ЦГ, 40)

Shu ri-qian yi ling jianke songguo Jucheng Tian Ji gongzi-chu qu ye? Несколько лет тому назад [ты] уже посылал мечников к сыну Тянь Цзи в Цзюйчэн?

虛喝一聲了也，便撞出陣去 (ЦГ, 64)

Xu-he yisheng liao ye, bian zhuangchu zhen qu Запугав криком, [Хуан Бо-ян] разорвал боевой строй.

Такое же употребление *lai* и *qu* возможно и при глаголах, не имеющих модификатора.

許桂得令，遂點精兵五千，直撞齊陣裏來 (ЦГ, 42)

Xu Gui de ling, sui dianjing bing wu qian, zhi zhuang Qi zhen-li lai Сюй Цзя отдал приказ; вслед за этим расставил пять тысяч отборных воинов, и они прямо бросились в строй циских [воинов].

...即便歸國去也 (ЦГ, 18)

...*jibian gui-guo qu ye* ...и [он] немедленно вернулся обратно.

今孫子已喪... 掘孫子屍去 (ЦГ, 12)

Jin Sun-zi yi sang... jue Sun-zi shi qu Теперь Сунь-цзы уже мертв... выкопай труп Сунь-цзы.

В конструкциях с модификатором *qu*, отделенным от глагола, встречается показатель *liao*: он может занимать место как после основного глагола, так и после *qu*, оказываясь в этом случае заключительным словом в предложении (последнее употребление встречается чаще).

鰲魚脫了金鉤去, 擺尾搖頭更不回 (ЦГ, 42)

Aoyu tuoliao jin-gou qu, bai wei yao tou geng bu hui Гигантская рыба сбросила золотой крючок, вильнула хвостом, помотала головой и больше не вернулась.

袁達乘勇, 飛騎便赴燕寨去了 (ЦГ, 54)

Yuan Da cheng yong, fei-qi bian fu Yan zhai qu liao Благодаря [своей] храбрости Юань Да, [словно] быстрая лошадь, устремился в военный лагерь яньцев.

遂將孫子屍入九仙山落草去了 (ЦГ, 12–13)

Sui jiang Sun-zi shi ru Jiuxianshan luocao qu liao Затем [Ай Да] поместил «труп» Сунь-цзы в заросли в горах Цзюсяньшань.

小人至近, 化鶴去了 (ЦГ, 71)

Xiaoren zhijin, hua-he qu liao Незначительный человек приблизился, превратился в журавля и исчез.

...孫子往雲夢山去了 (ЦГ, 19)

...*Sun-zi wang Yunmengshan qu liao* ...Сунь-цзы отправился в горы Юньмэншань.

孫子... 歸雲蒙山謁師父鬼谷去了 (ЦГ, 45)

Sun-zi... gui Yunmengshan ye shi-fu Gui Gu qu liao Сунь-цзы вернулся в Юньмэншань и посетил отца-наставника Гуй Гу.

II. Несколькими примерами представлена конструкция, состоящая из двух глаголов со значением движения, из которых второй — глагол 走 *zou* «идти» может быть оформлен на *liao*, а позицию между глаголами занимает дополнение со значением места.

吳廣大敗, 齊王奔即墨走了 (ЦГ, 29)

Wu Guang da bai, Qi-wang ben Jimo zou liao У Гуан потерпел сокрушительное поражение, и Ци-ван бежал в Цзимо.

Ср. с конструкцией «глагол + послеглагольный предлог + обстоятельство места»; последнее совпадает с дополнением со значением места в нашем примере:

趕到即墨, 田文叫門... (ЦГ, 29)

Gan dao Jimo, Tian Wen jiao men... Добравшись до Цзимо, Тянь Вэнь постучал в ворота...

齊王知覺, 引數十個人投東走... (ЦГ, 33)

Qi-wang zhi-jue, yin shu shige ren tou dong zou... Поняв [это], Ци-ван с несколькими десятками человек отправился на восток...

В современном языке подобные глагольные образования являются результативными глаголами: так, разделенные глаголы 奔 *ben* и 走 *zou* из 1-го примера в Большом китайско-русском словаре приведены как единый глагол *benzou* «бежать стремглав»³⁹.

Заметим: в исследуемом тексте среди глагольных образований, состоящих из двух или более глагольных морфем, очевидна тенденция к раздельному функционированию составляющих частей с инкорпорацией между ними дополнения (чаще со значением места), относящегося к обоим глагольным морфемам.

III. Конструкция с послеглагольным предлогом встречается в двух вариантах: 1) предлог стоит непосредственно после глагола, 2) предлог отделен от глагола дополнением.

1. 趕到即墨, 田文叫門... (ЦГ, 29)

Gan dao jimo, Tian Wen jiao men... Добравшись до Цзимо, Тянь Вэнь постучал в ворота...

走到三十里, 又撞石丙, 不問便殺 (ЦГ, 30)

Zou dao san shi li, you zhuang Shi Bing, bu-wen bian sha Пройдя тридцать ли, снова натолкнулись на Ши Бина и, не разбираясь, [прав он или виноват], тут же убили [его].

蘇代見勢惡, 指與石丙 (ЦГ, 31)

Su Dai jian shi e, zhi yu Shi Bing Су Дай увидел коварство [и] указал на Ши Бина.

後齊王被淖齒獻與燕將壞了 (ЦГ, 40)

Hou Qi-wang bei Nao Chi xian yu Yan jiang huailiao Затем [чуский военачальник] НАО ЧИ передал Ци-вана яньскому военачальнику для причинения [ему] вреда.

Однако:

...把齊王獻了與樂毅... (ЦГ, 32)

...*ba Qi-wang xianliao yu Yue Yi...* ...Ци-вана передали [в руки] Юе И... (послеглагольный предлог отделен от глагола показателем *liao*).

2. 提劍在手... (ЦГ, 12)

Ti jian zai shou... [Ай Да] держал в руке меч...

拔劍在手, 先殺騎劫, 後誅孫子 (ЦГ, 39)

Ba jian zai shou, xian sha qi-jie, hou zhu Sun-zi Вынув меч и [держа его] в руке, сначала убьем грабителей, а потом казним Сунь-цзы.

Второй вариант представлен всего двумя примерами, причем с одним и тем же послеглагольным предлогом *zai* и очень близкими по значению глаголами *ti* «держать» и *ba* «вынимать», тогда как для первого варианта больше примеров и отмечено два предлога 到 *dao* и 與 *yu*.

Итак, приведенными особенностями глагольных конструкций обследуемый текст отличается от текста УВ.

Если же обратиться к конструкциям с *jiang* и *ba* в рассматриваемом тексте, то получим картину, близкую к той, что была описана для УВ: так, для текста ЦГ, как и для УВ, характерна препозиция дополнения с помощью *jiang*, когда сказуемое предложения выражено глаголом движения. Если же препозиция дополнения маркирована с помощью *ba*, то в большинстве случаев после глагола-сказуемого присутствует показатель *liao*.

...差使命假粧商人, 將國書出城 (ЦГ, 5–6)

...*cha shiming jiazhuang shangren, jiang guoshu chu cheng* ...[Цзы Чжи] отступил от приказа, нарядил торговца, [и тот] с государственным мандатом (?) покинул город.

把齊王藏了 (ЦГ, 30)

Ba Qi-wang zangliao [Они] спрятали Ци-вана.

Глаголы с пассивным значением

Наиболее обычным для рассматриваемого текста является глагол 被 *bei* «подвергаться (чему-то неприятному)», который встречается очень часто; значительно реже встречается глагол 遭 *zao* (как и *bei*, он имеет отрицательный оттенок), единичными примерами представлены 喫 *chi* (букв. «есть») и 蒙 *meng* «удостоиться» (привносит положительный оттенок).

Наиболее распространенной конструкцией, образованной глаголами с пассивным значением, является вариант неполной конструкции (полная представлена редкими примерами), когда незаполненной оказывается первая позиция, т.е. отсутствует имя перед пассивным глаголом. В этом случае присутствие пассивного глагола просто влияет на характеристику главного действия как неприятного (при глаголах *bei*, *zao*, *chi*) или, напротив, приятного (при глаголе *meng*)⁴⁰.

遂被袁達扯了國書 (ЦГ, 6)

Sui bei Yuan Da cheliao guoshu Затем (случилось так, что) Юань Да разорвал официальное послание.

被袁達捉住鄒堅... (ЦГ, 7)

Bei Ai Da zhuozhu Zou Jian... (Случилось так, что) Юань Да захватил Цзоу Цзяня...

被燕兵捉住固存 (ЦГ, 35)

Bei Yan bing zhuozhu Gu Cun (Случилось так, что) яньские воины захватили Гу Цуня.

...餘有即墨, 被火牛陣破了 (ЦГ, 76)

...*yu you jimo, bei huo-niu zhen poliao* ...оставалось еще Цзимо, [там] (случилось так, что) огненные быки сломали боевые позиции.

(Особенность приведенного примера в необычной позиции дополнения *zhen* «боевые позиции», которое стоит не после сказуемого, как ожидалось бы, а перед ним.)

交你休來, 今遭吾捉了, 有何分說? (ЦГ, 68)

Jiao ni xiu lai, jin zao wu zhuoliao, you he fenshuo? [Я] велел тебе больше не приходить, теперь же я захватил [тебя]; какие еще могут быть объяснения?

Вариант конструкции с заполненной первой позицией отмечен с глаголом *zao*:

幾次即墨遭燕兵圍困 (ЦГ, 37)

Jici jimo zao Yan bing weikun Несколько раз Цзимо подвергался осаде яньскими воинами.

今孫子遭圍廝勾死也 (ЦГ, 63)

Jin Sun-zi zao wei sigou si ye Теперь Сунь-цзы огражден, смерть [его близится]!

黃伯楊, 樂毅, 秦伯起都遭吾擒 (ЦГ, 76)

Huang Bo-yang, Yue Yi, Qin Bo-qi du zao wu qin Хуан Бо-ян, Юе И, Цинь Бо-ци — все [они] захвачены мною.

Единственный пример в тексте с глаголом 喫 *chi* представлен полным вариантом конструкции:

市被喫孫子說了幾句, 遂下馬降齊 (ЦГ, 6)

Shi Bei chi Sun-zi shuoliao ji ju, sui xia-ma xiang Qi Сунь-цзы несколькими фразами обругал Ши Бэя (досл. «Ши Бэй был обруган Сунь-цзы»), затем спешился и сдался Ци.

С пассивным глаголом *meng* отмечено всего два примера (в отличие от УВ).

今四國困齊, 吾往勞山問孫子取計, 今蒙孫匡書簡, 特來呈駙馬將軍 (ЦГ, 18)

⁴⁰ См.: Яхонтов С.Е. Некоторые пассивные конструкции в китайском языке // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974. С. 196.

Jin si guo kun Qi, wu wang lao shan wen Sun-zi qu ji, jin meng Sun kuang shu jian, te lai cheng fu-ma jiang jun Теперь четыре государства устроили осаду Цинь; я направился в малодоступные горы просить Сунь-цзы исполнить [свой] план; и вот Сунь [-цзы] удостоил [меня] тем, что исправил послание и специально прибыл, чтобы представить [его] военачальнику, управляющему присяжными.

臣昨蒙聖旨伐燕... (ЦГ, 7)

Chen zuo meng sheng-zhi fa Yan... Вчера сановник удостоился высочайшего указа атаковать Янь...

Высокая частотность употребления каузативной конструкции — характерная черта обсуждаемого текста.

Среди показателей каузатива преобладает — пожалуй, вернее будет сказать господствует — написание 交 *jiao*; в то же время достаточно широко представлен вариант 叫 *jiao*; довольно часто встречается известный по предшествующим периодам показатель 令 *ling*; случайными примерами в одном из пассажей текста отмечен старый показатель 使 *shi*; одним примером представлен двусложный показатель 令叫 *lingjiao*. Также один раз отмечен характерный для современного языка 讓 *rang*.

Ни разу не встретился вариант написания показателя каузатива 教 *jiao*. Любопытно заметить, что в описанном выше тексте УВ именно этот вариант написания преобладает. Написание 教 *jiao* характерно для таких памятников, как *Цзинь бэнь тунсу сяошо*, обеих версий *Шуйху чжуань*, для Юаньских пьес и *Юаньчао би-ши*, т.е. для памятников южной группы⁴¹.

Утверждение И.Т. Зограф о том, что написание 交 *jiao*, свойственное эпохе Тан, было вытеснено в период Сун–Юань вариантом 教 *jiao*, материалом нашего текста не подтверждается: в нем, как было указано выше, основным вариантом написания выступает именно 交.

Полный вариант каузативной конструкции, когда первую позицию занимает название инициатора действия (субъект конструкции), а после показателя каузатива стоит название исполнителя действия (объект конструкции):

...我交喚你去 (ЦГ, 51)

...wo *jiao huan ni qu* ...я просил позвать тебя.

伯楊交樂毅變陣 (ЦГ, 75)

Bo Yang jiao Yue Yi bian zhen Бо Ян велел Юе изменить строй войск.

孫子叫馬昇捉下樂毅來 (ЦГ, 57)

Sun-zi jiao Ma Sheng zhuoxia Yue Yi lai Сунь-цзы приказал Ма Шэну захватить Юе И.

樂毅令石丙殺齊王 (ЦГ, 34)

Yue Yi ling Shi Bing sha Qi-wang И велел Ши Бину убить Ци-вана.

Полный вариант конструкции встречается довольно редко; как правило, не занятой оказывается позиция субъекта конструкции, так что название инициатора действия определяется по предыдущей фразе:

鬼谷出陣, 叫白起出陣 (ЦГ, 74)

Gui Gu chu zhen, jiao Bai Qi chu zhen Гуй Гу вышел из строя, [он] велел [и] Бай Ци выйти из строя.

潛王無道召亂, 令兵圍齊... (ЦГ, 18)

Min-wang wu-dao shao luan, ling bing wei Qi... Мин-ван, лишенный Дао, призвал к мятежу и велел солдатам окружить Ци...

那燕王老耄不能治國, 欲幕唐堯虞舜授禪的道理, 欲將國政讓與子之做燕王 (ЦГ, 3)

⁴¹ См.: Зограф И.Т. Среднекитайский язык. С. 264–265.

Na Yan-wang laomao bu neng zhi-guo, yu mu Tang Yao Yu Shun shou chan-di daoli, yu jiang guo-zheng rang yu Zi-zhi zuo Yan-wang В [то] время Янь-ван одряхлел и не мог управлять государством, [он] мечтал и стремился передать престол на принципах танского Яо и юйского Шуня, хотел сделать так, чтобы государственные дела [перешли] к Цзы-чжи и чтобы [тот] стал правителем Янь.

(Как можно заметить, в приведенном примере каузативная конструкция осложнена препозицией дополнения с помощью *jiang*.)

Незаятая первая позиция иногда не может быть восстановлена из контекста: это бывает в тех случаях, когда инициатор действия просто отсутствует, а сама каузативная конструкция имеет значение косвенного повеления:

交敗將石丙出戰! (ЦГ, 53)

Jiao baijiang Shi Bing chu-zhan! Пусть горе-войка Шибин вступает в бой!

交石丙鬥獨孤陳... (ЦГ, 58)

Jiao Shi Bing dou Dugu chen... Пусть Ши Бин сразится с построениями Дугу...

Перед показателем каузатива может стоять отрицание:

我師黃伯楊是強, 不會交我這天書陣見之 (ЦГ, 50)

Wo shi Huang Bo-yang shi qiang, bu ceng jiao wo zhe tianshu zhen jian zhi Мой учитель Хуан Бо-ян был силен, [он] никогда не предлагал мне увидеть расположение священных письмен (?)

休交走了! (ЦГ, 51)

Xiu jiao zouliao! Не дать [им] уйти!

Грамматическая структура обследуемого текста не исчерпывается особенностями только глагольного блока. Заслуживают внимания и другие характеристики.

Слова-заместители

В отличие от текста УВ характерное для *байхуа* того времени местоимение 1-го лица *an* не уступает по частоте употребления местоимению *wo*. *An* встречается в различных функциях, но чаще других оно отмечено как определение при терминах родства:

俺爺爺 (ЦГ, 63) *an ye ye* мой отец

俺父 (ЦГ, 63, 64) *an fu* мой отец

俺女婿 (ЦГ, 35) *an nu xu* мой зять

Множественно отмечено включающее местоимение 1-го лица 咱 *za* (ЦГ, 15, 18, 48, 52, 54, 61, 63, 65, 71, 74, 77); в виде единичных употреблений оно встречается в формах 咱每 *zamei* (ЦГ, 73) и 咱每生 *zameisheng* (ЦГ, 77).

Для 2-го лица обычны 你 *ni* (ЦГ, 35, 36, 43, 53 и др.) и 您 *nin* (ЦГ, 15, 31, 36, 39, 52, 54, 58, 65 и др.); последнее встречается как в обычном, так и в гонорифическом значении.

В качестве вопросительного местоимения для не-лиц отмечены 甚 *shen* (ЦГ, 16, 31, 42, 47, 48), 甚底 *shendi*⁴² (ЦГ, 16, 69), 甚的 *shendi* (ЦГ, 60), 甚麼 *shemma* (ЦГ, 15, 31, 42, 47).

В отличие от УВ в обследуемом тексте многократно отмечено обычное для *байхуа* для ближнего указания местоимение 這 *zhe* (ЦГ, 35, 49, 52, 54, 58 и др.); для указания

⁴² Написание определительного суффикса в форме 底 в нашем тексте, время издания которого точно известно (1321–1323), вступает в противоречие с утверждением М.В. Софронова о том, что в этой форме определительный суффикс существовал в китайском языке только до XIII в. См.: Софронов М.В. Об источнике и времени составления. С. 148.

места — 這裏 *zheli* (ЦГ, 49, 50). Для дальнего указания значительно чаще, чем в УВ, встречается свойственное языку *байхуа* 那 *na*, в качестве вопросительных отмечены такие формы 那裏 *nali* (ЦГ, 30, 33), 在那裏 *zainali* (ЦГ, 16), 那得 *nade* (ЦГ, 51).

Как и в УВ, в нашем тексте употребляются новые вопросительные местоприменительные 怎 *zen* и 怎生 *zensheng*, а также невопросительный — 恁 *ren* (ЦГ, 51, 52, 57 и др.)

Из новых предлогов единичными примерами отмечены 對 *dui* и 向 *xiang*:

其人對樂毅說了... (ЦГ, 53)

Qi ren dui Yue Yi shuoliao... Этот человек сказал Юе И...

傲等正拜告間，驀聞哮吼一聲，向傍洞裏... 大蟲出 (ЦГ, 62)

Ao deng zheng baigao jian, mo wen xiaohou yisheng, xiang pang tong-li... dachong chu

Как раз в [то] время, когда Ао и другие откланивались, [они] вдруг услышали звук рычания; с боковой стороны грота... выползала саламандра.

(В последнем предложении скорее можно было ожидать предлог 從 *cong*, а не 向 *xiang*.)

Встречаются оба показателя определения — 的 *di* и 地 *di*, правда, последний отмечен лишь один раз (ЦГ, с. 60):

[...孫子四人] 霍地變了旗號... (ЦГ, 60)

[...*Sun-zi si ren*] **huodi** *bianliao qihao...* [...Сунь-цзы и еще четыре человека] **мгновенно** изменили сигнализацию флагами...

В рассматриваемом тексте 6 раз встретился **новый союз** 並 *bing*, который может соединять как два глагола (или предикативных сочетания) — ЦГ, с. 7, 29, так и два имени — ЦГ, с. 10, или два равноправных предложения — ЦГ, с. 25:

四下伏兵並起 (ЦГ, 7)

Si xia fubing bing qi [Они] повсюду устраивали засады и отходили.

齊王知之大怒，令斬鄒后並太子 (ЦГ, 10)

Qi-wang zhi da nu, ling zhan Zou-hou bing taizi Узнав об этом, Ци-ван очень разгневался, [он] повелел казнить супругу и наследника Цзоу.

...劉元獻大敗，並柳金龍引兵走入齊城 (ЦГ, 25)

...*Liu Yuan-xian da bai, bing Liu Jin-lung yin bing zou-ru Qi cheng* ...Лю Юань-сянь потерпел поражение, а Лю Цзинь-лун поднял войска и вошел в столицу Ци.

Ряд пассажей текста отличаются насыщенностью обычными для *байхуа* разговорными оборотами (ЦГ, с. 15, 49, 50, 51).

Однако, как и УВ, рассматриваемый текст неоднороден по характеру языка: так, в отдельных его частях (правда, таких немного) преобладает *вэньянь*, возможно, точнее будет характеризовать язык этих пассажей как очень близкий к языку эпохи Лючао (например, ЦГ, с. 27). Тем не менее трудно согласиться с определением языка *пинхуа*, которое дается в разделе, посвященном жанру этих текстов, в книге американского сиолога Ниенхаузера, где сказано: «Язык *пинхуа* лучше всего охарактеризовать как простой классический китайский с многочисленными элементами простонародного»⁴³.

Наконец, отдельные предварительные замечания, касающиеся диалектной отнесенности обследуемых текстов⁴⁴.

Выше уже отмечалось, что в тексте УВ отсутствует показатель множественности *mei*, что вроде бы свидетельствует не в пользу северного характера текста; использо-

⁴³ См.: *Nienhauser W.H.Jr. The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature. Indiana University Press, 1986. С. 661.*

⁴⁴ Высказывание о диалектных чертах обсуждаемых текстов — это пока лишь осторожные предположения.

вание же 恁 *ren* вместо 您 *nin* (см. примеч. 23), судя по примерам из «Словаря языка периода Сун–Юань», напротив, характерно для памятников северной группы.

Если в тексте ЦГ ни разу не отмечен графический вариант показателя каузатива 教, характерный для текстов южной группы, то в тексте УВ преобладает именно этот графический вариант.

Часто встречающееся в ЦГ местоимение 俺 *an*, более обычное для памятников северной группы, гораздо реже отмечается в УВ, где преобладает другое местоимение 1-го лица — 我 *wo*.

Отмеченные выше особенности — это всего лишь штрихи, не создающие цельной картины, и все же они дают первоначальное представление о нерегулярности прослеживаемых диалектных черт в описываемых текстах и неоднозначной их направленности. Подобную ситуацию можно объяснить историей сложения текстов: созданные на севере, они подверглись редактированию на юге, к тому же редактирование не привело к полной унификации — отсюда определенные отличия одного текста от другого, их некая самобытность, затронувшая и диалектную сферу.

Приложение

(значения морфем 共 *gong*, 取 *qu*, 却 *que*, 斲 *si*)

Морфема 共 *gong*

В текстах *пинхуа* морфема *gong* встречается минимум в трех функциях: она продолжает употребляться как наречие со значением «вместе», как это было в древнекитайском (в этом случае она стоит перед глаголом); встречается *gong*-предлог — в этом варианте оно стоит перед именем (такая функция *gong* отмечалась еще в языке III–V вв.⁴⁵); наконец, *gong* может функционировать как сочинительный союз, соединяющий однородные именные члены предложения⁴⁶. Сразу оговорим: границу между тремя названными функциями далеко не всегда легко провести.

По встречаемости и функциям *gong* тексты *пинхуа* сильно различаются между собой. Так, если в УД, где общее число примеров на *gong* не слишком велико, похоже, соблюдается пропорция в использовании каждой из функций; в тексте УВ, где морфема *gong* отмечена во много раз чаще, чем в УД, подавляющее большинство случаев приходится на *gong*-союз. В тексте же ЦБ употребление рассматриваемой морфемы ограничено единичными примерами.

Примеры на *gong* со значением «вместе»:

...須索去尋他每來共圖大事 (УД, 34)

...*xusuo qu xun tamei lai gong tu da-shi* ...необходимо разыскать их, чтобы вместе бороться за великое дело.

· 臣王鐸近欽奉... 攻取長安，共圖恢復 (УД, 28)

Chen Wang Duo jin qin-feng... gong-qu Chang-an gong tu hui fu Ваш покорный Ван До недавно принял с почтением императорский указ... чтобы атаковать Чанъань и вместе восстановить [законную власть].

...今日得共其事 (УД, 24)

...*jinri de gong qi shi* ...теперь вместе возьмемся за дело.

⁴⁵ Гуревич И.С. Очерк грамматики китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). М., 1974. С. 150–151.

⁴⁶ Зограф И.Т. Среднекитайский язык. С. 239: автор утверждает, что *gong*-союз из всех текстов периода Сун–Юань отмечен только в стихах юаньских пьес. То же относится и к *gong*-предлогу.

(Необычность этого примера в том, что наречие *gong* стоит не перед глаголом *de*, что соответствовало бы нормам китайской грамматики, а после него.)

先皇在日，與六國合縱諸國，共伐秦邦... (ЦБ, 58)

Xian huang zai-ri, yu liu guo he-zong zhu guo, gong fa Qin bang... При жизни предшествующего Государя им был заключен союз всех государств Севера и Юга, и [все] вместе напали на государство Цинь...

В тексте УВ отмечен пример, где значение «вместе» выражено двусложным наречием 同共 *tonggong*⁴⁷:

若要疾修成此臺，陛下宣八伯諸侯來國詣朝，同共計畫... (УВ, 10)

Ruo yao ji xiucheng ci tai, bixia xuan ba buozhuhou lai guo yi chao, tonggong jihua...

Если пожелаете, чтобы террасы были возведены скорее, призовите, Государь, прийти ко Двору [всех] восьмерых глав областей и вместе с [ними] составьте план...

Примеры на *gong*-предлог:

今小人要共公等率兵投他，共圖大事 (УД, 24)

Jin xiaoren yao gong gongdeng shuai-bing tou ta, gong tu da-shi Вот я и хочу с вами повести войско, присоединиться к нему (Хуан Чао. — И.Г.), чтобы вместе бороться за великое дело.

文政堅要共霍存去 (УД, 21)

Wen Zheng jian-yao gong Huo Cun qu [Лю] Вэньчжун был настойчив и ушел с Хо Цунем.

姬昌共使命前行... (УВ, 11)

Ji Chang gong shiming qian xing... Цзи Чан с посланцем двинулась вперед...

遂引上大夫... 百人相從，共殷使前去朝歌，來見帝 (УВ, 11)

Sui yin shang dafu... bai ren xiang-cong, gong Yin Shi qianqu Chaoge, lai jian di Тогда [он] повел высших сановников... [числом] в сто человек, чтобы [они] с Инь Ши следовали за ним в Чаогэ, дабы увидеть Правителя.

娘娘至晚，共王相見 (УВ, 20)

Niangniang zhi wan, gong wang xiang jian Дождавшись вечера, императрица [пошла] повидаться с Правителем.

紂王不詳事情，大怒；共姐已摘星樓上，傳聖旨 (УВ, 19)

Zhou-wang bu xiang shiqing, da nu; gong Da Ji Zhaixinglou-shang, chuan sheng zhi Чжоу-ван, не уяснив сути дела, очень разгневался; [находясь] с Да Цзи в замке Чжайсинлоу, издал священный указ.

Примеры на *gong*-союз:

筵會才半，那李罕芝共葛從周幾個，手拿金盞，向朱全忠座前稱賀道... (УД, 35)

Yanhui cai ban, na Li Hanzhi gong Ge Congzhou jige, shou na jinzhan, xiang Zhu Quanzhong zuo-qian cheng he dao... Пир перевалил за половину, когда те [самые] Ли Ханьчжи и Гэ Цинчжоу [и еще] несколько с золотыми кубками в руках обратились с хвалой и поздравлениями к Чжу Цюаньчжуну...

友寧等軍回，李嗣昭共周德威又將騎兵趕殺... (УД, 60)

Youning deng jun hui, Li Sizhao gong Zhou Dewei you jiang qibing gansha... Когда отряды Юнина и других двинулись обратно, Ли Сычжао и Чжоу Дэвэй, да еще с конницей, бросились вслед и убили [Ли Кэюна]...

至夜，比干共太子議論此事 (УВ, 28)

⁴⁷ Данное двусложное наречие зафиксировано в Словаре языка Сун-Юань, с. 307. Судя по примерам, приводимым в Словаре, оно встречается в текстах юаньских пьес.

Zhi-ye, Bi Gan gong Taizi yilun ci shi С наступлением ночи Би Гань и Наследник стали обсуждать эту ситуацию.

却有駙馬祁宏共逢文建來救姬昌... (УВ, 43)

Que you fuma Qi Hong gong Feng Wenjian lai jiu Ji Chang... Затем зять императора Цзи Хун и Фэн Вэньцзянь пришли спасать Цзи Чан...

...被祁宏共逢文建殺退紂兵 (УВ, 43)

...bei Qi Hong gong Feng Wenjian sha-tui Zhou bing ...войска Чжоу были отбиты Цзи Хуном и Фэн Вэньцзянем.

有殷交共靈胡嵩，俺二人特來救姬昌 (УВ, 42)

You Yin Jiao gong Ling Husong, an er-ren te lai jiu Ji Chang Мы двое, некие Инь Цзяо и Лин Хусун прибыли специально, чтобы спасти Цзи Чан.

吾歸冥後，你共文武和合，頻賞三軍... (УВ, 65)

Wu gui ming-hou, ni gong Wen-Wu hehe, pin shang san jun... После моей смерти (досл. «когда я вернусь в царство мертвых») ты и Вэнь-У [должны] скооперироваться и постоянно поощрять армии [всех] трех.

Наряду с сочинительным союзом *gong* в почти совпадающих контекстах в той же функции встречается и старая морфема 與 *yu*:

有一日，紂王與妲己在摘星樓上對坐取樂... (УВ, 21)

You yiri, Zhou-wang yu Da Ji zai Zhaixing lou-shang dui zuo qule... Однажды Чжоу-ван и Да Цзи, сидя друг против друга в башне Чжайсинлоу, предавались наслаждениям...

Несколькими строками выше почти та же фраза, но в качестве союза — *gong*:

紂王共妲己摘星樓上飲酒... (УВ, 21)

Zhou-wang gong Da Ji Zhaixing lou-shang yin jiu... Чжоу-ван и Да Цзи пили вино в башне Чжайсинлоу...

Встречаются примеры, которые допускают двоякое толкование: по формальным признакам *gong* в них как будто предлог, однако, если иметь в виду, что имя перед *gong*, скорее всего, опущено, то *gong* следует рассматривать как союз.

紂王不顧，每日去摘星樓上，共妲己取樂 (УВ, 44)

Zhou-wang bu gu, meiri qu Zhaixing lou-shang, gong Da Ji qule Чжоу-ван [ни о чем] не заботился, а каждый день отправлялся в башню Чжайсинлоу [и там] с Да Цзи предавался наслаждениям.

Формально *gong* в этом примере — предлог, однако, судя по ряду других, почти идентичных контекстов, а также с учетом предыдущей фразы «Чжоу-ван» здесь просто опущено, так что *gong* с одинаковым основанием можно рассматривать и как союз.

一日，共那劉文政賭輸了錢... (УД, 20)

Yiri, gong na Liu Wenzheng dushuliao qian... Однажды с тем Лю Вэньчжэном проиграли деньги...

(Из контекста следует, что деньги проиграли Чжу Вэнь «и» Лю Вэньчжэн, однако первое имя в приведенном примере материально не выражено.)

Интересны примеры, где в первом случае в той же позиции и с тем же значением, что и *gong*, используется 同 *tong*, которое в этой ситуации выступает как явный предлог, а во втором — *tong* употреблено наряду с *gong*: в этом случае *gong* является предлогом, а *tong* — наречием со значением «вместе».

朱溫得知，同那劉文政在半路截住... (УД, 20)

Zhu Wen de zhi, tong na Liu Wenzheng zai banlu jiezhu... Когда Чжу Вэнь узнал [об этом], [они] с тем же Лю Вэньчжэном задержались в пути...

...放張占自去，共劉文政同去飲酒賭錢 (УД, 20)

...Fang Zhang Zhan zi qu, gong Liu Wenzheng tong qu yin jiu du qian ...[они] отпустили Чжан Чжана и вместе с Лю Вэньчжэном отправились пить вино и играть на деньги.

Наконец, кроме отдельных морфем *gong* и *tong* в текстах *пинхуа* отмечены дву-сложные образования — 共着 *gongzhao* и 同着 *tongzhao*, не зафиксированные в доступных мне словарях, которые, подобно их односложным вариантам, функционируют как сочинительные союзы.

那時諸侯皆已順從，獨蚩尤共着炎帝侵暴諸侯，不服王化 (УД, 3)

Nashi zhuhou jie yi shuncong, du Chiyou gongzhao Yan-di qin-bao zhuhou, bufu wang hua В то время, когда все удельные князья уже изъявили покорность, только Чию и Янь-ди насильно склоняли князей не подчиняться благотворному влиянию совершенного Правителя.

...有那秀才王仙芝，是那鄆州人氏，同着那濮州秀才尙君長... 怨望朝廷 (УД, 7)

...*you na xiucai Wang Xianzhi, shi na Yunzhou renshi, tongzhao na Puzhou xiucai Shang Junzhang... yuan-wang chaoting* ... тот самый сюцай Ван Сяньчжи родом из того самого Юньчжоу и тот сюцай Шан Цзюньчжан из Пучжоу... затаили злобу на императорский двор.

Морфема 取 *qu*

Процесс превращения *qu* из знаменательного глагола со значением, соответствующим современному 取得 *qude*, 得到 *dedao* «получать», «добиваться», в служебную морфему не отличается от того, что происходило с другими изначально знаменательными словами при их превращении в служебные.

Первоначально как часть глагольной цепочки *qu* могло образовывать две конструкции: «гл. + *qu*» и «гл. + *qu* + доп.». Возникновение их относится к периоду Лючао. Для этого периода наиболее обычна глагольная последовательность, в которой первый глагол обозначает способ действия, а второй — его цель, но при этом и первый глагол по своему значению близок к *qu* (пример: 把取 *baqu* «схватить» и «получить»). В этом случае при наличии дополнения оно относилось к каждому из составляющих глагольного сочетания. В эпоху Тан две упомянутые выше конструкции с *qu* отмечаются даже чаще, чем в предшествующий период, однако смысловые отношения внутри сочетания и значение самого *qu* значительно изменяются. Так, глагол, к которому присоединяется *qu*, не обязательно заключает в себе значение, близкое к «получать» или «достигать»; что же касается самого *qu*, то оно могло указывать на то, что действие осуществилось или что результат достигнут (пример: 脫取 *tuoque* «снять», «сбросить»), иными словами, *qu* в определенной степени утрачивает свое конкретное значение. При этом при наличии дополнения последнее, как правило, относится к первой части глагола, значение которого, как отмечено выше, в большинстве случаев никак не связано с *qu*. Наряду с указанием на осуществление действия или достижение результата *qu* в танских текстах могло служить также для указания на длительность действия, выступая в этом случае в той же роли, что и 着 *zhao*⁴⁸.

В сунских и послесунских текстах *qu* встречается все в тех же трех функциях: оно может указывать на то, что действие произошло или результат достигнут; *qu* может также маркировать длительный характер действия (при неопределенных глаголах типа 劉 *liu* «оставаться», 騎 *qi* «ехать верхом»); наконец, *qu* может выступать как суффикс (примеры: 聽取 *tingqu* «слушать», 綉取 *xiuqu* «вышить»).

В УД сохраняются все три названные выше функции *qu*, но количественное соотношение между примерами внутри этих функций существенно меняется⁴⁹ — из

⁴⁸ О различных служебных морфемах при глаголе в танских текстах см.: Лю Цзянь, Цзянь Ланьшэн. Исследование служебных слов. С. 84–90.

⁴⁹ Ситуация, представленная в УД, приписывается периоду Юань–Мин (!). Там же. С. 94.

20 случаев употребления обсуждаемой морфемы на первые две функции *qi* приходится менее половины всех примеров. Рассмотрим все три варианта.

1. *Qi* выражает завершенность действия или достижение результата.

有那大蟲要來傷殘牛隻，被成寶將大柴棒趕去，奪取牛回來 (УД, 182)

You na da chong yao lai shang-can niu zhi, bei Chengbao jiang da chai bang gan-qu, duoqu niu huilai Как-то раз тигр пытался задрать корову, но Чэнбао с большой деревянной дубинкой догнал [его] и отобрал корову.

...爲我奪取張節使歸娘 (УД, 24)

...*wei wo duoqu Zhang jieshi Guiniang* ...для меня же захвати Гуйнян, жену командующего Чжана.

...劉仁恭進兵攻取魏州 (УД, 33)

...*Liu Rengong jinbing gongqu Weizhou* ...Лю Жэньгун повел войска и взял Вэйчжоу.

2. *Qi* служит маркером длительного действия или состояния. В этом случае *qi* по-прежнему сохраняет свое значение — указывать на осуществление действия или достижение результата, однако характер последних для определенного типа глаголов предполагает длительность во времени (кроме неопределенных глаголов, это глаголы мысли, чувства, а также глаголы со значением состояния).

...佩取弓箭，躍馬奮擊... (УД, 207)

...*peiqu gong-jian, yue-ma fen-ji*... ...[Яньчао] повесил на себя лук и стрелы и, пустив коня, смело бросился вперед...

李將軍將朱溫手攜取，入寨... (УД, 24)

Li jiangjun jiang Zhu Wen shou xiequ, ru zhai... Командующий Ли, взявшись за руки с Чжу Вэнем, вошел в лагерь...

3. *-qi* — суффикс. Глагол с таким суффиксом не всегда имеет значения осуществившегося или достигшего результата действия; после такого глагола, как правило, следует объект.

看來只好學取長槍大劍，乘時作亂... (УД, 10)

Kanlai zhihao xuequ changqiang dajian, cheng-shi zuoluan... По-видимому, остается только овладеть длинным копьём и большим мечом и при удобном случае устроить бунт...

咱家貧子幼，難以忍飢守志，未免喚取媒人... (УД, 160)

Zajia pin zi you, nan yi ren ji shou zhi, weimian huanqu meiren... Я беден, сын мал, трудно соблюдать [чистоту] помыслов в голоде; не обойтись без того, чтобы позвать сваху...

Суффикс *qi* может указывать на редупликацию предыдущей морфемы⁵⁰:

咱却不知得您元會武藝；既是如此，我與您廝賽一交，看取誰強，誰弱 (УД, 109)

Za que bu zhi de nin yuan hui wu-yi; jishi ruci, wo yu nin si sai yijiao, kanqu shui qiang, shui ruo Однако я не знал, что ты, оказывается, владеешь [приемами] военного искусства; раз это так, давай посостязаемся и посмотрим, кто сильнее, кто слабее.

(В этом примере 看取 *kanqu* соответствует 看看 *kankan*.)

В текстах после эпохи Мин место служебной морфемы *qi* постепенно занимает морфема 得 *de*.

⁵⁰ Такое значение суффикса *-qi* часто встречается в текстах танской и сунской поэзии. См.: Янь Шэньсю. Иллюстрированное примерами толкование. С. 120.

Морфема 却 *que*

В тексте УД очень часто и в разных значениях встречается морфема *que*. Более или менее четко выделяются следующие случаи употребления этой морфемы⁵¹.

Que могло употребляться как знаменательный глагол, значение которого можно передать через 拒絕 *ju-jue* «отвергать», «отказываться». В этом случае *que* выступает как сказуемое.

除夏秋之稅，却諸侯之貢 (УД, 93)

Chu xia-qiu-zhi shui, que zhuhou-zhi gong Отменялись летние и осенние налоги, отвергались подношения от чжухоу.

Еще одно значение *que* — знаменательного глагола синонимично 退 *tui* «отбить», «остановить», «вынудить перейти к отступлению». (Как глагол с таким значением *que* встречается еще в старых текстах, в частности в «Чжаньго цэ».)

若他每父子能却契丹，便要禪代我位，咱亦甘心 (УД, 125)

Ruo tamei fu-zi neng que qidan, bian yao chandai wo wei, za yi gan-xin. Если оба, отец и сын, сумеют вынудить киданей отступить и тогда захотят передачи [им] престола, я тоже [пойду на это] с радостью.

Нас главным образом будут интересовать значения *que* как служебной морфемы, ибо распознать знаменательное *que* не представляет особого труда.

1. *Que* после глагола может указывать на завершенность действия и, таким образом, соответствовать 了 *liao*⁵².

朱全忠遣軍圍澤州，大呼李罕芝，謂曰：張相公圍却太原，葛僕射據了潞州... (УД, 54–55)

Zhu Quanzhong qian jun wei Zezhou, da-hu Li Hanzhi, weiyue: Zhang xianggong weique Taiyuan, Ge Pushe juliao Luzhou... Чжу Цюаньчжоу двинул войско и взял в окружение Цзэчжоу; [солдаты] громко кричали Ли Ханьчжи: «Господин министр Чжан взял в окружение Тайюань, Гэ Пушэ закрепился в Лучжоу»...

⁵¹ Там же. С. 122–125; Глоссарий словосочетаний и выражений из «Пяти полностью иллюстрированных пинхуа». [Б. м.], 1983. Здесь будут уместны краткие пояснения касательно характера этого справочника, любезно предоставленного мне супругой профессора Мэй Цзулиня — Торезой Мэй во время моего пребывания в США (Корнельский университет, г. Итака). Работа представляет собой ксерокопию рукописи. Имя автора отсутствует, указано лишь место, где она выполнялась: 大東文化大學，中國語大辭典，編纂室.

В предисловии (前言) к глоссарию отмечается значение *пинхуа* для изучения раннего *байхуа*: эти тексты дают возможность увидеть, какие слова и выражения, характерные для *пинхуа*, вовсе не употребляются в современном языке, а какие, хотя и продолжают употребляться, изменили свое значение; есть и такие, которые продолжают существовать в современном языке. Каждая из упомянутых групп иллюстрируется примерами, но, к сожалению, без ссылок.

Каждая лексическая единица снабжена объяснением и также сопровождается примерами из текстов *пинхуа*.

Из 332 лексических единиц, включенных в работу, 302, т.е. $\frac{9}{10}$, не встретились в *Цзин бэнь тунсу сяошо*, а из 30 общих для *пинхуа* и *Цзин бэнь...* в семи случаях выражения в *пинхуа* имеют дополнительно новые значения. Так, если в *Цзин бэнь...* 不爭 *bu-zheng* имеет лишь одно значение 假設 *jiashè* «когда скоро», «если бы...», то в *пинхуа* это еще и 只因 *zhi-yin* «только благодаря», «исключительно из-за...» и 无关重要 *wuguan zhongyao* «не имеет значения», «совершенно неважно»; 好生 *haoshen* в *Цзин бэнь...* имеет значение 很 *hen* «очень», а в *пинхуа* к этому прибавляется еще значение 堅決要 *jianjueyao* «твердо», «настойчиво», «решительно». Так происходит обогащение лексических значений.

⁵² Такое употребление было весьма характерно и часто встречалось в текстах периода Тан–Удай (*бянь-вэнь*, чаньские *юйлу*). Так, абсолютно параллельны в смысле выражения завершенности действия сочетания 圍却 *weique* «окружить» и 據了 *juliao* «захватить».

К эпохе Сун *liao* вытеснило *que*. В современном же языке такое значение *que* сохраняется лишь в немногих сочетаниях, таких, как 忘却 *wangque* «забыть» и 了却 *liaoque* «завершить», характерных для книжного языка, но необычных для разговорной речи.

德威詐敗走却 (УД, 34)

De Wei zha bai zouque Дэ Вэй притворился побежденным и ушел.

…嗣昭拔却箭… (УД, 78)

…*Sizhao baque jian*… …[Ли] Сычжао выдернул стрелу…

…鎮軍退却 (УД, 78)

…*Zhen jun tuique* …чжэньская армия отступила.

金色蛤蟆三角眼, 翻却曹州天下反 (УД, 16)

Jinse hama san jiao yan, fanque Caozhou tianxia fan Золотистая лягушка с глазами-треугольниками перевернула Цаочжоу, и Поднебесная опрокинута.

苻習有惡志, 不可信, 願大王更用他將代却苻習 (УД, 76)

Fu Xi you e zhi, bu ke xin, yuan da wang geng yong ta jiang daique Fu Xi У Фу Си недобрые намерения, верить [ему] нельзя, прошу великого вана заменить Фу Си другим военачальником.

楚王捉却王陵的娘… (УД, 66)

Chu wang zhuoque Wang Ling-di niang… Чуский ван захватил мать Ван Лина…

Что касается других *пинхуа*³³, то *que* в этом значении в этих текстах не отмечено; для выражения завершенности действия в них используется исключительно *liao*. Такое положение выглядит достаточно логично с учетом того, что привлеченные тексты датируются 1321–1323 гг., согласно же Ян Шэньсю (см. сн. 53), *liao* полностью вытеснило *que* к периоду Сун. При этом возникают некоторые нестыковки, связанные с датировкой УД³⁴.

2. *Que* — противительный союз: это значение определяется без труда, такое *que* стоит в середине сложного предложения, в начале одного из простых, входящих в его состав. Кроме односложного *que* в том же значении противительного союза встречается и двусложное 却是 *queshi* и 却得 *quede*. В значении противительного союза *que* и *queshi* иногда встречаются и в текстах других *пинхуа*. Как отдельное *que*, так и двусложное *queshi* употребляются и в современном языке.

待那飛禽來偷穀時分, 便彎起這弓, 放却彈子, 打這禽雀, 却不曾彈得雀兒, 不當不對, 把那莽家顧瑞的孩兒顧體兒太陽穴上打了一彈 (УД, 182)

Dai na feiqin lai tou gu shifen, bian wan qi zhe gong, fang-que danzi, da zhe qinqiao, que bu ceng dande qiaoer, budang budui, ba na linjia Gurui-di haier Gu Luer taiyang xue-shang daliao yidan Как только те птицы налетели, чтобы воровать зерно, [Го Вэй] натянул этот лук, выпустил снаряд, [чтобы] убить этих птиц, однако ни один снаряд не достиг птиц, а угодил [прямо] в висок Гу Люйэру, сыну их соседа Гу Жуя.

您雖是殺了那人, 却是州縣隔遠, 那裏有討您處 (УД, 184)

Nin suishi shaliao na ren, queshi zhou-xian ge-yuan, nali you tao nin chu Хоть ты и убил человека, однако округ и уезд далеко; где уж [им] настичь тебя.

契丹主得表, 踞坐怒罵馮子金, 謂晉朝負盟, 却得述律太后謂契丹主曰: 使漢人爲胡主, 可乎? (УД, 146)

Qidan zhu de biao, juzuo nu-ma Feng Zijin, wei Jin chao fu meng; quede Shulu taihou wei qidan zhu yue: shi hanren wei hu zhu, ke hu? Когда киданский государь получил доклад, он принялся гневно упрекать Фэн Цзыцзиня, полагая, что [он] нарушает союз с цзиньским двором; но вдовствующая императрица Шулу обратилась к государю киданей: «Позволительно ли, чтобы китаец был государем у инородцев?»

³³ Имеются в виду тексты: УВ, ЦГ, ЦБ и ЦХ.

³⁴ Хотя вопрос о датировке УД остается спорным, время, в рамках которого идет спор, охватывает период с 1127 по 1368 г., т.е. эпоху Сун–Юань. См.: *Crump J.K. Some Problems in the Language. С. V. Замечу: позиция Дж. Крампа представляется достаточно взвешенной.*

3. В языке Сун–Юань *que* перед глаголом может употребляться в значении наречия 再 *zai* «снова»; в таком значении *que* встречается довольно часто.

知遠道 《咱討草去，爲北京留守行司，應副餵馬用度，改日却來相探》 (УД, 170)

Zhiyuan dao: “*Za tao cao qu, wei Beijing liushou xing si, ying fu wei ma yong du, gairi que lai xiang tan*” [Лю-] Чжиюань сказал: «Я кошу траву для походной управы наместника Северной столицы, и [мне] надо заготовить корм коням, а в другой день я снова тебя навешу».

各人歇令，明日却戰 (ЦБ, 23)

Ge-ren xie ling, mingri que zhan Каждый получил временную передышку, а завтра снова сражаться.

王剪與馮亭挑戰五十合，並無勝負，令各收軍，明日却戰 (ЦБ, 11)

Wang Jian yu Feng Ting tiaozhan wu shi he, bing wu sheng-fu, ling ge shou jun, mingri que zhan Ван Цзянь и Фэн Тин сходились в битве пятьдесят раз, но не было ни победивших, ни проигравших; [это] привело к тому, что каждая [сторона] стягивает войска в одно место, и завтра [они] снова сразятся.

當日天晚，直待來朝却戰 (ЦБ, 38)

Dangri tian wan, zhi-dai lai chao que zhan В то время [уже] вечерело, [так что], только дождавшись наступления рассвета, снова сразились.

(Обращает на себя внимание, что в трех последних примерах *que* употребляется перед одним и тем же глаголом *zhan* «сражаться».)

4. Кроме *que* — синонима *zai* (значение повторяющегося действия), наречие *que* перед глаголом может указывать, что после какого-то одного действия следует другое действие и между ними требуется нечто вроде разграничения. Признаем, что выделение этого значения *que* в значительной степени основано на смысле.

梁王謂皇甫麟曰“卿可斷吾首”麟泣曰：“臣不敢奉此詔。”梁王曰：“與卿俱死可也。”麟不得已，殺梁王，却引刀自殺 (УД, 85)

Liang-wang wei Huangfu Lin yue: “*Qing ke duan wu shou*”. *Lin qi yue*: “*Chen bu gan feng ci zhao*”. *Liang wang yue*: “*Yu qing ju si ke ye*”. *Lin bu-de yi, sha Liang wang, que yin dao zi sha*. Государь Лян обратился к Хуанфу Линю: «Отруби-ка ты мне голову». Линь, рыдая, сказал: «Ваш слуга не посмеет исполнить такое приказание». Лян-ван сказал: «Можем [только] вместе с вами оба умереть». Линю только и оставалось, что убить Лян-вана, а потом и самому заколоться мечом.

咱三個兄弟，且去買些個酒喫了，却做話說 (УД, 11)

Za sange xiongdi, qie qu mai xiege jiu chiliao, que zuo huashuo Нас трое братьев, пойдете-ка купим немного вина, выпьем, а потом потолкуем.

5. *Que* часто выступает как союз, синонимичный 乃 *nai*, 於是 *yushi*. Такого рода примеров в рассматриваемых текстах предостаточно (как, впрочем, и в *бяньвэнях*).

唐主探問二將交怨，却密地將蠟書招誘重進反叛... (УД, 239)

Tang zhu tanwen er jiang jiao yuan, que midi jiang lashu zhaoyou Chongjin fanpan... Танский государь, прознав о вражде двух военачальников, тут же тайно послал [Ли] Чунциню секретное письмо, подстрекая [его] на мятеж.

...有太后的弟弟李業，因求做宣徽使不得，却與嬖倖... 日夕在漢主根前譖毀大臣 (УД, 194)

...you taihou-di didi Li Ye, yin qiu-zuo xuanweishi bu-de que yu bi-xing... ri-xi zai Han-zhu-genqian zen-hui dachen ...Ли Е, младший брат вдовствующей императрицы, не получив искомого поста сюаньхуйши, стал тогда вместе с фаворитами... то и дело оговаривать перед Государем его ближайших сановников.

...唐主不允所情，却統兵去西陽... (УД, 125)

... *Tang zhu bu yun suo-qing, que tong bing qu Xiyang*... ...государь Тан не согласился удовлетворить просьбу и после этого повел войска на Сиян...

先立您做天子，則臣民有主，却圖進取未遲 (УД, 127)

Xian li nin zuo tianzi, ze chen-min you zhu, que tu jinqu wei-chi Прежде ты должен стать Сыном Неба, тогда сановники и народ обретут Государя, и потом не будет поздно строить планы, [как] овладеть [страной].

К сожалению, какого-либо формального признака, по которому можно было бы различать значения «4» и «5», обнаружить невозможно.

6. Еще на одно служебное значение (союзное наречие) обращает внимание автор «Глоссария»⁵⁵: *que* перед сказуемым главного предложения, следующего за придаточным условным, соответствует современному 就 *jiu* «тогда», «в таком случае».

要戰却戰，捉獲太子，休言此話 (ЦБ, 50)

Yao zhan que zhan, zhuohuo taizi, xiu yan ci hua Когда надо сражаться, тогда и сражайся; захвати Наследника и прекрати произносить такие речи.

7. *Que* перед отрицанием 不 *bu* соответствует 豈不 *qi-bu* «разве», «ли».

Que-bu характерно для языка периода Сун–Юань, это сочетание часто встречается и в юаньских пьесах.

却不叵耐，這黃巢欺負咱每忒甚！ (УД, 27)

Que-bu ponai, zhe Huang Chao qifu zamei teshen! Разве потерплю я, чтобы этот Хуан Чао до такой степени оскорблял меня!

Морфема 厮 *si*

Отмеченная в УД морфема *si* стоит перед глаголом и выступает в одном из трех возможных значений: 1) она может указывать на взаимность действия⁵⁶ (в такой функции *si* не встречалось в текстах досунского времени, но стало обычным в текстах периода Сун–Юань⁵⁷; 2) она может выступать как префикс, не придающий глаголу ни значения взаимности, ни какого-либо другого дополнительного значения или оттенка значения⁵⁸; 3) наконец, *si* может стоять перед переходным глаголом, после которого отсутствует необходимое в таком случае дополнение⁵⁹.

I. Примеры на *si*, указывающее на взаимность действия:

...心下快活，思量這人也是個好漢，未免出來與他厮見 (УД, 11)

...*xin-xia kuaihuo, siliang zhe ren ye shi gehaohan, weimian chu-lai yu ta si jian*... [они] в душе обрадовались, подумали, что этот человек — малый стоящий, и, не преминув, пошли с ним познакомиться.

...我與您厮賽一交... (УД, 109)

...*wo yu nin si sai yijiao*... ...[раз так], давай мы с тобой посостязаемся...

我不賭錢，且賭個厮打 (УД, 163)

⁵⁵ Глоссарий словосочетаний и выражений. С. 90.

⁵⁶ Это значение упоминает И.Т. Зограф, правда без примеров. См.: Зограф И.Т. Среднекитайский язык. С. 307–308. В другой работе этого же автора подчеркивается, что указанная функция является единственной для *si* в таких памятниках, как «Цзин бэнь тунсу сяошо», «Шуй ху чуань», «Хун лоу мэнь» и др. См.: Зограф И.Т. Очерк грамматики китайского языка. С. 22, 41.

⁵⁷ Словарь языка Сун–Юань, с. 958; *Янь Шэнсю*. Иллюстрированное примерами толкование. С. 194.

⁵⁸ Это значение зафиксировано только в Словаре языка Сун–Юань. С. 194.

⁵⁹ На такую функцию *si* указывает Большой китайско-русский словарь (см.: Т. 2. С. 739).

Wo bu du qian, qie du ge si da Я [больше] не играю на деньги, сыграем-ка [на то, чтобы] подрататься.

今雀兒廝近了，富貴來迫... (УД, 196)

Jin qiaoer si jinliao, fu-gui lai po... Теперь воробей [и колос] сблизились, слава и богатство приблизились [к тебе]...

...忽一夜得個夢，道全忠與李克用兩個廝博... (УД, 60)

...hu yi-ye de gemeng, dao Quanzhong yu Li Keyong liangge si bo... ...вдруг однажды ночью [он] увидел сон: будто (?) [он], Цюаньчжун, дрался с Ли Кэюном...

咱自去據了同州，他日相逢，不放廝殺 (УД, 28)

Za zi qu juliao Tongzhou, tari xiang feng, bu-fang si sha Я сам отправлюсь (?) удерживать Тунчжоу, если [мы] когда-нибудь встретимся, то ничто не помешает сразиться насмерть.

II. Примеры на *si* как префикс, не придающий глаголу дополнительного значения:

...咱願隨... 三人，廝趕去投黃巢 (УД, 24)

...za yuan sui... san ren, si gan-qu tou Huang Chao ...я хотел бы вслед за... [вами] тремя последовать за Хуан Чао.

劉尋軍馬遠路，糧食已盡，又廳得晉軍有備，又有追兵廝趕在後 (УД, 67)

Liu Xin jun-ma yuan-lu, liangshi yi jin, you tingde Jin jun you bei, you you zhuo bing si gan-zai-hou Конница Лю Синя проделала далекий путь, продовольствие кончилось; к тому же стало известно, что воины Цзинь [яна] наготове, при этом преследователи настигают их сзади.

III. Примеры на *si* перед переходным глаголом, при отсутствующем дополнении:

這皇帝做着個廝殺的頭腦... (УД, 3)

Zhe Huang-di zuo-zhao ge si sha-di tounao... Так Хуан-ди стал первым [воином], убившим врага...

只有那叔叔李敬業廝認得知遠... (УД, 169)

Zhi you na shushu Li Jingye si rende Zhiyuan... Только младший брат отца понял, что [это Лю] Чжюань...

...那有一個人廝認得他? (УД, 184)

...na you yige ren si rende ta? ...разве мог кто-нибудь узнать его [в местечке]?

走去他手中奪將劍來，白干地把那廝殺了... (УД, 183–184)

Zou-qu ta shou-zhong duo jiang jian lai, baigan-di ba na si shaliao... [Го Вэй] пошел, отнял меч из рук [парня] и ни с того ни с сего взял и убил его...

妻忒沒口中不說，心下懊悶，待要別尋個事，將這廝打死 (УД, 109)

Qi Temo kou-zhong bu shuo, xin-xia aomen, daiyao bie xun geshi, jiang zhe si dasi Ци Темо ничего не сказал, но, негодуя в душе, решил не ждать удобного случая, а [просто] убил этого [работника].

В текстах «Пяти полностью иллюстрированных пинхуа» за редчайшими исключениями морфема *si* вообще не встречается: в числе исключений два примера из ЦГ, где *si* перед глаголом указывает на взаимность действия.

次日絕糧，人廝吃... (ЦГ, 32)

Ci ri jue liang, ren si chi... На следующий день кончились припасы, и люди стали поедать друг друга...

混戰一夜，折兵一半，各自散了兵，子父不廝救 (ЦГ, 32)

Hunzhan yiye, zhe bing yiban, gezi sanliao bing, zi-fu bu si jiu Беспорядочный бой длился всю ночь, потеряли половину воинов, сами по себе рассеялись, [остальные] воины, сыновья и отцы не спасали друг друга.

В УВ *si* не отмечено ни разу, а в двух других текстах — ЦБ и ЦХ встретилось в общей сложности три раза, и только перед глаголом 殺 *sha* «убивать».

Таким образом, если для текста УД характерно достаточно частое использование морфемы *si*, причем в разных значениях, то для других *пинхуа* характерно как раз почти полное отсутствие этой морфемы. Смысл этого различия еще предстоит объяснить.

Summary

I.S. Gurevich

The Texts of the *Ping-hua* Genre

(Song–Yuan Period):

Some Features of Their Language

Ping-hua is a name for a group of vernacular narrative texts dealing mainly with an extended period of history. The interpretation of the term as well as the outline of texts in question differs from one author to another. In the present paper the following *ping-hua* texts included in the collective set *Five Completely Illustrated Ping-hua* (*Quan xiang ping-hua wu-zhong*) have been so far examined: 1. *Ping-hua on How King Wu Attacked Chou* (*Wu-wang fa-Chou ping-hua*); 2. *Ping-hua on the Events of the Seven States* (*Qi-guo chun-qi ping-hua*); 3. *Ping-hua on the Annexation of the Six States by Qin* (*Qin bing liu-guo ping-hua*); 4. *Ping-hua on the History of the Former Han Dynasty* (*Qian Han-shu ping-hua*); 5. *Ping-hua on the History of the Three Kingdoms* (*Sanguo zhipinghua*). These five *ping-hua* were all printed during the period of 1321–1323 in Jian-an (modern Fujian)—thus the date of the composition of the texts is known accurately enough. The *Ping-hua of the History of the Five Dynasties* (*Wu-dai shi ping-hua*) was also examined to a certain extent.

The purpose of the paper is to throw light on certain characteristics of the language of *ping-hua* concerning the grammatical structure of the texts. The following points have been considered in this respect: 1. Examination of the grammatical features of the language of *ping-hua* have been undertaken to enlarge and revise current views of the grammar of the Medieval Chinese as a whole, since grammatical peculiarities of the texts of *ping-hua* have not been taken into consideration in standard works on Medieval Chinese so far. 2. The study of the texts might be helpful in establishing a more precise date for the creation of the *Wu-dai shi ping-hua*, the most “popular” text of the genre. 3. Dialect features of the texts are being investigated. 4. The problem of a possible correlation between the content of a given text and the degree of “colloquialness” has been briefly examined. 5. A number of function words occurring in the texts of *ping-hua* have been examined.

О.Ф. Акимушкин

© 2004
Санкт-Петербург**К вопросу о среднеазиатских переплетах
рукописных книг**

(30-е годы XVIII — 30-е годы XX в.)

Темой настоящей статьи является исследование переплетов, наиболее типичных для Средней Азии 30-х годов XVIII — 30-х годов XX в. Для них характерна определенная цветовая гамма, весьма скромные элементы оформления, полное отсутствие языка-клапана. Кроме весьма познавательной статьи Г.Н. Чаброва¹, мне неизвестны другие работы, специально посвященные данной теме, если не принимать во внимание два исследования проф. А.А. Семенова, которые так и не были опубликованы и на которые ссылается в своей статье Г.Н. Чабров. Эти переплеты почти целиком были сделаны из картона (*мукавва'*)². Обе крышки представляли собой хорошо проклеенные и спрессованные из отдельных листов бумаги картоны (папье-маше). Край крышек с целью их укрепления обязательно обклеивались мягкой, тонкой, хорошей выделки кожей и скреплялись корешком-задником той же выделки и цвета. Иногда задник имел два выступающих сверху и снизу клапана-язычка (15–20 мм), за который рукопись вытягивали из стопки на полке шкафа, так как рукописи на Востоке хранились не стоя, как в Европе, а лежа одна на другой. Практика изготовления переплетов *мукавва'* стремительно распространилась по всем ханствам Средней Азии, и мастера переплетных дел (*мукаввасаз*, *саххаф*) широко применяли ее в Бухаре и Самарканде, Фергане и Коканде, Хиве и Гургандже. Конечно, он уступал кожаному переплету изяществом отделки и художественным оформлением и выглядел значительно скромнее. Вместе с тем *мукавва'* был прочен и функционален, к тому же стоил в несколько раз дешевле кожаного, не уступая ему в надежности. Сказанное не означает, что искусство изготовления кожаных переплетов было полностью вытеснено из репертуара переплетчиков. Просто спрос на них серьезно упал, и они стали изготавливаться для заказных лицевых рукописей, каллиграфически переписанных и превосходно иллюминированных, а также для литографированных изданий большого формата (с 80-х годов XIX в.).

Процесс изготовления переплетов *мукавва'* был стереотипен и в основном сводился к следующему: края картонных крышек обтягивались одноцветной, на клею, кожей с заступом на картон в 4–5 мм. Задник-корешок, которым скреплялись обе крышки, производили из той же тонкой кожи и того же цвета. Внутренние стороны крышек покрывались проклеенной одноцветной бумагой, чаще всего белой, но иногда так называемой «мраморной»-*абри*³, лишенной, как правило, какого-либо украшения.

Акимушкин Олег Федорович — к.ф.н., зав. Сектором Среднего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ Чабров Г.Н. К изучению среднеазиатского переплета // НАА, 1964. № 2. С. 136–141.

² Согласно Г.Н. Чаброву, А.А. Семенов такой тип переплета, у которого «корки, оклеенные кожей, скрепляются кожаным же корешком», называл «полукожаным» (Чабров Г.Н. К изучению среднеазиатского переплета. С. 136).

³ Особый вид декоративной бумаги, получившей свое название из-за цветных узоров, разводов и прожилков, весьма напоминающих мрамор. Обычно ее использовали в качестве поля при изготовлении роскошных лицевых рукописей. Существует несколько версий относительно мастеров, создавших техноло-

При этом листы бумаги закрывали собой 2–3 мм кожаной окантовки краев картона. На внешние стороны крышек наклеивались цветные однотонные проклеенные листы бумаги с заходом на кожаную окантовку краев картонной основы переплета в 2–3 мм. После этого бумага покрывалась двумя-тремя слоями бесцветного или бледно-желтого лака. Первоначально цветовая гамма окрашенной бумаги ограничивалась двумя-тремя цветами, наиболее популярны были зеленый, бордовый, густо-оранжевый. Но с течением времени этот цветовой спектр под воздействием региональных традиций, вкусов и приоритетов значительно расширился и стал включать такие цвета, как желтый, желтовато-зеленый, горчичный, светло-коричневый, оранжевый, густо-оранжевый, густо-зеленый, фисташковый, вишневый, малиновый, темно-малиновый и т.п. Цветовых вариаций для кожаных задников и окантовки переплета наблюдалось значительно меньше. Предпочтение отдавалось красному, коричневому, темно-красному, зеленому и оранжевому цвету. Вместе с тем какой-либо строго определенной закономерности в сочетании цветов задника, окантовки и крышек переплета проследить не удастся. Видимо, для контраста мастер-переплетчик помимо традиции полагался также в значительной мере на собственный вкус, опыт и, возможно, желание заказчика. Вместе с тем кокандские и хивинские мастера переплета в значительной мере отдавали предпочтение более темным цветам: бордовому, темно-малиновому, темно-коричневому, вишневому и черному. Соответственно, кожаная окантовка и задник-корешок изготовлялись по контрасту: светло-зеленые, бледно-оранжевые, светло-коричневые, иногда голубые либо бледно-малиновые.

Украшения переплетов *мукавва*⁴ были скромными и не отличались разнообразием. Как правило, это были линии, создававшие геометрический узор: прямые тисненые линии-дорожки (*тарак*), часто две параллельные, шедшие по всему бордюру, либо две радиальные линии (иногда они пересекались в центре). В ряде случаев вдоль краев переплета шел бордюр в виде цепочки, звенья которой имели овальную, либо ланцетовидную, либо прямоугольную (*банд-и руми*) форму. Реже встречается тисненая волнистая линия бордюра, чаще она обозначалась краской. В центре наружных сторон крышек переплета помещался тисненый овальной формы медальон-средник (*торондж*), как правило украшенный растительным орнаментом, сверху и снизу от которого располагались по вертикали две тисненые пальметты (*сарторондж*)⁴. В подавляющем большинстве случаев в этих пальметтах, напоминающих своей формой стилизованный цветок лотоса или его лист, ставилось личное клеймо мастера, изготовившего переплет. Подобные клейма наиболее характерны для среднеазиатских переплетов середины XVIII — 30-х годов XX в. Формула клейма была стереотипна и гласила: «исполнил такой-то переплетчик» (*'амала фулан саххаф*). Цветовой фон средника и пальметт обязательно

гию ее производства. Однако, судя по дошедшим до нас рукописям, в которых бумага *абри* представлена, она была создана в 1470–1490 гг. в придворном ателье Герата либо, скорее, в аналогичном ателье Ак-куюнду в Тебризе. Технология ее изготовления сводится вкратце к следующему: в чан или круглое корыто, содержащие водянисто-желеобразный клеевидный отвар белого лука или семян льна, осторожно по капле сцеживаются различные краски весом легче указанного отвара. Затем мастер также осторожно разводит введенные краски по поверхности клеобразной жидкости, придавая этому сочетанию красок те узоры и формы согласно своему замыслу. На полученную массу с узорами он накладывал лист бумаги и, после того как краски впитаются, снимал его и относил на просушку. Как правило, после просушки мастер наносил кистью соответствующую краску, делая более четкими контуры у слабо выраженных разводов. В указанный выше период в Средней Азии эта технология изготовления бумаги *абри* была давно и прочно забыта. Мастера поступали проще: расписывали «под мрамор» бумагу масляными красками. См.: Yves P. Painters, Paintings and Books. New Delhi, 1994. С. 45–49; Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe. P., 2000. С. 269.

⁴ Следует заметить, что размеры пальметт-*сарторонджей* варьировались в прямой зависимости от формата рукописей (см. ниже). В основном они совпадают с размерами, приведенными Г.Н. Чабровым, т.е. малые размеры имели соотношения высота–ширина: 18×15 мм, 21×16 мм, 30×23 мм, средние: 32×24 мм, 36×29 мм и т.д. (*Чабров Г.Н. К изучению среднеазиатского переплета. С. 141*).

контрастировал с цветом крышек. Он был либо золотистым, либо желтоватым, либо светло-красным и т.п. Переплетчики ставили свои именные клейма, как правило, в указанных пальметтах, в редких случаях встречаются их имена в медальоне-среднике, который обычно нес орнаментальную функцию. Очевидно, по желанию заказчика (владельца рукописи) в среднике могло появиться его имя. Так, например, в среднике рукописи А 500 из собрания СПбФ ИВ РАН, переплет которой был исполнен мастером Хатимходжой, указано имя ее владельца муллы 'Абдаллаха 'Атгара с датой 1275/1858 г.⁵

Мастера могли проявить фантазию, и можно встретить переплеты, в которых снизу и сверху от средника помещены по две пальметты либо, когда средник отсутствует, его замещала еще одна, третья пальметта. В одном (очень редком) случае такое оформление было вызвано необходимостью указать работу трех мастеров над переплетом, законченным в 1274/1857-58 г. Кадир-Мухаммадом, Хусайн-Ризанахшем и 'Ашуром Ахмади⁶. Любопытно, что первый и третий из перечисленных мастеров совместно исполнили переплет другого списка в 1285/1868-69 г.⁷. Весьма редко мастер в своем клейме указывал место производства переплета. Автору настоящих заметок известен пока только один случай, когда мастер Хусайн-Закир переплел в Хорезме список трех первых маснави из «Хамсе» Алишера Навои, датированный 1217/1802-03 г.⁸. Видимо, специфичным только для переплетов, созданных во второй половине XVIII в., являются четыре вертикально расположенные пальметты в центре наружных сторон крышек: в двух крайних стояли клейма мастеров, а центральные несли орнаментальную функцию. Эту же функцию исполняли две пальметты на кожаном язычке переплета.

Право на индивидуальное клеймо-штамп (*мухр*) мастера с собственным именем и датой переплетчик получал после прохождения определенного срока ученичества и исполнения квалификационной работы, получившей одобрение его учителя и ведущих мастеров цеха. Став мастером, он заказывал персональную печатку-штамп (*мухр*), которую отливали обычно в Коканде из желтой меди либо из дорогостоящей «восточной бронзы» (*хафтджуш*) — сплава из семи металлов (железо, цинк, олово, свинец, медь, серебро, золото). Наряду с именем на печатке могла быть указана дата, фиксировавшая, как правило, тот год, когда данное лицо стало мастером. Из-за дороговизны штампа мастера переплета либо вообще не приобретали клише с обновленной датой, либо заказывали его по прошествии весьма длительного срока. Именно с этим связано иногда очень значительное расхождение между датами завершения переплета и окончания переписки рукописи, при сопоставлении которых выясняется, что переплетом рукопись была «одета» задолго до того, как она была переписана⁹. Заметим при этом, что переплетчики не изготавливали переплеты впрок.

⁵ Сборник суфийской поэзии. Переплет желто-зеленого цвета, задник и окантовка красной кожи. См.: Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР. Краткий алфавитный каталог. Под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. М., 1964. № 3893.

⁶ Список поэмы Бадр ад-Дина Хилали «Шах ва дарвиш» из собрания АН Таджикистана (№ 1376/IV). См.: Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 2. Душ., 1968. № 826 («Переплет среднеазиатский, желтоватого цвета с медальонами»).

⁷ Они изготовили переплет рукописи поэмы Назима «Йусуф ва Зулайха» из собрания АН Таджикистана (№ 1977). См.: Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 2. № 1012 («Переплет среднеазиатский, зеленый, с тремя малиновыми медальонами»). Отметим, что список поэмы датирован 1287/1870-71 г., а переплет изготовлен в 1285/1868-69 г. — дата проставлена в личных клеймах мастеров. Можно указать еще на один случай совместной работы двух переплетчиков: хаджи 'Абд аш-Шукур саххаф и Искандар саххаф исполнили в 1316/1898-99 г. «переплет восточный, черно-малинового цвета, с узкой зеленоватой рамкой и светло-коричневыми медальонами» списка поэмы Сана' и Газнави «Хадикат ал-хакикат». См.: Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 2. № 346.

⁸ Список переписан муллой Салихом Кашгари в 1217/1802-03 г., находится в собрании АН Таджикистана за № 3149 («Переплет среднеазиатский, желто-зеленый, с тремя коричневыми медальонами»). См.: Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 3. № 777.

⁹ Характерный пример: бухарский мастер Мухаммад-Зариф саххаф из двенадцати выполненных им переплетов шесть отметил своим клеймом с датой 1217/1802-03 г., хотя рукописи имели иные даты

Следует заметить, что наиболее популярными были форматы переплетов при соотношении высоты к ширине 1,5:1,0, т.е. 180×120 мм, 240×180 мм, 300×200 мм. Гораздо реже встречались переплеты размером 360×240 мм и более, которые использовались при оформлении литографированных изданий. Существовали отклонения в ту или иную сторону от указанных выше пропорций, но отметим, они не были принципиально значительными.

Основой для настоящих заметок послужила картотека, собранная автором в результате росписи шести каталогов описаний рукописей¹⁰ и работы «де визу» приблизительно с одной третью так называемой Бухарской коллекции В.А. Иванова 1915 г.¹¹ В картотеку вошло 603 переплета работы 189 среднеазиатских мастеров. Самым ранним в картотеке является переплет, выполненный Мухаммад-Рахимом б. мулла [Таки] саххафом, он датирован 1161/1748 г.¹², а самый поздний, с датой 1342/1923 г., выполнен муллою Ишан-Кулом¹³. Согласно картотеке, наиболее плодовитыми либо наиболее популярными оказались Мухаммад-Насир саххаф (середина XIX в.), изготовивший 19 переплетов, мулла Йулдаш саххаф (вторая половина XIX в.), автор 20 переплетов, и мир 'Адил-ходжа саххаф (последняя четверть XIX в. — 30-е годы XX в.), который сделал 31 переплет. Конечно, эта база не столь объемна, чтобы на ее основе установить четкие закономерности, однако она вполне достаточна для некоторых объективных выводов о характере переплетов среднеазиатских рукописных книг (30-е годы XVIII — 30-е годы XX в.).

Summary

O.F. Akimushkin

Central Asian Manuscript Bindings (1730–1930)

The article is devoted to cardboard bindings (*muqavvā'*) which were extremely typical of the Central Asian book production during the given period. The study focuses on particular and specific features of this type of binding. It is based on the analysis of 603 bindings executed by 189 masters mainly originating from Bukhara, Khuqand, Samarqand and Khiva.

переписки: 1221/1806-07 г., 1226/1811 г. и 1269/1852-53 г., и только список «Диван-и Имла» из собрания АН Таджикистана (№ 1835) несет в пальметтах дату 1257/1841-42 г. Выясняется, что свою печатку мастер сменил лишь спустя сорок лет. См.: Каталог фонда Института рукописей АН Узбекской ССР. Т. 2. Таш., 1988. № 708, 790, 802; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 2. № 451; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 3. № 903; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 5. Душ., 1974. № 1508, 1511, 1665, 1673; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 6. Душ., 1988. № 1997, 2053; Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. 1–11. Таш., 1952–1987. № 5812; Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР. Краткий алфавитный каталог. № 45, 634, 1736.

¹⁰ Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. Т. 1–11; Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 1–6. Душ., 1960, 1968, 1970, 1974, 1988; *Тагирджанов А.Т.* Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ИГУ. Т. 1. [Л.], 1962; Каталог фонда Института рукописей АН Узбекской ССР. Т. I–II. Таш., 1988–1989; Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР. Краткий алфавитный каталог; *Хатимов Н.Б.* Каталог арабских рукописей АН Туркменской ССР. Аш., 1988.

¹¹ О коллекции и ее составе см.: *Беляев В.И.* Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР // Труды ИВ АН СССР. Л., 1932. II; *Иванов В.А.* Списки рукописей Бухарской коллекции (Предисл. и примеч. Ю.Е. Борщевского) // ППВ. Ежегодник. 1970. С. 407–436.

¹² Этот переплет уже типично среднеазиатский по своему внешнему виду: желтого цвета внешние крышки, окантовка и задник темно-желтого, по краям крышек широкие тисненые бордюры, в центре по вертикали три одинакового размера пальметты, в каждой из которых указано имя переплетчика и дата. См.: Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР. Краткий алфавитный каталог. № 4246 (сборник официальных документов в копиях, а также образцов-трафаретов для их написания; шифр А 210).

¹³ Он исполнил «среднеазиатский, зеленый переплет» списка «Шах-наме» Фирдоуси из собрания АН Таджикистана, № 1818. См.: Каталог восточных рукописей АН Таджикской ССР. Т. 5, 1974. № 1732.

Несколько предварительных замечаний по поводу тангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях»

Зарегистрированная под инв. № 4166 печатная книга на тангутском языке «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» давно привлекает внимание тангутоведов.

Сочинение, вероятно, впервые упоминается в списке книг на тангутском языке, составленном А.А. Драгуновым, и помечено Ван Цзинжу как сочинение, содержание которого «не установлено»¹.

Книга по непонятным причинам не была занесена в инвентарь Н.А. Невским, а после 1937 г. и А.А. Драгуновым. Эта работа выпала позже на делающего тогда только первые шаги в тангутоведении автора этих строк, который передал название сочинения в подстановке китайских знаков под тангутские как «Сань ши шу мин янь цзи взнь», а по-русски как «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям» с аннотацией «Сборник тангутских литературных произведений в стихах и прозе, преимущественно религиозно-нравоучительного содержания, иногда с краткими толкованиями». Были названы имена составителей текста монахов Хуй Мина и Дао Хуя и имя резчика досок для печати как Ян Цзинь, ошибочно без указания в колофоне его фамилии Чэнь². Под этим названием книга не раз упоминалась разными авторами, пока в 2000 г. китайский специалист по изучению Си Ся проф. Ши Цзиньбо не представил несколько уточненный перевод названия книги «Сань дай сянь чжао янь взнь цзи», который и я принимаю на данный момент и передаю по-русски как «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях»³.

Книга оказалась замечательна тем, что в ее колофоне четко указано, что она отпечатана набором, подвижным шрифтом (это не сразу было понято). Ниже я позволю себе остановиться на двух моментах — на характеристике содержания книги в самой общей форме и на способе ее напечатания.

Для начала позволю себе предоставить читателю полный перевод колофона:

«Мы, недостойные, слышали: в глубокой древности слова добродетели были раскрыты в сутрах Будды, в большом числе разошедшихся по вселенной... Были собраны чаньские песнопения, наставления восьми категорий⁴. В данном случае мы говорим о представлении книги [чаньских песнопений] одной категории [одного вида, жанра]. Мы всей душой (всем сердцем) следуя заветам предков, [как] ветки, влекомые тече-

Кычанов Евгений Иванович — д.и.н., зам. директора по науке СПбФ ИВ РАН.

¹ Dragunov A.A. A Catalogue of Hsi-Hsia (Tangut) Works in the Asiatic Museum. Academy of Science. Leningrad, 1937. № 31. Го ли Бэйпин тушугуань гуанькань. Т. 4. Вып. 3. Си Ся чжуань хао. Бэйпин, 1930 (1932). С. 376.

² Тангутские рукописи и ксилографы. Сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов. М., 1963. № 27. С. 54–55.

³ Ши Цзиньбо, Ясин Ашури. Си Ся хэ хуйху хо цзы иньшуа шу яньцзю (Изучение техники книгопечатания подвижным шрифтом в Си Ся и у уйгуров). Пекин, 2000. С. 56.

⁴ Восемь категорий (видов, жанров) чаньских песнопений.

нием, достигли песков⁵, чтобы передавать от одного к другому лампу [Учения], с тем чтобы не исчерпались прекрасные слова и распустились цветы [истинного знания]. Среди прочих книг нет подобной этой. Ныне в собственном государстве (Великом Ся. — *Е.К.*) немало своих процветающих семей, три поколения [последователей Чань] с блеском передают путь от одного [поколения] к другому, дожди Учения, проливающиеся из облаков, распространились на четыре моря⁶. Два Высокопочтимых будды (Будда Шахьямуни и будда Амида) помогают друг другу, и шум ветра Учения слышен в восьми направлениях⁷. Мы, ничтожные, и другие участвуем в собраниях [последователей] прекрасного Учения, знаем разные дела и о [разных делах] слышали, драгоценных гор достигли и с пустыми руками не возвращаемся. В изложенных текстах [мы], почтенный друг Хуй Мин и странствующий монах Дао Хуй, по обету глубокое и важное записали. От недавних и нынешних знающих истину учителей прежние наставления, которые имелись, полностью собрали, чтобы усердно передать другим, и по пятидесяти разделам составили. Их [тексты] много раз проверяли с учителями, последовательно установили места, требующие поправок (комментариев). Когда основных текстов неоставало, то в разделах „рука [наставлений] древности“ — шесть песен, „нынешние указания“ — три раздела, „от себя“ — тринадцать, пользовались другими [текстами]. „Внутренние (знак испорчен) двадцать (?) и внешние запреты“ — шесть (лакуна) — все также защищены от людских упреков (лакуна) и истинны. Среди этих [представленных здесь текстов] недостает только тех, до которых не дошли [наши] глаза и сердца (лакуна). [Эти тексты] знающие люди соберут и передадут в другое время, и [они] будут востребованы полностью.

Совершив это доброе дело, единственно желаем, чтобы жить долго-долго со всеми добрыми друзьями, а там, где получим [новое] рождение, встретить добродетельных учителей и стать сосудами-вместилищами истинной дхармы. Книга веры должна быть полной, истины, которых придерживались деда, должны светить ярким светом. Кроме того, желаем, чтобы нынешний, следующий истине император воспринял престол будды, все великие князья и высшие чиновники искренне достигли колесницы Учения, государство и народ избавились от всего дурного, ложного, стремились к добродетели и получили [пере]рождения в пределах Учения. [Чтобы] покинувшие семьи [монахи] процветали, чтобы все-все откликнулись на призыв и все вместе встали на путь [Учения] Будды.

Чистой веры заказчик, родственник государя Хуй [Мин]

Чистой веры созаказчик Ша Дао Хуй

Тот, кто сделал новые знаки для набора текста, Чэнь Цзи-цзинь»

Обратимся к началу книги. После заглавия текст ее открывается благопожеланием:

[У] предков, вверивших себя [Учению] Будды,

[У] всех основоположников-наставников

Мы слов истины

С их внешним (букв. «макушечным») и внутренним смыслом просим,

[Чтобы] мы вечно желанными в соответствии с кармой

Семенами пути стали.

И в число тех, кто следуют истинной, добродетельной дхарме,

Смогли войти!

Следующие два стиха — «Гата об обителях и пути сынов Шахьямуни Белого облака» и «Песнь о совершенном знании великих наставников Белого облака» ясно указы-

⁵ Территории Си Ся, песков Ордоса и Алашаня.

⁶ Всю Поднебесную, всю вселенную.

⁷ То есть повсюду.

вают на принадлежность текстов к буддийскому учению Чань (дхьяна), школе Белого облака. Школа Белого облака (Бай юнь) как раз возникла во времена существования тангутского государства Ся и являлась ответвлением учения Белого лотоса⁸. Основателями школы считаются Мао Цзыюань (1086/88–1160) и Кун Цинцзюе (1043–1121). Название свое школа получила от монастыря Белое облако, хотя оба основателя начинали свою проповедь в небольших монастырях. Последователи школы именовались еще Бай юнь цай — Вегетарианцы Белого облака. Специалисты полагают, что школа Белого облака была прежде всего ориентирована на мирян, верующих буддистов из числа образованных чиновников. Буддизм становился как раз частью китайской образованности. Позже патронажем Белого облака и Белого лотоса в 1296–1308 гг. в г. Ханчжоу был издан буддийский канон⁹.

Нарастает контроль государства за деятельностью буддийских общин. Наставник Цзун Нин (919–1001) выступил с обоснованием необходимости такого контроля. По его мысли, император, как бесспорный глава китайского государства и китайского общества, является и главным законным контролером всей деятельности буддистов. Буддизм полезен императору для ведения дел страны. Каждая из трех главных китайских религий (каждое из главных учений) — буддизм, конфуцианство и даосизм занимают свое место в функционировании государства. Поэтому долг императора следить за деятельностью этих трех религий и направлять эту деятельность в интересах государства¹⁰.

Исследователи полагают, что традиция школы Чань — во многом продукт времени правления в Китае династии Сун, а не более ранней Тан. Российский буддолог Е.А. Торчинов писал, что «процесс институционализации Чань завершается в XI–XII вв.»¹¹. В настоящее время имеются переводы чаньских текстов на русский язык, однако среди таковых нет переводов чаньских песнопений (стихотворных текстов)¹².

Что касается рекомендуемого читателю текста, то, хотя он и не датирован, его можно отнести к XII в. или даже к концу XII — началу XIII в., учитывая публикацию его набором. Тангутский язык текста позволяет отнести его принадлежность к тангутскому государству Си Ся или Великое Ся (982–1227 гг.), тем более что в тексте есть ода с упоминанием государства Ся. Наличие этой оды и отсутствие упоминания имен переводчиков заставляет даже думать о вероятности изначального составления этих стихов на тангутском языке, хотя бы части таковых.

В свое время автор этих строк опубликовал перевод оды, которая была посвящена государству Ся¹³. Учитывая степень изученности тангутского языка тех лет, это скорее был эмоциональный пересказ приблизительного содержания оды. Позволю себе предложить ее новый перевод:

*Ода славному дому
и собственному пути государства Ся*
Одержаны великие победы,
Надежен свой авторитет.
Нет на чужих глазах бельма,
То, что достигнуто, открыто и ясно!

⁸ *Ter Haar Brend.* White Lotus Teaching in Chinese Religious History. Leiden, Brill, 1992.

⁹ Buddhism in the Sung. Ed. by P.N. Gregory and D.A. Getz // A Kuroda Institute Studies in East-Asian Buddhism. 13. Honolulu, 1999. P. 506.

¹⁰ Buddhism in Sung. С. 38.

¹¹ Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб., 2000. С. 196.

¹² Линь-цзи лу. Вступит. ст., пер. с кит., коммент. и грамматический очерк И.С. Гуревич. Памятники культуры Востока. XV. СПб., 2001; Буддизм в переводах. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992, пер. Е.А. Торчинова и К.Ю. Солониной. С. 35–128; Альманах. Вып. 2. СПб., 1993. С. 88–99; Чаньские истины. Пер. с кит., предисл. и коммент. К.Ю. Солониной. СПб., 1998.

¹³ Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 277–278.

級 級 備 益 兼 脈 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級

級 級

級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級

四 級

級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級
 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級 級

Рис. 2. Лист 2

Корень рода государей не прерывается,
 Сыновья-потомки наследуют друг другу,
 Молва о славном доме [государей]
 Вознеслась и подобна павлину.
 [Если] легнее солнце докучает жарой,
 Где найти прохладу?
 Снег лежит в горных ущельях,
 В горах найдешь прохладу.
 Разве лунный свет
 Виден, оттого что небо темное?
 И разве только после того,
 Как из белых облаков выпал снег,
 Становится очевидным, где границы [страны]?
 Темные облака летят в пустоте,
 Чисто дыханье луны,
 Тонкие [шелковистые] травы
 [Как] птица феникс и львята.
 В одиночку идешь по горным лесам,
 На просторах [слышен] рев [олений].
 А затем обнаружишь барсов, тигров и зеленых драконов!
 Два человека идут,
 Медленно ступают один за другим
 И, на двух ногах идучи, падают
 Там, где и одну [ногу] негде поставить.
 Это время, когда начинаются осенние дожди
 И снег в ущельях изнутри птичьих гнезда засыпал!

Ода безусловно не перевод с китайского. Хотя и в сдержанном тоне в ней восхваляется славный правящий дом императоров Нгвемви, трон в котором переходит от отца к сыну, и собственный путь государства Ся. Одержаны победы, это признано и соседями, нет больше бельма непризнания на их глазах. Описание природы страны определенно содержит намеки в духе Чань, луна (читай — государство Ся) ярко светит не потому, что небо темное, а сама по своей сущности, природе. И границы страны определяет не только выпавший из облаков снег, отделивший белое от черного. Белые облака — явный намек на учение Чань школы Белого облака, и выпадающий из этих облаков снег — это распространение учения, и он тоже отнюдь не определяет границ влияния Чань. Феникс — знак счастливого предзнаменования, лев — символ могущества и один из эпитетов Будды. Зеленый (черный) дракон тоже счастливое предзнаменование, а тигр и барс символизируют силу и храбрость людей и их страны. Явные иносказания и последние строки оды — под двумя медленно идущими людьми можно понимать соседей — киданей и Китай (если это так, то это относит текст оды к началу XII в.), из другого тангутского текста «Крупинки золота на ладони» мы знаем, что именно «кидани ступают медленным шагом»¹⁴. Их время — время упадка, время осенних дождей и первых снегопадов в горах. Снег проник внутрь их гнезда, т.е. упадок коснулся самого сокровенного.

Изучая на тексте этого памятника рифмованную поэзию на тангутском языке, д-р Аракава Синтаро перевел некоторые оды — «Человек, который следует пути воды и обретает знание» (с. 76–8а оригинала), «Песни боли и тоски. Предостережение против тайных стрел» (с. 34а–38б) на японский язык¹⁵. Ниже для иллюстрации характера текста памятника автор тоже предлагает читателю несколько своих переводов:

¹⁴ Невский Н.А. Тангутская письменность и ее фонды. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Кн. 1. М., 1960. С. 81.

¹⁵ Shintaro Arakawa. About the Rhymes in Tangut Verses. Reanalysis of Tangut Rhyming Poetry in San shi shu ming yan ji wen // Kyoto University Linguistic Research. Vol. 20. Kyoto, 2001. P. 211–221.

Песня

Учитель есть [или] Учителя нет?
 [Если] нет Учителя, [то] откуда знания?
 А если есть знания, [но] нет Учителя,
 Кто Учителя знает? (с. 36)

Любопытны также «Двенадцать рекомендаций о том, как предостеречь себя самого тому, кто следует по пути Учения»:

1. Согласуй свои действия с тремя достоинствами:
 почитанием родителей, уважительным отношением к друзьям,
 соблюдением молчания и чудесного закона [садхармы];
 Полностью отрешись от преступных действий
 и несправедных поступков окружающего тебя с четырех сторон мира.
2. Открыть ворота и закрыть ворота:
 Следует навечно закрыть ворота всем дурным намерениям.
 Следует распахнуть ворота вступлению на путь делающего добро бодхисаттвы.
3. Находясь в пути на рынке и дома:
 Не позволяй языку оскорблять других, сеять смуту и призывать к мятежу.
 В отличие от других соблюдай тишину, познай тихий досуг и молчание.
4. И на пути Учения и дома блюди себя:
 Во всем не знай досуга, навсегда оставь семью;
 Не причиняй другим вреда, не добивайся заслуг;
 В каждом деле блюди свое, особое!
5. От порога дома уходи на большие дела:
 Стремись только к самому важному — заботе о пути и пользе бодисаттвы,
 Сторонись мирских дел, даже не говори о них.
6. Покинь порог дома:
 Не задерживайся даже на миг, а в одиночестве покинь порог родного дома,
 От всего сердца десять тысяч дел свершая, не сможешь (лакуна).
7. От порога дома уйди в ночь:
 В полночь, под покровом ночи ищи свет вдали,
 Только прилагая все силы к постижению пути [Учения],
 Никогда не будешь одинок!
8. Жену имея, из дома уходи:
 И тремя зеркалами внутреннего света не подавить,
 [Если] три пути садхармы (контроль над телом,
 речью и мышлением) приобретешь!
9. Жену имея, домой приходи:
 Праведную жизнь пять сторон (5 дхяни будда
 пяти регионов) освещают,
 Пять частей дхармакайя¹⁶ в паре процветают.
10. Отрешись от всех мирских дел:
 Опираясь на три¹⁷, Цзиньган-ван
 Мирские несчастья и беды уничтожает.
 Когда полагаешься только на себя,
 Прилагаешь все силы к тому, чтобы следовать пути Учения,
 То в поселениях не находишься.
11. Мирские домашние дела:
 Соблюдай тишину и молчание,

¹⁶ Панча дхармакайя — пять атрибутов дхармакайя, или духовного тела Татхагата: он выше всех моральных установок, спокоен и свободен от всех заблуждений, мудр и всезнающ.

¹⁷ Три силы (*сань ли*) — личная, Татхагаты и внутренняя природа Будды.

Как будто находишься в тюрьме.

Навечно отрешись от всех мирских докук и печалей!

12. Правила жизни приходящих и приезжающих:

Там, где грязно, как в грязной комнате, не живи.

Всегда будь чист душой (сердцем),

Других ложных [учений] не придерживайся (с. 38а–39б).

Приведенные выше в качестве примера три разных по характеру текста в какой-то мере характеризуют содержание памятника. Но можно с уверенностью сказать, что эта книга — важный и перспективный источник для исследования бытования буддизма школы Чань в тангутском государстве.

Книга, о которой мы ведем речь, — одна из немногих в собрании СПбФ ИВ РАН, в колофоне которой, как мы видели выше, четко указано, что она была отпечатана «живыми знаками», «подвижным шрифтом», т.е. набором. Проф. Ши Цзиньбо полагает, что эта книга и другие тангутские книги, отпечатанные подвижным шрифтом, — «самые древние образцы печати подвижным шрифтом в мире, сохранившиеся до наших дней»¹⁸.

Известно, что книгопечатание появилось в Китае, однако не сохранилось никаких сведений о месте появления книгопечатания и о возможных лицах, с именами которых это великое изобретение связано. К X в. в Китае было достаточно широко распространено производство бумаги, в основном из тряпичной массы с добавлением различных растительных волокон¹⁹. В XII в. в тангутском государстве производили бумажные листы шириной до 30–35 см и длиной от 45 до 75 см. Согласно анализу 1963 г., произведенному во Всесоюзном научно-исследовательском институте целлюлозно-бумажной промышленности, сырьем для производства бумаги в основном служили «хлопчатобумажная тряпичная полумасса», «льняная полумасса» и пеньковое волокно. Тушь в Китае изготовляли из ламповой сажи с добавлением камеди (вишневой смолы). Эти исходные материалы способствовали появлению ксилографии — печатанию текста с доски, на которой он был вырезан в зеркальном отражении. Судя по находкам и сохранившимся текстам с упоминанием о печатных изданиях, книгопечатание появилось на западе Китая, вероятно в провинции Сычуань, в IX в.²⁰ Первая известная пока науке книга, отпечатанная способом ксилографии, — «Алмазная сутра» датирована 10 мая 868 г. Это свиток длиной 4 м 80 см при ширине 24,4 см, отпечатанный с шести досок на семи листах бумаги, найденный в 1900 г. А. Стейном²¹. В X–XIII вв. при правлении в Китае династии Сун печатание книг способом ксилографии достигло своего расцвета²² и стало успешно вытеснять рукописную книгу, хотя, как во многих странах мира, рукописная книга и печатная книга сосуществовали достаточно долго. Указывая на особенность развития книгопечатания в Китае, К.К. Флуг писал: «Согласно западноевропейским понятиям, ксилография, или печатание при помощи деревянных досок, представляло собой не более чем предварительный этап в развитии книгопечатания, подготовивший почву для изобретения подлинного искусства книгопечатания при помощи подвижного шрифта. В Китае же, напротив, книгопечатание при помощи досок с момента его появления пользовалось вплоть до последнего времени преимущественным значением, между тем как подвижный шрифт, в особенности первое время, — как некоторое не имеющее большого практического значения нововведение»²³. Ниже мы

¹⁸ Ши Цзиньбо. Си Ся хо цзы бань вэньсянь цзи ци тецзянь (Материалы Си Ся, напечатанные подвижным шрифтом, и их особенности) // Лиши вэньбу (Исторические памятники). 1997, № 6. С. 22.

¹⁹ Лю Жэньгуань, Ху Юйси. Во го гу чжи ды чу бу яньцзю (Первые шаги к исследованию бумаги нашего государства) // Вэньбу (Памятники письменной и материальной культуры). 1976, № 5. С. 78.

²⁰ Pelliot P. Le début de l'imprimerie en Chine. Œuvres posthumes de Paul Pelliot. IV. P., 1953. С. 40–41.

²¹ Carter T.F. The Invention of Printing in China and its Spread Westward. N.Y., 1955. С. 60.

²² См.: Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи. М.–Л., 1953.

²³ Там же. С. 57.

попытаемся ответить на вопросы: почему это было так, почему печатание подвижным шрифтом имело успех не в собственно Китае, а у тангутов и уйгуров и почему понадобилось почти два с половиной века, чтобы оно попало в Европу?

Известно имя изобретателя печатания книг набором — это был некто Би Шэн, и его изобретение датировано девизом правления Цин-ли (1041–1048). Би Шэн изготовил наборные знаки (шрифт) из глины, подвергал их обжигу. Наборной кассой ему служило приспособление, представлявшее собой железную доску, смазанную смесью из сосновой смолы, воска и бумажного пепла, на которую накладывалась железная рамка для разделения строк. Такая рамка заполнялась глиняными литерами, образуя сплошную доску для печатания — матрицу²⁴. Затем он матрицу разогревал и покрывал сверху гладкой доской для выравнивания ее поверхности. Такой способ печатания давал эффект тогда, когда отпечатывались большие тиражи в несколько тысяч экземпляров книг и более. Для каждого знака изготовлялась отдельная литера, но знаков наиболее употребительных, служебных слов и т.п., делалось до двадцати и более. Позже наборной кассой служили деревянные ящики, в которых знаки размещались по рифмам, каждая рифма фиксировалась в наборной кассе бумажным ярлыком. Знаки, которых в наборной кассе не оказывалось, срочно изготовляли прямо на месте. Причина, по которой Би Шэн предпочел делать знаки из глины, а не из дерева, состояла в том, что деревянные литеры от влаги разбухали и поверхность наборного текста становилась неровной. Кроме того, деревянные литеры прилипали к матрице, а глина нет. Могила Би Шэна до сих пор сохраняется в уезде Иншань, провинции Хубэй. В надгробной надписи, в частности, говорится:

Хуайнаньский старец в холщовой одежде
Совершенномудрый господин Би Шэн...
Выделив один знак,
Понял, что он стоит десяти тысяч,
Вырезал знаки, расположил их в два ряда,
Это и есть сунское книгопечатание!²⁵

На данный момент пока не найдено ни одного текста на китайском языке, бесспорно отпечатанного подвижным шрифтом (набором), об этом есть лишь упоминания в литературе²⁶. В написанной в 1298 г. книге Ван Чжэна «Нун шу» («Книга сельского хозяйства») есть раздел о способе печатания книг набором²⁷. В этом тексте дополнительно поясняется, что наборные кассы располагали на вращающемся круге. Однако таких круга было два, отдельный круг использовался для наиболее часто употребляемых знаков. Работали два наборщика — один доставал нужную литеру, второй помещал ее в наборную кассу. Тушь наносили щеткой вдоль строк, после наложения бумаги отпечатки также получали с помощью щетки, которой проводили вдоль строк.

Итак, как объяснить, почему книгопечатание набором не получило распространения в самом Китае? Причина в китайской иероглифической письменности. В «Большом китайско-русском словаре» содержится более 15 500 знаков. Фактически их не менее чем в два раза больше, даже при выделении части наиболее употребляемых знаков наборные кассы были слишком громоздки. Матрицы с набранным текстом тоже не могли долго сохраняться. Поэтому печать с досок способом ксилографии все-таки оказалась удобнее. Доски хранились десятки, а то и сотни лет, и текст в случае необходимости можно было обновлять. Именно поэтому ксилография дожила в Китае до XX в. Исключительно китайским влиянием следует объяснить и то, что книги способом ксилографии печатали на тибетском и монгольском языках, тем

²⁴ Там же. С. 60–61.

²⁵ Ши Цзиньбо, Ясин Ашури. С. 16.

²⁶ Там же.

²⁷ Полный перевод этого текста см.: Флуг К.К. История китайской печатной книги. С. 64–68.

более что такие издания нередко осуществлялись и в Китае. В данном случае решающим фактором оказалась не целесообразность, а культурное влияние. Ниже на примере уйгурского книгопечатания мы можем убедиться в том, что и тибетцы и монголы вполне могли печатать свои книги набором.

Почему книгопечатание набором нашло свое применение в тангутском государстве Си Ся? Прежде всего потому, что тангутских письменных знаков насчитывалось значительно меньше, чем китайских, около 6500, в широком употреблении и того меньше, что и сделало печатание набором более приемлемым, хотя тангуты печатали очень много книг и способом ксилографии.

В предисловии к «Каталогу тангутских буддийских памятников» автор этих строк писал: «Печатание подвижным шрифтом, вероятно, стало утверждаться в Си Ся во второй половине XII — начале XIII в., так как до этого есть только упоминания о государственном управлении печатанием книг способом ксилографии, например в кодексе Си Ся»²⁸. В нашем собрании нет ни одного датированного отпечатанного набором текста, кроме «Собрания слов...», которому посвящена эта статья. В рукописном тексте, датированном 17 июня — 17 июля 1216 г., в пространный колофоне упоминается должностное лицо, ведавшее печатанием книг набором: «Просмотрел текст для императора направляющий-столоничальник печатания книг подвижным шрифтом, начальник мастерской Вон Тву-мбиу» (вероятно, китаец Ван Чжун-цин)²⁹.

Проф. Ши Цзиньбо также считает, что печатание набором получило развитие в Си Ся с середины XII в. По его мнению, первоначально использовались литеры, изготовленные из глины, а затем из дерева³⁰. Не владея соответствующими навыками, я не стану вдаваться в детали возможного различия текстов, набранных или с глиняных литер, или с литер деревянных, а также высказывать твердую уверенность в том, что текст отпечатан набором только по косвенным признакам, когда на это нет указания в колофоне. Обычно обращают внимание на ряд технических признаков, по которым можно предполагать, что книга отпечатана подвижным шрифтом. Это в первую очередь неровность строк (строки), различие в пропечатке знаков в одной строке и т.п. Проф. Э. Гринстед, издавая тангутские тексты из собрания Раху Вира в Индии (микрофильмы были получены от нас и из КНР), высказал соображения о том, что некоторые из них были отпечатаны подвижным шрифтом³¹. Проф. Л.К. Гудрич в частном письме к проф. Р.В. Вяткину, а затем к автору этих строк просил найти среди текстов из Хара-Хото тексты, отпечатанные набором, и опубликовал статью на эту тему³². Предположительно, что среди печатных книг коллекции П.К. Козлова из Хара-Хото может оказаться немало книг, отпечатанных подвижным шрифтом. Но, прежде чем это утверждать, следует, возможно, вместе со специалистами в области полиграфии выделить ряд достаточно надежных признаков, указывающих на использование набора. Ведь отдельные недочеты могли быть допущены и резчиками досок для печатания способом ксилографии, упущения могли иметь место и в процессе печатания.

В 1908 г. в Могаоку (Дуньхуан) в гроте № 181 (по современному китайскому каталогу № 464), построенном во времена существования тангутского государства Ся, были найдены деревянные литеры уйгурского письма для печатания книг набором. В настоящее время они хранятся в Музее Гимэ в Париже. Это выпуклые, рельефные, вырезанные в зеркальном отображении литеры из грушевого дерева или китайского каштана (жужуба). Литеры соответствовали:

²⁸ Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук. Сост. Е.И. Кычанов. Университет Киото. Киото, 1999. С. 23.

²⁹ Там же. С. 491–492.

³⁰ Ши Цзиньбо, Ясин Ашури. С. 40–41.

³¹ Grinstead E. The Tangut Tripitaka. New Delhi, 1973. P. 4–6.

³² Goodrich L.C. Movable Type Printing: Two Notes // Journal of the American Oriental Society. 1974. Vol. 94, № 4. P. 466–477.

- 1) буквам уйгурского алфавита (а, и, к, м, р и т.д.);
- 2) отдельным словам уйгурского языка (бурхан-будда, уч-три);
- 3) основам уйгурских слов;
- 4) аффиксам уйгурского языка;
- 5) сочетаниям букв (мд, кд и т. п.);
- 6) чертам и точкам, используемым в письме.

То есть это была хорошо разработанная и гибкая система набора текста³³. Такая система явилась продвижением книгопечатания не только в иную языковую среду, но и в иную систему письма, письма не иероглифического, каковыми являлись китайское и тангутское письмо. Это был настоящий прорыв в будущее книгопечатания, прорыв, который остался в туне и в силу определенных причин не стал достоянием ближневосточных и европейских культур.

Одновременно, вероятно, в XIII в. в Корее был сделан еще один шаг к совершенствованию книгопечатания. Чиновник Ли Гу Бо (ум. 1241 г.) оставил воспоминания о том, что его отец отпечатал книгу наборным шрифтом, изготовленным из металла³⁴. В 1403 г. в Корее было отлито из металла 10 тыс. иероглифов для печатания книг набором. Книгопечатание книг набором в Японии появилось в XVI в. В целом же в Корее и Японии, как и в Китае, книги печатали способом ксилографии.

Дойдя до границ исламских культур Средней Азии и Ближнего Востока, навыки книгопечатания подвижным шрифтом не получили дальнейшего распространения. Тому были свои причины. В этом регионе бумага, привозимая из Китая, стала первоначально известна в Иране с конца VI — начала VII в. Производство ее было освоено после военного столкновения Арабского халифата и танского Китая в середине VIII в. от пленных китайцев в Самарканде. Лишь со второй половины X в. бумагу стали изготавливать в сирийских и иракских городах. Появление бумаги, заменившей папирус и пергамен, создало основу «расцвета арабской литературы и науки, сопровождавшегося массовым изготовлением рукописных книг»³⁵. Старейшие персидские рукописи относятся к XI в.³⁶. «Книжная продукция производилась в средневековом Иране на двух языках (арабском и персидском. — *Е.К.*), насчитывала многие сотни рукописей и отличалась исключительным разнообразием. Над копированием и продажей произведений персидской и арабской словесности трудились поколения многотысячной армии писцов... Профессиональные переписчики в массе своей работали индивидуально, выполняя заказы как авторов, так и читателей»³⁷.

Ближневосточная рукописная книга отличалась высокими художественными достоинствами, она была дорогой и поэтому не массовой, даже при условии сравнительно широкой грамотности городского населения. Священный для мусульман Коран должен был только переписываться. Поэтому религиозная и культурная традиции книги на Ближнем Востоке не приняли книгопечатания. Сменив буддизм и став религией уйгуров, ислам не востребовал достижений уйгурского (дальневосточного) книгопечатания, не принял их, и, соответственно, ближневосточная книга не стала мостом передачи искусства книгопечатания с Дальнего Востока в Европу. Книгопечатание пришло на Ближний Восток уже из Европы.

В 1727 г. Ибрагим Мутофорил, уроженец Трансильвании, пытался начать печатание книг в Османской империи. Типография его вскоре была разгромлена. Как пи-

³³ Ши Цзиньбо, *Ясин Ашури*. С. 92–105.

³⁴ Петрова С.П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.–Л., 1956. С. 8.

³⁵ Халидов А.Б. Рукописная книга в арабской культуре // *Рукописная книга в культуре народов Востока*. Очерки. Книга первая. М., ИВЛ. 1987. С. 292.

³⁶ Акимушкин О.Ф. Персидская рукописная книга // *Рукописная книга в культуре народов Востока*. С. 360.

³⁷ Там же. С. 375.

сала Л.В. Дмитриева, «книгопечатание встретило яростную оппозицию со стороны духовенства и поддерживающих его феодалов, видевших в книгопечатании вероотступничество: имя Бога и ниспосланный им Коран не должны были воспроизводиться на бумаге механически, к тому же эту бумагу при печатании будут держать грязные руки (или же рука гяура), а в текст Корана могут вкрасться ошибки»³⁸. Против книгопечатания на Ближнем Востоке выступили и переписчики книг, ремесленники, связанные с производством рукописной книги. В результате первоначально для Ближнего Востока оказалась более приемлемой литография, которая не лишала переписчиков работы. Литография на Ближний Восток и в Индию тоже пришла из Европы.

Таким образом, к середине XII — началу XIII в. в Китае и соседних регионах — тангутском государстве Си Ся и уйгурском государстве Кочо (Гаочан) ксилография стала заменяться книгопечатанием набором, т.е. печатание книг примерно на 350 лет раньше вышло на тот уровень, который соответствовал европейскому книгопечатанию середины XV — XVI в. Кажется, эти выдающиеся достижения общечеловеческой культуры не получили в то время дальнейшего широкомасштабного развития. Исламский мир еще не испытывал потребности в печатной книге, и конкретные пути заимствования Европой книгопечатания с Дальнего Востока и из Центральной Азии до сих пор остаются загадкой для науки. Если такое заимствование вообще имело место.

Summary

Ye.I. Kuchanov

Some Preliminary Remarks about the Tangut Text

The Collection of Words Transmitted

through Three Generations from One Person to Another

The collection of Tangut (Hsi Hsia) texts, which were written according to the tradition of the Chinese Buddhist school (Chan), was compiled by two monks—Hui Ming and Dao Hui—approximately in the middle of the 12th century. The publication of these texts is an evidence of the existence of the White Cloud doctrine—a very popular school of the Chan in China in the 11th and 12th century—in the Tangut Hsi Hsia State (982–1227). The scholars believe that the adepts of the White Cloud school were recruited mainly from the educated Buddhists and state bureaucrats. Some texts of this collection have been already translated into Russian, Japanese and Chinese. In the present article, the author also includes a few translations of his own.

The unique feature of this collection is the way of its manufacture. This is the only one known Tangut book printed with a movable script. The name of a Chinaman called Chen Ji-jin, who made the type for printing, can be found in the colophon. Taking this into consideration, the author deals with the history of printing in China, which dates back to the 40s of the 11th century when Bi Shen invented the way of printing with movable script. The author argues why such printing had not been the predominant one in China until the 20th century, while it spread over the territories of the Tangut Hsi Hsia State and the neighbouring Uighur Kocho State. When compared to the Chinese hieroglyphic script, the Tangut one has much less signs. Obviously this facilitated printing. The parts of the Uighur movable script, which were found at Mogaoku (Dunhuan) in 1908, show that such printing had been used in China as well as by the Tanguts and Uighurs 350 years earlier than it was brought into operation in Europe. Printing with movable script did not spread over to the Middle East because there was a strong tradition of manuscript production there. The confessional differences should also be considered. It is still unclear if there is any connection between the invention by Gutenberg and the introduction of printing with movable script in China and the Central Asia.

³⁸ Дмитриева Л.В. Турецкая арабписьменная рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. С. 471.

Рукописи каллиграфической школы Ибн Муклы

(проблема идентификации)

«Тогда на ум приходит имя Ибн Муклы, так как предания о каллиграфии ставят везиру (или его брату) в заслугу введение в течение IV/X в. графической системы, называемой *ал-хатт ал-мансуб*; но тип письма, инициированного ею, остается для нас загадкой — так же как и его отношение к тем типам письма, которые были в употреблении до этого».

Фр. Дерош¹

Рассматривая листы из древнейших рукописных Коранов — их фотовоспроизведения широко публикуются в последние десятилетия², — я обратил внимание на стиль письма в некоторых из них, который показался мне слишком уж необычным. Не будучи палеографом, я заинтересовался не столько конфигурацией букв, сколько письмом как таковым. Три образца, в которых поразившее меня своеобразие выражено наиболее выпукло и наглядно, почти что утрированно (по сравнению с множеством менее выразительных примеров), даются ниже (рис. 1–3) в качестве демонстрационной модели, подчеркивающей, на мой взгляд, лишь главное в этом письме и свободной от всего второстепенного.

О какой конкретно особенности письма идет речь?

Прежде всего это разреженность письма, несвойственная подавляющему числу арабских рукописей. Тем, кто имеет дело не с древними Коранами, а с рукописями более позднего времени, это явление совершенно незнакомо. В поздних рукописях плотность текста достигает такой степени, что пробелов нет не только внутри слов, как здесь³, но даже между соседними словами. Обычно такую высокую плотность связывают с экономией писчего материала, с эстетическими соображениями и т.д.⁴

Полосин Валерий Вячеславович — к.и.н., зав. Сектором Ближнего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ *Déroche F. Les manuscrits arabes datés du IIIe/IXe siècle // Revue des Etudes Islamiques. P., 1987–1989. Vol. 55/57. P. 365.*

² Например: *James D. Qur'ans and Bindings from the Chester Beatty Library. A Facsimile Exhibition. L., 1980; Déroche F. Les manuscrits du Coran. Aux origines de la calligraphie coranique // Bibliothèque Nationale. Catalogue des manuscrits arabes. Deuxième partie: Manuscrits musulmans. T. I, 1. P., 1983; Masahif San'a'. 19 March — 19 May 1985. Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait; Splendeur et Majesté. Corans de la Bibliothèque Nationale. P., 1987; Байт ал-Кур'ан (Бахрайн). Ма'рад нафа'ис Байт ал-Кур'ан ал-Карим. Ма'рад му'аккит мукам фи Дар ал-асар ал-исламийа. Кувейт, май 1987; Déroche F. The Abbasid Tradition. Qur'ans of the 8th to the 10th centuries AD. [L.], 1992 (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. 1); Duda D. Islamische Handschriften. II. T. 1. Die Handschriften in Arabischer Sprache. Tafelband. Wien, 1992; Déroche F. Note sur les fragments coraniques anciens de Katta Langar (Ouzbékistan) // Cahiers d'Asie Centrale, № 7. Tachkent — Aix-en-Provence, 1999. P. 65–73 et Planches couleur VII; и др.*

³ Т.е. в местах естественного разрыва письма из-за шести букв (алиф, дал, зал, ра, за, вав), которые никогда не связываются с последующими буквами.

⁴ Полосин Вал.В. Арабские рукописи: плотность текста и ее конвертируемость в копиях сочинения // Петербургское востоковедение. СПб., 1994. Вып. 5. С. 211 и примеч. 11.

Рис. 1. Венская рукопись Cod. mixt. 814, f. XIb.
Прорисовка (Duda D. Islamische Handschriften. Abb. 15)

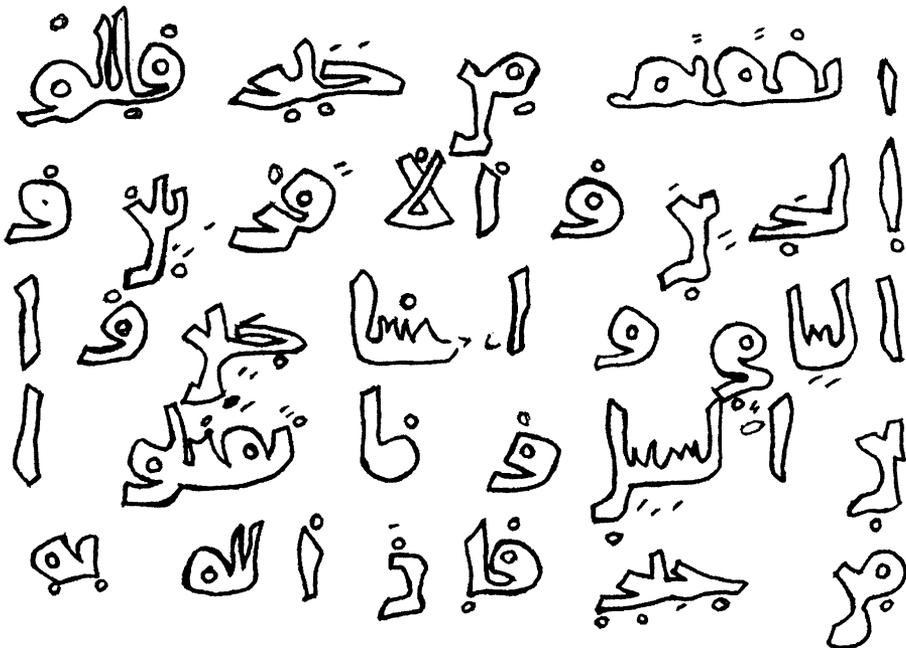

Рис. 2. Бахрейнская рукопись № 23.
Прорисовка (Байт ал-Кур'ан. С. 59. № 23)

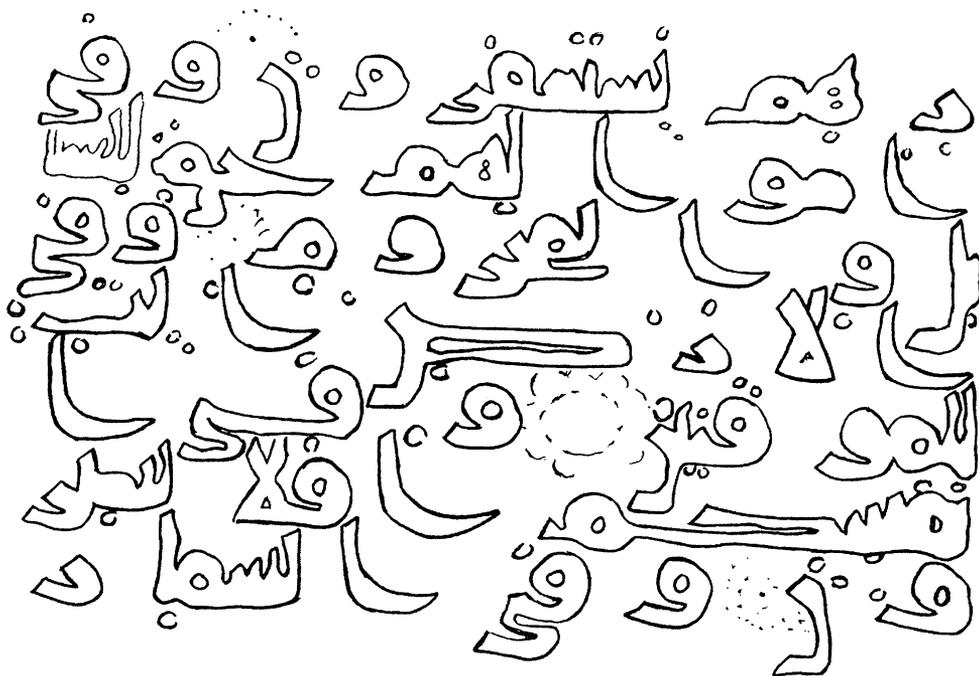

Рис. 3. Бахрейнская рукопись № 20.
Прорисовка (Байт ал-Кур'ан. С. 56. № 20)

Эта поздняя практика благополучно пережила рукописную эпоху и перешла, после заведения первых типографий у ближневосточных мусульман, даже в раннепечатные арабские и турецкие книги⁵, набравшиеся тоже без словоразделов. На фоне этой типичной для рукописей картины подчеркнуто разреженное письмо в старейших кувейтских Коранах выглядит действительно необычно.

К другой особенности рассматриваемого письма можно отнести его загадочную упорядоченность в *диагональных* направлениях (рис. 4, a, b, c).

Под влиянием этой вторичной (диагональной) структуры⁶ в прямоугольнике текста у смотрящего на рукопись то возникает перед глазами, то исчезает зыбкое зрительное представление, которое можно было бы назвать «эффектом шахматной доски».

Эта аналогия сама собой приходит в голову, потому что «графление» шахматной доски организовано так, что все ее 64 квадрата смотрятся одновременно и как взаимно перпендикулярные полосы, и как диагональные. Очень похожую картину дают и наши примеры. Но на шахматной доске природа этого эффекта не вызывает вопросов. А вот как и почему он возникает в арабском рукописном тексте?

Не найдя готовых объяснений ни той ни другой особенности обсуждаемого письма, я все же попытался выяснить их природу. Ниже приводятся первые результаты проведенного в связи с этим исследования.

На рис. 5–6 представлены однотипные аналитические оранжировки всех трех текстов, отобранных для изучения; они, как кажется, открывают возможность отве-

⁵ Лемешева И.П. Турецкая старопечатная книга как предмет библиотечно-библиографического описания // Вестник Восточного института (Acta Institutionis Orientalis). СПб., 1999. Т. 5. № 1 (9). С. 5.

⁶ Первичную структуру текста создают горизонтальные линии строк.

тить на поставленный вопрос. На всех трех иллюстрациях вертикали, нанесенные на текст через равные интервалы (рис. 5, а, b, с), выявляют заметную «настроенность» письма на них как на некие силовые линии. Слова как бы притягиваются к ним — то своими началами, то концами. В других случаях линии проходят прямо через слова, но и тогда они проходят в таких местах, которые также являются то началом, то концом какой-нибудь буквы, или ее серединой, или одним из зубцов буквы. Такое выравнивание текста по одной линии естественно (и поэтому уже не привлекает внимания) в началах строк. На концах строк оно тоже не очень удивляет, хотя понятно, что там соблюсти равенство труднее, чем в начале; не случайно был придуман ход, изящно камуфлирующий просчеты переписчика, не уложившегося в строку, под каллиграфический умысел (рис. 7)⁷. Но тут подобное выравнивание по вертикалям производилось в процессе письма не один и не два раза, а в *пяти* (и даже более) *колонках*, т.е. по несколько раз на каждой строке! Каково происхождение этих равноудаленных вертикальных линий, которые, похоже, служили переписчикам в качестве ориентира на писчем материале?

Графический анализ, представленный на рис. 5–6, предложен мной в развитие гипотезы о геометрической гармонизации между различными структурами дизайна в арабских рукописях и об особой роли в этом «пифагорейского» ряда пропорций. Гипотеза эта уже неоднократно проверялась на прочность на всех видах построений, объединяемых понятием «дизайн арабских рукописей», и полученные результаты частично опубликованы⁸. Накопленный при проверках опыт был приложен к новому объекту — сначала к разлиновке под текст⁹ в рукописях, выбранных для анализа, а затем уже был распространен и на само арабское письмо в них. Результаты этого эксперимента, собственно, и показаны последовательно на серии рисунков, иллюстрирующих данную статью. Добавим к ним короткие комментарии.

На рукописной странице, показанной на рис. 1, а также на рис. 4а, 5а и особенно ба, занятая текстом площадь («разлиновка») имеет формат 3:5¹⁰. В дизайне арабских рукописей эта пропорция встречается часто. В соответствии с этой форматной формулой строки (т.е. длинная сторона формата) и были разделены вертикальными линиями на пять равных отрезков (ср. рис. 5)¹¹. Эта операция вскрыла целый пласт неожиданной и для истории арабской каллиграфии совершенно новой информации. На каждой строке, как оказалось, все фракции текста (слова, буквы, буквосочетания, отделенные друг от друга пробелами) равны «нарезанным» нами отрезкам или же кратны им — как будто и сам переписчик Корана при письме тоже использовал этот же самый прием. В частности, две такие фракции занимают — и не приблизительно, а ровно — по $\frac{3}{5}$ строки (на 1-й и 2-й строках). Еще одна занимает $\frac{2}{5}$ (3-я строка). Есть также фракции в полторы пятых ($\frac{3}{10}$), одну пятую ($\frac{1}{5}$). Некоторые (см. рис. ба) имеют протяженность, равную одной десятой ($\frac{1}{10}$) длины строки.

⁷ Примеры можно встретить на иллюстрациях во многих выставочных каталогах, в частности: De Bagdad à Ispahan. Manuscrits islamiques de la Filiale de Saint-Pétersbourg de l'Institut d'Etudes orientales, Académie des Sciences de Russie [Musée du Petit Palais, Paris, 14 octobre 1994 — 8 janvier 1995]. P., 1994. P. 39. Fig. D-164; p. 264. № 57.

⁸ См. примеч. 27.

⁹ Кругу проблем, связанных с разлиновкой под текст в мусульманских (преимущественно арабских) рукописях, посвящена целая глава в книге: *Déroche F. Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe*. P., 2000. P. 169–195.

¹⁰ Определение формата имеет особенности, обсуждение которых требует отдельной работы. Сам формат, реконструированный нами по фотографии из каталога Д. Дуды, показан на рис. ба (для двух других текстов — на рис. 6б и 6с).

¹¹ Повторюсь, что без всего предыдущего опыта работы с пропорциональным канонном применение здесь этого аналитического приема было бы абсолютно ничем не мотивировано и, следовательно, просто не состоялось бы.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

a

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

b

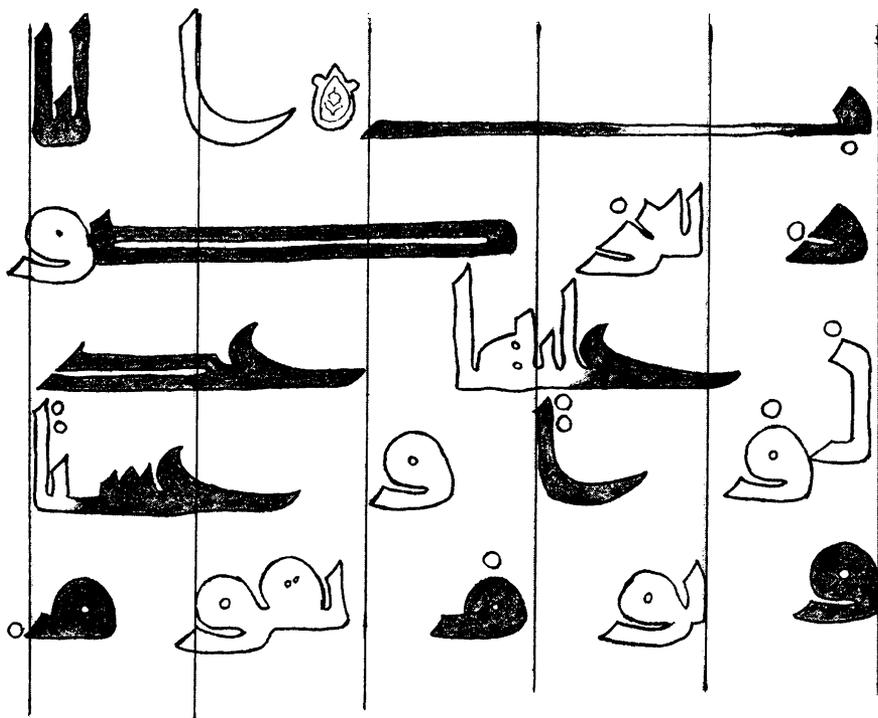

Рис. 4. Диагональный эффект:
 а — Венская рукопись Cod. mixt. 814; б — Бахрейнская рукопись № 23;
 с — Бахрейнская рукопись № 20

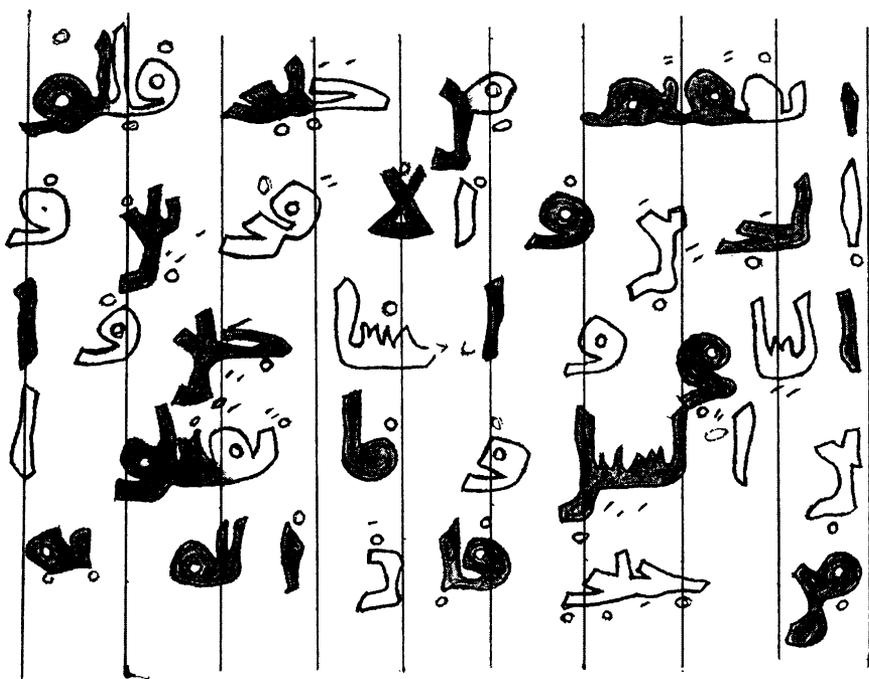
Совпадение габаритных границ письма, точнее — текстовых фракций, с искусственной масштабной сеткой, которая была нами наложена на него, выявляет в большой группе рукописей, а значит, и в самой средневековой арабской каллиграфии новое явление — ритмо-графическое деление строки. Речь может идти, скорее всего, даже об открытии в арабской каллиграфии неизвестного ранее основополагающего принципа, так как за техническим, как кажется на первый взгляд, приемом скрываются, несомненно, определенные *эстетические* претензии. Значение этого явления в целом еще только предстоит осознать и оценить. Но, признав его новой реальностью, уже сейчас можно было бы разбираться в некоторых его частностях. Например, можно рассмотреть некоторые из средств, придуманных для проведения этого принципа в жизнь и, вероятно, обусловивших то своеобразие почерка, из-за которого, собственно, и возник интерес к данной группе рукописей. Специфические характеристики этого экстравагантного разреженного письма, видимо, находятся в прямой связи с пропорциональным делением строк¹².

Следует отметить, что само это письмо, помимо броского своеобразия, на первый взгляд как будто бы безобидного, имеет существенные минусы: оно непрактично. Эти

¹² Среди важных информационных приобретений мы получаем, в частности, ответ на вопрос о том, как возникает упоминавшийся выше эффект шахматной доски. Его порождают, как показывает графический анализ (особенно на рис. 6а), регулярность масштабной сетки (так или иначе, но переписчик пользовался ею) и попеременное заполнение ее литерами и пробелами с по-шаговым сдвигом этих элементов письма в соседних строках. В результате возникает, как на шахматной доске, довольно правильное чередование черных (текст) и белых (пробелы) пятен («клеток»).

a

b

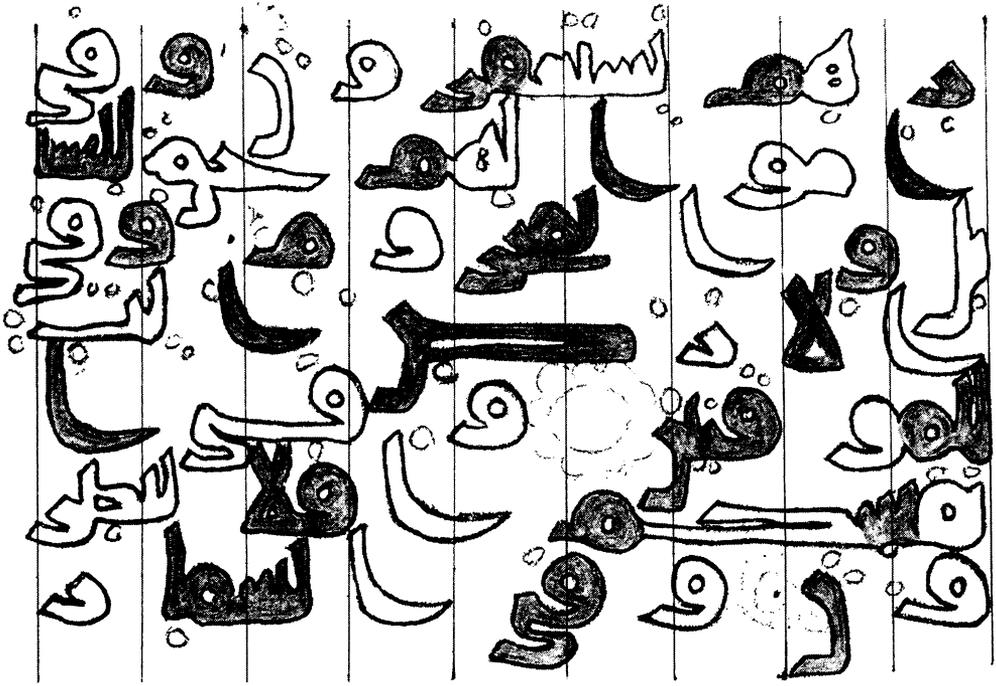

Рис. 5. Деление строк на равные отрезки:

a — Венская рукопись Cod. mixt. 814; b — Бахрейнская рукопись № 23;
c — Бахрейнская рукопись № 20

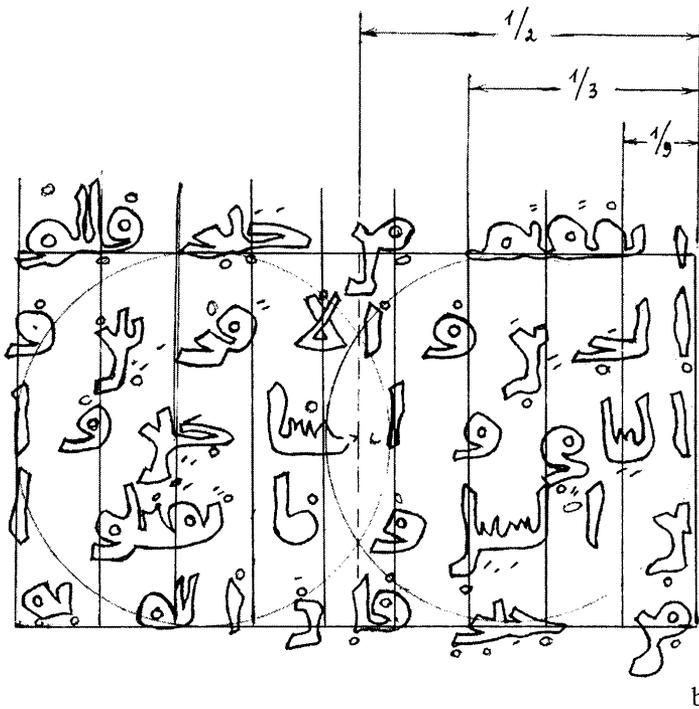
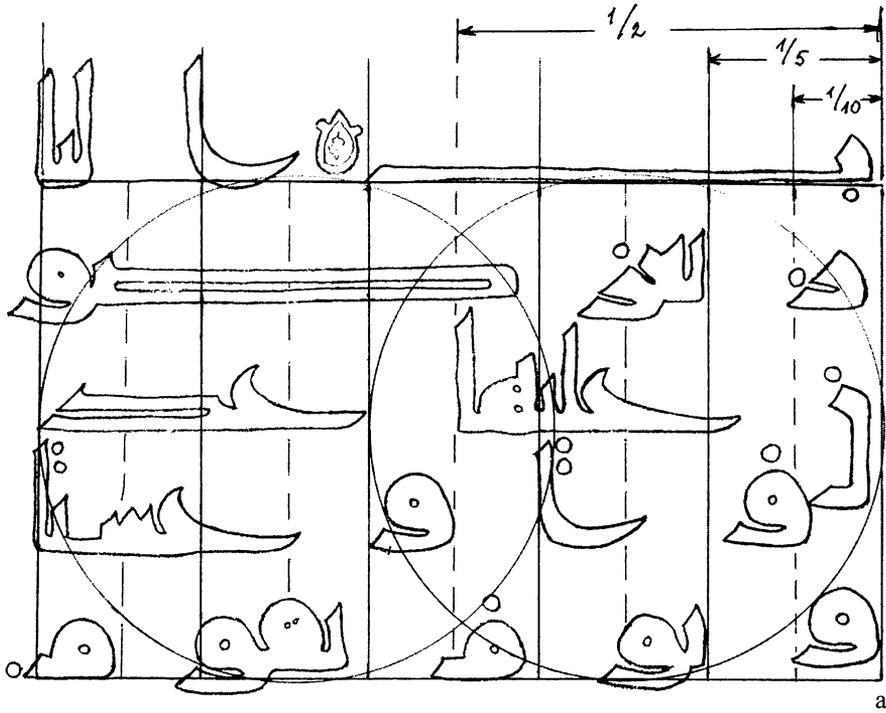
минусы хорошо выявляются в сравнении, при переложении текста с трудно теперь читаемого кувфического написания на привычный насх. Сравним, для примера, текст венской рукописи Cod. mixt. 814, f. XII¹³ (рис. 1) с его «расшифровкой»:

[الْعَذَا // ب . النَّا]
رُيَعْرَضُو/
نَ عَلِيَّهَا عُدُ/
وَأُ وَعَشِيَّأ/
وَيَوْمَ تَقُومُ //

В первой строке нет ни одного *целого* слова: от одного — только его последняя буква, от другого — только его начало. На второй строке — похожая картина; здесь находятся: последняя буква слова, начатого на предыдущей строке, и часть другого слова, последняя буква которого перенесена писцом уже на следующую, третью строку¹⁴. Такими же являются и третья, и четвертая строки. И только на пятой строке

¹³ Коран, 40: 48–49 (по изд. Г. Флюгеля) или 40: 45–46 и 40: 44–45 (по другим изданиям).

¹⁴ Перенос этой последней в слове буквы был неудачей писца: это был «нун» в отдельном написании, которое уходит значительно ниже строки. Здесь эта особенность помешала писцу начать 4-ю строку там, где следовало, потому что начальная позиция была уже частично занята «нуном». Точно такой случай см.: Masahif San'a'. С. 52, № 25, 9-я и 10-я строки снизу (на фотокопии рукописного листа). Такие сбои несколько портят общую картину на зеркале текста, и о них нужно помнить, когда ниже мы будем подробно описывать графическую структуру текстов.

Особенно бросается в глаза характерное для этого письма обособленное и справа и слева написанное несвязанного *алифа* (в частности, в артикле); это тоже съедает немало места на строке и усиливает впечатление общей дискретности письма. Так в чем же все-таки смысл такой расточительности? Что выигрывал переписчик, выбравший для себя такой затратный (и в этом смысле абсурдный) стиль работы? Уравновешивались ли очевидные издержки этого стиля выигрышем в каком-нибудь другом отношении?

Рассмотрим другую характеристику этого письма, оставшуюся до настоящего времени подспудной, — его приспособленность к пропорциональному делению строки.

Как представляется, именно *пропорциональная упорядоченность* письма, неожиданно обнаружившаяся в тестируемых рукописях, и могла быть противовесом его недостаткам. При определенных условиях она вполне могла компенсировать повышенную затратность письма. Например, в случае, когда пропорциональность рассматривалась бы писцом как самоценность, а такое — по крайней мере однажды — в истории арабской каллиграфии случилось, но позже (об этом — ниже). По существу, как раз те изъяны письма, которые были отмечены выше, облегчали осуществление пропорциональной организации текста в строке и на странице в целом. Одни из них делали текст максимально дробным и, следовательно, гибким, более податливым при подгонке его под счетные единицы длины. Другие делали отдельные его фракции, наоборот, максимально протяженными и, следовательно, малочисленными на строке и поэтому легче соотносимыми с теми же счетными единицами. Пробелы, характерные для этого письма, помимо своей естественной, но в каком-то смысле необязательной роли словоразделителей¹⁸, имели то же самое назначение, что и текстовые фракции: они участвовали в логическом делении строк на счетные единицы, и их размеры, вероятно, тоже были соотнесены с длиной строк. Не имея никакой смысловой нагрузки, они могли балансировать пропорциональность: складываться с текстом то слева, то справа, примыкать к нему — или своим стандартным размером, или (при необходимости) с незаметным для глаз уменьшением или увеличением его. Переписчику это давало возможность на каждой строке коррелировать движение текста с теми счетными единицами, которые задавались формулой пропорционального деления строк. Все это можно представить в виде схематических записей, привязанных к нашим иллюстрациям. Так (вернемся еще раз к прилагаемым иллюстрациям), в первом примере (рис. 6а) пропорциональный характер письма может быть записан следующим образом:

$$\begin{aligned} 1\text{-я стк.:} & \quad \frac{3}{5} + \frac{2}{5} \left(\frac{5}{5} \text{ ед.}\right)^{19} \\ 2\text{-я стк.:} & \quad \frac{1}{5} + \frac{1}{5} + \frac{3}{5} \left(\frac{5}{5} \text{ ед.}\right)^{20} \\ 3\text{-я стк.:} & \quad \frac{1}{5} + \frac{3}{10} + \frac{1}{10} + \frac{2}{5} \left(\frac{5}{5} \text{ ед.}\right)^{21} \\ 4\text{-я стк.:} & \quad \frac{1}{5} + \frac{1}{5} + \frac{5}{20} + \frac{7}{20} \left(\frac{5}{5} \text{ ед.}\right)^{22} \\ 5\text{-я стк.:} & \quad \frac{1}{5} + \frac{1}{5} + \frac{1}{5} + \frac{1}{5} + \frac{1}{5} \left(\frac{5}{5} \text{ ед.}\right)^{23} \end{aligned}$$

Во втором примере (рис. 6б)²⁴ соответствующая запись примет следующий вид (все строки делятся на трети, а также, кроме 4-й строки, еще и на половины):

¹⁸ Все, кто переписывал изучаемые нами рукописи Корана, умели писать и без словоразделителей. Именно так, без пробелов, в этих рукописях записаны названия сур (см., например: *Déroche F. Les manuscrits du Coran. Pl. II, B; pl. IV, A–F; De Bagdad à Ispahan. P. 87*). Это противопоставление двух стилей прямо на соседствующих строчках рукописи тоже говорит о многом, по крайней мере — о нарочитости преобладающего (дискретного) стиля.

¹⁹ Или более подробно: $\frac{3}{5} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} = \frac{5}{5} \text{ ед.}$

²⁰ Или более подробно: $\frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{3}{20} + \frac{1}{20} + \frac{3}{5} = \frac{5}{5} \text{ ед.}$

²¹ Или более подробно и точно: $\frac{1}{20} + \frac{1}{20} + \frac{1}{20} + \frac{7}{20} + \frac{1}{10} + \frac{2}{5} = \frac{5}{5} \text{ ед.}$

²² Или более подробно и точно: $\frac{1}{20} + \frac{1}{10} + \frac{1}{20} + \frac{1}{20} + \frac{3}{20} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{7}{20} = \frac{5}{5} \text{ ед.}$

²³ Или более подробно и точно: $\frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} + \frac{2}{10} + \frac{1}{10} + \frac{1}{10} = \frac{5}{5} \text{ ед.}$

²⁴ Текст на этом листе: Коран, 2: 211 (по изд. Г. Флюгеля) или 2: 214 и 2: 215 по другим изданиям. Формат «разлиновки» 5:9.

1-я: $\frac{1}{3} + \frac{2}{3}$; ($\frac{3}{3}$ ед.); 2-я: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.); 3-я: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.); 4-я: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.); 5-я: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.).

Наконец, запись для третьего примера (рис. 6с)²⁵:

1-я стк.: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.)

2-я стк.: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.)

3-я стк.: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.)

4-я стк.: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.)

5-я стк.: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.)

6-я стк.: $\frac{4}{9} + \frac{2}{9} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.)

7-я стк.: $\frac{1}{3} + \frac{1}{3} + \frac{1}{3}$ ($\frac{3}{3}$ ед.)

Пошаговая ритмика письма, открывающаяся в приведенных примерах, заставляет вспомнить об Ибн Мукле (272–328/886–940), известном государственном деятеле и знаменитом каллиграфе. Именно ему некоторые арабские источники, а также современная наука приписывают реформу арабского письма, в том числе изобретение так называемого пропорционального письма (*ал-хатт ал-мансуб*). Однако то пропорциональное письмо, которое принято сейчас считать его изобретением, имеет принципиально иной характер, чем то, которое демонстрируется в настоящей работе. Там речь идет только о *конфигурации букв* арабского письма и о пропорциях (в частности, относительно высоты буквы *алиф*), которые следует соблюдать при их написании²⁶. Здесь же речь идет прежде всего о горизонтальной протяженности письма (текста), о делении текста на отдельные фракции, длина которых пропорциональна *внетекстовым* построениям в рукописной книге (в первую очередь формату «разлиновки» под письмо, но также и другим воплощениям абстрактного пропорционального канона²⁷). К какой бы из этих двух разных систем «пропорционального письма» ни относить термин «*ал-хатт ал-мансуб*»²⁸, ясно, что в обсуждаемом нами письме пропорциональность, пожалуй, единственный его очевидный плюс, но он при этом достаточно несом. Если пропорциональность данного типа была в свое, обсуждаемое нами, время (IV/X в.) каллиграфическим новшеством, то этот единственный плюс мог бы, наверно, перевесить в глазах общества все минусы этого письма: и неуклюжее

²⁵ Текст: Коран, 51: 18–22 (по изд. Г. Флюгеля) или 51: 17–21 по другим изданиям. Формат «разлиновки» 5:9.

²⁶ Подробно об этом см.: *Abbott N.* The Rise of the North Arabic Script and its Kur'anic Development, with a full Description of the Kur'an Manuscripts in the Oriental Institute. Chicago, 1939 (The University of Chicago. Oriental Institute Publications. Vol. 50). P. 33–35; *Grohmann A.* Arabische Paläographie. I. Teil. Wien, 1967 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Denkschriften, 94. Band, I. Abh.). S. 15–18; *Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985. С. 170–172; *Акимушкин О.Ф.* Персидская рукописная книга. — Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Кн. 1. М., 1987. С. 137–340.

²⁷ Этим воплощениям посвящена серия моих статей, см.: К описанию арабских иллюминированных рукописей // Петербургское востоковедение. 1993. Вып. 3. С. 153–167; Фронтисписы на масштабной канве в арабских рукописях // Петербургское востоковедение. 1993. Вып. 3. С. 168–178; Мусульманские переплеты с парным бордюром ал-халидийани // Петербургское востоковедение. 1994. Вып. 6. С. 386–392; *Polosin Val.V.* "All is numbers"? An unknown numerical component in the design of medieval Arabic manuscripts // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 5. № 1. March 1999. P. 7–11; Неизвестная числовая эстетика в дизайне турецкой рукописи // Восток: История и культура. Профессору Ю.А. Петросяну к 70-летию со дня рождения / The East: History and Culture. To Professor Yu.A. Petrosyan on the occasion of his 70th birthday. СПб., 2000. С. 234–246.

²⁸ Новые вариации на этот счет см. в статье известного иракского исследователя: *Зуннун Ю.* Кадим ва джаид фи асл ал-хатт ал-'араби ва татаввурих фи 'усурих ал-мухталифа. — Ал-Маврид. 1968. Т. 15. № 4. С. 16–21.

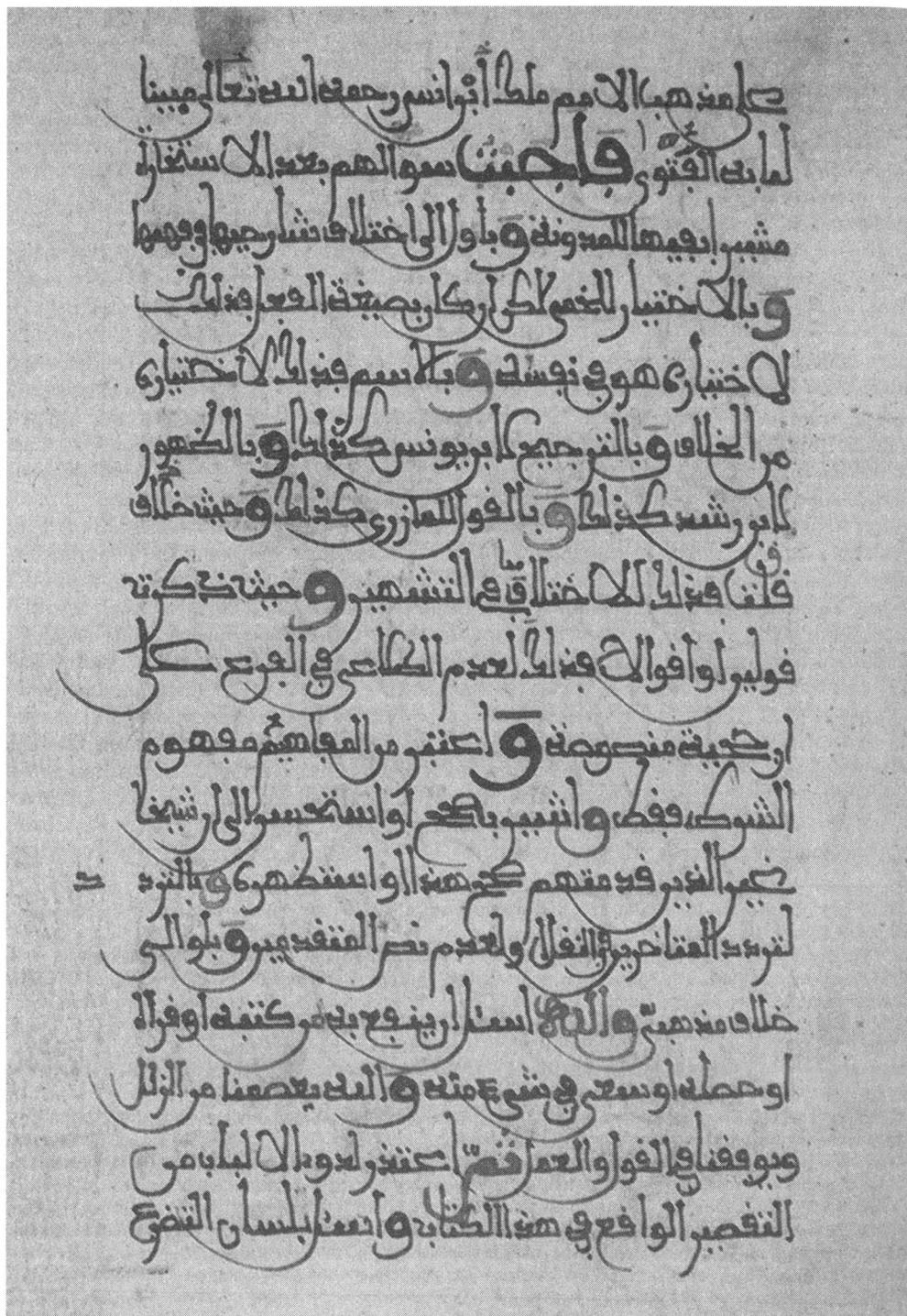

Рис. 7. Рукопись А 139 (XVIII в.), л. 2а. На внешнее поле вынесена буква «дал», не поместившаяся в текстовой полосе

своеобразие буквенных форм, и повышенную дискретность письма, и разрушение его нормальной плотности, и, наконец, сопутствующий ему перерасход писчего материала. А что касается букв и способов их пропорционального построения, которые больше всего ставят в заслугу Ибн Мукле, то и в нашем горизонтально-пропорциональном письме они тоже не лишены определенных нормативных размеров и пропорциональных конфигураций²⁹, но, по-видимому, совсем не в том детально разработанном варианте, который описали Н. Аббот и А. Громан³⁰. Впрочем, эту сторону дела еще только предстоит изучить непосредственно на том материале, который дают рукописи, привлекающие теперь внимание к этому вопросу³¹, и на это потребуется какое-то время.

Между тем, несмотря на свое решительное несоответствие сложившемуся представлению о реформе Ибн Муклы, вновь открытое пропорциональное письмо должно, кажется, принадлежать все-таки именно Ибн Мукле. Это определено следует из одного сообщения в «Фихристе», автор которого был младшим современником знаменитого каллиграфа и реформатора арабского письма³². Насколько мне известно, существенная часть этого сообщения никогда не использовалась писавшими о реформе Ибн Муклы. И только Р. Таджадод и Б. Додж, целиком переведшие «Фихрист» с арабского на персидский и английский языки, никак не могли обойти стороной интересующее нас место. Ввиду чрезвычайной важности свидетельства Ибн ан-Надима о письме Ибн Муклы приведу полностью соответствующее место из «Фихриста».

Арабский текст³³

(C³⁴ л. 5b) قال محمد بن اسحاق:

وَمَنْ كَتَبَ بِالْمَدَادِ مِنَ الْوِزْرَاءِ وَالْكَتَّابِ: أَبُو أَحْمَدَ الْعَبَّاسُ بْنُ الْحَسَنِ وَأَبُو الْحَسَنِ عَلِيُّ بْنُ عَيْسَى وَأَبُو عَلِيٍّ مُحَمَّدُ بْنُ عَلِيٍّ بْنِ مَقْلَةَ (وَمَوْلَاهُ بَعْدَ الْعَصْرِ مِنْ يَوْمِ الْخَمِيسِ لَسْتَعِ بَقِيْنَ مِنْ شَوَّالِ سَنَةِ اثْنَتَيْنِ وَسَبْعِينَ وَمِائَتَيْنِ وَتَوَفَّى يَوْمَ الْإِحْدِ عَشْرِ خَلَوْنَ مِنْ شَوَّالِ سَنَةِ ثَمَانٍ وَعَشْرِينَ وَثَلَاثِينَ). وَمَنْ كَتَبَ بِالْحَبْرِ أَخُوهُ أَبُو عَبْدِ اللَّهِ الْحَسَنُ بْنُ الْعَلِيِّ (وُلِدَ مَعَ الْفَجْرِ مِنْ يَوْمِ الْارْبَعَاءِ سَلَخَ شَهْرَ رَمَضَانَ سَنَةِ ثَمَانٍ وَسَبْعِينَ وَمِائَتَيْنِ وَتَوَفَّى فِي شَهْرِ رَبِيعِ الْآخِرِ سَنَةِ ثَمَانٍ وَثَلَاثِينَ^b وَثَلَاثِينَ). وَهَذَا رَجُلَانِ لَمْ يُرْ مِثْلَهُمَا فِي الْمَاضِي إِلَى وَقْتِنَا هَذَا. وَعَلَى خَطِّ أَبِيهِمْ^c مَقْلَةَ كَتَبَا (وَأَسْمَ مَقْلَةَ عَلِيُّ بْنُ الْحَسَنِ بْنِ عَبْدِ اللَّهِ، وَمَقْلَةَ لَقَبٌ). وَقَدْ كَتَبَ // (C, л. 6a) * فِي زَمَانِهِمَا جَمَاعَةٌ وَبَعْدَهُمَا مِنْ أَهْلِهِمَا وَأَوْلَادِهِمَا^d فَلَمْ يَقَارِبُوهُمَا. وَإِنَّمَا يَنْدُرُّ^e لِلْوَّاحِدِ مِنْهُمْ

²⁹ Следовательно, горизонтально-пропорциональным письмом причастность Ибн Муклы также и к формированию буквописаний вовсе не исключалась бы, а просто отодвигалась на второй план, так как пропорциональность букв вытекала бы из линейной пропорциональности самого письма.

³⁰ См. примеч. 26.

³¹ Следует отметить, что специалисты сходятся в том, что рукописи, переписанные Ибн Муклой, до нашего времени не дошли. Существующее в настоящее время представление о реформе арабского письма, связываемой с его именем, является результатом реконструкции по данным поздних источников, кратким и не очень отчетливым. Один из таких источников иллюстрирован примерами построения конфигурации букв по системе Ибн Муклы, из которых видно, что это почерк принципиально другого типа, чем письмо рукописей, о которых мы пишем (см.: *Grohmann A. Arabische Paläographie. S. 16. Abb. 2*).

³² Ибн Мукла умер в 328 г.х. в возрасте 54 лет, еще не успев состариться. А Ибн ан-Надим, автор «Фихриста», в 340 г.х. (12 лет спустя после смерти Ибн Муклы) был уже взрослым человеком (см.: *Полосин В.В. «Фихрист» Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века. М., 1989. С. 95, № 10*). Кстати, Ибн ан-Надим был знаком по крайней мере с одним человеком, который лично встречался с Ибн Муклой в связи с учеными занятиями последнего (см.: там же. С. 93, № 13).

³³ *Kitab al-Fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Bd. 1. Den Text enthaltend, von J. Roediger. Lpz., 1871; Bd. 2. Die Anmerkungen und Indices enthaltend, von A. Müller. Lpz., 1872. Bd. 1. S. 9: 15–26 (далее — FF). Текст дается по копии с автографа с учетом старой парижской рукописи, а также новых изданий и переводов «Фихриста».*

³⁴ С — «Фихрист» Ибн ан-Надима, рук. 3315 (Chester Beatty Library, Dublin).

الحرف بعد الحرف والكلمة بعد الكلمة وانما الكمال كان لابي علي وابي عبد الله. فممن كتب من اولادهما: ابو محمد عبد الله وابو الحسن بن ابي علي وابو احمد سليمان بن ابي الحسن وابو الحسين بن ابي علي. ورأيتُ مصحفًا بخط جدِّهم مقلَّة.

^a FF ^b «Фихрист» Ибн ан-Надима, рук. Arabe 4457 (Bibliothèque Nationale de France, Paris) (далее — P) — ثلاثين. ^c Так в С и P; FF и FŠ (ал-Фихрист. Та'лиф Мухаммад б. Исхак Ибн ан-Надим. Хаккахау ва каддама ла-ху Мустафа аш-Шувайли. Тунис, 1406/1985) — ابيهما. ^d Так в С, P, FF, FŠ, FT (Китаб ал-фихрист ли-н-Надим. Тахкик Рида Таджадод. Тегеран, 1971). Читать, возможно, следует, перенеся слово «джама'а» к группе «мин ахлихима ва авладихима». ^e Так в С, FŠ, FT, FD (The Fihrist of al-Nadim: A Tenth-Century Survey of Muslim Culture. Ed. and transl. by B. Dodge. Vol. 1–2. N.Y., 1970); P — без диакритических точек, вследствие чего в FF — конъектура (ييدر). См. далее примеч. 40 и 42.

Перевод

Говорит Мухаммад ибн Исхак:

Среди тех вазиров и катибов, которые писали *мидадом*³⁵, — Абу Ахмад ал-'Аббас б. ал-Хасан, Абу-л-Хасан 'Али б. 'Иса и Абу 'Али Мухаммад б. 'Али б. Мукла Последний родился вечером в четверг за девять дней до конца шаввала двести семьдесят второго года, а умер в воскресенье 10 шаввала триста двадцать восьмого года. А среди тех, кто писал *хибром*³⁶, был его брат, Абу 'Абдаллах ал-Хасан б. 'Али; он родился на рассвете в среду в последний день рамадана двести семьдесят восьмого года, а умер в месяце раби' II триста тридцать восьмого года. Подобных этим двум людям не было ни в прошлом, ни в настоящее время. Они оба писали в почерковом стиле их отца, Муклы³⁷ (имя Муклы — 'Али б. ал-Хасан б. 'Абдаллах, а Мукла — это лакаб). При жизни этих двоих писала целая группа, а после них — члены их семьи и дети³⁸, но они не достигли их уровня. *У них у всех*³⁹ *далеко отстоят*⁴⁰ *буква от буквы*⁴¹ *и слово от слова*⁴² (курсив мой. — В.П.). Настоящего

³⁵ «Чернила из сажи типа туши, устойчиво сохраняющие густой черный цвет» (Халидов А.Б. Арабские рукописи. С. 166). О чернилах см. еще: *Déroche F. Manuel de codicologie des manuscrits*. P. 120–145 (литература — в примечаниях) и следующее примечание.

³⁶ *Хибр* — «железистые ореховые чернила, которые со временем, взаимодействуя с бумагой, меняют иссиня-черный цвет на красновато-коричневый» (Халидов А.Б. Арабские рукописи. С. 166).

³⁷ Это замечание, возможно, поддерживается в какой-то мере заключительной фразой цитируемого отрывка «Фихриста», из которой ясно, что Ибн ан-Надим сам лично видел почерк Муклы и мог сравнивать. Мукла умер в зу-л-хиджа 309/апреле 922 г. в возрасте 67 лет (см.: *Yaqut's Dictionary of learned men Moğam al-udabā*. In 20 vol. Ed. A.F. Rifai. [Cairo], [s.a.], IX. P. 29: 10–12).

³⁸ Может быть, слово «джама'а» стоит не на своем месте (см. арабский текст и текстологическое примечание d) и переводить, следовательно, нужно иначе: «При их жизни и после них писала (переписывала) целая группа их родственников и детей (чад и домочадцев)». Так, например, переделал эту фразу и Йакут, знакомый с автографом «Фихриста»: «ва кад катаба фи заманихима ва ба'дахума джама'а мин ахлихима ва вулдихима...» (*Yaqut's Dictionary of learned men*, IX. P. 30: 2–3).

³⁹ «Ал-вахид мин-хум»: «каждый из них» или «все они» (см.: *Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart. Unter Mitarbeit mehrerer Fachgenossen bearb. und hrsg. von H. Wehr. Zweite, unveränderte Auflage. Lpz., 1956. S. 937*). Б. Додж переводит это место иначе (см. примеч. 42).

⁴⁰ О значениях глагола *надара*, соответствующих этому переводу, см.: *Dictionnaire arabe-français contenant toutes les racines de la langue arabe. Par A. de Biberstein-Kazimirski. Vol. 2. P., 1860. P. 1226: «Maddu-l-Kámoos». An Arabic-English lexicon, derived from the best and most copious eastern sources; comprising a very large collection of words and significations omitted in the Kámoos, with supplements to its abridged and defective explanations, ample grammatical and critical comments, and examples in prose and verse; composed by... E.W. Lane. B. I, pt 8. London, Edinburgh, 1893. P. 2780*. См. также примеч. 42.

⁴¹ Имеются в виду, я полагаю, буквы в отдельном написании (союз «ва»), «алиф ал-викайа/alif otiosum», «алиф артикля» и др.), а также буквы в местах естественного разрыва вязи на буквах «дал», «зал», «ра», «зайн», «вав» и «алиф». Примеры есть во всех публикуемых образцах.

совершенства достигли только Абу 'Али и Абу 'Абдаллах. Из числа их потомков писали: Абу Мухаммад 'Абдаллах, Абу-л-Хасан б. Аби 'Али, Абу Ахмад Сулайман б. Аби-л-Хасан и Абу-л-Хусайн б. Аби 'Али. Я видел Коран, переписанный рукой их деда Муклы»⁴³.

Характерный признак письма, конкретно указанный в этом сообщении Ибн ан-Надима, является вторым аргументом для атрибуции и наших трех примеров, и вообще всей серии рукописей такого письма⁴⁴ как памятников каллиграфической школы Ибн Муклы. Среди материалов «Фихриста» об арабском письме и каллиграфии этот признак выделяется именно как фамильный, характерный для всех членов семьи Муклы. На эту же самую характеристику указывает (без ссылки на свой источник) и Йакут ал-Хамави⁴⁵, тоже знаток вопроса, поскольку сбор сведений о мастерах «пропорционального письма» («арбаб ал-хутут ал-мансуба»), в том числе и об Абу 'Али Ибн Мукле, был его специальной заботой⁴⁶. Собственно, сообщения этих двух авторитетных арабских источников делают атрибуцию означенной группы рукописей фактически безальтернативной.

Рукописей Корана с рассмотренным типом письма сохранилось немало. Они дают возможность детально рассмотреть все его особенности и даже его эволюцию, довольно, как кажется, быструю. По первому впечатлению от рукописей этого письма, эволюция показывает постепенное преодоление письмом всех недостатков, отмечавшихся выше. Дискретность письма постепенно смягчается, теряя первоначальный образцово-показательный характер. Вместе с этим меняются конфигурации букв, постепенно расставаясь с подчеркнутой упрощенностью форм; плотность письма возрастает. И к концу IV/X или началу V/XI в. рукописи принимают привычный нам вид,

⁴² Выделенная курсивом фраза является, на мой взгляд, ключевой в сообщении Ибн ан-Надима: в ней говорится о двух типах разрыва в письме — между словами и внутри слов; по этому признаку, действительно, обособляется группа рукописей. Б. Доджем эта фраза переведена иначе: "One of these [kinsmen] might excel in connection with one letter following another or one word after another" (The Fihrist of al-Nadim. Vol. 1. P. 18). Возможно, что на его перевод повлияло пояснение этой фразы арабским издателем другого текста, в котором она приводится дословно, но без ссылки на «Фихрист» Ибн ан-Надима: «Йурид аннаху йа'ти би-л-хараф ва-л-калма 'ала микдар мин ал-джауда ахйанан» (Yaqut's Dictionary of learned men. IX. P. 30. N. 2). Наоборот, комментарий к этому месту в первом издании «Фихриста» ориентирует читателя все-таки на дискретность в письме Ибн Муклы, хотя он и основывается на конъектуре (глагол *bazara* вместо *надара*): «*b-z-r* ist hier vom Hinstreuen auf das Papier gebraucht d. h. einzeln, wie Saatkörner (wie in hebräischen), nicht mit einander verbunden (wie in der syrischen und arabischen Schrift) einen Buchstaben nach dem andern, ein Wort nach dem andern auf das Papier oder jedweden andern Schreibstoff hinzeichnen» (Kitab al-Fihrist. Bd. 2. S. 5, Anm. 8 zu Zl. 9) = «*б-з-р* употребляется здесь в значении 'рассыпать по бумаге', т.е. по отдельности, как семена (как в еврейском письме), а не связано друг с другом (как в сирийском и арабском письме), выписывать (букв.: рисовать) на бумаге или любом другом материале для писания буква за буквой, слово за словом» (перевод проверен и уточнен моей коллегой из Германии Зигрид Кляйнмихель, за что приношу ей искреннюю благодарность).

⁴³ Kitab al-Fihrist. Bd. 2. S. 9:15–26.

⁴⁴ Из общей массы эта серия рукописей была выделена по палеографическим и некоторым другим признакам (но вне связи с Ибн Муклой) уже Ф. Дерошем, который предложил и свое название для письма, характерного для них, — *старо-аббасидское*: «Les écritures coraniques des IIe/VIIIe et surtout IIIe/IXe siècles sont mieux connues: elles sont clairement composées, la ligne de base tendant à se réduire à un trait rectiligne continu. Les styles se définissent à la fois par leur module et par la forme de leurs lettres; ces dernières sont très constantes et les variantes pour un même graphème sont évitées. Traditionnellement, le nom de 'coufique' est appliqué à ces écritures: malgré la modicité qu'offre cette dénomination, il paraît dangereux de l'appliquer à un ensemble d'une grande variété et très large diffusion et nous avons suggéré de lui réserver la dénomination d'"écriture abbasside ancienne" (ill. 10, 10 bis et 41)» (Déroche F. Manuel de codicologie des manuscrits. P. 234).

⁴⁵ The Irshad al-arib ila ma'rifat al-adib, or Dictionary of learned men of Yaqut. Ed. by D.S. Margoliouth. Vol. 1–7. Leyden–London, 1907–1927 (Gibb Memorial Series. VI, 1–7). Vol. 3. P. 150; Yaqut's Dictionary of learned men. IX. P. 29: 14.

⁴⁶ Там же. P. 29: 13–14.

уже *ничем* не напоминающий рассмотренные в настоящей статье образцы. Ничем, кроме одного — самого принципа пропорционального членения строк. Он, кажется, полностью уцелел и обнаруживается в письме и более поздних арабских рукописей, заставляя вспомнить известные замечания Ибн Халликана⁴⁷ и ас-Сафади⁴⁸ о том, что *современное им* (а это XIII–XIV вв.) арабское письмо основано на некоем нововведении Ибн Муклы, конкретно, впрочем, ими не раскрываемом. Теперь это самое нововведение попадает наконец в поле непосредственного наблюдения, и изучение рукописей, отнесенных нами к школе Ибн Муклы, может быть, внесет ясность в противоречивые представления о реформе арабского письма в IV/X в.

Summary

Val.V. Polosin

Manuscripts of Ibn Muqla's Calligraphical School (a problem of their identification)

One more variant of the "proportioned writing" attributed to Ibn Muqla (886–940) is put forward in the present article.

Manuscripts of this writing, widely known under the term *al-khatt al-mansub*, have got at once the status of treasure in the Muslim world and consequently many stories regarding such manuscripts can be found in sources. Unfortunately, there are no data in such stories about concrete features of this writing. For this reason none of the Arabic manuscripts in existence could so far be associated with Ibn Muqla's style of writing.

Only in 1939 an answer to the enigma of Ibn Muqla's calligraphical innovation was suggested by N. Abbott on the basis of a late treatise on Arabic calligraphy. Here is her conclusion, in short: "The *khatt al-mansub* was at last seen to mean just what it said, 'the proportioned writing', that is, writing in which the letters were brought into proportional relationships with one another". In 1967 A. Grohmann has joined this conclusion, and henceforth the problem of Ibn Muqla's reform is considered basically solved, although no genuine samples of his handwriting are known to have survived.

Our hypothesis is based on a new source material concerning the problem in question. This is, first of all, the graphic analysis of the writing in those manuscripts, which are nowadays covered, after F. Déroche, under the term "manuscripts d'écriture abbasside ancienne", namely—in the Qur'ans of oblong format, copied in 9th–10th c. A.D. in Kufic script. This analysis shows a sort of rhythmical filling lines with Arabic letters, words or parts of words and brings to light direct dependence of this rhythm upon the proportional characteristic of the area intended for the writing. This is, thus, another type of "the proportioned writing" than that of N. Abbott and A. Grohmann. The second factor is Ibn Muqla's manner to write. It is described in Ibn al-Nadim's *Fihrist*, but this important evidence has surprisingly passed by attention of all researchers. This manner coincides with results of the mentioned graphic analysis and can be observed, in fact, only in Kufic Qur'ans of oblong format.

⁴⁷ Wafayat al-a'yan. Ibn Challikani Vitae illustrium virorum. E pluribus codicibus manuscriptis inter se collatis nunc primum arabice edidit, variis lectionibus, indicibusque locupletissimis instruxit F. Wüstenfeld. Fasc. 5. Gottingae, 1838. No. 468; fasc. 7. Gottingae, 1839. No. 708; Ibn Khallikan's Biographical Dictionary. Transl. from the Arabic by Mac Guckin de Slane. Vol. 2. P., 1843. P. 282; vol. 3. P., 1868. P. 270.

⁴⁸ Das biographische Lexikon des Salahaddin Halil ibn Aibak as-Safadi. T. 4. Hrsg. von S. Dederling. Wiesbaden, 1959 (Bibliotheca Islamica, 6d). S. 110: 12.

Коммерческие каталоги индийских книгоиздателей

Коммерческие каталоги, т.е. брошюры, содержащие перечни предлагаемых покупателю книг с указанием цены, выпускались на Востоке, в частности индийскими книгоиздателями (XIX в.) и книготорговцами Туркестана (начало XX в.), но, будучи публикациями сугубо утилитарного назначения — как буквари, календари и т.п., они к настоящему времени практически не сохранились.

Автор считает большой удачей ввести в научный оборот два подобных издания: каталог издательства «Аудх ахбар» Мунши Наваля Кишора и торговый каталог бомбейского книготорговца Мирзы Мухаммад б. Мухаммад-Рафи Малик ал-Куттаба Ширази¹. Каталог Мунши Наваля Кишора датирован 1874 г., доступный нам 44-й выпуск каталога Малик ал-Куттаба опубликован в 1910 либо в начале 1911 г. Эти брошюры объемом в 116 и 24 страницы изданы литографским способом в Лакхнау и Бомбее.

Мунши Наваля Кишор с 1876 г. помещал перечни своих изданий на обложках выпущенных им книг по тематическому принципу: на книгах теологического содержания приведены издания по теологии, на обложках поэтических сборников — списки диванов и поэм и т.д. Этот способ оповещения о своей продукции, очевидно, был сочтен более рациональным.

Щеглова Олимпиада Павловна — д.и.н., вед. н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ При написании статьи были использованы каталоги и библиографии печатных книг на персидском языке: *Arberry A.Y.* Catalogue of the Library of the India Office. Vol II, pt. VI (Persian books). L., 1937; *Edwards E.M.A.* A Catalogue of the Persian Printed Books in the British Museum. L., 1922; *Storey C.A.* Persian Literature. A bio-bibliographical survey. Vol. I-II. L., 1927–1971; *Стору Ч.А.* Персидская литература. Библиографический обзор. Ч. I–II. М., 1972; *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ч. 1–2. М., 1975; *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Восточного отдела Научной библиотеки им. А.М. Горького Ленинградского государственного университета. М., 1989; *Щеглова О.П.* Коммерческий каталог бомбейского книгоиздателя как источник для изучения книжной культуры мусульманского общества Ирана и Индии // ПП и ПИКНВ. XXII, 1. М., 1989; *Мушар Ханбаба.* Фихрист-и китабха-йи чапи-йи фарси. Джилд-и 1–2. Тегран, 1337–1342; *Мушар Ханбаба.* Фихрист-и китабха-йи чапи-йи фарси (Фихрист бар хисб-и асами-йи кутуб). Джилд-и 1–2. Тегран, 1350–1351; *Фихрист-и чапи-йи фарси аз агаз та ахир-и сал-и 1345.* Бар асас-и фихрист-и Ханбаба Мушар ва фахарист-и Анджуман-и китаб. Джилд-и 1–3. Тегран, 1352. Библиография новейших исследований в области литографского книгопечатания на персидском языке содержится в работах немецкого ученого У. Марцольфа. См.: *Marzolph U.* Narrative Illustration in Persian Lithographed Books // Handbook of Oriental Studies. Section I. The Near and Middle East. Vol. 60. Brill–Leiden–Boston–Köln, 2001. Каталог Мунши Наваля Кишора хранится в Лондоне в библиотеке Британского музея. См.: *Edwards E.M.A.* A Catalogue of the Persian Printed Books in the British Museum. L., 1922. P. 589. Два выпуска каталога Малик ал-Куттаба находятся в Санкт-Петербурге, в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ранее ЛО ИВАН). Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ч. 1–2. М., 1975, № 1782 и в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (ранее ЛГУ). См.: *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Восточного отдела Научной библиотеки им. А.М. Горького Ленинградского государственного университета. М., 1989, № 800 (уточненное описание).

Мирза Мухаммад Малик ал-Куттаб в своем издании сообщает, что его публикации каталога, носившего название «Кашф ал-худжуб фи асма ал-кутуб» («Снятие завесы с названий книг»), были ежегодными, но другие выпуски нам неизвестны.

Прежде чем говорить о содержании каталогов, остановимся кратко на деятельности издателей, с именами которых каталоги связаны.

Мунши Наваб Кишор (1836–1895)² — фигура мирового значения, его издательство «Аудх ахбар», действовавшее с 1858 г. в Лакхнау и несколько позднее в Канпуре, считалось крупнейшим в XIX в. на Востоке. В 1995 г. научная общественность отмечала 100-летие со дня смерти великого индийского издателя.

Полиграфическое предприятие Мунши Наваб Кишора включало в себя собственно издательство с большим штатом редакторов, корректоров, переписчиков, отдел переводов, литографию с некоторым количеством наборных станков, бумажную фабрику. Здесь выходили книги на урду, санскрите, некоторых других индийских языках, на персидском, арабском и английском, готовились переводы с персидского и арабского на урду, с санскрита — на персидский.

За 35 лет издательской деятельности Мунши Наваб Кишор выпустил в свет несколько тысяч книг, по нашему мнению, только на персидском языке издательство опубликовало больше книг, чем какое-либо другое как в Иране, так и в Индии. В продукции «Аудх ахбар» была представлена едва ли не вся тематика персоязычной письменной словесности, начиная от комментариев Корана и кончая популярными произведениями анонимной литературы. Исторические, биографические, агиографические труды, толковые и учебные словари, грамматические работы, художественные произведения во всем их многообразии, медицинские и географические работы наряду с трудами по фикху разных школ и суфийскими исследованиями разного рода — краткий перечень издательской тематики.

По инициативе Мунши Наваб Кишора был предпринят перевод многих персидских работ на урду, перевод и публикации на персидском индийских эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна». Художественный стиль оформления книг в издательстве «Аудх ахбар» стал каноном в индийской литографской книжной графике на несколько десятилетий.

Издания Мунши Наваб Кишора хранятся во всех научных библиотеках мира. После его смерти основанное им издательство получило его имя.

Мирза Мухаммад Малик ал-Куттаб (род. 1269/1852–53, был жив в 1915 г.) — деятель иного плана. Выходец из Ирана, он нашел свою вторую родину в Индии, в Бомбее, где с молодых лет занялся книжной торговлей³. Издательская деятельность Мирзы Малик ал-Куттаба началась в 1877 г. и продолжалась по крайней мере до 1911 г. (дата последней доступной нам работы). Мирза Малик ал-Куттаб осуществил многие десятки публикаций: нам известны 117 изданных им книг на персидском языке, а он выпускал и арабские труды; кроме того, он сам является автором 13 или 14 сочинений.

Тематика опубликованных Малик ал-Куттабом книг разнообразна. Среди его изданий — комментарии к Корану, сборники хадисов, шиитские труды, энциклопедии, географические работы и описания путешествий, биографические своды и поэтические антологии. Почти треть всех доступных нам книг составляют произведения

² До недавнего времени Мунши Наваб Кишору были посвящены небольшие статьи, в частности на персидском языке: *Курайши Ш. М.* Мунши Наваб Кишор // Рахнама-йи китаб, сал-и 17. Тегран, 1353. В настоящее время его деятельность начинает интересовать западных ученых (Shaw G.W.). На русском языке см.: *Щеглова О. П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР: она же. Персоязычная литографированная книга индийского производства (XIX в.). СПб., 2001. С. 35–44.

³ *Storey C.A.* Persian Literature. A bio-bibliographical survey. № 662; *Щеглова О. П.* Литографское книгоиздание на персидском языке в XIX в. в Иране и Индии (на основе Санкт-петербургских коллекций). Дисс. на соискание уч. ст. д. ист. наук. СПб., 1995. С. 123–136.

художественной литературы, причем он стремился издавать сочинения, не привлекавшие внимание других предпринимателей. Значительное число изданий Малик ал-Куттаба составляют работы по философии, суфизму, истории культуры. Постоянным предметом интереса издателя была история, прежде всего труды, посвященные Ирану. Вместе с тем часть его печатной продукции составляли сочинения по астрологии, алхимии, применению талисманов и т.п. Пик издательской активности Мирзы Малик ал-Куттаба приходится на 90-е годы XIX в.

Издательское предпринимательство Мирза Малик ал-Куттаб совмещал с книжной торговлей. Со временем он стал крупным книготорговцем и был связан с коммерсантами Ирана, Индии, Ближнего Востока и Египта. Издания Малик ал-Куттаба хранятся в английских и петербургских собраниях, учтены в иранских библиографиях.

Предисловия и послесловия к книгам, выпущенным Мунши Наваля Кишора и Мирзой Малик ал-Куттабом, выявляют их взгляды на издательское дело, принципы, которыми они руководствовались при осуществлении публикаций, пройденный ими путь.

Мунши Наваля Кишора, как свидетельствует его современник, начал издательскую деятельность с выпуска дешевых книжек для учащихся медресе, постепенно расширяя свое дело, перешел к публикациям важнейших трудов по разным отраслям знания. В послесловиях к изданиям Мунши Наваля Кишора неоднократно подчеркивалось, что владелец «Аудх ахбар» озабочен распространением наук и лично прилагает усилия к сбору древних книг разной тематики. В одном из изданий⁴ Мунши Наваля Кишора заявляет, что профиль его издательства — публикация сочинений с полным уточнением и редактированием текста, снабжение его комментарием. И хотя это дело очень трудное и требует больших расходов, издательство «Аудх ахбар» считает своим долгом ради просвещения народа выполнять эту работу. Ранг «Аудх ахбар», по мнению Мунши Наваля Кишора, другой, чем издательств с малыми средствами, которые вынуждены все время заботиться о своей выгоде, а не о всеобщей пользе. Неоспоримым достижением издательства, полагал его глава, является то, что оно из одного экземпляра делает тысячу и продает свои книги по дешевым ценам.

Малик ал-Куттаб как издатель также руководствовался идеологическими принципами. Но если Мунши Наваля Кишора старался публиковать наиболее известные труды в разных областях знания с тщательной подготовкой текста, то для Малик ал-Куттаба характерно стремление открыть читателю нечто новое, вернуть в обиход забытое, погребенное в хранилищах древностей. Целый ряд публикаций издателя был призван показать богатство мусульманской культуры, философии, литературного наследства. Следует признать, что издания Малик ал-Куттаба нередко предпринимались по случайным спискам, без какого-либо критического подхода к тексту.

Оба издателя — и Мунши Наваля Кишора, и Мирза Мухаммад Малик ал-Куттаб — выпускали работы, имевшие целью познакомить мусульманский мир с событиями европейской жизни, с европейской культурой, причем Мирза Мухаммад сам был автором нескольких подобных книг.

Мунши Наваля Кишора заказал перевод на персидский язык работы английского автора Д.М. Виллока «Россия», это сочинение к тому времени выдержало несколько изданий в Лондоне⁵. Персидский перевод и свое издание в Лакхнау 1888 г. Мунши Наваля Кишора посвятил афганскому эмиру Абд ар-Рахман-хану.

⁴ Эти идеи пронизывают многие предисловия и послесловия к изданиям Мунши Наваля Кишора, в качестве примера сошлемся на послесловие к «Шарх-и Сифр ас-саадат». См.: Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. № 313.

⁵ 4-е издание книги Виллока имело место в 1877 г. Издание Наваля Кишора: *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. С. 1307; Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Восточного отдела Научной библиотеки им. А.М. Горького Ленинградского государственного университета. № 48.

Одним из ранних издательских предприятий Мирзы Мухаммада Малик ад Куттаба была выпущенная в 1877 г. в Бомбее составленная им самим по английским материалам брошюра «История Древней Греции, ее правителей и философии»⁶. Через десять лет, в 1887 г., он осуществил расширенное издание своего сочинения под тем же названием. В 1889 г. Мирза Малик ал-Куттаб публикует «Историю Англии» с кратким обзором истории других европейских государств, эта компиляция была написана им также по английским работам⁷.

По заказу Мирзы Малик ал-Куттаба индийский мусульманин Аббас-хан Рифат подготовил сочинение, посвященное османским правителям и русско-турецкой войне 1877–1878 гг., на основе турецких работ, английской и арабской прессы. Эту работу Мирза Малик ал-Куттаб публиковал дважды: в 1887 г., сразу после написания, и в 1890 г.⁸

Очевидна разница в направленности интересов издателей. Мунши Наваал Кишор основное внимание обращает на литературу на индийских языках (более всего урду), печатает авторов, писавших по-персидски, но живших в Индии, т.е. его деятельность целиком связана с Индией. Что касается Мирзы Малик ал-Куттаба, то его книгоиздательская деятельность была обращена к Ирану, его продукция предназначена прежде всего иранскому читателю, хотя, живя в Индии, он не мог оставаться совершенно в стороне от жизни индийской мусульманской общины.

Оба издателя встретились с большими трудностями в сбыте продукции научного содержания, отзывы переживаемых сложностей встречаются в их обращениях к читателю на страницах опубликованных ими книг.

И Мунши Наваал Кишор, и Мирза Малик ал-Куттаб, посвятив активный период своей жизни книгоизданию, затем обратились к другим видам деятельности: Мунши Наваал Кишор стал членом Национального Конгресса Индии, Мирза Малик ал-Куттаб сосредоточил свои усилия на книжной торговле.

Издательская деятельность Мунши Наваал Кишора явила собой важный этап в развитии восточного книгопечатания, его имя сохранилось в истории культуры Индии. Деятельность Мирзы Мухаммада Малик ал-Куттаба была оценена официальными властями Ирана и Индии: в 1300/1882–83 г., т.е. уже в 30 лет, он получил от Насир ад-Дин-шаха Каджара титул «Малик ал-Куттаб», а в 1317/1900 г. от короля Англии по представлению вице-губернатора Индии лорда Керзона — титул «Хан-Сахиб», но река Времени унесла его имя в забвение.

Обратимся непосредственно к каталогам издателей⁹.

Каталог Мунши Наваал Кишора — брошюра объемом в 116 страниц — адресован урдуязычным покупателям: предисловие, разъяснения внутри рубрик, аннотации даны на урду. Собственно каталог занимает 2–110-ю, т.е. его объем 109 страниц, остальное — предисловие и реклама.

⁶ *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. С. 1300–1301; 2-е изд. см.: *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. № 102.

⁷ *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. С. 1299.

⁸ *Стори Ч.А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. С. 672, 1270. Издания см.: *Щеглова О.П.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. № 103; *она же.* Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Восточного отдела Научной библиотеки им. А.М. Горького Ленинградского государственного университета. № 49.

⁹ Каталоги книгоиздателей использованы нами в указанной выше монографии «Персоязычная литографированная книга индийского производства». Каталог Малик ал-Куттаба посвящена краткая заметка в сб. (см. примеч. 1): *Щеглова О.П.* Коммерческий каталог бомбейского книгоиздателя как источник для изучения книжной культуры мусульманского общества Ирана и Индии. С. 58–63. Учитывая важность материала и малую доступность специалистам малотиражных изданий (монография вышла тиражом в 300 экз.), автор сочла необходимым вновь вернуться к этой теме.

В 29 рубриках материал представлен в виде таблицы, состоящей из трех частей, где приводятся названия книг или изданий, краткие аннотации и цены. Выходные данные отсутствуют, имена авторов иногда названы. Аннотации различны: в отношении известных сочинений составители ограничились замечанием «очень известная книга» либо «прекрасная книга», к некоторым трудам на урду даны пространные аннотации.

В ряде случаев относительно публикаций, подготовленных в издательстве «Аудх ахбар», названы имена лиц, работавших над текстом, имена переводчиков (с персидского на урду), а также меценатов, на средства которых осуществлена подобная работа. В разделе «Коран» названы имена каллиграфов, входивших в штат издательства и переписавших текст для литопечатания.

Разделение по рубрикам проведено по тематическому и языковому признаку. Книги на урду и персидском по большей части тематически определены, издания на арабском, английском и санскрите выделены в самостоятельные разделы.

Близкие по тематике работы в некоторых случаях представлены в нескольких рубриках: учебники — в восьми, теология — в пяти, художественная литература — в четырех.

Каталог открывают официальные издания, содержащие распоряжения английских и местных властей, принятые в период 1843–1873 гг. Далее следуют учебные пособия в количестве 312, что составляет почти треть общего числа включенных в каталог 1066 книг (без изданий законов и карт).

К разряду учебных пособий отнесены как собственно учебники, так и художественные произведения с комментариями, служившие в качестве хрестоматий. В самом обширном разделе из восьми перечислены основные учебники, предназначенные для медресе: 15 изданий на персидском, 73 — на урду и 44 книги, напечатанные шрифтом нагари. В отдельные рубрики выделены пособия для начального обучения на урду, учебники для женщин, пособия по арифметике и математике; грамматики — урду, персидского и арабского языков; учебники по метрике, просодии, сборники инша (стилистика), учебные словари. В числе художественных произведений, традиционно использовавшихся в учебном процессе, названы произведения Саади («Гулистан» и «Бустан»), Низами («Сикандар-наме»), сборники басен в разных вариантах.

Книги теологической тематики сосредоточены в пяти разделах каталога: сочинения о морали и суфизме, работы по исламу и мусульманскому праву, книги на арабском языке, Коран, труды о религиях народов Индии. Их общее число 272: 169 книг на урду, 57 — на арабском и 46 — на персидском. На персидском языке — труды по суфизму, теологии и фикху.

Большое место в каталоге занимают произведения художественной литературы на урду и персидском языке. Это разделы: киссе на урду (58 изданий), маснави и киссе на персидском языке (36), диваны, сборники стихов и маснави на урду (104), диваны и куллийаты (полные собрания сочинений) на персидском (19); в целом 162 издания на урду и 55 на персидском. Разница в количестве изданий весьма показательна, но общее их число — 217 меньше, чем книг учебного назначения.

Разделы по истории включают в себя 44 работы на урду и 20 на персидском языке; медицина представлена в 26 публикациях на урду и в 26 на персидском; раздел «Сборники по наукам и книги о редкостях» (энциклопедии, космографии, оккультные науки) составляют всего 23 названия: 7 на персидском и 16 на урду.

Последние три раздела в каталоге — сочинения на санскрите и других индийских языках (почерк нагари) в 92 изданиях, на английском — 30 работ, в раздел карт входят 15 единиц.

Общее число книг, включенных в каталог, — 1066, общее число публикаций — 1211 (т.е. 1066 книг, 130 законодательных актов и 15 карт). 22 книги были напечатаны другими издательствами, расположенными как в других городах (Калькутта, Дели, Лахор), так и в Лакхнау («Самар-и Хинд») и Канпуре («Низами», «Гулзар-и Аудх»).

Место выпуска изданий самой фирмы Мунши Навал Кишора не указывается, в предисловии отмечено лишь, что в каталог включены книги, опубликованные в Лакхнау и Канпуре. По нашим подсчетам, основная масса продукции издательства печаталась в Лакхнау; книги, выходявшие в Канпуре, составляли примерно треть общего количества.

Подводя итог краткому обзору каталога в целом, отметим некоторые основные моменты.

Прежде всего, издательский каталог однозначно свидетельствует о том, что основную часть выпущенных Мунши Навал Кишором книг составляли книги на урду разной тематики, их 544 из общего числа. На втором месте работы на персидском языке — 249. Третье место занимают издания на индийских языках (шриффт либо, скорее, почерк деванагари) — их 136. Печатаются сочинения на арабском языке — 93 издания, но 24 — это публикации Корана и извлечения из него, и даже некоторое количество книг на английском языке — 30 названий.

Помимо книжной продукции издательство публикует официальные распоряжения и карты — 130 и 15.

Обращает на себя внимание большой объем пособий учебного назначения — 312 изданий. Далее следуют публикации теологического содержания — 272. И наконец — произведения художественной литературы — 217.

Продукция на урду отличается значительным тематическим разнообразием: официальные издания, теоретические и полемические работы по теологии, пособия по ритуалу и молитвенники, труды по фикху двух школ (имамитов и ханафитов), суфийские трактаты и руководства, сочинения по истории, медицине, географии, космографии, художественные произведения разных жанров, трактаты по оккультным наукам и др.

Тематический круг персоязычных изданий примерно тот же, отсутствуют официальные акты и карты. Содержащиеся в каталоге книги на арабском языке в основном представляют собой многочисленные переиздания Корана, учебники по грамматике, логике, риторике, арузу, а также публикации комментариев к Корану, наиболее авторитетных трудов по суфизму, фикху и хадисам.

Издавания на английском языке немногочисленны и тематически разнородны: учебники английского языка, книги по истории, впечатления путешественников об Индии и др.

Уникальную значимость каталогу придают сообщения о ценах на предлагаемые книги: в списках изданий на обложках сообщения о продажных ценах появились значительно позднее, в начале XX в.¹⁰

Далее, более подробно рассмотрим персидскую часть каталога. Представленные здесь 249 книг на персидском языке составляют весьма важную часть номенклатуры персоязычных произведений, востребованных в жизни мусульманской общины Индии.

Размах издательской деятельности фирмы Мунши Навал Кишора во много раз превосходил возможности других книгоиздателей, что, естественно, находило свое отражение в объеме опубликованного материала. Это касается всех тематических разрядов персидской литературы, содержащихся в настоящем каталоге.

Как сказано выше, примерно треть учтенных в каталоге изданий составили учебные пособия. Большинство названных работ выходило в свет во многих издательствах и литографиях Калькутты, Бомбея, Лахора, Дели, а также Лакхнау и Канпура, но в издательстве Мунши Навал Кишора они представлены в наиболее полном объеме.

¹⁰ Так согласно нашим наблюдениям: сделаны при изучении Санкт-Петербургских собраний. Как представляется, каталог Мунши Навал Кишора был использован для комплектации библиотеки Британского музея.

Так, обязательным учебником по грамматике персидского языка служило пособие Раушан-Али «Кавайд-и фарси»¹¹, не менее популярным было стихотворное изложение грамматических правил «Джаухар ат-таркиб» Шива-Рамы Джаухара. Входят в перечень грамматика персидского языка XIII в. «Рисале» Абд ал-Васи Хансави, «Хадаик ал-балагат» Шамс ад-Дина Факира, пособие по риторике, просодии и рифме, «Чахар гулзар» Нисар-Али, где кроме названных тем исследуется и грамматика, и др.

Большой популярностью в традиционном обучении, как известно, пользовались стихотворные пособия. Кроме «Джаухар ат-таркиб» рекомендуются стихотворное руководство по грамматике «Гулшан-и файз» Сипахдар-хана, по разгадыванию загадок — «Рисале-йи Азар-каде» Мухаммад-Усман-хана, также по грамматике, но в орнаментированной прозе «Усул-и барджасте» Абд ал-Хакка Мухдиса Дихлави.

Наряду с выпуском признанных школьных учебников Мунши Наваб Кишор печатает книги местных авторов. В их числе значатся два труда Мирзы Катилы, сотрудничавшего с издательством, — «Шаджаре ал-амани» по грамматике и «Нахр ал-фасахат» по стилистике. Предложены читателю три филологических сочинения по просодии и грамматике Мунши Музаффар-Али-хана Тадбир ад-Дауле, брошюра по просодии «Масдар ал-аруз» Абид-мирзы Лакхнави, учебник по грамматике персидского языка «Масдар ал-фуйуз».

Названные работы сохранились в английских библиотеках, наиболее полно в библиотеке «Индия Оффис», Санкт-Петербургских собраниях, упоминаются в иранских библиографиях.

В разряде «учебные книги на персидском языке для начинающих и пишущих» представлены как письмовники и руководства по стилистике утилитарного назначения, так и работы, служившие образцом изящной словесности, эссе, сборники писем и др.

Вниманию покупателей представлены и снабжены аннотациями письмовники разной степени сложности. Наряду с широко известными руководствами, такими, как «Инша-йи Халифе», «Инша-йи Харикарана», предлагаются книги малоизвестных, по всей видимости, местных авторов. Назовем некоторые пособия: «Инша-йи файзрасан» Хифзаллаха, «Инша-йи Фаиз» Мухаммад-Акрама Фаиза, «Инша-йи Тамиз» Кали-Райа Тамиза. В некоторых изданиях персидский текст снабжен переводом на урду («Инша-йи Сафдари» Гулама Сафдара) либо словарем («Кушаиш-наме» Раджа Карана), иногда помимо формуляров писем включены рассказы и стихи («Лаззат ал-афкам» Маулави Сейида Мухаммад-Али Мусави Дихлави).

В качестве руководства для совершенствования в знании персидского языка предложены собрания оригинальных писем поэтов (Джами, Бидиля), государственных деятелей («Рукаат-и Аламгири», «Мукатибат-и Абу-л-Фазл»), произведения стилистов позднего средневековья («Расаил-и Тугра», «Мина Базар», «Се наср-и Зухури») и современных авторов («Куллийат-и наср-и Галиб» Асадаллаха Галиба, «Пандж рукье» Имам-Бахша Сахбаи) и др.

Как отмечалось выше, в число учебных пособий входили произведения классических иранских авторов в разных объемах и разных формах: полные тексты, извлечения, комментарии и т.п. В каталоге предлагаются четыре издания извлечений из «Бустана» Саади, одно с комментарием, три издательских варианта «Панд-наме», или «Карима», Саади: каллиграфически переписанное, с тюркским переводом и с переводом на урду, его же «Гулистан» и комментированный «Диван» Хафиза. Рекомендованы в качестве учебника уложения Хосрова Ануширвана «Таукиат-и Хусрави».

Но, пожалуй, чаще печатались также включенные в раздел школьных пособий произведения индийских персоязычных авторов. Переработанный вариант Абу-л-

¹¹ Идентификация изданий, названных в обоих коммерческих каталогах, по годам их выпуска проведена нами в монографии.

Фазла Аллами басен «Калила и Димна» в издательстве «Аудх ахбар» многократно литографировался под названием «Нигар-и даниш». Несколько раз в год выходила поэма Висали «Ма мукиман». Читатели могли сопоставить две поэмы с одинаковым названием «Хусн ва ишк» автора XVII в. Нимат-хана Али (ум. 1710 г.) и своего современника лахорского поэта Канхайа Лала.

Не имея возможности назвать все пособия, упомянем завершающий список сборник, в который входили пять произведений, непременно изучавшихся в мусульманской школе: «Карима», «Нам-и хакк», «Махмуд-наме», «Панд-наме» Аттара и «Рисале-йи Казии Кутб». В варианте издательства Мунши Навал Кишора он назван «Пандж гандж-и мураввадж-и Панджаб», в Дели и Лахоре он выходил под названием «Пандж гандж», в Бомбее — «Маджмуа-йи пандж китаб».

Содержание опубликованных пособий соответствовало общепринятым в мусульманской школе традиционным принципам преподавания.

Название рубрики «Ахлак ва тасаввуф» («Мораль и суфизм») определяет общую тему, которая объединяет, как и в других случаях, сочинения разного жанра и направленности. Здесь вновь значатся «Гулистан» в четырех изданиях, «Бустан» в трех, комментарии и глоссарии к ним, «Гулистан» с переводом на урду. В последующие десятилетия сотрудники издательства в списках книг на обложках все эти публикации помещали в раздел учебных пособий.

Определению «ахлак» («этика, мораль») отвечают включенные в рубрику популярные, печатавшиеся повсеместно и впоследствии многократно в издательстве Мунши Навал Кишора такие произведения, как «Ахлак-и Насири» Насир ад-Дина Гуси, «Ахлак-и Джалали» Джалал ад-Дина Давани, «Ахлак-и Мухсини» Хусайн Ваиза Кашифи, «Панд-наме» Аттара, подражания «Гулистану» Саади — «Бахаристан» Джами и «Гулистан» Каани.

Суфизм в этом разделе представлен теоретическими прозаическими работами («Кимийа ас-садат» Газали), признанными поэтическими произведениями («Маснави-йи манави» Руми, «Мантик ат-тайр» Аттара, «Маснави» Бу Али Каландара и Аттара), а также рассказами о суфиях («Маджалис ал-ушшак»).

Даже краткий обзор свидетельствует, что большинство составляли произведения средневековых авторов. Все изданное было популярно в рукописной книге, а в XIX в. печаталось во многих издательских центрах Индии. Лишь незначительное число предложенных покупателю книг принадлежало перу современных авторов. К ним относятся трактат по теории и практике суфизма «Гулшан-и асрар» Мухаммад-Анвара Али Накшбанди Муджаддиди, рассказы о суфийских святых в форме маснави «Тухфе-йи Мухаммади» Амир ад-Дина Паглевала, поэма «Маснави-йи салсабил» Сейид Мунаввар-Хусайна Файза, «Маснави-йи Базм-и Висал» Сабури и «Гулистан» Каани.

Раздел «Религиозные труды по исламу на персидском языке и другое» включает в себя сочинения, посвященные догматам веры, основам мусульманского права и мусульманской агиографии. Основную массу составляют авторитетные труды в каждой названной области. Несколько работ посвящено исследованию Корана, в частности знаменитый комментарий «Тафсир-и Хусайни» Хусайн Ваиза Кашифи. Издательство Мунши Навал Кишора несколько раз в разных вариантах печатало классическую работу по фикху ханафитской школы «Викайя» Махмуда б. Садр аш-Шарийа. В этой рубрике предлагается персидский пересказ этого труда с комментарием Абд ал-Хакка Сирхинди «Масаил-и шарх-и Викайя», или «Тарджуме-йи фарси Шарх-и Викайя».

Несколько изданий связано с ритуалом хаджжа, назван, в частности, известный труд Абд ал-Хакка Дихлави «Джазб ал-кулуб». В числе агиографических трудов предлагаются широко известный и популярный у издателей труд упомянутого Абд ал-Хакка Дихлави «Мадаридж ан-нубувват», посвященный Мухаммеду, не менее знаменитый труд Хусайн Ваиза Кашифи «Раузат аш-шухада», биографии Мухаммеда,

его семьи и других шиитских мучеников, биографии святых и суфиев, собранных в труде Дара Шекуха «Сафинат ал-аулийа» и др.

Пожалуй, единственная работа в этом разделе посвящена актуальной для жизни индийского общества XIX в. проблеме — движению ваххабитов — это полемический антиваххабитский трактат Мухибб-Ахмада «Таварик-и Ахмадийе». Но следует заметить, что теологические проблемы излагались и дискутировались в этот период индийскими мусульманскими авторами на языке урду и это обстоятельство нашло свое отражение в рассматриваемом каталоге: выделен раздел с названием «Книги по религии народов Индии».

Весьма интересен раздел каталога: «Лексиконы: урду, персидские и арабские». К 1874 г., году издания данного каталога, Мунши Навал Кишор осуществил публикации капитальных, пользовавшихся авторитетом на протяжении нескольких веков толковых словарей: арабского — «Камус» Фирузабади и персидского — «Бурхан-и кати» Бурхана, а также арабо-персидских — «Сурах» Джамал ал-Кураши, «Мунтахаб ал-лугат» ал-Мадани.

Наряду с классикой Мунши Навал Кишор опубликовал получившие признание работы индийских лексикографов XIX в.: «Гийас ал-лугат» Гийас ад-Дина Рампури, персидский толковый словарь, наиболее часто выпускавшийся литографами Индии, а также урду-персидский словарь Аухад ад-Дина Билграми «Нафаис ал-лугат».

В коммерческом каталоге представлены и учебные словари. Столь же обязательным в традиционном персоязычном мусульманском учебном процессе, как «Гулистан», был классический рифмованный арабско-персидский словарь «Нисаб ас-сибйан» Абу Насра Фарахи (XIII в.). В издательстве «Аудх ахбар» он печатался несколько раз, в том числе и в год выпуска каталога. Одновременно выпускаются пособия современных авторов. Судя по аннотациям составителей каталога, авторами являлись преподаватели учебных заведений: «Карим ал-лугат» составил Маулави Карим ад-Дин, инспектор школ, «Иман ал-лугат» — Маулави Иман ал-Хакк, мударрис.

Произведения художественной литературы помещены в двух разделах каталога: персидские прозаические и поэтические повествования и маснави, куллийаты и диваны на персидском языке.

Первый раздел, как и в других случаях, объединил разные произведения по жанру и форме. Тем не менее выявляется стремление (и это отмечено в аннотациях) показать исходный образец и последующие варианты в развитие сюжета. Так, сюжет «Лайли ва Маджнун» представлен поэмой Низами и произведениями Амир Хусрава и Мулла Хатифи. Составители каталога полагают, что Файзи создал поэму «Нал ва Даман» в продолжение идеи Низами. Тема «Йусуф ва Зулайха» представлена поэмами Низами, Джамии, Назима Харави, Фирдауси. Составители каталога считают, что Маулана Хатифи, воспевая подвиги Тимура в поэме «Зафар-наме», в качестве образца имел в виду «Сикандар-наме» Низами. В аннотации к «Маснави-йи Санбулистан» Тафте отмечено, что это произведение написано по образцу «Бустана» Саади и др.

В этот же раздел включены комментарии к поэме Низами «Сикандар-наме» Амир Султана Суфйани, Мухаммада Гилави и «Комментарий ученых из Калькутты».

Помещенные в этом разделе сборники касыд Урфи и Бадр-и Чача аннотируются составителями как «известные учебные книги», назван здесь и комментарий к касыдам Бадр-и Чача «Шарх-и Усманхани» Усман-хана Рампури.

Заслугой Мунши Навал Кишора были организация и издание переводов с персидского на урду, с урду и санскрита на персидский. К этому роду публикаций в данном разделе относятся пересказ на персидском языке санскритского извода басен Хитопадеша «Муфаррик ал-кулуб» и многократно переиздававшаяся новелла «Бахар-и даниш» Инайаталлаха Канбу.

В предложенном покупателю списке значатся также лирические («Маснави-йи Зулали», «Найранг-и ишк» Ганимата Лахури), панегирические («Саки-наме» Зухури, «Киран ас-садайн» Амир Хусрава Дихлави), мистические («Нале-йи манзур» Манзур Ахмада), эротические («Каза ва кадад» Таджалли) и другие поэтические произведения по большей части в форме маснави.

В рубрике «Куллийаты и диваны» названы лишь два собрания сочинений иранских поэтов: «Куллийат» Саади и «Диван» Хафиза. Все остальные — персоязычные поэты Индии от Амира Хусрава Дихлави до современников издателя. К 1874 г. Мунши Навал Кишор опубликовал куллийаты Амир Хусрава, Бидилия, диваны Саиба, Насир-Али, Махфи, Гани, Хилали, Галиба Дихлави и др. Выпущены диваны поэтов-суфиев: Муин ад-Дина Чишти, приписываемый Абд ал-Кадиру Джилани «Диван-и Гаус-и азам» и др.

В раздел «Книги по истории на персидском языке» включены 20 изданий, но две книги не принадлежат издательству.

Первым в перечне названо сочинение, посвященное провинции Ауд, — труд Гулам-Али-хана Накави «Имад ас-саадат», написанный в 1808 г., издан в 1864 г., т.е. в первые годы деятельности издателя.

Основную часть рубрики составляют капитальные труды по истории мусульманского правления в Индии: «Акбар-наме» Абу-л-Фазла Аллами, «Тарих-и Фириште» Хиндушаха Фириште, «Мунтахаб ат-таварих» Бадауни, «Сийар ал-мутааххирин» Сейид Гулам-хана Табатабаи и др. Изданы две работы, касавшиеся современной истории Индии: «Сахифе-йи валакадри» Мухаммад-Башира и «Тарих-и Даккан» Абу-л-Алима Насраллах-хана. В 1874 г. были опубликованы два капитальных труда по всеобщей истории: «Тарих-и Табари» и «Раузат ас-сафа», правда, в каталоге упомянуто лишь «История» Табари. Мунши Навал Кишор дважды, в 1871 и 1874 гг., опубликовал образец XIX в. жанра всеобщей истории — труд «Джами ат-таварих» адвоката Факир-Мухаммада. В Канпуре в 1867 г. вышло собрание хронограмм на даты рождений, смерти и других событий в жизни известных мусульманских деятелей от времени Мухаммеда до середины XIX в. — «Мифтах ат-таварих». Любопытно отметить, что автором работы был чиновник английской администрации Бейл.

Как и в других случаях, рубрика объединяла произведения, разные по форме и жанру. Некоторые из них, строго говоря, трудами по истории могут считаться лишь отчасти, как, например, сочинение Гулам-Али Азада Билграми «Хизане-йи амире», словарь биографий поэтов. В разряд исторических сочинений индийские книгоиздатели традиционно включали эпическую поэму Фирдауси «Шах-наме». Включена поэма Касими с аналогичным названием о подвигах Исмаила Сефевиды. Поэтические произведения Нимат Али-хана «Джанг-наме» и «Вакайи», посвященные эпизодам могольских междоусобиц, также неизменно значились в числе исторических работ.

Подводя итог сказанному, отметим, что коммерческий каталог свидетельствует, что к 1874 г. Мунши Навал Кишор опубликовал основные работы по истории мусульманского периода в Индии, особенно расцвета империи Моголов. Большинство названных трудов были переизданы в последующие два десятилетия, в ряде случаев первые издания были пересмотрены и усовершенствованы.

В разделе «Медицина» значится 26 изданий, но два из них не принадлежат Мунши Навал Кишору. Собранные в рубрике книги в подавляющей части — 21 из 24 — представлены в каталогах Эдвардса и Арберри, сравнение английских собраний с коммерческим каталогом издательства выявляет, что в период с 1863 по 1874 г. в Лакхнау были выпущены 14 книг, а в Канпуре — 7.

Подавляющая часть названных работ принадлежала индийским медикам эпохи Моголов. Надо сказать, что Мунши Навал Кишор не был единственным книгоиздателем, публиковавшим медицинские сочинения прошлых веков. В XIX в. по-прежнему

в практической медицине использовались лечебники, составленные в средние века, они печатались литографским способом во всех значительных центрах — Дели, Бомбее, Лахоре. Описание болезней, методы лечения, способы приготовления простых и сложных лекарств — основное содержание этих работ.

Судя по каталогу, Мунши Наваал Кишор опубликовал наиболее значительные труды по медицине на персидском языке, главным образом написанные в Индии. В этом числе труд Баха ад-Дауле Нурбахши «Хуласат ат-таджариб», пять сочинений Акбар-хана Арзани, «Махзан ал-адвийе» Мухаммад-Хусайн-хана и др. Печатались не только классические труды, но и работы медиков XIX в. Коммерческий каталог свидетельствует о некоторых изданиях известных сочинений («Дастур ал-иладж» Султан-Али Хурасани, названы более поздние издания), которые не представлены в специальной библиографии Ч. Стори.

Знакомство с книгами, собранными в разделе «Медицина», как и в других случаях, убеждает в том, что к 1874 г. в издательстве «Аудх ахбар» сложился основной перечень публикаций и, хотя впоследствии он был дополнен некоторыми новыми названиями, основное внимание уделялось воспроизведению получивших признание и раскупленных изданий.

Обращение к аналогичному разделу книг на урду убеждает в том, что Мунши Наваал Кишор организовал работу по переводу на урду признанных наиболее авторитетными пособий на персидском языке индийских медиков.

Раздел «Собрание наук и другие книги о редкостях» составляют 23 издания, но два из них не принадлежат «Аудх ахбар». На персидском языке — шесть сочинений, девять изданий.

Объединение в одном разделе книг на персидском и урду не случайно: здесь помещены персидские оригиналы и их переводы на урду. Открывают рубрику издания «Аджаиб ал-махлукат» Закарийа Казвини, классического произведения в жанре «рассказы о странах и диковинках», и его перевод на урду. Далее следует аналогичное по содержанию «Малумат ал-афак» Амин ад-Дин-хана и его перевод на урду. Читателю предлагаются две энциклопедии, составленные в Индии в XIX в.: «Матла ал-улум ва маджма ал-фунун» Ваджид-Али-хана, энциклопедия наук и искусств, и «Махзан ал-улум», энциклопедия гуманитарных и естественных наук Враджи Моханы. «Матла ал-улум» представлена и в переводе на урду.

В рубрику в качестве редких книг включены трактат о музыке Маулави Мухаммад-Усман-хана и впечатления о путешествии в Англию Йусуф-хана Камалпуша, обе книги на урду. Здесь же помещены книги на трех языках — урду, персидским и арабском: собрание пословиц «Хазинат ал-амсал» Хакиката и изречения по разным случаям «Рийаз ал-фирдаус» Маулави Мухаммад-Хасан-хана Шахджаханпури.

Мунши Наваал Кишор, как и другие издатели, выпускал трактаты по оккультным наукам, но коммерческий каталог подтверждает, что такого рода изданий в его продукции было немного.

В остальных разделах каталога представлены книги на арабском, урду, санскрите и английском языках. Публикации Корана и отдельных сур примечательны тем, что в их подготовке своим искусством могли блеснуть каллиграфы, работавшие в штате издательства.

По всей видимости, не лишен интереса раздел «Религиозные книги народов Индии на урду, персидском, почерком фарси», но нам не удалось отождествить названия собранных в рубрике работ с персоязычной номенклатурой доступных каталогов и библиографий. Заметим лишь, что здесь представлены переводы, выполненные в издательстве Мунши Наваал Кишора, и в ряде случаев оговаривается монопольное право издательства на переиздание.

Заключая вышесказанное, сформулируем несколько выводов.

1. Каталог 1874 г. подтверждает мнение, что издательство Мунши Навал Кишора «Аудх ахбар» было крупнейшим центром книгопечатания в Индии и, шире, на Востоке во второй половине XIX в. Оно публиковало книги на многих языках: урду, персидском, арабском, санскрите, хинди, бенгали, английском, чему способствовало использование литографского, относительно более простого и дешевого, вида издания. В издательстве осуществлялось печатание карт и цветных иллюстраций.

2. Каталог выявляет общую для всех издательств основу успешной деятельности — выпуск дешевой, пользовавшейся постоянным спросом литературы. В данном случае это были учебные пособия на нескольких языках.

3. Издатель публикует наиболее значительные, авторитетные труды в различных, в основном гуманитарных, отраслях знания, в персидской части отдавая предпочтения сочинениям персоязычных авторов Индии.

4. Каталог свидетельствует о большой переводческой деятельности (с персидского на урду, частью с английского на урду), инициатором которой был владелец издательства Мунши Навал Кишор.

5. 70-е годы XIX в. — период высшего подъема издательской деятельности Мунши Навал Кишора. Изучение английских каталогов, иранской трехтомной библиографии и петербургских собраний выявило резкое снижение числа изданий в 80–90-е годы. В частности, каталог библиотеки «Индия Оффис» Арберри показывает, что многие популярные произведения представлены несколькими (до десяти) переизданиями 70-х годов и одной-двумя 80–90-х годов. Основной перечень публикаций по ряду тематических направлений: история, медицина, популярные научные книги, словари — сложился к концу 70-х годов XIX в. и впоследствии по мере распродажи тиража воспроизводился вновь. Более подвижная часть списка — учебные пособия, художественная литература, суфийские работы — сохранялась основными публикациями, но постоянно расширялась за счет выпуска новых книг.

Обратимся к каталогу Мирзы Мухаммада Малик ал-Куттаба. На внешней стороне обложки, сверху, помещено объявление на арабском языке, в нем сообщается, что покупатели могут приобрести книги, напечатанные в «благословенной империи Иран, Египте, Бейруте и Хиндустане». Внизу латинскими печатными буквами указан адрес: «Хан-Сахиб М.М. Ширази, Умер Хади Джайл роуд, пост № 9, Бомбей».

Верхнюю часть титульного листа также занимает обращение к покупателям, но уже на персидском языке, ниже собственное название: «Фихрист-и кутуб-хане маусум ба» (мелкими буквами) и крупно: «Кашф ал-худжуб фи асма ал-кутуб».

Напомним, что основное различие двух каталогов состоит в том, что каталог Мунши Навал Кишора (также «фихрист-и кутуб...») содержит его собственные издания, выпущенные в «Аудх ахбар», и лишь 22 книги, по нашим подсчетам, принадлежат другим литографиям, а Мирза Малик ал-Куттаб предлагает прежде всего иностранную продукцию и лишь частью свои собственные публикации.

Отметим, что Мирза Мухаммад б. Мухаммад-Рафи Ширази, получивший от иранского шаха титул «Малик ал-Куттаб», в своем бомбейском адресе называет себя по титулу, полученному от властей в Индии.

На титульном листе каталога Малик ал-Куттаба помещено обращение издателя к читателю. Он сообщает, что закончился 43-й год его «служения на благо ислама и прогресса». С самого начала своей деятельности, говорит издатель, он старался получать для своей лавки только что выпущенные издания и ежегодно «для пользы ищущих просвещения в ближних и дальних странах» публиковать каталог под названием «Снятие завесы с названий книг», и сейчас вышел 44-й его выпуск.

Мирза Мухаммад приехал в Бомбей в 1285 г.х., так что 43-й год его работы приходится на 1328/1910 г. На странице 2-го каталога помещена реклама книг, вышедших в 1910 г.: «Кашф ал-кашшаф-и асрар-и Касими» Ваиза Кашифи и «Диван» Санаи. Очевидно, выпуск мог увидеть свет в конце 1910 либо, скорее, в 1911 г./1329 г.х.

Каталог представляет собой ветхую брошюру в 24 страницы, целиком заполненных текстом, переписанным очень мелким насталиком, названия рубрик выполнены насхом. На странице помещены три столбца. Мелкий, убористый почерк позволил вместить названия 1303 сочинений, предложенных покупателю: 711 книг на арабском языке, 548 — на персидском, 44 — на урду. Издания размещены в 27 тематических рубриках, 28-я включает рукописи разного содержания. Обязательно приводится название каждого сочинения, правда не всегда точное, язык и цена книги. Имена авторов указаны не во всех случаях, выходных данных нет. Для идентификации собранного здесь материала следовало привлечь существующие каталоги и библиографии. Впрочем, значительное число книг было опубликовано один раз, это дало возможность при сравнении с современными библиографиями определить хронологические рамки книг, представленных в каталоге: последние два десятилетия XIX в. — первое десятилетие XX в.

Источниковедческая значимость каталога Малик ал-Куттаба безусловна, поскольку позволяет составить представление о значительной части публикаций книг на арабском и персидском языках в указанный период и книготорговых связях Ближнего Востока, Ирана и Индии.

Кроме того, «Кашф ал-худжуб» весьма любопытен с библиографической точки зрения: на наш взгляд, он свидетельствует о постепенном приближении коммерческого каталога с простым перечнем названий и цен к библиографиям, построенным по заранее обдуманной схеме. Каталог Малик ал-Куттаба отличается более четким тематическим разделением материала, чем каталог Мунши Наваля Кишора, но в нем нет разделения по языкам.

Назовем рубрики в той последовательности, в какой они представлены в каталоге: 1) Коран и тафсиры, изданные в Иране; 2) догматы веры шиитского мазхаба; 3) фикх шиитского мазхаба, напечатано в Иране; 4) книги по суфизму, мистицизму, познанию Бога, изданные в Иране и других местах; 5) книги по философии и теософии, напечатанные в Египте, Иране и других местах; 6) труды о хадисах шиитского мазхаба, изданные в Иране; 7) сочинения о хадисах, по фикху и о догматах веры суннитского мазхаба, изданные в Египте и других местах; 8) собрания разных наук (энциклопедии); 9) книги по истории на персидском языке и на арабском, напечатанные в Египте; 10) романы, т.е. исторические, политические и литературные новеллы, напечатанные в Иране; 11) словари, арабские и персидские; 12) книги о мужах и потомках имамов; 13) полемические работы по теологии и теософии; 14) тексты тазийе и плачи по имамам; 15) астрология и гадания; 16) молитвенники; 17) художественная литература, книги, напечатанные в Египте и Иране; 18) труды по арузу; 19) риторика, логика; 20) труды по точным наукам и географии; 21) мораль и воспитание; 22) философия и естественные науки; 23) алхимия; 24) медицина; 25) грамматика; 26) жизнеописания и деяния; 27) киссе, хикайаты и анекдоты.

Заключает каталог перечень 15 рукописей разного содержания, язык и цена не названы.

Так же как и при рассмотрении каталога Наваля Кишора, наш обзор касается персоязычных сочинений, хотя в «Кашф ал-худжуб» численно преобладают книги на арабском языке. Для удобства изложения мы объединим 27 рубрик составителя в крупные разряды: теология, история, художественная литература, науки и разное.

Итак, мы видим, что на первое место в каталоге Малик ал-Куттаба помещены идеологически направленные издания: Коран, комментарии к нему на арабском и персидском языках, его переводы на персидский, опубликованные, как оговаривается, в Иране.

Издания Корана всегда пользовались спросом и выпускались в большом количестве. Малик ал-Куттаб собрал 19 издательских вариантов: разного формата, с разным числом строк на странице, на разной бумаге, в переплетах и обложках. Весьма популярны

были и комментарии (тафсиры) к Корану, Малик ал-Куттаб предлагает 34 тафсира на арабском языке, 9 — на персидском и 3 — на урду. Составитель утверждает, что издания выпущены в Иране, очевидно, это относится к большинству публикаций, но естественно предположить, что комментарии на урду напечатаны в Индии.

Издатели выпускали по большей части признанные авторитетными труды средневековых толкователей священной книги, и Малик ал-Куттаб, соответственно, представляет читателю, в частности, комментарии Хусайна Ваиза Кашифи (XV–XVI в.) и «Нуджум ал-фуркан» Мустафы б. Мухаммад-Саида (XVII в.). Но предложены и современные работы: «Тафсир-и Сафи» иранского суфия Сафи-Али-шаха Ниматаллахи (ум. 1316/1899 г.), персидский перевод конкорданса Флюгеля к Корану.

Далее помещены два небольших раздела, содержащие труды по шиитской догматике и фикху шиитского толка, напечатанные в Иране. Заметим, что все 15 сочинений по шиитской догматике написаны на арабском языке, преобладают арабязычные работы среди изданий по фикху: 20 — на арабском и 15 — на персидском. Расположение этих разделов сразу после Корана и тафсиров явно указывает на мировоззрение составителя: иранец-шиит именно так и должен был поместить шиитские работы.

В следующий раздел включены произведения суфийского и мистического содержания, посвященные познанию Бога. Сюда, как и в других случаях, помещены сочинения, разные по жанру, прозаические и поэтические. Это один из больших разделов — 100 изданий. Из них 52 на персидском, 27 — на арабском и 13 — на урду, язык 8 изданий не обозначен, это могли быть двуязычные публикации. Покупателю предлагаются труды, освещающие разные стороны суфийского учения и суфийской практики, в основном это средневековые работы: «Кашф ал-махджуб» Худжвири (XI в.), «Кимийа ас-саадат» Газали (XII в.), «Мирсад ал-ибад» Наджм ад-Дина Рази Дайа (XIII в.), «Дурр ал-маджалис» Сайф аз-Зафара (XVI в.) и др. Но названо некоторое количество и современных работ иранских авторов: «Зубдат ал-асрар» Сафи-Али-шаха, «Тухфат ал-мулук» Сейида Джафара Кашфи, «Такдис» Ахмада Нираки и др.

Большое место в разделе занимают поэтические произведения, так или иначе освещавшие пути мистического совершенствования, познания истины. Это произведения Санаи Газнави, Джалал ад-Дина Руми, Фарид ад-Дина Аттара и др.

К разряду суфийских трудов отнесены биографические работы, посвященные суфиям, в частности популярные в рукописях в Иране и Индии «Газкират ал-аулийа» Аттара, «Маджалис ал-ушшак», биография известного индийского суфия Шейха Ахмада Фаруки и др.

Следует вновь заметить, что работы современных авторов немногочисленны и в этом разделе.

В раздел «Философия и теософия» включены 50 изданий, но лишь 5 — на персидском. Здесь значатся сочинения авторитетных философов средневековья: Фахр-и Рази, Ибн Сины, Фараби, Насир ад-Дина Туси, Газали, Садра Ширази, переводы на арабский сочинений Аристотеля. Представлены иранские авторы XIX в. — Ахмад ал-Ахсан, Казим Рашти, Мулла Хади Сабзавари.

Рубрика «Труды, посвященные хадисам шиитского мазхаба, напечатанные в Иране» включает в себя 71 название, большая часть — арабские работы, 30 книг — на персидском, 2 — на урду. Персидскую часть составляют труды Маджлиси, столпа шиитской доктрины, и руководства по ритуалу, в основном средневековых авторов. Из небольшого числа современных работ назовем сочинение составителя каталога Малик ал-Куттаба «Мазхар ал-иджаз».

При всей своей явной приверженности шиизму Малик ал-Куттаб не мог отказаться от литературы суннитского направления. Этот раздел содержит 109 работ, напечатанных, как отмечается, в Египте и других местах. Почти все книги на арабском языке — 93 из 109, 11 на персидском и 5 на урду.

Разделы, о которых шла речь, расположены в начале каталога, один за другим. Но теологическая тематика представлена и позднее, на других страницах каталога. Прежде всего это молитвенники (с. 18), 43 издания, на персидском лишь 4. В рубрике «Полемические работы» собраны сочинения, излагающие постулаты других, немусульманских, вероучений и полемизирующие с ними: 37 названий, на персидском — 13, на урду — 1, остальные на арабском языке. Это один из немногих разделов каталога, где собраны по большей части новые и новейшие работы. Несколько книг посвящено изложению положений зороастризма, две из них были подготовлены к изданию Малик ал-Куттабом («Занд-и пазанд-и Аваста» и «Хвурда Аваста»), три трактата направлены против бабизма и бехаизма, одно сочинение — против христианства и брошюра — против новейшего течения в индийском исламе («найчари»).

Тесно связана с теологической тематикой литература, посвященная пророкам и сейидам. Рубрика «Книги о мужах и потомках имамов» включает 18 сочинений, но на персидском всего три: «Кисас ал-улама», «Тазкират ал-ансаб» и «Санад ас-саадат». Небольшой раздел в конце каталога содержит 12 названий житийной литературы, 6 — на персидском, но три из них упоминаются в других рубриках, остальные — «Джунг-и манакиб», «Манакиб ал-аимме» Мухьи ад-Дина Араби и «Шарх-и касиде-йи Хамрийа».

Заканчивая краткий обзор теологических работ, следует сказать, что они составляют почти половину собранных в каталоге Малик ал-Куттаба книг. Лишь небольшая часть опубликованного была написана в новое и новейшее время. Далеко не все книги представлены в современных каталогах и библиографиях, многие работы, как это было нередко, имели одинаковые названия и могли принадлежать разным авторам и разным эпохам, а, как говорилось ранее, имена авторов чаще составителем каталога опущены. Тем не менее очевидно, что средневековые труды по догматике и ритуалу различных мазхабов, по теории и практике суфизма и по теософии по-прежнему печатаются и находят спрос у покупателя.

Центральное место в каталоге занимает раздел с названием «Тарих» (история, древности). Понятие «история» оказывается очень емким и включает, по мнению составителя, не только сочинения по истории и близким дисциплинам. Сюда отнесены агиографические труды, жития святых, собрания биографий и тазкире (антологии), мемуары, сборники анекдотов об исторических личностях, романы, поэмы на исторические темы, описания путешествий, работы по астрономии и астрологии, в частности переведенные издателем со среднеперсидского две работы, связанные с именем Джамаспа б. Лухраспа, — «Зауджат» и «Джамасп-наме».

В раздел включены названия 151 работы, но четыре книги на персидском языке повторены дважды, названы два рукописных списка, так что можно говорить о 145 изданиях: 44 книги на арабском, 92 на персидском и 9 на урду.

Малик ал-Куттаб предлагает покупателю важнейшие авторитетные труды по истории мусульманского мира. Представлены сочинения, посвященные Индии, всего 92. 26 из них — на персидском языке. Названные здесь работы по большей части посвящены истории могольского правления в Индии, часть из них была опубликована наборным методом в Калькутте в серии «Bibliotheca Indica», как, например, «Мунтахаб ат-таварих» Бадауни, «Икбал-наме-йи Джахангири» Мухаммад-Шарифа, «Тарих-и Фирузшахи» Барани, «Тарих-и мунтахаб ал-лубаб» Мухаммад-Хашим-хана. Но наборных изданий немного, основную часть составляют литографские публикации, выпущенные в Лакхнау и Бомбее. Назовем некоторые из них. Труд Сейида Гулам-Хусайн-хана Табатабаи «Сийар ал-мутааххирин» (XVIII в.) печатался неоднократно, в том числе в 1897 г. в трех томах в издательстве Мунши Навал Кишора, по всей видимости, именно это издание названо в каталоге. Многотомное сочинение Насраллаха Фидаи «Дастан-и турктазан-и Хинд» было издано однажды при жизни автора в Бомбее в 1892 г., так что, очевидно, оно и предлагается покупателю. Несколько книг, посвя-

ценных локальной истории Индии, было выпущено в издательстве «Фатх ал-Карим», в частности, здесь названы две работы по истории Гуджерата — «Мират-и Сикандари» Сикандара Мандху (XVII в., 1890 г. выпуска) и «Мират-и Ахмади» Али-Мухаммад-хана (XVIII в., 1889 г.). Истории Хайдарабада посвящен труд «Гулзар-и Асафийе» Хан-Заман-хана, истории Биджапура — «Басатин ас-салатин» Зубайри и др.

История Ирана представлена многими хорошо известными и по рукописным спискам, и по литографским изданиям сочинениями, такими, как «Тарих-и Табари», «Табакат-и Насири», «Тарих-и Аламара-йи Аббаси», «Джахан-гуша-йи Надири», «Муджам фи асар-и мулук ал-аджам». Наряду с работами средневековых авторов покупателю предлагаются сочинения иранских историков XIX в., в их числе «Наме-йи хусраван» Джалал ад-Дин-мирзы (это сочинение издал сам Малик ал-Куттаб в 1308/1890-91 гг.), «Маасир ва-л-асар» Итимад ас-Салтане, «Фарс-наме-йи Насири» Фасаи.

Малик ал-Куттаб продает и совсем новые издания начала XX в., посвященные, в частности, революционным событиям в Иране: персидский перевод книги Э. Брауна «The Persian revolution 1905–1909», опубликованный наборно в Бушире, и наборное каирское издание 1323/1905-06 г. книги Сейид Хасана Таки-заде «Тахкик-и халат-и кануни-йи Иран».

В разделе «История», так же как и в других разделах, некоторые сочинения названы неточно, по обиходным названиям. Например, титул собственного издания «Зинат ал-балад фи тарих Багдад» Малик ал-Куттаб передает как «Тарих-и Багдад», название работы Рифата «Султан-наме», написанной по заказу Малик ал-Куттаба и им же изданной, передается по содержанию — «Тарих-и джанг-и Рум у Рус», так что идентификация ряда публикаций затруднена.

В раздел включены сочинения, посвященные пророкам, Мухаммеду, шиитским имамам. Наряду со средневековыми работами, такими, как «Кисас ал-анбийа», Малик ал-Куттаб предлагает 11 томов известного труда по всеобщей истории иранского автора Сипихра «Насих ат-таварих», поэму об Али «Ифтихар-наме-йи Хайдари» иранского поэта Ифтихар ал-Улама Сахба. Здесь же мы находим биографические своды, посвященные ученым Индии — «Тазкире-йи улама-йи Хинд» Рахман-Али, Ирана — «Маджалис ал-муминин» Шуштари и «Кисас ал-улама» Тунакабуни, жизнеописание Абд ар-Рахман-хана, эмира Афганистана и др.

В понятие «история, древности» вошли чисто географические работы: известное «Нузхат ал-кулуб» Хамдаллаха Казвини (XIV в.) и «Зубдат ал-ахбар», географическое описание мира, составленное в XIX в. Шири. Здесь находятся и дневники путешественников: описание путешествий в Европу шаха Музаффар ад-Дин-шаха Каджара, кадjarского принца Фархад-мирзы в Мекку, публикации дневников Насир-и Хусрава и Масума б. Рахмат-Али, осуществленные Малик ал-Куттабом, и др.

Предлагается несколько книг по истории европейских стран: персидский перевод труда Вольтера, посвященного Петру I и Карлу XII (Бомбей, 1313/1895-96 г.), и работы, написанные и изданные Малик ал-Куттабом, по истории Англии и две брошюры по истории древней Греции.

В раздел «История» помещены поэтические и прозаические произведения, средневековые и современные, посвященные эпосу, легендарным и полуисторическим преданиям. Покупателю предлагается полный комплект персидского перевода «Махабхараты», он был опубликован в издательстве Мунши Наваб Кишора. Дважды названо «Шах-наме» Фирдауси, видимо разных изданий; представлены две публикации Суруша Тафти 1907 г.: извлечение из «Шах-наме» и сходная по тематике поэма «Бахман-наме». К историческим сочинениям отнесены поэма Асади Туси «Гаршасп-наме», сборник занимательных рассказов «Зинат ал-маджалис» и новейшее подражание Фирдауси — «Шахиншах-наме» Саба, поэмы Туси и Саба издал Малик ал-Куттаб.

После раздела «История» следует рубрика с названием «Романы, т.е. новеллы исторические, политические и литературные, напечатанные в Иране». И безусловно, здесь следовало поместить два переводных романа, включенных в «историю»: «Тарих-и Салма» Дж. Зейдана и «Саргузашт-и ханум-и инглиси дар балва-йи Хинд» Менара.

Появление в каталоге рубрики «Романы» весьма знаменательно для своего времени и характерно, что список переводных европейских романов составитель предваряет следующей аннотацией: «Да будет известно, что знающие люди и ученые Запада, понимая склонность людей к сказке и любовной истории, вкладывают в эти произведения полезные назидания, исторические, географические и другие знания». Иными словами, для составителя каталога переводные романы представляют интерес прежде всего с социальной точки зрения, как способ познания неизвестной исламу культуры, и лишь затем как литературное явление.

Каталог Малик ал-Куттаба содержит 43 названия, которые отражают весь спектр переводов на персидский язык: представлены как шедевры мировой литературы и лучшие образцы беллетристики, так и большое количество бульварной прозы. Первыми в списке названы романы А. Дюма «Три мушкетера» и два его продолжения, «Граф Монте-Кристо» и его продолжение. Как наиболее популярные, эти издания и самые дорогие. Покупателю предлагаются такие хорошо известные произведения, как «Лекарь поневоле» Мольера, «Путешествие Гуливера в страну лилипутов» Свифта, «Телемак, сын Улисса» Фенелона, «Декамерон» Бокаччио, романы Жюль Верна «80 тысяч километров под водой» и «Вокруг света в 80 дней», «Жиль Блаз» Лесажа, «Манон Леско» Аббата Прево и др. Имеются образцы и детективного жанра: рассказы Конан Дойля из серии о Шерлоке Холмсе, «Книга о полиции Лондона» и «Книга о полиции США».

Оригиналы многих названных в рубрике романов могут быть определены специальным исследованием, но назовем некоторые из них в переводе названий: «Приключения Фредерика», «Приключения мадемуазель, дочери Парижа, во время путешествия на Восток», «Приключения египтянина Гермеса и царицы Клеопатры» и др.

Хотя составитель каталога и говорит, что переводы были сделаны с французского языка, но здесь упомянуты исторические романы Дж. Зейдана, а они переводились непосредственно с арабского.

В перечне переводных романов неожиданно оказались два оригинальных персидских произведения. Их названия, так же как и почти всех романов, приводятся неточно, по содержанию, а не по титулу, но идентификация возможна. «Мусафират-и Ибрахим-бик» («Путешествие Ибрахим-бека»), по всей видимости, это известный роман Марагеи «Сийахат-наме-йи Ибрахим-бик йа Бала-йи таассуб-и у», выдержавший в начале XX в. несколько изданий, в том числе и в Индии. Вторая книга — «Мукаламе-йи саййах-и Иран ва шахс-и Хинд» («Беседы иранского путешественника с человеком из Индии») — сочинение неизвестного автора, написанное в форме беседы между местным купцом и проезжим о событиях иранской революции. Произведение было написано в начале 1909 г. и тогда же напечатано в Иране, его название «Мукаламат-и Хаджжи Мукум ва Мусафир».

Самым ранним по времени перевода из названных романов был «Телемак» Фенелона, он издавался в Тегеране в 1304/1886-87 и 1319/1901-02 гг. Остальные переводы и издания были выполнены в 90-е годы XIX в. и начале XX в. Каталог Малик ал-Куттаба позволяет определить другую хронологическую границу — 1910 г. и тем самым подтверждает положение, что основная масса переводов европейских романов увидела свет в первое десятилетие XX в.

Рассматривая раздел, включающий переводные романы, мы поневоле перешли к теме «литературные произведения». Художественная литература в каталоге в основном сосредоточена в рубрике, носящей название «Литература (кутуб-и адабийе). Диваны и

стихи, напечатанные в Египте и Иране». Хотя заголовок позволяет предположить, что речь идет о поэзии, тем не менее сюда включены прозаические сочинения: художественная и орнаментированная проза, тазкире, комментарии к художественным произведениям (шархи), эпистолярная проза.

В списке насчитывается 203 издания: 98 на арабском языке, 96 на персидском, 4 на урду, 1 на персидском и арабском, в четырех случаях язык не определен.

В порядке расположения диванов в рубрике, так же как и в других разделах, трудно выявить какую-либо определенность: хронологию, алфавит, время издания. Скорее можно предположить, что определяющим было место издания. В заголовке указано лишь: «диваны, опубликованные в Иране и других местах».

Первые восемь названий — иранские публикации конца XIX — начала XX в. иранских авторов. Открывает рубрику диван Миджмара (ум. 1810), очевидно, имеется в виду издание, подготовленное иранским эрудитом Джалве и вышедшее в Тегеране в 1895 г. Далее перечислены диваны Хусайн-Али Вафа (ум. 1322/1904-05), опубликован в Тегеране в 1323/1905-06 г., Маджнуна Марагеи, Тегеран, 1322, и др.

Далее, как представляется, следует большой блок изданий фирмы Мунши Навал Кишора. Напомним, что в каталоге нет выходных данных. Здесь перечисляются индийские персоязычные и иранские авторы. Первыми названы куллийаты (полные собрания сочинений) поэтов XII в. Санаи и Мирза Джалал Асира, но далее хронология не соблюдается. В перечне значатся диваны классиков персидской поэзии — Салмана Саваджи, Саади, Джами, Саиба Табризи, диваны персоязычных поэтов Индии XVI–XVIII вв. — Урфи, Назири Нишапури, поэтессы Махфи Зиб ан-Ниса, Шейха Хазина, Вакифа Лахури и др.

Следующий большой блок составляют книги, литографированные в Бомбее. Представлены бомбейские издания диванов иранских авторов XIX в. (Йагма, Каани, Шабаб Шуштари и др.), публикации, осуществленные в 90-е годы XIX в. — начале XX в. самим Малик ал-Куттабом («Куллийат» Вахши, «Диван» Насир-и Хусрава, «Диван» Насир ад-Дина Туси, поэма «Сихр-и халал» Ахли Ширази и др.), бомбейские издания диванов и отдельных произведений иранских классиков — Унсури, Хафиза, Низами, «Диван-и Шамс-и Магриби» Руми и др.

И вновь следуют тегеранские публикации Низами, Саади, Хакани, Хилали, «Маснави» Руми и др. Заметим, что издания ряда популярных произведений: «Лайла ва Маджнун» Мактаби, «Хамсе» Низами, отдельные поэмы с названиями «Йусуф ва Зулайха», «Хашт бихишт» и некоторые другие без указания имени автора очень сложно идентифицировать, поскольку они печатались и в Тегеране, и в Бомбее.

Заключает раздел диван родоначальника персидской поэзии Рудаки, он был выпущен в Тегеране в 1315/1897-98 г.

Иначе говоря, в каталоге Малик ал-Куттаба представлены книги основных издательских центров, публиковавших персоязычную литературу: в Иране — Тегеран, в Индии — Лакхнау (Канпур), Бомбей. Но повторим, что далеко не все перечисленные в рубрике публикации могут быть отнесены к тому или иному издательству, поскольку популярные произведения литографировались повсеместно. Тем не менее предложенный читателю ассортимент позволял приобрести собрания сочинений и отдельные поэмы по большей части классических поэтов, но также и современных.

До сих пор речь шла о поэзии. Но в рубрику литературных сочинений включена и проза: тазкире (антологии), художественная проза и эпистолярная проза. В рубрике значатся и неизменный «Гулистан» Саади, подражание арабским макамам — «Макамат-и Хамиди», сборники басен, классический свод «Калила и Димна», его переработки и более поздние собрания рассказов, современные произведения, как, например, «Маквим», пародия на традиционный иранский календарь (близкое по времени издание имело место в Тегеране в 1906 г.).

Кроме художественных произведений покупателю предлагались некоторые современные работы философского и этического содержания, как, например, анонимный трактат «Нутк-и самит» и две работы Малик ал-Куттаба — «Мифтах ар-ризк» и «Ишрат ан-ниса». Включены тазкире: упоминавшееся ранее в разделе «История» тазкире Даулатшаха, известное «Чахар макале» Низами Арузи Самарканди и «Тазкират аш-шуара-йи хунуд».

Произведения эпистолярного жанра представлены как классическими — «Инша» Махди-хана Астрабади и «Ганджине» Нашата (здесь под названием «Диван»), так и современными работами — «Сайид ал-инша» Хуррама и руководство по стилистике и частично по персидскому языку «Парваз-нигариш дар инша-йи фурс» Риза Афшара.

Кроме того, покупатель мог приобрести руководство по соколиной охоте «Базм-наме-йи Насири» и сонник «Камил ат-таабир».

В каталоге Малик ал-Куттаба вслед за разделом «Полемические работы по теологии и теософии» следует рубрика «Тазийе и плачи по имамам». Традиция оплакивания шиитских мучеников в первые десять дней мухаррама в Иране породила специальный жанр литературы. Мученичеству шиитских имамов — Али, Хасана, Хусайна, их детей и мстителей за их гибель посвящено большое число прозаических и поэтических повествований. Часть из них использовалась на театрализованных представлениях (тазийе), часть составляла популярное чтение. Этот род литературы являет собой то, что ныне называется «массовой культурой», но он был очень популярен, и иранские литографы охотно печатали как большие тома, так и брошюры в 8–16 листов¹². Малик ал-Куттаб, как мы видим, выделил данные произведения в специальный раздел, отнеся его скорее к теологической тематике. На наш взгляд, эти книги могут быть отнесены также и к литературе. В разделе 57 прозаических и поэтических произведений: 14 на арабском языке, 40 на персидском, одно в рукописном списке и 3 на урду.

Отличительной особенностью прозаических произведений этого рода является включение в название слов «бука» (плач, рыдание) и «шухада» (мученики). В каталог включена целая серия книг: «Махзан ал-бука», «Рийаз ал-бука», «Айн ал-бука», «Туфан ал-бука», «Тарик ал-бука», «Раузат аш-шухада», «Анвар аш-шухада», «Масаиб аш-шухада». Наиболее известным в этом ряду было «Туфан ал-бука» Джаухари (ум. 1253/1837-38), иранские библиографы отмечают 15 изданий, последнее по времени, близкое каталогу, — Тегеран, 1327/1909 г.

Немалое число публиковалось и представлено в каталоге поэтических произведений больших и малых форм. Назовем некоторые из них. Неоднократно переиздавались в Иране и Бомбее произведения авторов XIX в.: «Байт ал-ахзан» Абд ал-Халика Йазди, «Матам-каде» Курбана б. Рамазана Бидиля Казвини, сочинения Шейха Джабара Шуштарии, содержавшие проповеди для чтения в дни траура и элегии в память о Хусайне, — «Фаваид ал-машахид», «Хасаис ал-Хусайнийе», «Маджалис ал-маваиз ва-л-бука».

Марсийе (элегия) — одна из часто встречающихся форм оплакивания мучеников. В каталоге названо немалое число собраний элегий, как правило, малоизвестных авторов. Лишь два из названных принадлежат перу признанных мастеров — Йагма и Висала Ширази.

Либретто религиозных представлений, посвященных трауру по шиитским имамам, выпускались в большом количестве в Иране в виде небольших брошюр в 8–16 листов с иллюстрациями. В каталоге Малик ал-Куттаба этих брошюр нет, но представление о такого рода литературе дает названный здесь «Куллийат» Джуди. Абд ал-Джавад

¹² Издания подобных произведений в большом количестве хранятся в Санкт-Петербурге, см. каталоги: Щеглова О.П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР; она же. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Восточного отдела Научной библиотеки им. А.М. Горького Ленинградского государственного университета.

Джуди Хурасани (ум. 1302/1884-85) был одним из профессиональных авторов тазий. Его имя также могло не сохраниться, но сразу после его смерти его почитатель Мухаммад-Шафи Казвини собрал касыды, газели, марсийе, посвященные героям мухаррамных представлений в единое целое, и опубликовал. Диван несколько раз литографировался в Иране, в частности в 1321/1903-04 г. под названием «Китаб-и Джуди». В доступных нам экземплярах половину книги составляют аналогичные произведения других авторов — Мухташама Кашани, Вафаи Шуштари, Висала, Раджи, Ибн Хусам.

К разряду «Художественная литература» должен быть отнесен еще один раздел каталога Малик ал-Куттаба: «Киссе, хикайаты и анекдоты», он помещен в самом конце и включает в себя произведения анонимной прозы, ранее популярные в рукописных списках, в XIX — начале XX в. — в литографской форме. Народный роман (дастан), повести и сказки (киссе), занимательные истории (хикайат), анекдоты (мутаибат) — традиционное чтение средних и низших слоев иранского общества — представлены в каталоге такими известными произведениями, как «Искандар-наме», «Дастан-и Хусайн Курд», «Китаб-и хазар дастан», «Арслан-наме», «Киссе-йи Нушафарин Гаухартадж», «Киссе-йи Чихил тутти», сборником анекдотов «Латаиф аз-зараиф» и др. Всего в разделе 16 книг, на персидском 15, из этого числа одна рукопись на арабском языке — «Тысяча и одна ночь», но предложен и персидский перевод этого свода сказок.

Говоря в целом о разряде «Художественная литература» в каталоге Малик ал-Куттаба, следует отметить, что подавляющее большинство предложенных читателю диванов, поэм, стихотворных сборников, анонимных произведений принадлежало средневековым авторам, но эти книги многократно литографировались, что свидетельствовало о читательском спросе. Литература, посвященная шиитским имамам, по большей части представлена авторами нового времени. Художественную прозу составляют и старые, признанные сочинения («Гулистан» Саади), и работы современных авторов. Появление рубрики переводных романов отразило новое явление в мусульманской книжности — широкий читательский интерес к западной культуре.

К разряду «науки» можно отнести следующие рубрики каталога Малик ал-Куттаба: энциклопедии, философия и естественные науки, точные науки и география, медицина, грамматика, словари, труды по поэтике, риторике и логике, этике. Общее количество книг, входящих в названные разделы, — 199, но подавляющее их большинство — 128 на арабском языке. На персидском — 69, на урду — 2. Каждая из рубрик насчитывает небольшое число сочинений, например, энциклопедий всего 8. Персидская часть — две энциклопедии XII и XIV вв.: «Джами ал-улум» Фахр-и Рази (ум. 606/1209-10), «Нафаис ал-фунун» Амули (ум. после 753/1352 г.). «Джами ал-улум», энциклопедия мусульманских наук, составленная в 574/1179 г. и содержащая сведения по религии, филологии, медицине и астрономии и др., была издана в Бомбее в 1323/1906 г. составителем каталога Малик ал-Куттабом. Издатель посвящает сочинению пространную аннотацию. Двухтомная «Нафаис ал-фунун» выдержала два издания в Тегеране, последнее в 1317/1899 г., она посвящена описанию «160 наук».

Раздел «Философия и естественные науки» включает 19 трудов на арабском языке и всего одно издание на персидском. Арабская часть — в основном средневековые сочинения: работы Газали, Фараби, Ибн Рушда, Насир ад-Дина Туси и др. Книга на персидском — это занимательная география «Гараиб-и замин ва аджаиб-и асман», написанная в качестве учебного пособия Зука ал-Мулком старшим. Просветительскому по цели учебнику автор дал традиционное название: «Редкости земли и чудеса неба», он был выпущен в 1900 г. в Тегеране. Рубрика «Точные науки и география», напротив, в основном персоязычная: из 14 названий лишь 3 на арабском, в рубрику включены по большей части учебные пособия по математике. Наряду с традиционными «Тахрир-и Уклюдус» и «Бахр ал-джавахир фи илм-и дафатир» Абд ал-Ваххаба Исфакхани (пособие по математике и бухгалтерии) названы учебники современных

авторов, в частности две книги преподавателя Дар ал-Фуна Абд ал-Гаффара Наджм ад-Дауле — «Бидайат ал-хисаб» и «Кифайат ал-хисаб». Предлагаются два труда по географии: сочинение К. Ван Дейка (ум. 1895), переведенное на персидский с арабского, — «Кашф ал-кина ан ахвал акалим ва-л-бука» и не отмеченный в иранских библиографиях «Таквим ал-булдан», альманах стран.

В разделе «Медицина» собраны 54 издания: 27 на арабском, 2 на урду, 25 на персидском языке. В подзаголовке указано: «Книги по медицине, новые и старые», что полностью подтверждается представленными здесь трудами. Значительная часть — это сочинения позднего средневековья — XVII–XVIII вв., в частности труды, написанные в Индии при Моголах (Арзани «Тибб-и Акбари» и «Муджаррабат-и Акбари» и Хиндушаха «Тибб-и Хиндушах машхур ба Фириште»). К числу современных работ относятся книги Али-хана Раис ал-Атибба: пособие по анатомии «Джавахир ат-ташрих» и перевод с французского справочника по нервным болезням «Амраз-и асабини».

В рубрике «Грамматика» помещены только работы на арабском языке — 28 названий. Интересна рубрика «Арабские и персидские словари»: 32 издания и один рукописный список. Почти половину перечня составляют арабские словари, 15 изданий, в их числе классические толковые словари, словарь к текстам хадисов, словарь терминов к грамматическим текстам и др. Каталог Малик ал-Куттаба свидетельствует, что средневековые арабские и арабско-персидские словари (например, «Канз ал-лугат») и их поздние переработки, выполненные в Индии («Тарджуман ал-лугат», или «Шарх-и Камус», перевод классического «Камуса»), по-прежнему пользовались спросом. Неоднократно литографировались словари, подготовленные в Индии в первой половине XIX в., в каталоге Малик ал-Куттаба представлены наиболее популярные из них: арабско-персидско-турецкий «Шамс ал-лугат» Баретто, толковый персидский «Гийас ал-лугат», арабско-персидский «Мунтахаб ал-араб». В то же время исторические условия вызвали к жизни публикацию англо-персидских, персидско-английских, персидско-английско-урду и персидско-английского фразеологического словарей. Кроме того, читателю предлагался глоссарий-путеводитель (рахнаме), в котором объяснены значения новых слов в новейшей литературе и, в частности, в дневниках путешествий в Европу Насир ад-Дин-шаха Каджара.

В списке словарей обнаруживаются два пособия по персидскому языку. «Дастур-и сухан» («Правила речи»), сколько можно судить по краткой аннотации, посвящено персидской грамматике. По всей видимости, речь идет о работе Хабиба Исфакхани (ум. 1315/1897-98): иранские библиографии зафиксировали лишь одно наборное издание, вышедшее в Стамбуле в 1289/1872-73 г. «Тахкик ал-лугат ваки аш-шахадат» («Исследование слов, относящихся к сочинениям о гибели за веру») Мухаммад Саида, очевидно, содержит лексику, использовавшуюся в житийной литературе, книга вышла в Агре в 1903 г.

В рубрике «Труды по арузу, риторике и логике» из 28 названий лишь одно сочинение на персидском языке — «Илм ал-аруз ва-л-гавафи».

Раздел «Этика и воспитание» включает в себя 15 изданий, на персидском языке — 12, на арабском — 3. Значительная часть списка — средневековые, хорошо известные трактаты: «Ахлак-и Мухсини» Хусайна Ваиза Кашифи, «Ахлак-и Насири» Насир ад-Дина Туси, «Ахлак-и Джалали» Джалал ад-Дина Давани. Но названы и произведения современных сочинителей, в их числе два труда тебризского автора Низам ал-Улама Табатабаи (ум. 1326/1908) — «Макалат-и Низамийе» и «Хукук-и Низамийе». Любопытно отметить, что в этот раздел помещен персидский перевод сатирической пьесы Фатали Ахундова «Саргузашт-и Вазир-хан Ланкуран».

Как и в других случаях, в рубрику «Этика» попали сочинения, имеющие к теме косвенное отношение. Здесь оказались собственное издание Малик ал-Куттаба работы современного автора Йусуфа Мусташшар ад-Дауле «Ганджине-йи даниш»

(Бомбей, 1314/1896–97), снабженное ремаркой: «для обучения персидскому языку», и собрание загадок «Сад баб Мулла Газанфар».

Наконец, последний раздел, который мы обозначили выше как «разное», объединил в себе сочинения, мало представленные в научных каталогах. Имеются в виду книги, содержавшие предсказания разного рода, подборки талисманов, гадания по буквам и на песке, астрологические предсказания и т.п. Перечислены 56 изданий, 26 на персидском языке, одно на урду, остальные на арабском и персидском. Кроме того, 31 сочинение составило рубрику трудов по алхимии, в частности о технике изготовления философского камня. Самое известное сочинение в этом разряде — «Кашф ал-кашшаф-и Асрар-и Касими» Хусайна Ваиза Кашифи (ум. 910/1504-05), руководство по алхимии, магии и другим оккультным наукам, оно было издано Малик ал-Куттабом в Бомбее.

Этот род литературы был неотъемлемой частью культуры мусульманского общества, выпуск такого рода брошюр и торговля подобным дешевым товаром помогали книгоиздателю поддерживать свои финансовые дела.

За пределами настоящего неизбежно краткого обзора книжной продукции, собранной в «Кашф ал-худжуб» Малик ал-Куттаба, полностью осталась арабоязычная часть — это сфера арабиста. Как было нетрудно заметить, книг на урду в каталоге немного, скорее всего, они оказались в собрании книготорговца случайно. Каталог обращен прежде всего к персоязычному покупателю, аннотации и заголовки даны на персидском языке.

Несколько слов следует сказать о построении каталога. Безусловно, «Кашф ал-худжуб» нельзя считать библиографией в полном смысле этого слова. Вместе с тем некоторые черты расположения материала позволяют сказать о приближении работы Малик ал-Куттаба к этому жанру.

Как сказано выше, после 1874 г., с середины 70-х годов XIX в., Мунши Навал Кишор перешел к другому виду рекламирования своей продукции, а именно к помещению на обложках книг списка выпущенных им изданий, списки всегда были тематическими, и с течением времени рубрикация становилась более четкой. Каталог Малик ал-Куттаба завершает первое десятилетие XX в., к этому времени библиографический опыт безусловно был уже накоплен. И в «Кашф ал-худжуб» на первое место вынесена идеологическая литература: общемусульманская (Жоран, тафсиры) и далее шиитские труды, явно отражавшие идеологию автора каталога.

Теологическая тематика разрабатывалась мусульманскими богословами в течение многих веков, так что и деление этого рода изданий достаточно четкое, но местоположение некоторых тематически близких рубрик не всегда кажется логичным: полемические работы по теологии и молитвенники отделены от основного блока. Центральное место составитель отвел разделу «История» в широком понимании этого слова, при этом переводные европейские романы помещены следом с обоснованием, о котором мы говорили выше. «Словари, арабские и персидские» помещены в следующей после романов рубрике, хотя следовало бы филологические труды — словари и грамматики, труды по арузу, риторике и логике — приблизить друг к другу. Произведения, относящиеся к определению «художественная литература», также оказались разделенными: переводные романы, как сказано, находятся рядом с разделом «История», а издания анонимной прозы завершают каталог. Справедливости ради заметим, что критически могут быть восприняты и современные библиографии.

Расположение книг внутри рубрик, как мы показали на примере раздела «Художественная литература», по всей видимости, диктовалось местом публикации, возможно, этим объясняются и повторы («Шах-наме», «Тазкире» Даулатшаха, «Куллийат» Санай и др.).

В каталоге Мунши Наваля Кишора на первое место помещены учебные пособия, и это не кажется случайным: выпуск этого рода книг был необходимой финансовой поддержкой даже такого крупного предпринимателя. В «Кашф ал-худжуб» учебных пособий немного и они никак не выделены, на первом месте, как мы видели, располагается идеологическая литература. Основной доход, вполне вероятно, приносила международная книготорговля.

Известно, что книжный рынок Ирана и Туркестана в конце XIX — начале XX в. был заполнен индийской продукцией. Этому есть точные свидетельства ученых, специально занимавшихся этим вопросом: В.А. Жуковского и Э. Брауна. А.А. Ромаскевич, бывший в командировке в Иране в 1910–11 гг., приобрел значительное число бомбейских книг в Тегеране и провинции. В. Иванов в 1912, 1914–15 гг. закупил большое количество суфийской и другой литературы индийских литографий в Бухаре. Вопросу распространения индийских изданий в Средней Азии посвятил статью Г.Л. Дмитриев¹³, в которой он убедительно показал, что Средняя Азия вплоть до Первой мировой войны была рынком сбыта индийской литографической продукции.

Каталог же Малика ал-Куттаба весьма показателен в другом отношении: он свидетельствует о проникновении на бомбейский рынок книг, напечатанных в Иране, Египте и Турции. Сравнение материала, представленного в «Кашф ал-худжуб», с современными каталогами и библиографиями персидских печатных книг безусловно убеждает в том, что тегеранские, тебризские, даже провинциальные исфаханские и буширские издания, выпущенные в конце XIX — первом десятилетии XX в., могли быть куплены в Бомбее. Причем, как можно заметить, большой популярностью пользовались романы, переведенные и опубликованные в Иране.

Подводя итог сказанному, еще раз отметим большую источниковедческую ценность каталога бомбейского книготорговца и издателя. «Кашф ал-худжуб» позволяет судить о разнообразии печатных книг — литографированных и наборных — на персидском и арабском языках, выпускавшихся в Иране, Индии, Египте и продававшихся в Бомбее, и соответственно о круге чтения — научного, учебного и художественного — мусульманского общества в начале XX в.

Преобладание в общей книжной массе средневековых трудов по разным отраслям знания отражает бытовавшую систему мировоззрения. Вместе с тем нельзя не отметить возникновение интереса к западной культуре и продолжающие расширяться связи Востока и Запада.

Summary

O.P. Shcheglova

Book-seller Catalogues of the Indian Publishers

The paper deals with two rare catalogues of Indian publishers. The first catalogue, which was printed in 1874, belonged to Munshi Naval Kishor, while the second one was issued by Munshi Malik al-Kuttab in 1911. Both catalogues bring us a golden opportunity to establish the scope of reading in the milieu of the Indian Muslim community in the last third of the 19th century and the first decade of the 20th century.

¹³ Дмитриев Г.Л. Распространение индийских изданий в Средней Азии в конце XIX — начале XX века // Книга. Исследования и материалы VI. М., 1962. С. 239–254.

К истории сложения буддийского канона: проблема языкового разнообразия и авторства буддийских канонических текстов

Начиная со времени О.О. Розенберга, отечественные буддологи неоднократно указывали на многоплановость буддизма. Он не был однородным явлением, подобным другим мировым религиям, таким, как иудаизм, христианство, ислам, индуизм. Назвать буддизм просто религиозно-философской системой — это значит упустить многие присущие ему важные функции. Как часть индийской философии, буддизм отражал философские взгляды нескольких школ и направлений, которые имеют свою историю. В то же время в буддизме параллельно с философией и психологией развивался ритуал, лежавший в основе народной религии. Такие общеиндийские эзотерические системы, как йога, постоянно присутствовали и в философии, и в религиозной практике буддизма. С помощью йоги адепт мог регулировать свое сознание, совершенствовать свою психику. С народной религией тесно переплеталась этика.

Будда учил, что общее состояние окружающего мира зависит от сознания составляющих его «человеческих» существ. Благое и дурное поведение живых существ не только ведет к ухудшению их кармы, но и приводит к катаклизмам в окружающем мире. Все эти направления развивались в буддизме одновременно и присутствовали в одних и тех же канонических текстах. В то же время судить об этом стало возможно только на срезе развитого буддийского учения, когда большинство канонических текстов получили письменную фиксацию. В.П. Андросов отмечает, что буддизм — это «самобытная культура, глубокий гуманизм и высокая нравственность которой придают ей общечеловеческое значение и освещают индийскую древность особым, неповторимым светом»¹.

Поскольку главным и определяющим в канонической литературе были не сутры, с которых большинство ученых XIX и первой половины XX в. начинало изучение буддизма, а его философская доктрина, необходимо упомянуть, откуда вообще взялась буддийская философия. На этот вопрос еще в 1918 г. ответил О.О. Розенберг: «Буддизм возник на почве брахманской ведической философии и теснейшим образом связан с другими системами Индии. От них он унаследовал множество идей и терминов, а также и метод рассуждения»².

История буддизма начинается в IV в. до н.э. Наука опирается в этом вопросе на буддийскую традицию, однако в ней нет единого мнения о времени жизни Будды Шакьямуни, основоположника Учения. Все выдвинутые датировки нуждаются в проверках. Критерием этих проверок могут служить эпиграфические надписи древних правителей Индии и археологические раскопки. С учетом этих факторов наиболее

Воробьева-Десятовская Маргарита Иосифовна — д.и.н., зав. Сектором восточных рукописей и документов СПбФ ИВ РАН.

¹ Андросов В.П. Будда Шакьямуни. М., 2001. С. 11.

² Розенберг О.О. О мировоззрении современного буддизма на Дальнем Востоке // Труды по буддизму. М., 1991. С. 88.

приемлемую датировку жизни Будды предложил Х. Бехерт. Он взял за основу так называемую традицию «северного буддизма», согласно которой нирвана Будды произошла где-то между 400 и 360 гг. до н.э., возможно даже в последнее десятилетие перед походом в Индию Александра Македонского³.

Проблема авторства буддийского канона упирается в поиски ответов на целый ряд вопросов, которые до настоящего времени нельзя считать решенными окончательно. Как и следовало ожидать, буддийская традиция приписывает авторство всех канонических текстов Будде. Несмотря на то что начало письменной традиции в Индии может быть с достоверностью подтверждено только эпохой Ашоки, т.е. III в. до н.э., трудно предположить, что все проповеди Будды, все объяснения его учения, диспуты, которые он вел с представителями других индийских школ, ответы на вопросы монахов и мирян, к которым он обращался, были сразу же записаны. Поэтому вопрос об аутентичности этих текстов вообще не стоит. Правда, в Индии была развита традиция устной передачи учений от учителя к ученику и существовали особые правила, гарантирующие верную передачу слов учителя. Этим способом в течение многих веков передавались Веды. Предположим, что слова Будды традиция передавала устно в течение нескольких веков в неизменном виде. Однако буддийский канон велик, история его фиксации в письменном виде растянулась на десяток веков, одни и те же сутры сохранились в нескольких версиях, значительно отличающихся друг от друга не только по языку, но и по догматике. Утверждать причастность Будды к этим текстам представляется совершенно невозможным. В таком случае мы имеем право начать поиски истинных авторов, вложивших свой труд в составление канона. При этом нам придется затронуть ряд вопросов, касающихся как содержания канона, так и языков и школ, в недрах которых шло формирование буддийского учения.

В конце 70-х — первой половине 80-х годов XX в. Академия наук в Гёттингене провела три международных симпозиума, материалы которых были опубликованы в трех сборниках⁴. Поскольку в начальный период исследования буддизма в Европе в распоряжении ученых оказалось большинство сочинений из буддийского канона, зафиксированного в письменности на языке *пали*, естественно, изучение буддизма началось именно с них. Палийский канон, как показала история распространения буддизма, скоро был вытеснен из материковой части Индии и получил распространение сначала на Цейлоне и в Южной Индии, затем — за пределами Индии, в Юго-Восточной Азии. Буддизм, распространенный на этой территории, в науке получил название «южного», позднее он стал называться хинаяной. Буддийская традиция южного буддизма считает, что канон на языке *пали* впервые был записан на Ланке в 29 г. до н.э. Проверить этот факт, равно как и признать, что канон на *пали* был первым из зафиксированных в письменности, долгое время не представлялось возмож-

³ *Bechert H.* Die Lebenszeit des Buddha — das älteste bestehende Datum der Indischen Geschichte. Göttingen, 1986. С. 182–183. (Nachr. Der Akademie der Wissenschaften. Philologische Klasse, № 4); *idem.* The Date of the Buddha — an Open Question of Ancient Indian History // The Dating of the Historical Buddha. Die Datierung des historischen Buddha (Symposien zur Buddhismusforschung, IV, 2). Göttingen, 1993. С. 22–24.

«Южная» традиция среди множества различных датировок признает ту, которая основана на ранних исторических хрониках на языке *пали*, составленных на Ланке в IV–V вв. н.э.: год рождения Будды — 626 до н.э., год нирваны — 543 до н.э. Однако письменная фиксация самих исторических хроник произошла не раньше XIV в. н.э. Нужно признать, что эти даты опираются только на устную традицию «южного» буддизма.

⁴ Buddhism in Ceylon and Studies on Religious Syncretism in Buddhist Countries (Symposien zur Buddhismusforschung, I) // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, phil.-hist. Klasse. Göttingen, 1978, № 108; Die Sprache der ältesten buddhistischen Überlieferung — The Language of the Earliest Buddhist Tradition (Symposien zur Buddhismusforschung, II) // Там же. Göttingen, 1980, № 117; Zur Schulzugehörigkeit von Sanskrit-Werken der Hināyāna-Literatur (Symposien zur Buddhismusforschung, III, 1, 2) // Там же. Göttingen, 1985, № 149; 1987, № 154.

ным. Мы уже упоминали, что до нас дошли только поздние рукописи канона на *пали*, переписанные не ранее XIV в. Сами произведения, сохранившиеся в них, подверглись значительной редакторской обработке. Это подтверждается наличием в них четких грамматических норм и отсутствием заимствований из других языков и диалектов, на которых говорило местное население стран и областей, принявших буддизм.

С последней четверти XIX в. находки рукописей на санскрите на территории Восточного Туркестана поколебали устоявшееся к этому времени мнение о палийском каноне как о самом раннем по времени сложения и письменной фиксации. Палеография позволила ученым датировать санскритские рукописи первым тысячелетием н.э. Самые ранние из санскритских рукописей, написанных на бересте и пальмовом листе, очевидно, относятся к кушанской эпохе, они могут датироваться I–II вв. За находкой санскритских рукописей в Восточном Туркестане последовали другие. В 30-х годах санскритские рукописи были обнаружены в ступе в Гильгите. Санскритские рукописи из Восточного Туркестана и из Гильгита частично были переписаны на территории Непала и Центральной Азии, т.е. за пределами Индии. Последние годы (1999–2002) ознаменовались открытием большой коллекции рукописей на территории, некогда составлявшей важнейший культурный и научный центр собственно Индии, — в Гандхаре⁵. Среди них также оказались санскритские рукописи кушанской эпохи, переписанные на бересте и пальмовом листе. Первый вывод из всех этих находок совершенно ясен: буддийские тексты переписывались в Индии на нескольких языках одновременно: на *пали*, на санскрите и на пракритах. Началом письменной фиксации буддийских текстов на разных языках, очевидно, следует считать I в. до н.э. — I в. н.э. Единственным твердым доказательством того, что буддийские тексты на санскрите и пракритах в Восточном Туркестане, за пределами Индии, находились в обращении уже во II в., пока можно считать только наличие переводов этих текстов на китайский язык. Даты этих переводов и имена переводчиков китайская традиция сохранила в точности.

Проблема языка буддийских текстов только с первого взгляда кажется простой. На самом же деле в ней полно рифов и подводных камней. Они связаны с анализом санскрита, засвидетельствованного в различных текстах, и со школами, которые принимали участие в письменной фиксации канона.

Буддийские рукописи, написанные различными вариантами древнеиндийского письма *брахми*, содержат тексты на санскрите, пракритах и местных языках — хотаносакском и тохарских языках А (язык Турфана) и Б (язык Кучи). Таким образом, буддийские рукописи, найденные в Восточном Туркестане, не только проясняют языковую ситуацию, сложившуюся в первом тысячелетии н.э. на этой территории, но и вносят новый материал в историю письменной фиксации буддийского канона на разных языках.

Северная буддийская традиция старается приблизить дату первой письменной фиксации буддийского канона на санскрите к нирване Учителя, Будды Шакьямуни. Согласно этой традиции, первая запись канона произошла на буддийском собрании в Раджагрихе, столице Магадхи, в 343–342 гг. до н.э. Классическим образцом исследования языков этой ранней записи считается глава из фундаментальной книги по истории индийского буддизма, написанной Э. Ламоттом⁶. Однако до сих пор в этом вопросе нет полной ясности. Выше мы упоминали симпозиум, посвященный языкам ранней буддийской традиции, состоявшийся в Гёттингене в 1980 г. Дискуссионными остались следующие вопросы:

1. Нет единого мнения по поводу того, на каком языке началась проповедь буддийского учения в IV в. до н.э. В центре споров продолжает оставаться пассаж из Винаи, который передает наставление Будды о том, на каком языке следует распространять

⁵ Buddhist Manuscripts. Vol. I. General Editor Jens Braarvig. Oslo, 2000 (Manuscripts in the Schøyen Collection. I); Buddhist Manuscripts. Vol. II. General Editor Jens Braarvig. Oslo, 2002 (Manuscripts in the Schøyen Collection. III).

⁶ Lamotte É. Histoire du bouddhisme indien. Louvain, 1958. С. 607–657.

учение: «*anujānāmi bhikkhave sakāya niruttīyā buddhavacanam pariāpuṇitum*»⁷ — букв. «на собственном языке ученика»⁸. Однако совершенно не ясно, на каком языке говорил сам Будда: согласно буддийской традиции, он родился в Капилавасту, в течение долгого времени жил в Шравасти, прочел свою первую проповедь в Бенаресе и ушел в нирвану в Кушинагари; все эти места находились за пределами территории Магадхи. Между тем именно здесь Ашока впервые объявил его Учение государственной религией. Ясно, что в Магадхе Будда должен был проповедовать на местном пракрите *магадхи*.

2. Действительно ли в Раджагрихе буддизм получил первую письменную фиксацию, и если это так, то на каком языке. Был ли это праkrit *пали*, как утверждает южная буддийская традиция⁹, или же этим языком стал праkrit *магадхи*, на котором должно было говорить местное население: он зафиксирован в наскальных эдиктах Ашоки. Ряд западных ученых задались целью отыскать грамматические и лексические особенности оригинального древнего *магадхи* в пракрите *пали* и восстановить протоканон раннего буддизма¹⁰. Возникли разногласия и относительно того, был ли канон на *пали* переводом канона с древнего пракрита *магадхи* или более позднего пракрита *ардхаматадхи*. Высказывались и такие точки зрения: в устной традиции осуществлялся пересказ учения с одного диалекта на другой, этот процесс происходил постепенно в течение длительного времени. При этом одновременно с лингвистической формализацией происходила кодификация текста в письменности¹¹. Представляется, что языковое разнообразие было заложено в самом начале проповеди учения и его фиксации в письменности, поэтому неконструктивно заниматься поисками языка ранней буддийской традиции и протоканона на нем¹².

3. Какова же была реальная языковая ситуация в Индии в период становления буддийского канона? Существовал ли «нормативный среднеиндийский праkrit» — «middle Indo-Aryan Hochsprache»?¹³

Примерно со II в. до н.э., с появления «Махабхашьи» Патанджали, комментария на грамматику Панини, начался так называемый «санскритский ренессанс»¹⁴. Он сопровождался развитием письменности и становлением письменных языков. Это с неизбежностью должно было привести к созданию так называемых «надрегиональных разговорных языков» (в силу большого разнообразия индоарийских диалектов). В письменный санскрит проникло большое количество диалектных форм, которые присутствуют и в *пали*. Это могли быть и «магадхизмы», и формы «западных праkritов», и заимствования из неарийских языков. Поскольку праkrit *пали* дошел до нас

⁷ Oldenberg H. The Vinaya Piṭakam. Vol. II. L., 1880. С. 139.

⁸ См. также: Norman K.R. The Dialects in which the Buddha Preached // The Language of the Earliest Buddhist Tradition. 1980, № 117. С. 61–77; Brough J. Sakāya Niruttīyā: Cjuld kale het // The Language of the Earliest Buddhist Tradition. 1980, № 117. P. 35–42.

⁹ Hinüber O. von. Zur Geschichte des Sprachnamens Pāli // Buddhism in Ceylon and Studies of Religious Syncretism. 1978, № 108. С. 237–246.

¹⁰ Lévi S. Observation sur une langue précanonique du Bouddhisme // JA. 1912. С. 495–514; *idem*. Sur la récitation primitive des textes bouddhiques // JA. 1915. С. 401–447; Thomas E.J. Pre-Pāli Terms in the Pātimokkha // Festschrift Winternitz. Lpz., 1933. С. 161–180; Lamotte É. La critique d'authenticité dans le Bouddhisme // India Antiqua. Leiden, 1947. С. 213–222; *idem*. La critique d'interprétation dans le Bouddhisme // Annuaire de l'Institut de Philol. et d'Hist. Orientales et Slaves. 9. 1949. С. 341–361; Lüders H. Beobachtungen über die Sprache des Buddhistischen Urkanons. B., 1954; Berger H. Zwei Probleme der Mittellindischen Lautlehre. München, 1955.

¹¹ Behert H. Introduction // Symposien zur Buddhismusforschung II. 1980. С. 12.

¹² Lamotte É. Histoire du bouddhisme indien. С. 608.

¹³ Behert H. Introduction // Symposien zur Buddhismusforschung II. С. 14.

¹⁴ Совершенно ясно, что санскритская грамматика Панини, датированная V в. до н.э., не могла сложиться в бесписьменный период и письменность в Индии к этому времени уже существовала. Неустановленным остается только факт, когда именно она появилась и были ли это письмо *брахми* и письмо *кхароштки*, которые сохранились в эпиграфических надписях начиная с III в. до н.э.

только в поздних письменных памятниках, правомерно поставить вопрос, что же представлял собой язык, которому «южная буддийская традиция» приписывает столь важную роль в письменной фиксации буддийского канона, и когда он появился.

По этому поводу преобладают две теории. Согласно первой, *пали* — один из языков Магадхи, распространенный на одной из его окраин в тот же период, когда древний *магадхи*, или *ардхамагадхи*, был признан государственным как в самой Магадхи, так и на территориях, контролируемых Магадхой (в период ее политического могущества в Северной Индии). Именно *пали* был использован для передачи буддийского учения в районы Южной Индии: ведь не «записывать» же священные тексты на языке «нецивилизованных млеччхов» (т.е. неариев). Поскольку *пали* возник в Магадхи, вероятно, на основе древнего *магадхи*, есть основание полагать, что Будда проповедовал на *магадхи* и южный канон тоже был записан на языке, близком к языку Будды. Именно этой точки зрения в своих ранних работах придерживался Г. Людерс, который считал, что «Urkanon» существовал на *ардхамагадхи*¹⁵.

Другая точка зрения, которой придерживается большинство ученых, состоит в том, что *пали* объявляют «западным пракритом»¹⁶.

Еще одна теория происхождения языка *пали* была выдвинута русскими учеными Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топоровым¹⁷. Они полагают, что язык *пали* был «специально создан буддийскими монахами в Индии», т.е. был искусственным языком, предназначенным не только для фиксации буддийского канона, но и в качестве единого языка буддийской культуры, в противовес санскриту, который был языком «брахманской культуры». Мы не склонны придерживаться этой теории. С «искусственным» языком нам еще придется столкнуться, разбирая теорию «гибридного санскрита».

Можно предположить, что в III–II вв. до н.э. буддийские тексты начали записываться на санскрите. Был ли это санскрит, описанный Панини и Патаанджали? Найденные в Восточном Туркестане, Непале, Гильгите и Бамьяне санскритские рукописи показывают, что они написаны не на нормативном санскрите. Западные ученые подвергли анализу язык этих рукописей с точки зрения фонетики, грамматики и синтаксиса. Оказалось, что ранние тексты, написанные письмом *кхароитхи* в I в. до н.э. — I в. н.э., написаны на северо-западном пракрите, который в науке получил название *гандхари*. Это название северо-западного пракрита в течение некоторого времени оспаривалось многими учеными, в том числе и издателем текста единственной известной в то время сутры, записанной письмом *кхароитхи*, Дж. Брафом. Находки рукописей письмом *кхароитхи* в Бамьяне (рукописи из коллекции Скоена, Осло) показали, что северо-западный пракрит по праву носит название *гандхари*: именно древняя Гандхара была местом их переписки. О том, что в Китай сначала были завезены рукописи на *гандхари* и на неустановленном пракрите, свидетельствуют переводы на китайский язык некоторых сутр, в которых имена собственные и ряд терминов, оставленные без перевода, сохранили фонетические особенности этих пракритов.

Хотя, как было отмечено выше, «санскритский ренессанс» начался в Индии во II в. до н.э., все же многие ученые (среди них большинство японских) полагают, что первые сутры были записаны на пракритах и замена пракритов на санскрит началась только в эпоху Гупта, после 320 г. н.э., когда санскрит впервые был признан официальным государственным языком Индии¹⁸. Переводы первых санскритских текстов на китайский язык свидетельствуют о правомерности этой точки зрения. Далее, с VI в. буддийские тексты начали переводиться на санскрит главным образом в монастыре

¹⁵ Lüders H. Beobachtungen über die Sprache des Buddhistischen Urkanons.

¹⁶ Подробный обзор литературы по этому вопросу см.: Nakamura Hajime. Indian Buddhism. A Survey with Bibliographical Notes. Tokyo, 1980. P. 23.

¹⁷ Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Язык пали. М., 1965. С. 7–14.

¹⁸ Nakamura Hajime. Indian Buddhism. P. 156.

Наланда, позднее, в IX в., центром по переписке, редактированию и распространению канонических текстов на восток стал монастырь Викрамашила.

Исследователь санскритских текстов «Винаи» и «Дхармапады» Г. Рот¹⁹ обнаружил в этих текстах следы таких праkritов, как *шаурасени*, *магадхи* и *ардхамгадхи*. Сравнение с надписями Канишки и Хувишки из района Матхуры позволило Г. Роту сделать вывод, что рассматриваемые тексты первоначально создавались на праkritах и в течение некоторого времени передавались в устной форме. В момент письменной фиксации в них были внесены некоторые элементы санскрита («Prakrit-cum-Sanskrit»). По всей вероятности, письменная фиксация имела место в I–III вв. н.э., т.е. во времена Канишки и Хувишки. В текстах видна основа стандартного праkritа, сосуществующая с элементами санскрита. Особенности грамматики показывают, что роль этого стандартного праkritа, который Г. Рот называет «надрегиональным», в районе Матхуры, очевидно, играл *шаурасени*. В «Винае» Г. Рот обнаружил также шраманскую терминологию пребуддийского периода²⁰. Смесь диалектов, образование «надрегиональных» праkritов типа *шаурасени*, использование *пали* для передачи буддийских текстов характеризуют период, когда буддизм вышел за границы Магадхи. Распространению буддизма в Южную Индию и за ее пределы, на восток и на запад, способствовал Ашока. Язык его эдиктов обнаруживает черты различных праkritов, как западных, так и восточных. Такая языковая ситуация должна была озаботить Гуптов. У них возникла потребность ввести единый письменный язык на территории своего государства. Таким языком стал санскрит.

Если буддийские тексты, записанные на праkritах, в крупных монастырях Индии, таких, как Наланда, действительно переводились на санскрит, то процесс переводов должен был занять длительное время. И действительно, в первых веках н.э. в Гандхаре и в Восточном Туркестане в рукописях копировались тексты, написанные не на чистом санскрите, а все еще на праkritах с элементами санскрита. На чистом санскрите сохранились только сутры, которые, по всей вероятности, с самого начала были зафиксированы в письменности на санскрите. К таким текстам, вероятно, следует отнести собрание сутр круга «Махапраджня-парамиты». Тексты «Аштасакхасрикапраджня-парамиты», переписанные на пальмовых листьях в кушанское время, по языку не отличаются от текстов, переписанных в XI–XII вв. в Непале²¹. Европейские ученые отрицают возможность переводов буддийских сочинений с праkritов на санскрит. Они придерживаются теории постепенной устной трансформации, пересказа, в процессе которого происходила постепенная санскритизация текстов, при этом она шла по нарастающей²².

Остановимся на еще одном важном исследовании языка санскритских буддийских текстов. Ф. Эджертон, проанализировав язык большинства открытых в его время буддийских санскритских памятников, пришел к заключению, что они написаны на некоем особом «гибридном» языке, т.е. смешанном санскритско-праkritском. Впервые эта точка зрения была зафиксирована в подготовленном им издании Словаря и Грамматики этого языка²³. Несмотря на то что Эджертоном была проделана громадная и очень полезная работа, так как ему удалось зафиксировать почти все грамматические формы, встречающиеся в буддийских текстах, и дать объяснения многим буддийским

¹⁹ Roth G. Particular Features of the Language of the Arya-Mahasamghika-Lokottaravadins and Their Importance for Early Buddhist Tradition // Symposium zur Buddhismusforschung II. 1980. № 117. P. 86–91.

²⁰ Там же. P. 92.

²¹ Sander L. Fragments of an Aṣṭasāhasrikā Manuscript from the Kuṣāṇa Period // Manuscripts in the Schøyen Collection I. P. 1.

²² Bechert H. Introduction // Symposien zur Buddhismusforschung II. № 117. С. 12; Roth G. Particular Features of the Language // Symposien zur Buddhismusforschung II. № 117. С. 82; Waldschmidt E. Central Asian Sutra Fragments and Their Relation to the Chinese Āgamas // Symposien zur Buddhismusforschung II. № 117. С. 169.

²³ Edgerton F. Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary. Vol. 1: Grammar; vol. 2: Dictionary. New Haven, 1953.

терминам, его теория существования некоего «гибридного» языка не нашла общего признания. Особо следует отметить критическую статью Дж. Брафа, в которой он указал на основные нестыковки теории Эджертона о постепенном нарастании санскритизации буддийских текстов. Многие несоответствия нормам классического языка в буддийских текстах Браф попытался объяснить особенностью графики письма *брахми* (где начертания некоторых акшар очень похожи) и писцовыми традициями переписчиков, родным языком которых был один из местных языков²⁴.

Вероятно, что альтернатива «санскритизованный пракрит» или «пракритизованный санскрит», вызывавшая длительные споры, возникла лишь в умах исследователей, а для кодификаторов такой альтернативы не существовало: они стремились записать на санскрите бытовавшие в устной форме, пракритские по преимуществу тексты. Характер языка записи зависел от степени «образованности» редактора (и переписчика), но вряд ли можно предполагать, что редакторы сознательно стремились создать некую новую форму письменного языка, промежуточную между санскритом и пракритами. История кодификации и экзегезы канонических текстов других религий не знает как будто прямых аналогий такому «изобретению».

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что буддийское учение в самой Индии в течение нескольких веков передавалось в устной форме на локальных и региональных пракритах. Нет никакой возможности судить об авторстве этих текстов, пока они не были записаны. Записи позволяют до некоторой степени заглянуть в устную буддийскую традицию, но ясного представления о ней у ученых в настоящее время нет.

Приведем в качестве примера одну из сутр, созданную, вероятно, в I в. н.э., — «Саддхармапундарика-сутру», или «Лотосовую сутру». Она сохранилась в нескольких рукописях, различающихся хронологически и, очевидно, отражающих разные версии.

Первое знакомство с ее санскритским текстом относится к 1912 г., когда Г. Керн и Б. Нанцзё опубликовали его в графике *деванагари* на основании нескольких непальских рукописей, которые датируются временем не ранее XI в.²⁵ В дальнейшем эта версия получила название непальской. Она получила подкрепление в 30-е годы XX в., когда в Гильгите были обнаружены санскритские версии «Лотосовой сутры» в рукописях VII в.²⁶ Другая версия была найдена в Восточном Туркестане. Рукопись, в которой она сохранилась, получила название «Кашгарской рукописи Н.Ф. Петровского». Рукопись Петровского датируется VIII–IX вв. В отличие от непальско-гильгитской эта версия стала называться центральноазиатской²⁷. Недавно в музее в Люйшуне (в Порт-Артуре) были найдены санскритские фрагменты еще одной, самой ранней рукописи «Лотосовой сутры», которые датируются V–VI вв. Анализируя язык этих фрагментов, проф. Сейси Карасима пришел к выводу, что в их языке много «магадхизмов», т.е. форм, возникших под влиянием пракрита *магадхи*. В непальско-гильгитских и центральноазиатских рукописях влияние пракритов ощущается меньше. Карасима пришел к следующему выводу: “...we may assume that the Lotus Sūtra had been transmitted originally, if not in pure Middle Indie, in a Middle Indic-cum-Sanskrit which contained many Middle Indic forms including those of an Eastern dialect, but later these were gradually replaced by (Buddhist) Sanskrit ones”²⁸.

²⁴ Brough J. Comments on Third-century Shan-Shan and the History of Buddhism // BSOAS. XXVIII, pt 3. 1965. P. 354–367.

²⁵ Saddharmapuṇḍarikasūtra. Ed. by H. Kern and B. Nanjio. St. Petersburg (Bibliotheca Buddhica X).

²⁶ Saddharmapuṇḍarīka Manuscripts Found in Gilgit. Ed. and annot. by Shoko Watanabe. Vol. 1–2. Tokyo, 1975. Факсимильное издание рукописей см.: Gilgit Buddhist Manuscripts (Facsimile Edition). Ed. by Raghu Vira and Lokesh Chandra. New Delhi, 1974 (Śatapīṭaka Series. X. 10).

²⁷ Saddharma-Puṇḍarīka-Sūtra. Kashgar manuscript, ed. by L. Chandra. New Delhi, 1976 (Śatapīṭaka Series. 219); Saddharmapuṇḍarikasūtra. Central Asian Manuscripts. Romanized Text. Ed. by Hirofumi Toda. Takushima, 1983.

²⁸ Karashima Seishi. Some Features of the Language of the *Saddharmapuṇḍarikasūtra* // Indo-Iranian Journal 44. 2001. P. 230.

* * *

Остановимся на содержании первых проповедей Будды. Его Учение возникло как реакция на брахманизм с его запретами и кастовой системой, как спасительная нить для обездоленных и отвергнутых обществом. Изначально буддизм не был религией угнетенных, он был лишь этическим учением. Он принимал под свою защиту всех, кто готов отвергнуть все мирские привязанности, уйти из дома, довольствоваться пищей и одеждой, которую подавали нищим, жить под открытым небом, в лесах, слушать проповеди Будды и по возможности избегать суетности в общении друг с другом. Путь спасения, который избирал для себя «вошедший в поток» учения, заключался в строгой аскезе, в чистой жизни на природе, в уединении и как результат в уходе из жизни и невозвращении в нее. Такой путь назывался путем архата, каждый должен был пройти его самостоятельно, без всякой помощи извне. Лишь позднее ученики Будды создали вокруг него общину последователей. Первые монастыри появились много позже. Получив кров над головой, ученики Будды смогли наконец заняться самообразованием, изучать правила поведения в быту и в совместном проживании, первые основы буддийской догматики, которая, как уже упоминалось, не возникла из воздуха, но следовала традициям брахманизма и Веданты. Карма, теория перерождений, медитация, йогическая практика вхождения в транс были восприняты буддизмом и со временем заняли в нем важные позиции. Религиозная практика в раннем буддизме отсутствовала.

Освобождение от гнета брахманства, чистая жизнь, стремление покончить с земным существованием, которое способно приносить только несчастья, оказались привлекательными для масс простого народа. Число учеников Будды росло, возникали новые монастыри, буддизм завоевывал все новые и новые территории, удаляясь от Учителя. Во время путешествий, на новых территориях, отличавшихся природными условиями и бытом и религиозными верованиями местного населения, соблюдать обеты, принятые в монастырях Магадхи, становилось затруднительно. Расширялась аудитория слушателей, буддизм постепенно превращался в религию. Для успеха нового учения нужно было принимать чужие верования и находить для них место в своих проповедях. Несмотря на то что ученики Будды старались удержать в памяти и сохранить его наставления, со временем на отдаленных территориях появлялись новые учителя, которые в своих проповедях делали упор на те или иные стороны учения Будды с учетом новых условий. Так со временем возникли самостоятельные школы, в которых проповеди читались на местных языках. Будда в своих проповедях однозначно решил вопрос в пользу распространения учения и ухода проповедников из монастырей в народ. Таких учителей, за которыми в буддизме закрепилось название «dharmabhāṇaka», он поддерживал. В ряде сутр сохранились прямые указания на то, что проповедники учения своей деятельностью приобретают большее количество заслуг, чем те монахи, которые проводят свои дни в лесах, в уединении, предаваясь аскезе и занимаясь медитацией, и стремятся только к своему собственному освобождению. Со временем между монахами, проживавшими уединенно в лесу, и монахами, которые отправлялись с проповедью учения по деревням, развернулась настоящая вражда. Наиболее показательна в этом отношении «Sarvadharmāpravṛttinirdeśa Sūtra», санскритская рукопись которой недавно была обнаружена в Бамьяне. Ее текст издан проф. Дженсом Браарвигом²⁹ в составе коллекции Скоена параллельно с тибетским и китайским переводами. Рукопись датируется VI–VII вв. В ней дважды рассказывается история о противоречиях между практикующим уединенную жизнь в лесу («dhutaḡaṇa») и dharmabhāṇaka. Сначала — в части текста «предсказания» (vyākaraṇa), затем — в основной части сутры. Вывод, который заключается в словах монаха-проповедника, осуждает практику «dhutaḡaṇa»:

²⁹ Braarvig J. Sarvadharmāpravṛttinirdeśa // Manuscripts in the Schøyen Collection I. P. 81–166.

“For someone, who, reflecting in a lodging in the wilderness, praises himself, despises others, and (thus) sticks to the false view concerning the wilderness, there is no (hope to attain) heaven, not to say of enlightenment” (перевод проф. Бравига. С. 164).

Аналогичные противоречия засвидетельствованы и в палийских текстах, записанных на Ланке. В них встречаются два термина: «*raṃsukūlika*» («тот, кто носит одежду, сшитую из тряпья») и «*dhammakathika*» («тот, кто проповедует дхарму»). Монахи, к которым относятся эти термины, согласно палийским текстам, принадлежат к разным «школам»³⁰. Между тем под школами, очевидно, понимаются две категории буддистов: *agaññavāsī* («живущие в лесу») и *gāṃavāsī* («деревенские монахи»), обе категории относятся к одной и той же школе Тхеравадинов, но между ними явно существовали противоречия³¹.

Кажется совершенно очевидным тот факт, что монахи, проживавшие в лесу и занятые только своим «освобождением», не могли что-либо записывать и выступать в качестве авторов какого-либо учения. Иное дело — «проповедники», которые бродили по деревням и должны были произносить тексты для привлечения верующих. В «Лотосовой сутре» ряд глав посвящен описанию противоречий между этими двумя категориями монахов и жалоб «проповедников» на поношения со стороны «лесных жителей». Особый интерес в этом отношении представляет глава 13 — «*Utsāha-parivarta*». Проф. Карасима сделал выборку из гатх 5–8, в которых жалоба «проповедников» выражена четко:

- (1) Wilderness monks blame “us”.
- (2) Wilderness monks are ignorant (*durmati*)
- (3) “We” are blamed for preaching to householders.
- (4) “We” are blamed for composing scriptures.
- (5) “We” are blamed for being attached to tastes.
- (6) “We” are Buddhist monks³².

Среди обвинений в адрес «проповедников» для нас важно: их обвиняют в том, что они «составляют рукописные тексты» (4). Аналогичный текст представлен также в переводе «Лотосовой сутры» на китайский язык, выполненном Кумарадживой. Приведем отрывок из той же главы, гатхи 8–9:

These monks are greedy for profit and support
And therefore they preach non-Buddhist doctrines
and fabricate their own scriptures
to delude the people of the world.
Because they hope to gain fame and renown thereby
they make distinctions when preaching this sutra³³.

В китайском тексте «проповедники» обвиняются не только в том, что они неправильно записывают текст сутры, но и в том, что они фабрикуют ложное учение и ради собственной славы вводят в заблуждение своих слушателей.

О чем идет речь в обоих текстах? О том, что «проповедники» сочиняют буддийские тексты, т.е. выступают как авторы, или о том, что они переписывают их для распространения? Ответить на этот вопрос трудно. Известно, что многие монастыри были цент-

³⁰ См.: *Rahula Walpola*. History of Buddhism in Ceylon. The Anuradhapura Period, 3d Century BC — 10th Century AC. Colombo, 1956. P. 195.

³¹ *Karashima Seishi*. Who Composed the Lotus Sutra? Antagonism between Wilderness and Village Monks // Annual Report of the International Research Institute for Advanced Buddhology at Soka University for the Academic Year 2000. Tokyo, 2001. P. 149.

³² Там же. P. 164.

³³ The Lotus Sutra. Tr. by B. Watson. N. Y., 1993. P. 194.

рами переписки буддийских рукописей и копировали рукописи по заказу, т.е. за вознаграждение. Может быть, и в этом случае «жителей леса» больше возмущает факт работы переписчиков на заказ, чем факт искажения текста сутры. Одно совершенно ясно: именно монастыри могли быть тем местом, где проживали действительные авторы сутр.

Сравнение санскритских буддийских текстов, найденных в рукописях в Восточном Туркестане, в Непале и в Гильгите, с их переводами на китайский и тибетский языки, в которых часто сохранялись указания на школы, распространявшие эти тексты, позволили поставить вопрос о наличии школ в раннем буддизме и языков, которыми они пользовались. Не будем здесь касаться Тхеравадинов, буддийской школы, распространенной на Цейлоне, в Бирме и в Юго-Восточной Азии. Их канон на *пали* хорошо изучен благодаря наличию большого количества текстов и исторических хроник. Собственно говоря, в Европе и в России изучение буддизма началось именно с Тхеравадинов. Интерес к ранним буддийским школам у самих восточных народов проявился еще в XIII–XIV вв. В качестве доказательства приведем отрывки из «Истории Учения» (тиб. «Чой-джунг») тибетского ученого Бутона (1290–1364). Этот текст в 30-е годы XX в. привлек внимание русского тибетолога и санскритолога Е. Обермиллера, который опубликовал его в транслитерации с переводом на английский язык³⁴. Бутон в своем сочинении приводит цитату из не дошедшего до нас трактата «*Bhikṣuvarṣāgrarṣcchā*», в котором содержатся доступные ему сведения о ранних буддийских школах. Относительно школы Сарвастивадинов у Бутона сказано: «...Подобно тому, как светские законы и обычаи возникают (в Индии) в среде высших каст, говорящих на санскрите, **Сарвастивадины** создали „корень“ (санскр. „*mūla*“ — *Авт.*) законов и обычаев других школ, поэтому они назывались „**Mūlasarvāstivādins**“. Их наставник — Рахулабhadра, кшатрий. Язык — санскрит...»³⁵. Далее Бутон продолжает: «У **Махасангхиков** наставником был Махакашьяпа, брахман. Языком был пракрит... (тиб. „*skad tha-mal-pa*“, буквально значит „грубый, простонародный“ — *Авт.*). У **Саммития** наставником был Упали, шудра. Языком был испорченный апабхramша... (тиб. „*skad zur-chag-pa a-bha-bhram-ṣi'i skad*“, букв. „язык — испорченный язык апабхramша“ — *Авт.*). ...У **Стхавиров** (группы „Старейшин“ у Тхеравадинов. — *Авт.*) наставником был Катьяяна, вайшья. Они говорили на языке, который был по середине (?) (тиб. „*skad 'bring-du 'don-pa*“, букв. „язык, на котором говорили, был посередине“ — *Авт.*)». Е. Обермиллер перевел “the intermediate dialect”³⁶. К этому тексту ученые возвращались много раз, в том числе и во время симпозиума о языках раннего буддизма в Гёттингене. Акира Юяма предложил трактовать тиб. «bring» — «средний» как «умеренный» — “it denotes the language of moderate character with moderate hybridity”³⁷. Поскольку нам известно, что речь должна идти о пракрите *пали*, который действительно сохранился в письменных памятниках XIV в., не хотелось бы видеть в термине «средний» ни «гибридный», как предполагают некоторые ученые, ни «мягкий» по манере речи, как считает Акира Юяма. Скорее всего, трактовать этот термин нужно, привлекая весь контекст данного тибетского пассажа. «Средний» может, согласно нормам тибетского синтаксиса, просто означать «средний» между двумя названными выше — «грубым, простонародным» и «испорченным *апабхramшей*».

Ряд работ, посвященных ранним школам, канонические тексты которых распространялись на санскрите, был опубликован в 50-е годы XX в. Наибольший интерес представляет книга А. Баро, который попытался определить территории распростра-

³⁴ Obermiller E. History of Buddhism (*Chos-hbyung*) by Bu-ston. Vol. 1–2. Heidelberg. 1930–1931. Пепиздание: Tokyo, 1964.

³⁵ Obermiller E. History of Buddhism. Vol. 2. P. 99 ff.

³⁶ Там же. P. 100.

³⁷ *Yuyama Akira*. Bu-ston on the Languages used by Indian Buddhists at the Schismatic Period // *Symposien zur Buddhismusforschung* II. 1980. № 117. С. 180, note 27.

нения этих школ³⁸. Не все, к чему пришел Баро, получило всеобщее признание. Так, в эти годы началась дискуссия по поводу двух школ раннего буддизма — Сарвастивадинов и Мулясарвастивадинов. Она не закончилась и к настоящему времени. А.Ч. Баннерджи, опираясь на надписи Ашоки и буддийские легенды, привел доказательства того, что на территорию Кашмира буддизм пришел во времена Ашоки, который послал туда проповедника по имени Мадхьянтика (пракритская форма, засвидетельствованная в надписях Ашоки, — *Majjhantika*)³⁹. Китайские источники, по мнению Баннерджи, указывают, что это были Сарвастивадины и Мулясарвастивадины. Е. Фрауваальнер связывает канон Мулясарвастивадинов с буддийским собором в Вайшали. По его мнению, базовой территорией Мулясарвастивадинов была Матхура⁴⁰. Е. Ламотт придерживался другого мнения. Он считал, что Матхура не могла быть местом кодификации канона Мулясарвастивадинов, этот канон был записан не раньше IV–V вв. и основан на каноне Сарвастивадинов⁴¹. А Баро, наоборот, видел в каноне Мулясарвастивадинов архаические черты и полагал, что он был записан раньше канона Сарвастивадинов⁴². Недавно в дискуссию вступил японский ученый из Осаки Фумио Еномото, который высказал еще одну точку зрения по поводу соотношения этих двух школ⁴³. Общеизвестно, что в IX в. Виная Мулясарвастивадинов была переведена на тибетский язык. А в VII в. «обе» Винаи были переведены на китайский язык. При этом китайские переводчики, несколько раз переводившие Винаю Мулясарвастивадинов, часто опускали в переводе слово «муля» — «корень». Из этого Еномото сделал вывод, что, очевидно, этого слова не было и в санскритском оригинале. По всей вероятности, между школами Мулясарвастивадинов и Сарвастивадинов не было различия.

Санскритские тексты еще одной школы раннего буддизма — Дхармагуптаков были обнаружены в германской Турфанской коллекции рукописей. Е. Вальдшмидт подверг анализу язык двух небольших санскритских фрагментов — из «Пратимокша-сутры» и из «Махапаринирвана-сутры»⁴⁴. Сравнение с китайскими переводами показало, что оба фрагмента относятся к школе Дхарма-гуптаков.

В эпиграфических надписях из района Гандхары упоминаются три школы: *Mahīśāsaka*, *Kāśyāpīya*, *Vaḥuśrutīya*⁴⁵. На пракрите школы *Sāmmitīya* написана «Дхармапада», рукопись которой хранится в Патне⁴⁶. На территории Гандхары найдены также фрагменты «*Prātimokṣa-Vibhaṅga*» школы *Mahāsāṃghika-Lokottaravādin*, одной из ветвей школы *Mahāsāṃghika*⁴⁷.

Несколько слов следует сказать и о китайских переводах ранних буддийских текстов, на которые мы часто ссылаемся. Не только санскритские буддийские тексты все еще трудно отнести к тем или иным школам раннего буддизма. С китайскими переводами долгое время происходило то же самое. В начальный период исследования китайских

³⁸ *Bareau A.* Les sectes bouddhiques du Petit Véhicule. Saigon, 1955. Переиздание: P., 1973.

³⁹ *Banerjee A.Ch.* Sarvāstivāda Literature. Calcutta, 1957. P. 3.

⁴⁰ *Frauwallner E.* The Earliest Vinaya and the Beginning of Buddhist Literature. Rome, 1956. P. 25.

⁴¹ *Lamotte É.* Histoire du bouddhisme indien. C. 191–192.

⁴² *Bareau A.* Les sectes bouddhiques du Petit Véhicule. C. 154.

⁴³ *Enomoto Fumio.* “Mūlasarvāstivādin” and “Sarvāstivādin” // *Vividharatnakaraṇḍaka. Festgabe für Adelheid Mette.* Swisttal–Odendorf, 2000. C. 239–250.

⁴⁴ *Waldschmidt E.* Central Asian Sūtra Fragments and their Relation to the Chinese Āgamas // *Symposien zur Buddhismusforschung.* 1980. № 117. C. 167–168.

⁴⁵ *Fussman G.* Upāya-kauśalya: l’implantation du bouddhisme au Gandhāra // *Bouddhisme et cultures locales.* Ed. Fukui Fumimasa et G. Fussman. P., 1994. C. 20 f.

⁴⁶ *Namikawa Takayosi.* The Transmission of the New Material Dharmapada and the Sect to which it Belonged // *Buddhist Studies.* 22. 1993. P. 151–166.

⁴⁷ *Karashima Seishi.* A Fragment of the Prātimokṣa-Vibhaṅga of the Mahāsāṃghika-Lokottaravādins // *Manuscripts in the Schøyen Collection I.* P. 233–242; *idem.* Two More Folios of the Prātimokṣa-Vibhaṅga of the Mahāsāṃghika-Lokottaravādins // *Manuscripts in the Schøyen Collection II.* P. 215–228.

переводов ученые полагали, что все четыре агамы принадлежат школе Сарвастивадинов и составляют ее ядро — «Сутрапитаку». Позднее удалось уточнить, что Сарвастивадинам принадлежат только две агамы — «Madhyamāgama» и «Saṃyuktāgama»⁴⁸. В «Энциклопедии буддизма» китайские агамы разделены по школам следующим образом: «Диргхагама» принадлежит школе Дхармагуптаков; «Мадхьямагама» — школе Сарвастивадинов; «Самьюктагама» — школе Мулясарвастивадинов; «Экоттарагама» — школе Махасангхиков. Недавно ученые пришли к выводу, что «Диргхагама» и «Экоттарагама» были переведены на китайский язык не с санскрита, а с пракритов, возможно, с пракрита *гандхари* или с санскрита с большим количеством пракритизмов.

Японские ученые провели сравнение китайских переводов агам и палийских никай и пришли к выводу, что различия между агамами и никаями значительны. Поскольку китайские переводы в основном были сделаны с санскритских текстов агам, различия по количеству сутр между палийскими никаями и китайскими переводами говорят о серьезных расхождениях между палийскими и санскритскими текстами. Приведем статистику: 1) в китайском переводе «Диргхагамы» — 30 сутр, в палийской «Дигханикае» — 34; 10 сутрам на пали нет соответствий в китайском переводе, 6 китайских сутр не могут быть отождествлены с палийскими; 2) в китайском переводе «Мадхьямагамы» — 222 сутры, в палийской «Маджжхиманикае» — 152; 19 палийских сутр не имеют соответствий в китайском тексте; 3) китайский перевод «Самьюктагамы» делится на 50 глав, палийская «Самьютта» — на 5 вагга, половина сутр «Самьюктагамы» отождествляется с сутрами «Маджжхиманикай», половина — с сутрами «Аннутраникай»; 4) китайский перевод «Экоттарагамы» состоит из 51 главы; палийская «Аннуттара-никая» состоит из 11 нипата и включает 169 глав⁴⁹.

Турфанская коллекция рукописей Германии дала некоторое количество санскритских фрагментов сутр, которые относятся к агамам Дхармагуптаков и Сарвастивадинов⁵⁰. Однако важнейшие открытия были сделаны начиная с 1998 г., когда ученые получили доступ к недавно найденным буддийским рукописям из Бамьяна. Осенью 1998 г. Мацуда Казунобу и Клаус Вилле одновременно, независимо друг от друга, определили, что в одной из рукописей, которую намеревался купить Скоен на аукционе в Лондоне, содержатся санскритские сутры из *Dirghāgama*. Дженс-Уве Хартманн посвятил две статьи исследованию этой рукописи⁵¹. Особый интерес представляет вторая статья, в которой помимо описания рукописи сделаны важные выводы о соотношении палийской *Dighanikāya* и санскритской *Dirghāgama*. В настоящее время в руках исследователей оказалась только часть большой рукописи — 160 листов и фрагментов из 454 (номер последнего листа). Размер листа — 50×10 см. Последний, 454-й лист важен для понимания того, что представляла собой санскритская Диргхагама. Он содержит *uddāna* — своеобразный указатель названий сутр, которые предшествовали колофону, написанный в стихах. За *uddāna* следуют 2 колофона — к данному разделу рукописи и ко всему тексту. Последней в Диргхагаме названа «*Brahmajālasūtra*». Сутра с таким же названием (*пали* «*Brahmajālasutta*») входит в состав Дигханикай, но занимает в этом разделе «Сутра-питаки» первое место. Сохранившиеся в рукописи части текста позволяют установить, что сутры не совпадают не только по размеру и месту в «Сутра-питаке», но и по содержанию. Санскритская

⁴⁸ Bagchi P.Ch. Le canon bouddhique en Chine. I. P., 1927.

⁴⁹ Мы пользуемся пересказом работы: Chizen Akanuma. The Comparative Catalogue of Chinese Āgāmas and Pāli Nikāya. Nagoya, 1929 (на яп. яз.), — сделанным в книге: Banerjee A.Ch. Sarvāstivāda Literature.

⁵⁰ Hartmann J.-U. Fragmente aus dem Dirghāgama der Sarvāstivādins // Sanskrit-Texte aus dem buddhistischen Kanon: Neuentdeckungen u. Neueditionen. I. Göttingen, 1989. С. 37–67.

⁵¹ Hartmann J.-U. Bemerkungen zu einer neuen Handschrift des Dirghāgama // Vividharatnakaraṇḍaka. Festgabe für Adelheid Mette. Swistal-Odendorf, 2000. С. 359–367; *idem*. Further Remarks on the New Manuscript of the Dirghāgama // Journal of the International College for Advanced Buddhist Studies. Vol. 5. March 2002. P. 133–150.

версия значительно шире и содержит большее количество правил и примеров, чем палийская версия. Сутра пользовалась большой популярностью в Китае и на Дальнем Востоке. По мнению японских ученых, ее текст сложился в Северо-Западной Индии в период между II в. до н.э. и II в. н.э.⁵² Санскритский текст турфанской рукописи не совпадает с ранним китайским переводом Диргхагамы, но близок к другому китайскому переводу, выполненному во II в. н.э. (Трипитака Тайсё, № 21). Рукопись из Бамьяна, по всей вероятности, представляет собой ту версию, которой пользовался Кумараджи-ва для своего перевода сутры на китайский язык (Трипитака Тайсё, № 1484, V в.). Приблизительная датировка рассматриваемой рукописи на основе палеографии — V–VI вв. Тибетский перевод в IX в. был, очевидно, сделан с той же версии.

На основе сохранившихся листов рукописи (с пагинацией 72–116, 264–330 и 385–454) Хартманн восстановил состав раздела «*Silaskandha*» из Диргхагамы и сравнил его с «*Silakkhandhavagga*» палийской Дигханикаи. В санскритском разделе — 23 текста, в палийском — 13. Все 13 палийских текстов имеют соответствия в санскритской части. Остальные 9 санскритских текстов сохранились только в китайском переводе и, по всей вероятности, относятся к школе Дхармагуптаков⁵³.

Санскритские рукописи, открытые в Центральной Азии, Непале, Гильгите, Бамьяне, позволили наконец подойти к проблеме авторства буддийских канонических сочинений. Изложенное выше уже позволило нам сделать заключение о том, что об авторстве можно говорить, только начиная с появления письменных текстов буддийского канона. Они могли быть записаны только в монастырях, авторами их могли быть только монахи, которые занимались распространением буддийского учения. С распространением буддизма на новые территории неизбежно возникали буддийские школы, которые выбирали в качестве базовых текстов лишь часть из того, что передавала устная буддийская традиция. Если же подходящих для распространения текстов не было, чтобы поддержать авторитет Учителя, монахам приходилось самостоятельно создавать их, для того чтобы иллюстрировать основные положения учения. Кто же создавал эти основные положения?

О.О. Розенберг был первым, кто указал, что изучение древнего буддизма нужно начинать с абхидхармы, раздела буддийского канона, содержащего философскую доктрину. Именно философские трактаты лежали в основе догматики буддийских школ. Сутры были призваны популярно разъяснять абхидхарму. Ключ к пониманию буддийской догматики и истории буддийских школ лежит именно в философских трактатах, «которые действительно господствовали среди руководящих буддистов, а не те, которые мы склонны предположить на основании более или менее произвольного толкования сутр, где мы встречаемся с лаконическими формулами, которые без знания абхидхармы могут подвергаться искусственной группировке»⁵⁴. Авторами этих философских трактатов могли быть только монахи-ученые, «руководящие буддисты», как называет их О.О. Розенберг.

Наличие особого положения философских текстов находит подтверждение в рукописях, открытых в Восточном Туркестане. Проникновение буддизма в Турфан в кушанскую эпоху началось с того, что сначала в обращении оказались рукописи абхидхармы, т.е. ранних философских текстов, и санскритской грамматики. Фрагменты этих рукописей написаны кушанским *брахми* и ранним индийским *брахми* эпохи Гупта⁵⁵.

⁵² Nakamura Hajime. Indian Buddhism. P. 34–35.

⁵³ Hartmann J.-U. Further Remarks on the New Manuscript of the Dirghāgama. P. 85–86.

⁵⁴ Розенберг О.О. О мировоззрении современного буддизма на Дальнем Востоке // Проблемы буддийской философии. Петроград, 1918. С. 47.

⁵⁵ См.: Waldschmidt E. Sanskrithandschriften aus den Turfanfunden. Teil I. Unter Mitarbeit von W. Clawiter und L. Holzmann. Wiesbaden, 1965. № 1–3, 244, 245, 445, 446 etc.

Абхидхарма как часть буддийского канона сложилась только в южном буддизме, или хинаяне. Нет оснований говорить о махаянской абхидхарме, также как и о всем каноне махаяны, потому что пока они существуют только в переводах на китайский и тибетский языки. О каноне махаяны как о сложившейся структуре, подобной канону хинаяны, можно судить только на основании отдельных отрывков из разных сутр на санскрите, существовавших в период наиболее активной деятельности буддистов в Индии — в I–VII вв. Что касается махаянской абхидхармы, она, очевидно, не существовала.

Каноническая абхидхарма (*пали* абхидхамма) начала складываться с особых числовых списков — *māṭṭkā*, в которых группировались основные термины учения. В этом можно усмотреть присущую древнейшей индийской культурной традиции мнемотехнику, которая помогала сохранить нужные тексты в устной форме. Очевидно также, что абхидхарма как часть буддийского канона на *пали* сохраняла термины, которые встречаются в двух других разделах канона. Каноническая абхидхарма на *пали* не давала объяснений этих терминов. Она интересна только с точки зрения изучения истории буддийской философии, как ее начального этапа.

Санскритские хинаянские канонические тексты абхидхармы, комментирующие философские термины, до нас не дошли. Однако китайские переводы дают основание утверждать, что серьезный вклад в каноническую абхидхарму внесли сарвастивадины. Буддийская традиция сообщает, что санскритская абхидхарма сарвастивадинов была принята на так называемом Кашмирском буддийском соборе, которым, по преданию, руководил сам Канишка. В китайских переводах сохранились семь трактатов абхидхармы (один из них существует также в тибетском переводе), однако китайская и тибетская традиции все семь трактатов объявляют авторскими⁵⁶.

Серьезные философские трактаты, на которых основывались санскритские сутры всех буддийских школ, появились в первых веках н.э. Эти трактаты не только были авторскими. Есть основания полагать, что их авторы одновременно были творцами ранних махаянских сутр.

Рассматривая сам термин «абхидхарма», мы обнаруживаем в нем важнейшую для всего буддийского учения часть — «дхарма». Это самостоятельный термин, и пока он не получил философского объяснения, смысл сутр не мог считаться достаточно обоснованным. Конечно, можно говорить о «популярном» буддизме, зафиксированном в сутрах, понятных без всякой философии. Но нет ни одной сутры, которая не относилась бы к какой-либо школе. Следовательно, она могла «популяризировать» только теоретический буддизм, его философскую базу. Для нас это кажется незаметным, но тем не менее иначе не могло быть.

Остановимся на тех философах древней Индии, которым принадлежали трактаты, сыгравшие главную роль в становлении буддизма махаяны. Самым ранним по времени основоположником важнейшей махаянской школы — мадхьямака был Нагарджуна (II–IV вв.). Приписываемое ему сочинение «*Sūtrasamuccaya*» представляет собой первую попытку кодификации санскритского махаянского канона по агамам. К сожалению, оно сохранилось только в тибетском и китайском переводах⁵⁷. Пытаясь защитить сутры махаяны от ортодоксальных шраваков (т.е. последователей хинаяны), Нагарджуна собрал цитаты из наиболее авторитетных сутр и расположил их по 13 главным темам. Эти сутры, таким образом, можно считать самыми ранними

⁵⁶ *Васубандху*. Энциклопедия абхидхармы, или Абхидхармакоша. Разд. 1. Дхатунирдеша, или учение о классах элементов. Разд. 2. Индрияннирдеша, или учение о факторах доминирования психики. Изд. подгот. В.И. Рудой и Е.П. Островская. М., 1998. С. 51–52.

⁵⁷ Тибетский перевод: *Nāgārjuna's Sūtrasamuccaya: A Critical Edition of the mDo kun las btus pa*. Ed. by Bhikkhu Pāsādika. København, 1989. Английский перевод: *Pasādika Bhikkhu. The Sūtrasamuccaya. An Engl. Transl. from the Tibetan Version*. Linh-son Publication d'Études Bouddhologiques. № 2–20. 1978–1982. Китайский перевод: «Да чэн бао яо и лунь», Трипитака Тайсэ, № 1635, переводчик Фа Ху (Дхармаракша), XI в. н.э.

сутрами махаяны. Всего Нагарджуна процитировал 68 сутр и собраний сутр, в том числе такие сборники, как «Буддхаватамсака-сутра» (№ 14) и «Махасамнипатапариварта» (№ 29). В списке также перечислены названия 13 сутр из цикла «Ратнакута» и 36 цитат из них. Список Нагарджуны нужно рассматривать как первоисточник, который был использован составителями буддийской энциклопедии «Махавьютпатти» (V в.). К 13 сутрам, процитированным Нагарджуной, можно прибавить еще 3, отрывки из которых он приводит в другом своем сочинении — «Мулямадхьямака-карикe».

Один раз Нагарджуна цитирует сутру, которая в более позднее время получила название «Кашьлапариварта». Во времена Нагарджуны она называлась «Ратнакута-сутра». Комментаторы «Мадхьямика-карики» неоднократно цитируют ее под этим же названием.

Из всех сутр махаяны «Ратнакута» выделяется тем, что она на всем протяжении первого тысячелетия н.э. пользовалась огромным авторитетом как первоисточник по двум сторонам буддийской доктрины: а) этика поведения бодхисаттвы; б) философия «среднего пути» — «*madhyamā-pratīpad*». Нет ни одной сутры, которая цитировалась бы столь же часто как в других канонических сочинениях махаяны, так и в трудах философов двух школ — мадхьямик и йогачаров и в комментариях на их труды. Сутра цитируется также в авторских сочинениях философов других буддийских школ.

Нагарджуна считается основоположником школы мадхьямака, главными достижениями которой являются учение о «Среднем пути» и новая трактовка термина *шуньята*. Оба этих термина поясняются в «Ратнакута-сутре». «Средний путь» — это великое учение, которое нужно признать значимым не только для индийской, но и для мировой философии. Смысл его состоит в том, чтобы ослабить противоречия для адепта, который только что «вошел в поток» учения. У него есть два пути: продолжать рождаться в («этом мире»), т.е. вращаться в сансаре, или выйти из круга перерождений и достичь нирваны. Ни один из адептов не может сразу достичь нирваны. Но он всячески стремится избежать плохих перерождений. Вот это положение, когда адепт выбирает путь достижения «хорошего перерождения» и тем самым постепенно продвигается по пути к нирване, и есть движение по «среднему пути». Помощником адепта выступает бодхисаттва, который достиг просветления, но отказывается от ухода в нирвану из милосердия и сострадания к тем, кто находится еще в начале пути к просветлению или вообще не понял своего бедственного положения в этом мире. Вот почему учение о «среднем пути» сочетается с «моральным кодексом» бодхисаттвы, главного помощника на пути к нирване. Через «*kaṅga*» — «сострадание», проявляемое бодхисаттвой, философское содержание учения мадхьямик связывается со всем профаническим и бытовым.

Путем медитации, связанной с йогическими методами, и «*prañā*» — «дискурсивного интеллектуального понимания» — достигается проникновение в *шуньяту*, т.е. в практическое признание существования всех дхарм только как космических частиц, «бессубъектных и безобъектных», «ненаполненных содержанием», т.е. психических элементов, вступающих в случайные комбинации⁵⁸. Логика подводит к заключению, что *шуньята* — это философское содержание нирваны. Таким образом, в основе философии мадхьямик лежит идентичность *шуньяты* и нирваны.

Нагарджуна многократно использует указания на § 52–65 «Ратнакуты» как отправные точки в «Мулямадхьямака-карикe». Представляется, что именно Нагарджуна был одним из авторов этой сутры. В ней он пытался разъяснить последователям своей школы и другим буддистам основы учения мадхьямик. Невозможно предположить, что он мог пользоваться текстом сутры, который к тому времени уже сложился и был

⁵⁸ См.: *Васубандху*. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Разд. 1. Учение о классах элементов. Разд. 2. Учение о факторах доминирования в психике. Подгот. к изд. В.И. Рудого и Е.П. Островской. М., 1998. С. 80–82.

записан. Текстологический анализ других сочинений Нагарджуны позволяет установить, что в них содержатся пассажи, сходные с текстом «Ратнакута-сутры». Так, в сочинении «Daśabhūmivibhāṣā-śāstra» (сохранилось только в китайском переводе), приписываемом Нагарджуне, в форме комментария разбираются основные положения сутры. Представляется, что Нагарджуна пытался таким путем популяризировать свое «творение». Основные положения «Ратнакуты» вошли в состав ряда других сочинений, приписанных Нагарджуне: «Ratnāvalī»⁵⁹, «Mahāprajñāpāramitā-śāstra», «Catuḥstava»⁶⁰ и др.

Буддийская традиция приписывает Нагарджуне также редактирование таких сутр, как «Prajñāpāramitā» («Достижение высшей мудрости») и «Лотосовая сутра». В его редакторской работе четко прослеживается конечная цель — убрать все противоречия (которые образовались в результате добавлений к первоначальным текстам) и доказать в пылу полемических споров с другими буддийскими школами превосходство махаяны. Именно в «Ратнакута-сутре» получил письменную фиксацию начальный период переосмысления и развития абхидхармических матриц, о которых мы говорили выше, с позиций махаяны. Появился и ряд новых терминов, обосновывающих культ бодхисаттвы в текстах махаяны.

Одно из наиболее существенных для обоснования идей школы мадхьямака сочинений Нагарджуны — «Mūlamadhyamakārikā» («Mūlamadhyamaka-śāstra»), сохранилось только в трудах его последователей и комментаторов — Арьядевы (170–270) и Чандракирти (VII в.). Первому принадлежит сочинение «Catuḥśataka», второму — «Prasannapadā». Из этих комментариев видно, что ряд карик Нагарджуны содержал те же «цитаты» из «Ратнакутасутры», более того, комментаторы сами опирались на эти «цитаты».

Авторитет «Ратнакутасутры» был признан другой родственной мадхьямикам школы — йогачара (другое название — «виджнянавада»). Сами названия этой школы говорят о том, что главный упор она делает на йогическую практику с целью изменения сознания. Школа возникла ок. IV в. Ее создателем объявляется Асанга (310–390), перерождение бодхисаттвы Майтреи. Последнему тибетская и китайская буддийские традиции приписывают авторство основных трактатов этой школы. В главном трактате этой школы — «Bodhisattvabhūmi» также содержатся цитаты из «Ратнакутасутры», которые подтверждают признание основных доктрин мадхьямиков йогачарами. Йогачарам буддийская традиция приписывает комментирование и редактирование таких собраний сутр, как «Avatamsaka». Признав учение мадхьямиков о *шуньяте*, йогачары создали и новое логико-дискурсивное учение о *только сознании* («cittamātra»). Объявляя, что весь окружающий мир иллюзорен и реально существует *только сознание*, йогачары создали учение о *чистом сознании* — «vijñānavāda». Иллюзорность мира проявляется в том, что существует только нирвана; сансара, согласно йогачарам, не существует. Чтобы обосновать свое учение, нашедшее выражение в базовых терминах *только сознание* и *шуньята*, объяснить его массам, йогачары прибегли к сутрам. Наибольшей популярностью пользуются две сутры — «Sandhinirmocana» и «Laṅkāvatāra-sūtra». Обе они носят философско-доктринальный характер. По всей вероятности, в IV в. они были написаны самим Асангой или кем-то из учителей школы йогачаров. Как и положено в буддийской традиции, авторство

⁵⁹ Стихотворный текст, часть строф сохранилась по-санскритски, см.: Chatterjee H. Philosophy of Nāgārjuna, as Contained in the Ratnāvalī. Calcutta, 1977. Сохранились также переводы на тибетский и китайский языки. Пер. на рус. яз. см.: Андросов В.П. Буддизм Нагарджуны. Религиозно-философские трактаты. М., 2000. С. 111–286.

⁶⁰ Текст сохранился в виде четырех санскритских рукописей. Изданы переводы на английский и русский языки. Англ. пер.: Lindner Ch. Nagarjuniana. Studies in the Writings and Philosophy of Nāgārjuna. Copenhagen, 1982. P. 121–161. Рус. пер.: Андросов В.П. Буддизм Нагарджуны. С. 400–450.

«Ланкаватара-сутры» в самом тексте приписывается Будде, который спустился с небес в подводный замок царя нагов, расположенный вблизи острова Ланка. Первый перевод сутры на китайский язык был осуществлен ок. 443 г. Гунабхадрой (Трипитака Тайсэ, № 670). Санскритский текст сутры издан в 1923 г.⁶¹ и переиздан в 1963 г.⁶². Перевод на английский язык появился в 1932 г.⁶³. В сутре комментируется концепция «*только сознание*», которое объявляется тождественным нирване. Миры, как они представляются непосвященным, есть результат нарушений, происходящих в сознании, а именно на восьмом уровне сознания («*mano-vijñāna*») — в «*ālaya-vijñāna*» («*сокровищнице-сознании*»). Этот термин впервые разъясняется йогачарами. Успокоение сознания (в данном контексте — «*манаса*») приводит к восстановлению иллюзорности как миропорядка. Такое успокоение и есть переход к нирване.

Идеи йогачаров продолжали развивать Дигнага (IV–V вв.) и Дхармакирти (VII в.). Конечным результатом развития философии мадхьямиков и йогачаров явилось слияние их в синкретическую школу йогачара-сватантрика-мадхьямака.

Одним из авторов школы йогачаров выступает Васубандху (V в.), которому приписывают два небольших трактата — «Двадцать и Тридцать стихов о *только сознании*» («Виджняптиматра») ⁶⁴. Нет достоверных данных, является ли этот самый Васубандху также автором знаменитой энциклопедии «Абхидхармакоша», которая внесла значительный вклад как в хинаяну, так и в махаяну, обосновав на уровне психологии ряд понятий, которые вошли во все сутры махаяны. К ним прежде всего нужно отнести ключевое понятие «дхарма», которое определяется как элемент психики и классифицируется в зависимости от того, привносит он аффективность в сознание или нет. Приводится также классификация «причинно-обусловленных» дхарм безотносительно к притоку аффектов. Не менее важным кажется обоснование тех факторов, которые должны доминировать в психике живого существа, следующего по пути нирваны. Без философского обоснования таких ключевых терминов махаяны, как дхарма и нирвана, невозможно создание, комментирование и редактирование позднего пласта сутр мадхьямаки и йогачары, как и понимание всего буддизма махаяны.

Однако не все сутры создавались как комментарии к философским доктринам махаяны. Существовал значительный пласт сутр, который был напрямую связан с популярным или простонародным буддизмом. Привлечение на свою сторону народных масс стоило буддизму огромных потерь. Из властителя дум он превращался в массовую религию, в которой существенное место занимал ритуал. Народу нужен был простой и быстрый способ спасения. Появились сутры, в которых перед последователями учения разворачивались возможности возродиться среди богов или попасть в ад. К классическим сутрам махаяны, таким, например, как «Суварнабхаса» или «Сутра Золотого Блеска», сочинялись специальные предисловия, обещающие тем, кто следует учению, читает, переписывает, запоминает и передает его другим, освобождение от ада и рождение в раю Сукхавати. Такие предисловия, как и ряд сутр, описывающих ады и рай, ученые считают апокрифами. Совершенно очевидно, что они авторские, принадлежат «отцам церкви» и направлены на увеличение притока верующих. Больше последователей учения — больше приношений в храм, больше заказов на переписку сутр. Колофоны к таким сутрам прямо говорят о том, что их заказчики просят хороших перерождений для своих близких, покинувших этот мир, и для самих себя. Так возникли различные версии «Сукхавативьха-сутры» и «Амитаюх-сутры», восхваляющие рай Амитабхи (т.е. будды). Амитабха спасет, если к нему обратиться за помощью, и не нужно заниматься философией, развивать мудрость или, наоборот,

⁶¹ Laṅkāvatāra. Ed. by Nanjio Bunyūn. Kyoto, 1923.

⁶² Laṅkāvatāra. Ed. by P.L. Vaidya. Darbhanga, 1963.

⁶³ Suzuki D.T. The Laṅkāvatāra Sūtra. Tr. from original Sanskrit. L., 1932.

⁶⁴ Васубандху. Абхидхармакоша. С. 87.

подвергать себя лишениям, совершать благие деяния, отказываться от мирских привязанностей, от обычных человеческих инстинктов, направленных на продление рода. Именно такими соображениями руководствовались и авторы дополнительной главы к «Лотосовой сутре» (25-й или 26-й, в зависимости от версии), посвященной бодхисаттве Авалокитешваре. Перечислены 32 случая, в которых Авалокитешвара приходит на помощь тому, кто его просит об этом, какие бы несчастья ему ни грозили. Он может превратиться даже в женщину, если потребуется женская помощь. Авторами этой главы также, должно быть, были главы монастырей, в которых сложился культ Авалокитешвары.

Мы не будем здесь касаться ваджраяны в ее махаянских и тантрических версиях. Это большая самостоятельная тема, связанная с изучением видов и ступеней медитации и мистицизма.

Но вот еще об одном следовало бы упомянуть. В те периоды истории Индии, когда буддизм был господствующей религией, проповеди Будды, согласно буддийской традиции, привлекали светских правителей, которые приходили слушать их вместе со своими придворными. Буддийская литература сохранила информацию о больших философских диспутах, в которых буддисты должны были отстаивать позиции своего учения от нападков со стороны брахманистов и последователей других небуддийских учений. Такие диспуты часто устраивались при дворах правителей. На потребу правителей создавались канонизированные тексты, в которых последним обещали всечеловеческие блага за поддержку учения, в том числе и материальную. Во многих притчах сохранились рассказы о дурных правителях, которые поплатились за свои проступки долгими веками пребывания в страшных адах. В этих случаях для исследователя ясен и заказчик и исполнитель — автор сутр, в которых подавались советы правителям. Это целый пласт литературы особого жанра, в которой использовались сюжеты древнеиндийского фольклора. Эти сюжеты подвергались редактированию, расширялись, снабжались сведениями о том, кем были упомянутые герои в прежних перерождениях. Классическим образцом такой отредактированной канонической литературы является виная — «дисциплинарный кодекс» мулясарвастивадинов, сохранившийся почти целиком среди рукописей, найденных в Гильгите. Мы не будем здесь касаться сюжетов *авадан* и *джатак*, включенных в винаю в качестве назидательных историй, поскольку их анализ неизбежно повлечет за собой погружение в древнеиндийскую простонародную литературу. Отметим только, что в винае канонизированы диспуты Будды с рядом противников его учения, например с *Maskarī Gośāliputra*, *Sañjauī Vairatīputra*, *Ajita Keśakambala* и др.⁶⁵ Включены туда также и сочинения особого жанра — «*pariprcchā*», или «Вопросы». В качестве примера можно привести «*Upali pariprccha*» — «Вопросы Упали», где в разделе «*Saṅghabhedavastu*» будда отвечает на вопросы Упали относительно того, что нужно считать «расколом буддийской общины»⁶⁶.

Все, что было сказано выше, представляет собой попытку понять место и роль устной безымянной традиции и авторского текста в истории складывания канонической буддийской литературы. При этом как будто бы выясняется, что многие сутры и абхидхармические тексты безусловно авторские сочинения, даже если имена авторов не сохранились. На примере махаяны вполне просматриваются авторы философских трактатов, использовавшие или составлявшие сутры, и мы даже в состоянии назвать некоторые имена, и только, пожалуй, *джатаки* и *аваданы*, которые остались за рамками наших размышлений, можно безоговорочно отнести к фольклору.

⁶⁵ The Gilgit Manuscript of the Saṅghabhedavastu Being the 17th and Last Section of the Vinaya Mūlasarvāstivādin. Pt II. Ed. by R. Gnoli. Roma, 1978. P. 221–226.

⁶⁶ Там же. P. 271–277.

И все же скудость дошедших до нас исторических и биографических сведений вызывает у исследователя чувство острой досады.

Отсутствие в древней и раннесредневековой Индии исторических и биографических сочинений — факт общеизвестный, и этот феномен еще ждет научного объяснения. Такая могучая цивилизация, как древнеиндийская, не оставила летописей, исторических хроник, биографических сочинений. Эпос, пураны дают нам, как правило, легендарный и мифологический материал. И тем не менее нам кажется, что нарисованная в данном разделе далеко не полная картина формирования, скажем, махаянской литературы (философские трактаты, сутры) позволяет нащупать некоторые обнадеживающие подходы к пониманию проблемы соотношения устной безымянной традиции и авторского текста в процессе сложения такой глыбы, как буддийская каноническая литература.

Summary

M.I. Vorobyova-Desyatovskaya

Regarding the History of Buddhist Canon:

The Problem of the Language Variety and the Authorship

The problem of the language of the first Buddha's preaching and, later, of the language of Buddhist Canon in which it was written down is unsettled yet. Taking into consideration the date of Buddha's life (BC 400–360), which is accepted by almost all scientists now, and the region where his preaching activity took place—the territory of Magadh—Buddha had been preaching to his pupils in the Magādhī Prakrit, in which the Great Aśoka ordered to carve his rock edicts.

In the Buddhist texts which were first written down in the late BC centuries, only Gāndhāri Prakrit came to us. In some Sanskrit sūtras, for example, in Dharmapāda, scholars found traces of the Ardhamagādhī Prakrit.

The early translations of the Buddhist sūtras into Chinese have shown that they were based not on the Sanskrit texts, but on some Prakrit ones. To define this language the modern scholars accepted the term “Sanskrit-cum-Prakrit”.

The philosophy of early Buddhist texts took the terminology of Brahmanism, though the Buddhist doctrine appeared as a teaching directed against it.

The first authors of the Buddhist sūtras have probably been the so-called *dharmabhāṅaka*, the monks who settled in monasteries, studied there, and then wandered abroad to preach the Buddhist doctrine.

The philosophical sūtra appeared as texts necessary to explain and disseminate the philosophical dogmas of some Mahāyānist schools, for example, Madhyāmikas and Yogācarins. It is possible that some scholars working in these schools—such as Nāgārjuna and Asaṅga, and their followers later, could be the authors of a number of sūtras.

Л.И. Крякина, И.Н. Кулешова

© 2004
Санкт-Петербург

Физико-химические исследования и реставрация тангутских рукописей и ксилографов XII в. из коллекции Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения обладает уникальной коллекцией тангутских рукописей и ксилографов XI–XIII вв., обнаруженных в мертвом городе Хара-Хото в 1908–1909 гг. в пустыне Алашань (Северо-Западный Китай) Монголо-Сычуаньской экспедицией под руководством Петра Кузьмича Козлова, ученика и сподвижника Николая Михайловича Пржевальского. Собрание тангутских рукописей было найдено в одном из крупных субурганов — буддийском культовом сооружении в виде погребальной ступы, названном в последствии «знаменитым».

Тангутское государство Си Ся образовалось в X в. (982 г.) и просуществовало меньше 250 лет. В 1227 г. оно было уничтожено армией Чингисхана за отказ участвовать в походе на Среднюю Азию. За это время тангуты создали мощное государство, собственную самобытную культуру и письменность, основанную на принципах китайской иероглифики. Опираясь на китайские и центральноазиатские традиции, тангуты развили технологию производства бумаги и создали сорта бумаги, отличные от китайских.

К X в. в Восточном Туркестане для изготовления бумаги использовали также кору и луб бумажной шелковицы, волокна пеньки, шелка, бамбука, конопли, рисовую солому, джут, волокна рами, луб тутового дерева и клещевины, кустарниковую массу.

В 1963 г. в лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института целлюлозно-бумажной промышленности были получены первые результаты анализа десяти образцов тангутской бумаги. Несмотря на разнообразие цвета, текстуры и фактуры бумаги, было обнаружено, что ее основу составляет хлопчатобумажная тряпичная полумасса с примесью пенькового волокна и волокон, похожих на лен. Обнаружены были также включения других волокон растительного происхождения, древесины и даже шелухи от семян.

На основе химико-технологических и визуальных исследований образцов тангутской бумаги было выделено восемь сортов.

Характерной особенностью тангутской бумаги является след отливной сетки с правильным чередованием малых и больших промежутков вертикальных линий понтюзо (1 и 2,5 см в малых и 2 и 6 см в больших). Обычно в 1 см тангутской бумаги заключается 7 горизонтальных линий (верже), реже 8, 9 или 10. Встречаются образцы окрашенной в желтый цвет бумаги, где верже составляет 12–14 единиц на 1 см.

Основной краской для письма была тушь. В тангутском языке в состав иероглифа, обозначающего «тушь», входил детерминатив «дерево», что напрямую указывало на получение этого материала в процессе сторания древесины. Связующим элементом

Крякина Любовь Ивановна — реставратор Сектора восточных рукописей и документов СПбФ ИВ РАН.
Кулешова Ирина Николаевна — н.с. Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи (СПб.).

Сорта тангутской бумаги из Хара-Хото*

№ п/п	Цвет	Фактура	Сетка	Шлихта	Примечания
1	белый	почти без утолщения и включений волокон	крайне разнообразная	нет	
2	желтый	всегда очень тонкая (наклеена на более плотную бумагу)	не проглядывается	нет	употребляется только для буддийских текстов
2а	желтый	чуть шероховатая	правильное чередование больших и малых промежутков между вертикальными линиями сетки	нет	
3	красный	шероховатая, плотная	не проглядывается	нет	встречается крайне редко
4	серый	очень мягкая, с большим количеством утолщений и включений волокон	расстояние между вертикальными линиями различное	нет	
5	от грязно-серого до серо-коричневого	очень тонкая, почти прозрачная, с включениями волокон	беспорядочное чередование вертикальных линий	нет	один из самых дешевых сортов
6	желто-серый	очень плотная	не проглядывается	густая	
7	серый	чуть шероховатая, не очень плотная	характерное чередование промежутков между вертикальными линиями: 1–3 см, 1–6 см	нет	возможно, вывозилась из Китая
8	от серого до серо-коричневого	чуть шероховатая, не очень плотная	при различном расстоянии между вертикальными линиями всегда 7 горизонтальных линий в 1 см	нет	встречается чаще других сортов

* *Герентьев-Катанский А.П.* С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII вв. М., 1990. С. 29.

для приготовления туши служила камедь. Для выделения заголовков или текста тангуты использовали киноварь и земляные краски.

В 1999–2001 гг. в рамках реставрационно-исследовательского проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований, было проведено физико-химическое исследование образцов бумаги рукописных и ксилографических фрагментов тангутских документов, остатков бумажных и шелковых переплетов, нитей, использованных для сшивания блоков.

Исследование проводили выборочно по следующим основным параметрам: природа сырья для изготовления бумаги, толщина и кислотность бумаги, природа и свойства красителей и средств письма, характер проклейки бумаги, морфологические признаки волокна, в том числе и по данным сканирующей электронной микроскопии.

Для проведения исследования из 120 ед. хранения были отобраны более 30 образцов бумаги, различных по внешнему виду, качеству, цвету и плотности. Основная масса образцов представляет собой тонкую длинноволокнистую бумагу серого,

серовато-желтоватого или желтого цвета. Известно, что для окраски бумаги тангуты использовали красители природного происхождения. Желтый цвет получали окрашиванием бумаги настоем шафрана. Экспериментальным путем установлено, что желтый краситель не устойчив к водным обработкам.

Толщину бумаги по площади листа измеряли толщиномером ТНБ-5. Показатели толщин неравномерны и составляют от 75 до 100 микрон (мкм).

Определение волокнистого состава бумаги является одним из важнейших испытаний. С этой целью был выбран качественный микрохимический метод анализа, установленный ГОСТом 7500-85, с использованием реактива Герцберца (хлор–цинк–йод), так как именно он дает наиболее точную окраску бумажных волокон различного происхождения. Окрашенные препараты просматривали под микроскопом МБС-1 с увеличением не менее чем в 75^x. Анализ отобранных образцов показал, что бумага тангутских документов изготовлена из волокон хлопка с примесью других растительных волокон — пеньки, джута и, возможно, волокон рами, луба кустарников, а также шерсти и шелка.

Выявлено несколько образцов бумаги (например, образцы Танг., инв. № 1350, 2643), основу которых составляют волокна растительного происхождения, близкие по морфологическим признакам к волокнам, получаемым из однолетних побегов некоторых видов многолетних японских кустарников. По-видимому, идентичные растения произрастали и на территории Китая в начале II тысячелетия, но нельзя исключить использование привозного сырья либо готовой бумаги (фото 1).

Под микроскопом хорошо видна характерная особенность этих образцов: волокна окружены нежной тонкой кожицей, окрашивающейся реактивом Герцберца в бледно-сиреневый цвет при винно-красной окраске волокна.

Методом сканирующей электронной микроскопии получены снимки волокна одного из образцов (Танг., инв. № 1350) и образца современной японской бумаги, изготовленной из луба японского многолетнего кустарника *kozo*. Фотографии выполнены старшим научным сотрудником РНЦ «Прикладная химия», к.т.н. Н.Н. Сапрыкиной (фото 2, 3).

На фотографиях, полученных с образца Танг., № 1350, при различном увеличении видно, что бумага изготовлена из длинных, ровных, прочных цилиндрических волокон. На волокне не наблюдается чешуек, трещин и механических повреждений. Каждое отдельное волокно вместе со всеми неровностями и шероховатостями покрыто однородной желеобразной массой (пленкой), которая, вероятно, и дает при микрохимическом анализе сиреневую окраску кожицы, покрывающей волокно. На фотографиях современной японской бумаги, изготовленной без наполнителя, наблюдается та же картина — волокна покрыты пленкой. Снимки иллюстрируют высказанное выше предположение о возможности применения в бумажном производстве тангутов волокон луба кустарниковых растений, родственных японским однолетним кустарникам.

Определение вида проклейки в бумаге проводили с помощью реактива Люголя, так как он является наиболее чувствительным и специфичным реактивом на углеводы, содержащиеся в муке и крахмале. Исследования проводили в водных растворах микропроб образцов. Только в нескольких образцах бумаг были обнаружены крахмальная проклейка и следы гипсовой шпаклевки. Тесты на содержание белковых компонентов животного происхождения в проклейке не дали положительных результатов (фото 4).

До и после реставрации измеряли кислотность бумаги переносным рН-метром (pH/mV/ORP Meter model № 5938-00). Показатели кислотности различных образцов до реставрации составили значения от 5,2 до 6,12. Средние значения рН бумаги после реставрации 6,65.

Часть документов, найденных в субургане, были со следами биологической деструкции. Микологические пробы показали отсутствие жизнеспособных микромицетов, хотя на фотографиях с электронного микроскопа видны остатки структуры грибов (плодовые тела, гифы, фоксинги) (фото 5).

Результаты выборочных исследований образцов тангутской бумаги

№ п/п	Инв. №	Тип документа	Цвет бумаги	Фактура	Кислотность (до рест.)	Волокно
1	Танг., инв. № 1350	рукопись, гармоника	желтый	тонкая	—	Волокна растительного происхождения, имеющие характерную особенность: волокна окружены нежной тонкой кожицей, окрашивающейся реактивом Герцберца в бледно-сиреневый цвет при винно-красной окраске волокна
2	Танг., инв. № 2670	рукопись, 17 л.	желтый	тонкая	5,23	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
3	Танг., инв. № 2643	рукопись, 23 л.	желтый	тонкая	5,3	Волокна растительного происхождения, имеющие характерную особенность: волокна окружены нежной тонкой кожицей, окрашивающейся реактивом Герцберца в бледно-сиреневый цвет при винно-красной окраске волокна
4	Танг., инв. № 5543	рукопись, 14 л., 3 фр.	серый	мягкая, с утолщениями	—	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
5	Танг., инв. № 7994	свиток, 3 станд. листа и 4 фр.	серый	тонкая	6.45–6.65	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
6	Танг., инв. № 6268	рукопись, 4 л.	желтый	шероховатая	5,32; 5,79	Волокна растительного происхождения, имеющие характерную особенность: волокна окружены нежной тонкой кожицей, окрашивающейся реактивом Герцберца в бледно-сиреневый цвет при винно-красной окраске волокна
7	Танг. 55, инв. №6740	рукопись, ксилограф	желтый	сетка	5,54; 5,87; 6,12	Бумага длинноволокнистая, состоит из хлопчатобумажных волокон
8	Танг., инв. №4180	ксилограф, 3 л. + 6 фр.	серый	рыхлая, био-деструктированная	5,54	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута

№ п/п	Инв. №	Тип документа	Цвет бумаги	Фактура	Кислотность (до рест.)	Волокно
9	Танг. 55, инв. № 8084 (е-ж)	ксилограф, 3 л.	серовато-желтоватый	тонкая	5,58	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
10	Танг. 55, инв. № 8084 (з)	ксилограф, 15 л.	желтовато-серый	тонкая	5,59; 5,3; 6,13	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
11	Танг. 55, инв. № 8084 (а, с, d)	ксилограф, переплет — холст	серый	тонкая	5,90–5,95	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
12	Танг. 142, инв. № 577	ксилограф, 6 л.	желтовато-серый	плотная	5,63; 5,68	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
13	Танг., инв. № 3052	рукопись, гармоника, 35 л.	—	—	5,36	Бумага длинноволокнистая, состоит из хлопковых волокон
14	Танг., инв. № 3809	рукопись, 41 л.	серый	тонкая, рыхлая	5,70; 5,63	Волокна растительного происхождения, имеющие характерную особенность: волокна окружены нежной тонкой кожицей, окрашивающейся реактивом Герцберца в бледно-сиреневый цвет при винно-красной окраске волокна
15	Танг. 55, инв. № 4542	ксилограф, 2 л.	желтовато-серый	плотная	5,64; 5,91	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
16	Танг. 55, инв. № 8086	ксилограф, 2 л.	желтовато-серый	плотная	5,86; 6,01	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью рами или джута
17	Танг., инв. № 5543	рукопись	серый	тонкая	5,20	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью лигниносодержащих волокон рами или джута. Завязки рукописи из хлопковой полумассы
18	Танг., инв. № 4167	ксилограф	серый	рыхлая	—	Бумага состоит из смеси хлопковых волокон: с примесью лигниносодержащих волокон однолетних растений — соломы или травы

№ п/п	Инв. №	Тип документа	Цвет бумаги	Фактура	Кислотность (до рест.)	Волокно
19	Танг., инв. № 2200	ксилограф	серый	тонкая, с утолщения- ми и включе- ниями	—	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью лигниносодержащих волокон рами или джута
20	Танг., инв. № 2670	рукопись, гармоника, 17 л.	белый	плотная	—	Бумага длинноволокнистая, состоит из хлопчатобумаж- ных волокон
21	ТК-300	ксилограф, рукопись	серый	с включения- ми, рыхлая	—	Бумага длинноволокнистая, состоит из хлопчатобумаж- ных волокон
22	Танг., инв. № 4180	ксилограф	коричневый	тонкая, рыхлая	—	Бумага длинноволокнистая, состоит из смеси волокон: хлопковых с примесью лигниносодержащих волокон рами или джута
23	Танг. 55, инв. № 4429	ксилограф, 22 л.	желтый	рыхлая, тонкая	5,51–5,51; 5,59–5,60	Бумага длинноволокнистая, состоит из хлопчатобумаж- ных волокон

Реставрационная программа для тангутского фонда состоит из нескольких направлений:

1. **Проведение классификации рукописей и ксилографов** и разделение их на группы в соответствии со сложностью реставрации. Критериями отбора документов служат различная степень повреждения бумаги, разные типы рукописей и ксилографов, представляющие собой свитки, гармоника, бабочки, тетради, сшитые блоки, отдельные листы и фрагменты, а также наличие двустороннего текста, так как нехватка писчего материала в бурно развивающемся государстве Си Ся породила явление использования оборотной стороны старых бумаг и документов.

2. Физико-химическое исследование тангутских бумаг.

3. Для сильно разрушенных односторонних и двусторонних фрагментов рукописей и ксилографов применяется **консервация методом инкапсулирования** в высококачественную полиэфирную прозрачную пленку Melinex. В этом случае в целях сохранения бумажной основы документа возможно изменение первоначального формата (фото 6, 7).

4. **Реставрация тангутских документов** проводится с использованием традиционных дальневосточных методик и инструментов, а также современных материалов, таких, как Gore-tex и Hollytex, с привлечением лучших европейских достижений в области реставрации восточных бумаг (фото 8–16).

5. На всех этапах работы с коллекцией осуществляется **фотодокументирование** реставрационных процессов с целью выявления и фиксирования характера повреждений документов и сохранности материалов до, в процессе и после реставрации в соответствии с требованиями документальной съемки (наличие серой и/или цветной шкалы, сантиметра, указания процесса, шифра документа, различных параметров освещения).

6. **Унифицирован вид консервационных упаковок** для хранения письменных памятников в виде папок для плоских документов и футляров типа «double-back box» для свитков, ксилографов и объемных блоков (фото 17).

7. Разработана реставрационная документация в виде паспорта для компьютерного описания состояния сохранности памятников и реставрационных мероприятий с учетом специфики тангутских рукописей и ксилографов.

Тангутские рукописи были представлены в 1998–1999 гг. на выставках в Японии, Австрии и Германии, а также на IV Международной конференции «Сохранение коллекций Дуньхуана и Центральной Азии», проходившей в Петербурге 7–12 сентября 1999 г.

Summary

L.I. Kryakina, I.N. Kuleshova

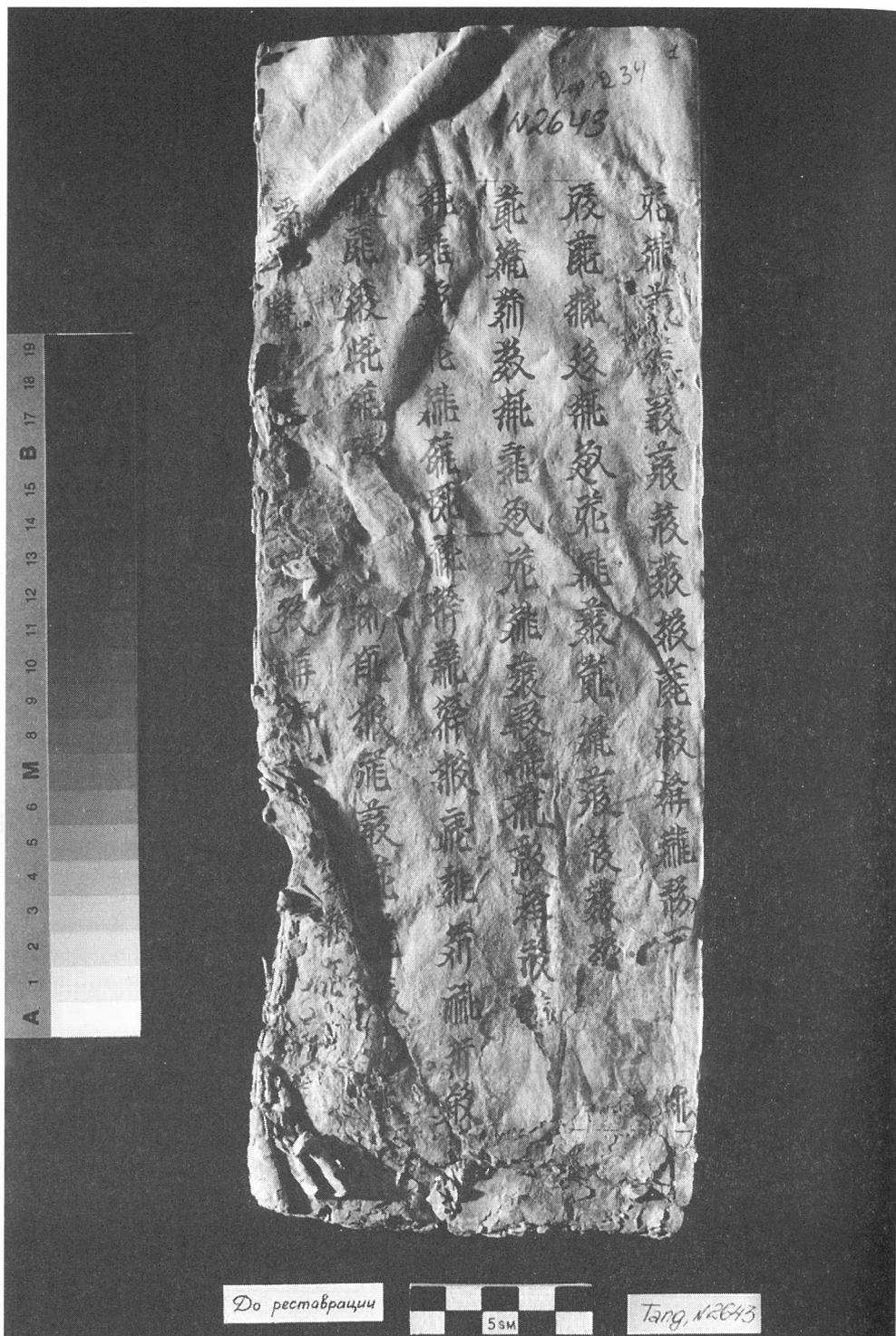
**Physical-chemical Research and the Restoration
of the Tangut Manuscripts and Xylographs of the 12th Century
at the Institute of Oriental Studies (St. Petersburg Branch)
of the Russian Academy of Sciences**

The first results of the analysis of ten samples of the Tangut paper were obtained at the Laboratory of the All-Union Scientific Research Institute of Pulp and Paper Industry as early as in 1963. It was established that, regardless of colour, structure and texture, the base of the paper consisted of cotton rag pulp mixed with hemp and apparently flax fibres. There were also impregnations of other fibres of vegetable origin, wood grains and husks.

Within the framework of the Research and Restoration Project founded by the Russian Fundamental Studies Foundation in 1999–2001, the Department of Manuscripts was engaged in physico-chemical study of both the samples of rag paper of the Tangut manuscript and xylographic documents and the remnants of paper and silk bindings including the threads which were used for binding separate parts of the documents.

The programme of restoration of the Tangut Collection includes the following:

1. Classification of the Tangut manuscript and xylographic documents.
2. Physico-chemical study of the Tangut paper.
3. Incapsulation of seriously damaged fragments into a high-quality polyester transparent film Melinex.
4. Restoration of documents.
5. Photographing restoration process.
6. Manufacturing special preservative boxes.

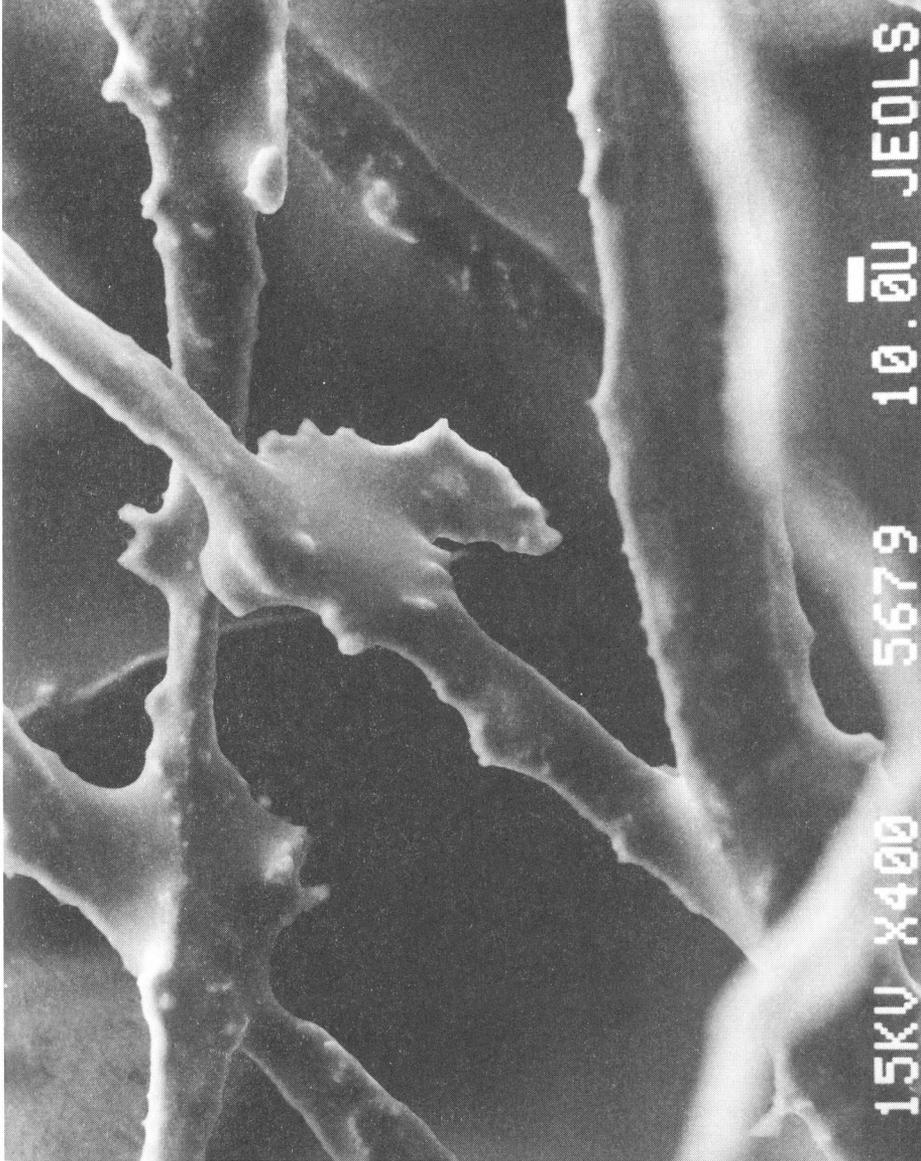

Фото 2. Волокна гангутской бумаги (рукопись, Танг., инв. № 1350) при 400-кратном увеличении методом сканирующей электронной микроскопии (СЭМ)

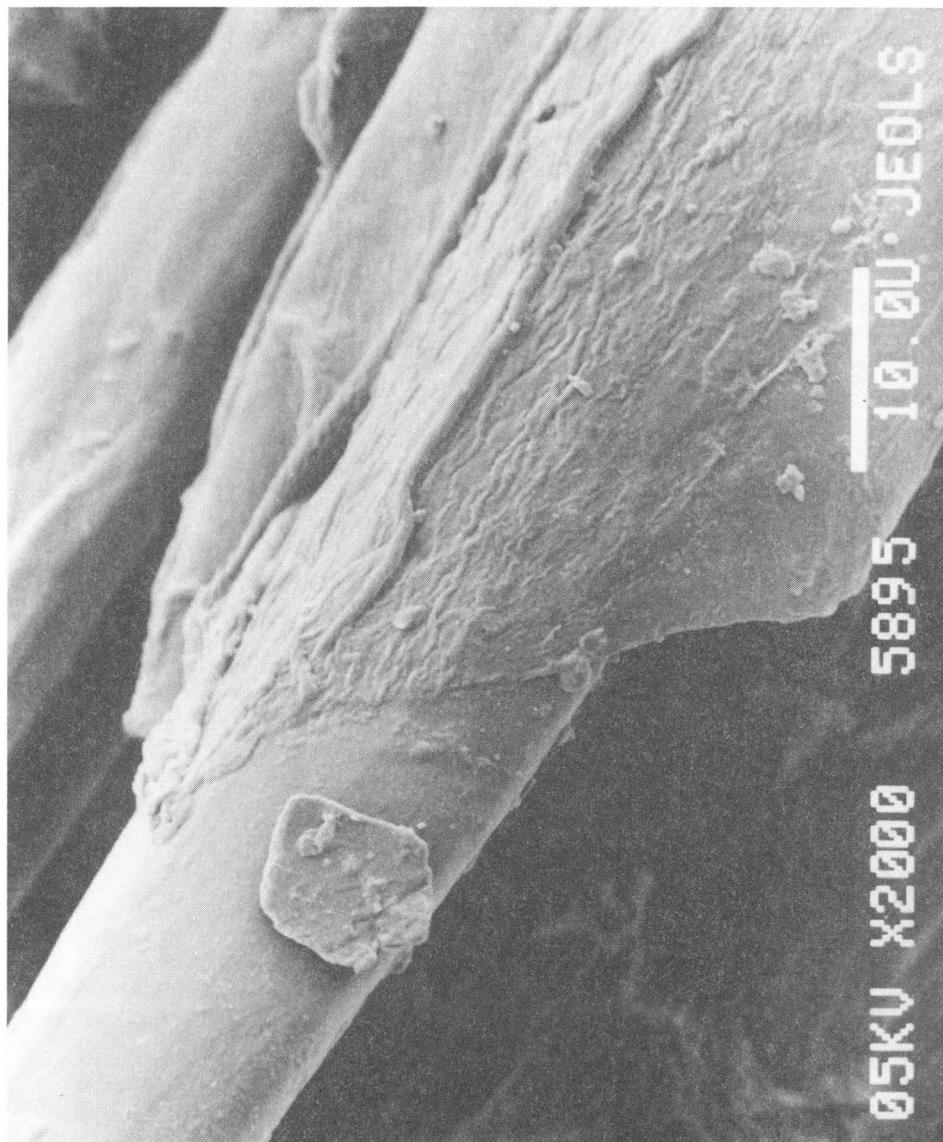

Фото 3. Образец волокна современной японской бумаги из кустарника козо при 2000-кратном увеличении СЭМ

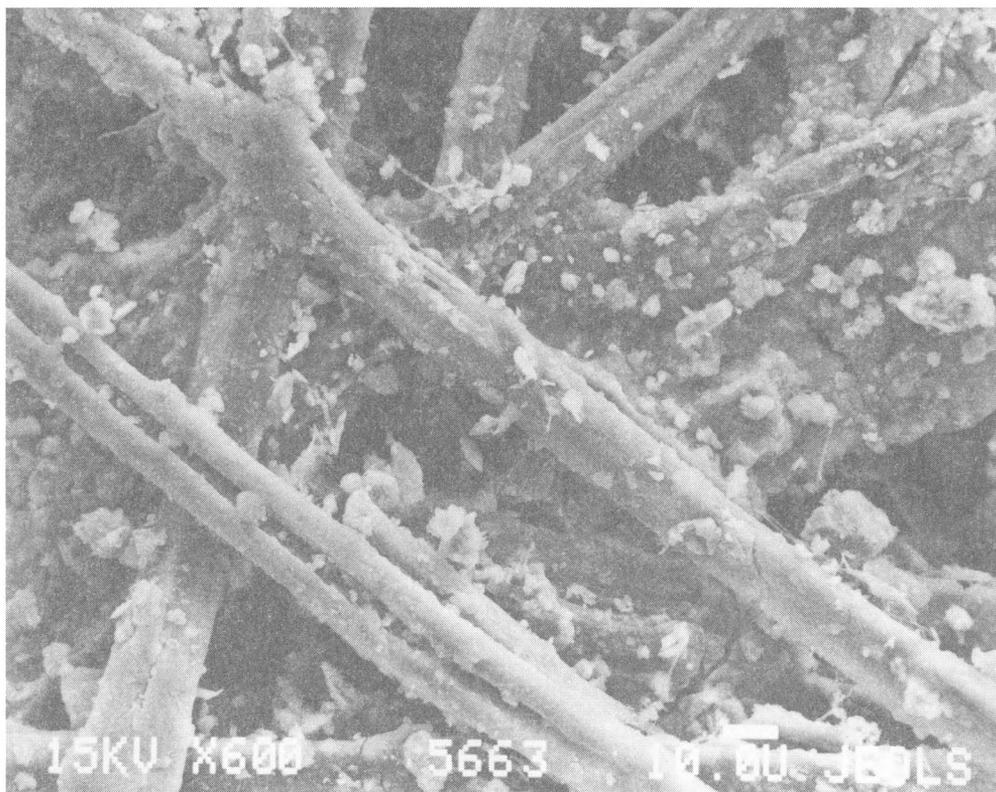

Фото 4. Волокна тангутской бумаги XII в. с наполнителем (мел или гипс)

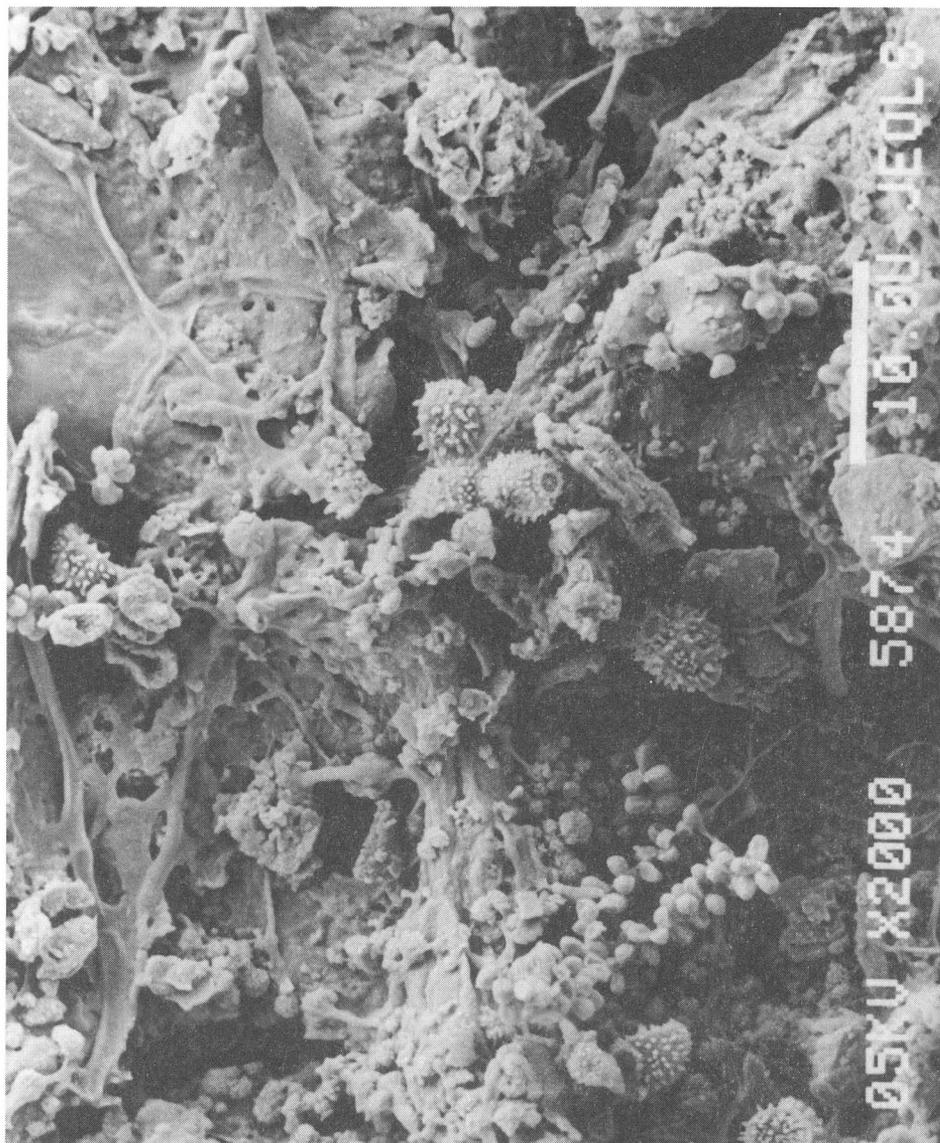

Фото 5. Волокна деструктированной бумаги с плодовыми телами грибов, гифами и фоксингами

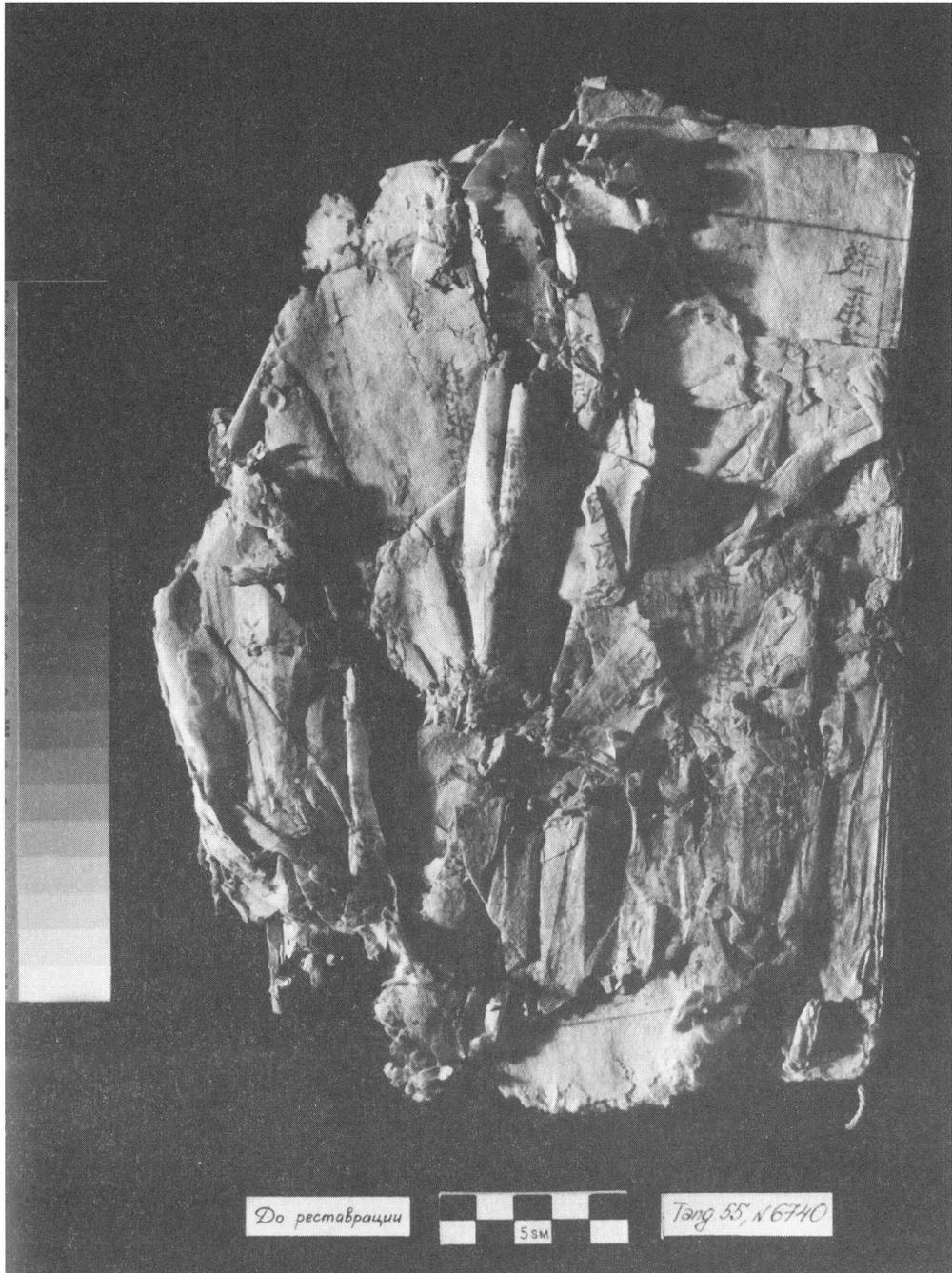

Фото 6. Состояние сохранности ксилографа (Танг. 55, инв. № 6740) до реставрации

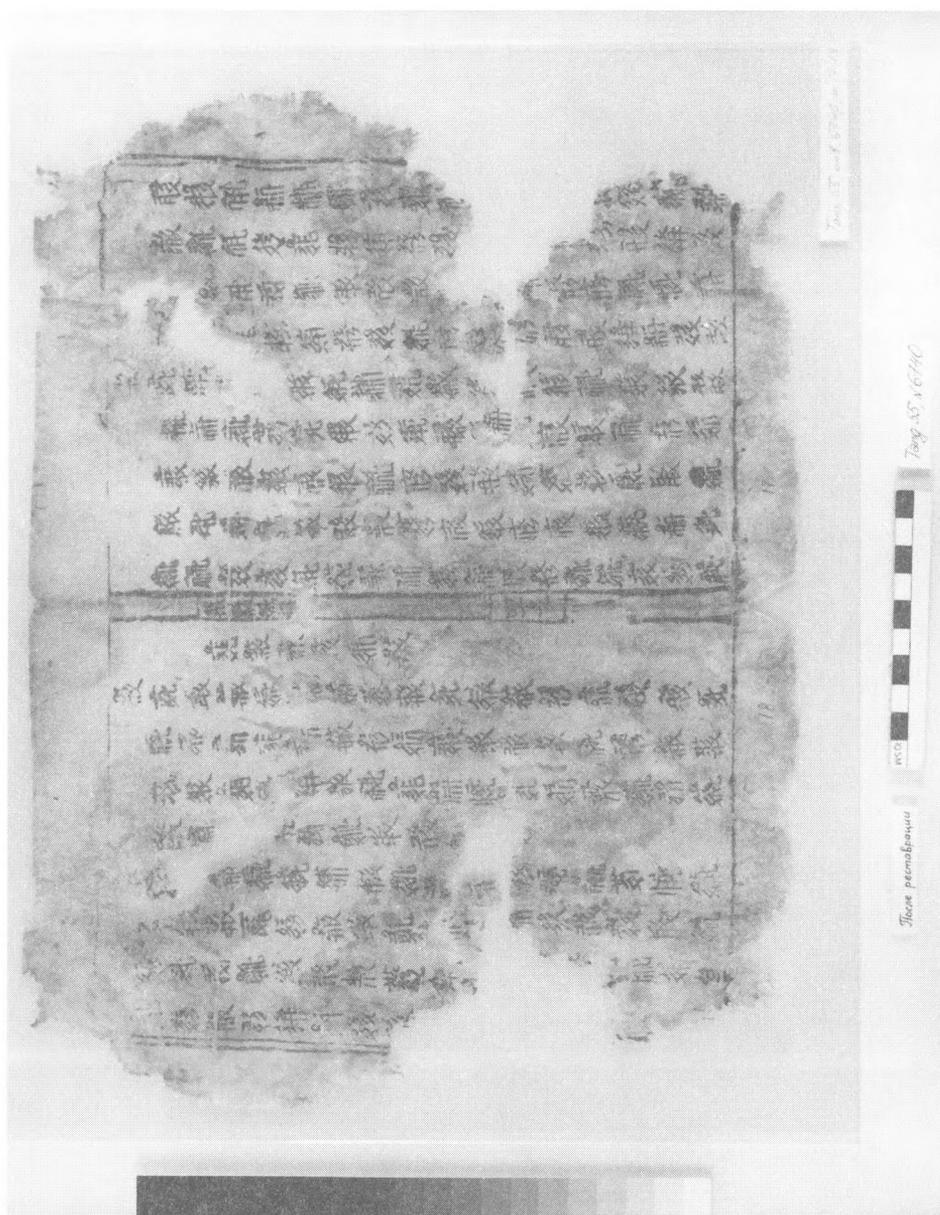

Фото 7. Очищенный и распрямленный лист ксилографа (Табл. 55, инв. № 6740), инкапсулированный в Meiplex

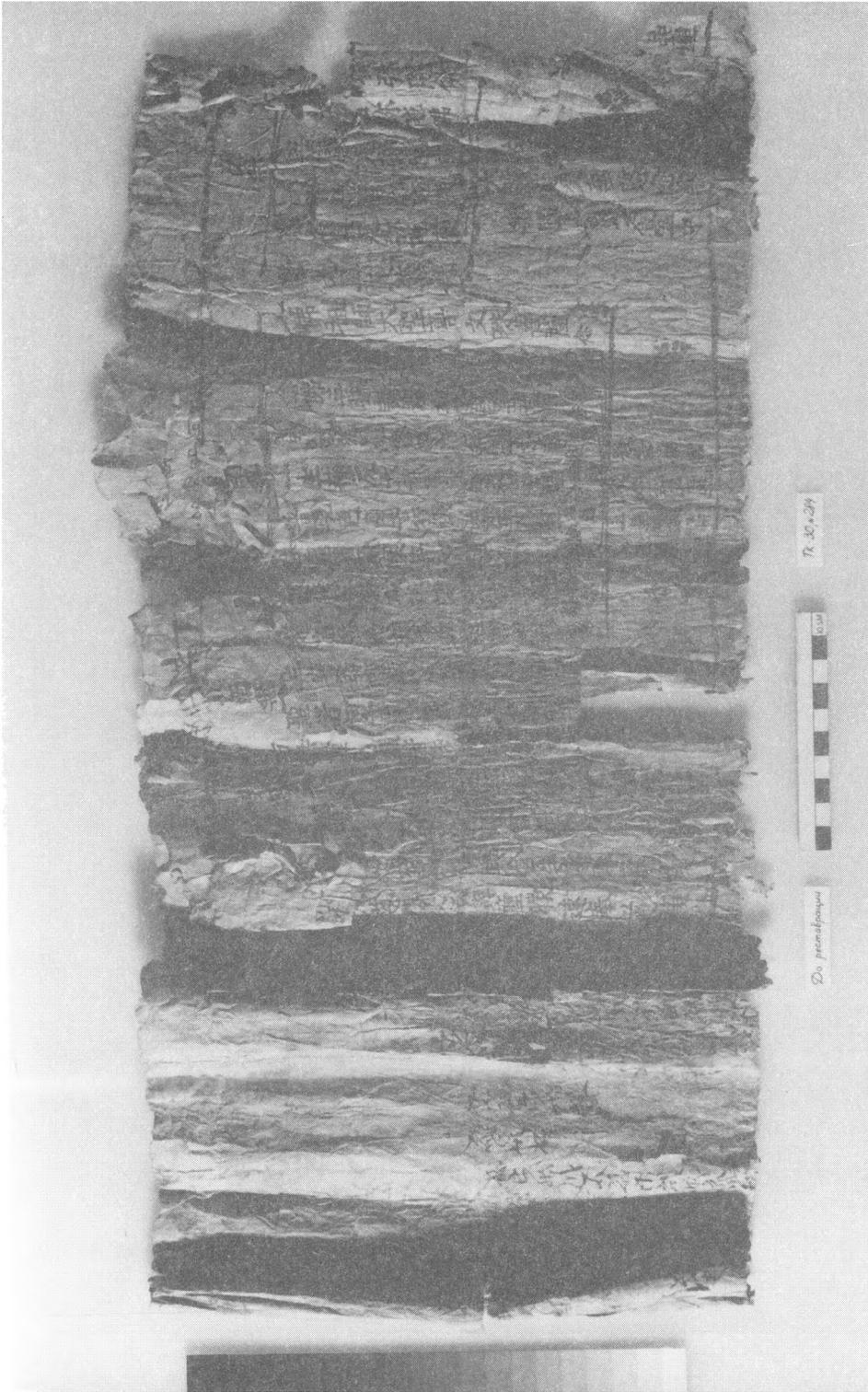

Фото 8. Тангутско-китайский свиток (TK-300) до реставрации

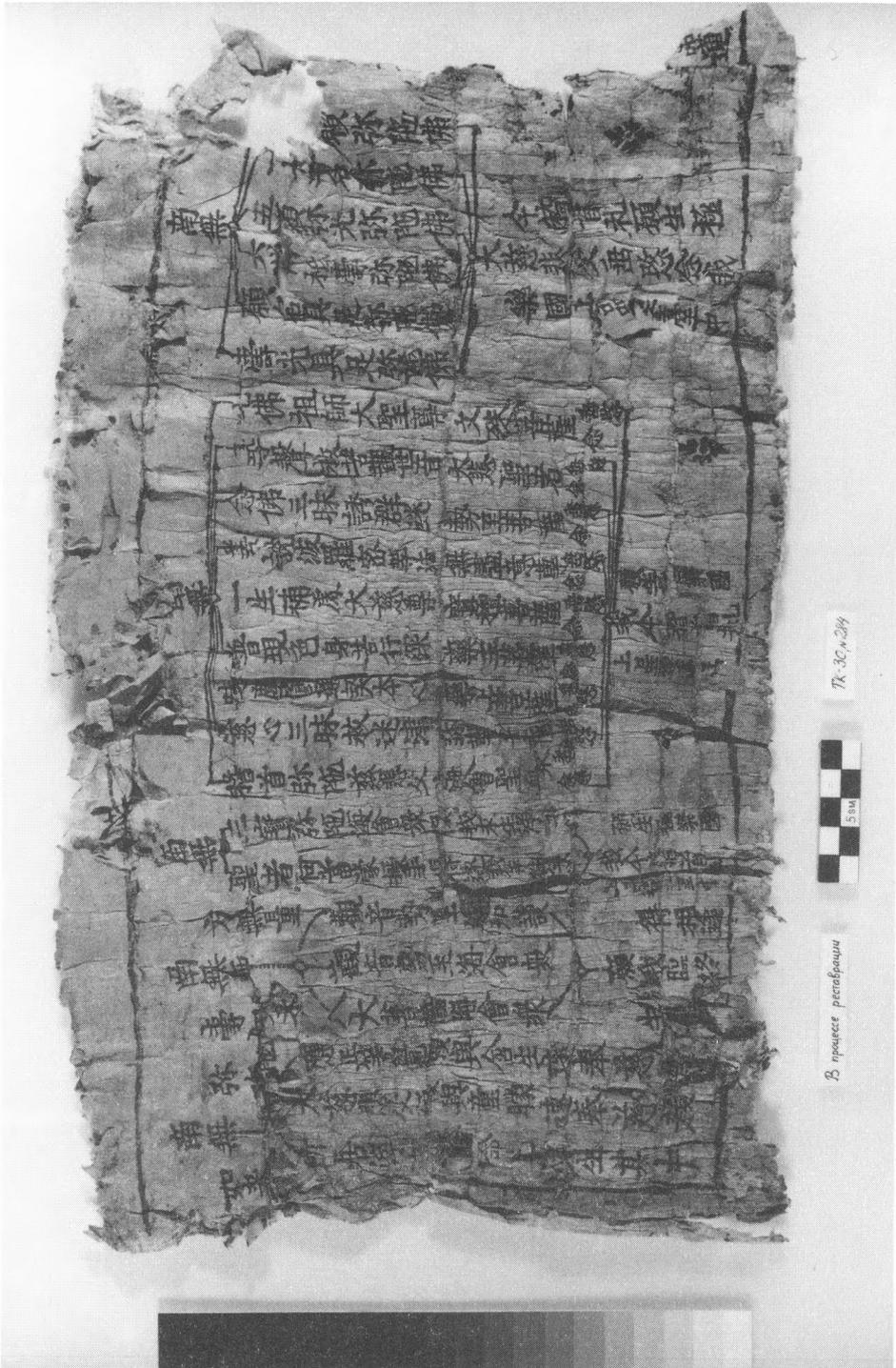

Фото 9. Ксилографический фрагмент свитка (китайский текст сутры) в процессе реставрации

Фото 10. Рукописный фрагмент свитка (тангутские и китайские тексты). Разделение по частям

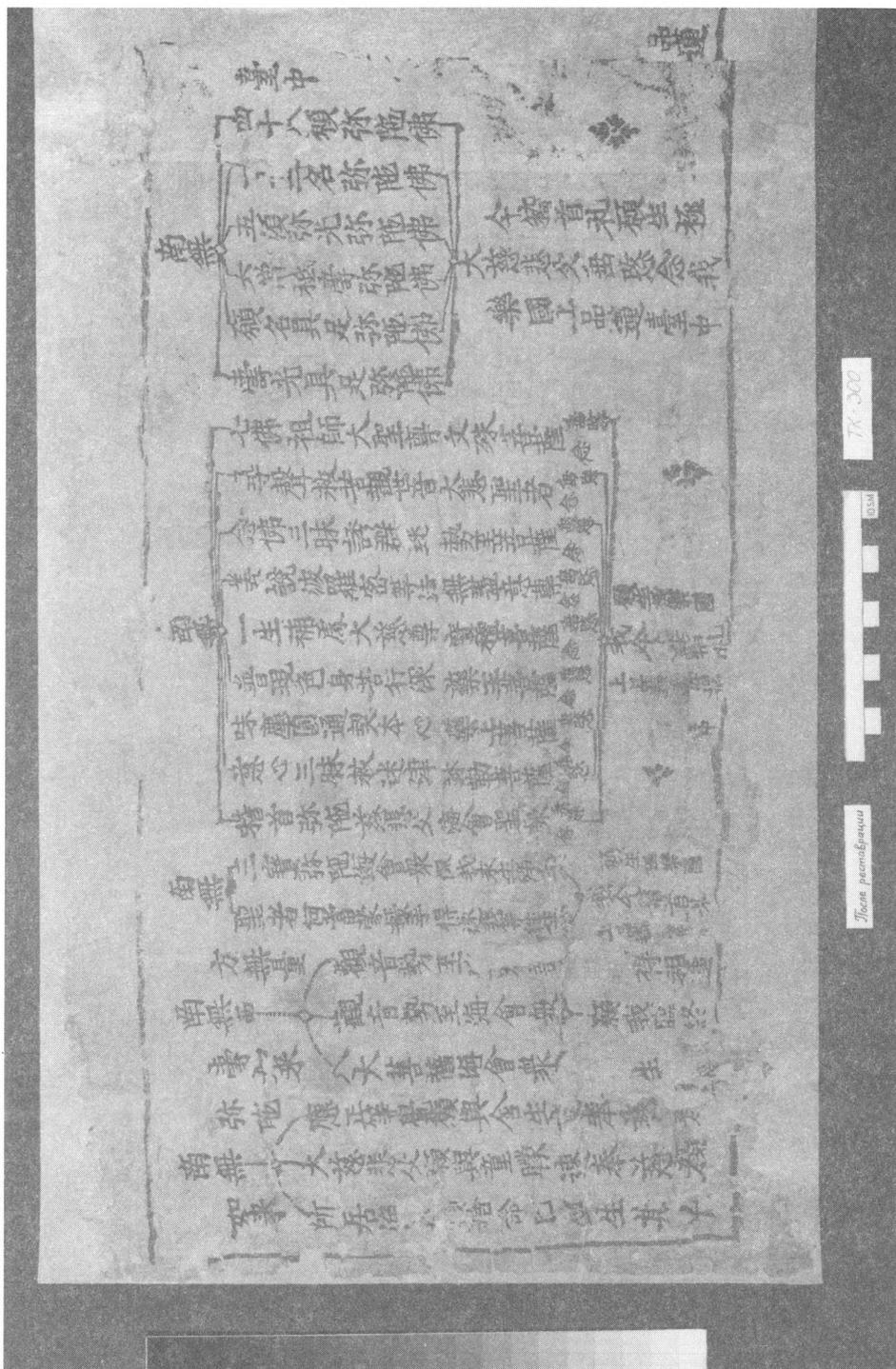

Фото 11. Ксилограф свитка ТК-300 после реставрации. Дублирование на новую основу — тонированную японскую бумагу

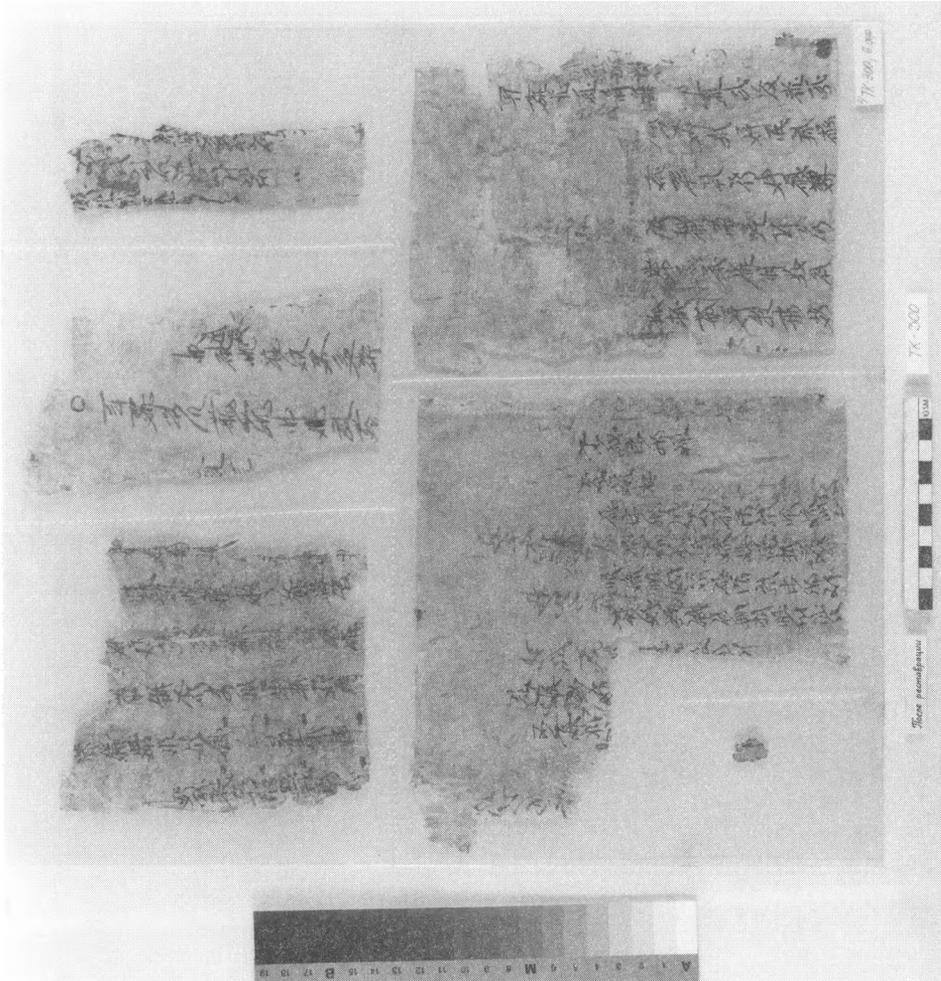

Фото 12. Инкапсуляция в Melinex рукописных фрагментов свитка ТК-300 (всего более 50 фр.)

Фото 13. Состояние сохранности тангутского трехслойного ксилографа до реставрации

Фото 14. Разделение слоев бумаги для укрепления разрывов и восполнения утраты

Фото 15. Подведение японской реставрационной тонированной бумаги для укрепления основы документа

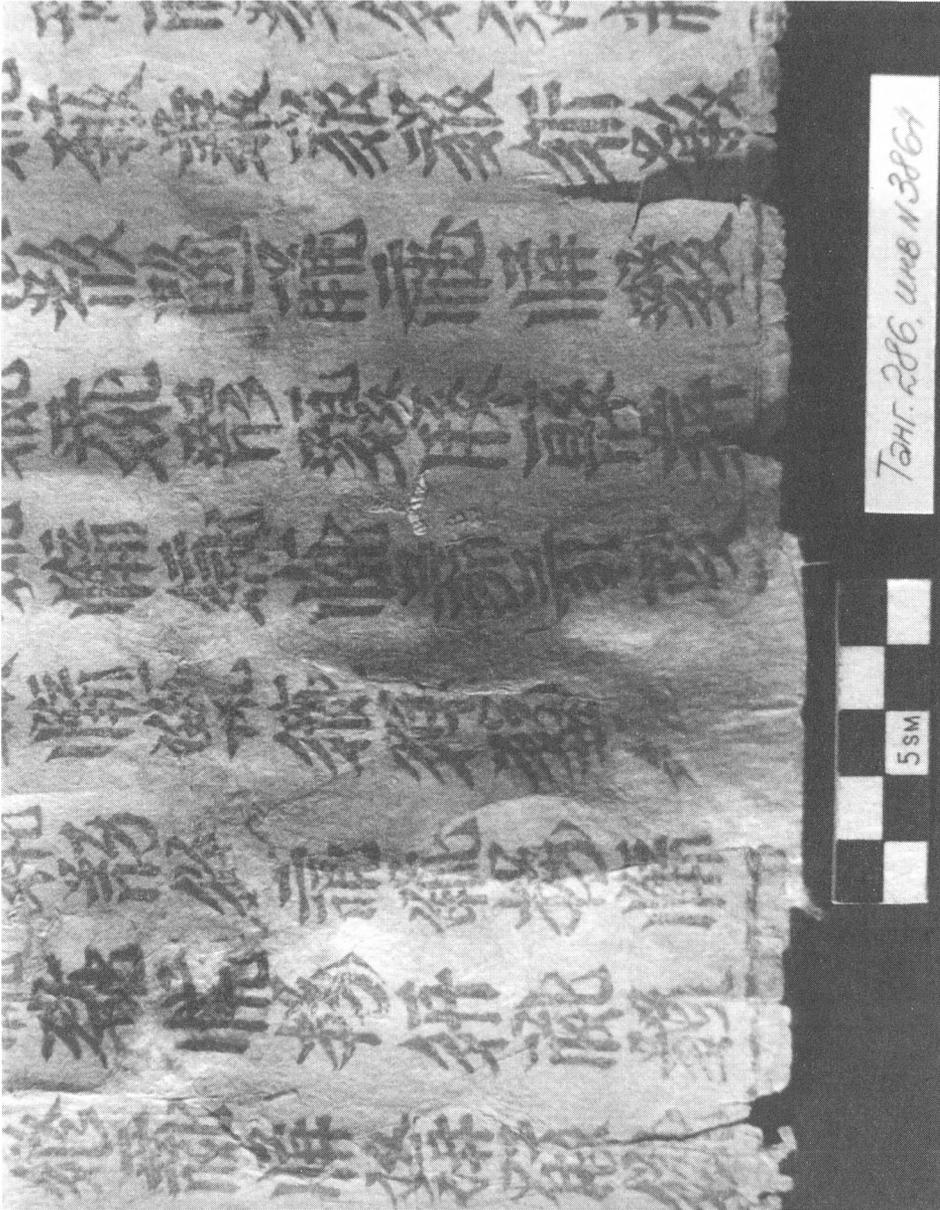

Фото 16. Фрагмент отреставрированной части ксилографа

Фото 17. Футляр "double-back box" для хранения и транспортировки рукописных памятников

Т.В. Ермакова

© 2004
Санкт-Петербург

**Научная конференция
«Научные экспедиции в Китай
и Центральную Азию в первой трети XX в.
К 140-летию С.Ф. Ольденбурга (1863–1934)»**

Конференция проходила 20–21 октября 2003 г. в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН.

И.Ф. Попова, открывая конференцию, отметила, что значительная часть жизни и деятельности С.Ф. Ольденбурга была неразрывно связана с Азиатским музеем — Институтом востоковедения (1916–1934). Многогранный вклад С.Ф. Ольденбурга в российское востоковедение, в организацию российской и советской науки неоднократно становился предметом исторических и науковедческих исследований. Данная научная конференция была призвана осветить историю деятельности Ольденбурга, организатора и участника экспедиций в Китай и Центральную Азию, — самостоятельный и плодотворный аспект его работы.

На пленарном заседании были оглашены приветствия в адрес конференции от Санкт-Петербургского научного центра РАН, в которых подчеркивалось значение исследования российской экспедиционной деятельности в Азии, ее результатов и принципов организации, в разработку которых С.Ф. Ольденбург внес значительный вклад.

На пленарном заседании были представлены научные доклады акад. РАН В.С. Мясникова (ИДВ РАН, Москва) и Е.И. Кычанова (СПбФ ИВ РАН).

В.С. Мясников в докладе «С.Ф. Ольденбург по следам К.Г. Маннергейма» затронул малоизученную тему экспедиции К.Г. Маннергейма в Восточный Туркестан, в задачи которой входило исследование перспектив разворачивания театра военных действий в Синьцзяне и в этой связи уточнение всех страноведческих сведений и коррекция консульских донесений. Докладчик отметил, что организация научных экспедиций в регион была связана с геополитическими задачами нашей страны.

Е.И. Кычанов в докладе «С.Ф. Ольденбург и монголо-сычуаньская экспедиция П.К. Козлова» отразил большую роль С.Ф. Ольденбурга в организации и поддержке этой экспедиции. Когда П.К. Козлов прислал первые материалы из Хара-Хото, С.Ф. Ольденбург участвовал в их отождествлении и, оценив их научное значение, рекомендовал П.К. Козлову провести более детальное обследование «мертвого» города. С.Ф. Ольденбург поддержал намерение П.К. Козлова передать в Азиатский музей рукописи и старопечатные книги из Хара-Хото. Результаты научного описания иконографического материала, полученного экспедицией П.К. Козлова, С.Ф. Ольденбург обобщил в работе «Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (образа тибетского письма)» (СПб., 1914).

Л.Н. Меньшиков (СПбФ ИВ РАН) выступил с докладом «Русская туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга 1914–1915 гг. и результаты работы над ее материалами», в котором была освещена программа экспедиции — комплексное описание и исследование ныне всемирно известного монастыря Цяньфодун («Пещеры тысячи будд») в Дуньхуане (пров. Ганьсу, КНР).

Ермакова Татьяна Викторовна — к.филос.н., ст.н.с. Сектора Южной и Юго-Восточной Азии СПбФ ИВ РАН.

Л.Н. Меньшиков отметил, что специалисты из СПбФ ИВ РАН и Гос. Эрмитажа планомерно исследуют материалы экспедиции С.Ф. Ольденбурга, вошедшие в состав рукописных и музейных фондов.

Совместно с шанхайским издательством «Древняя книга» предпринято полное факсимильное издание дуньхуанских материалов, хранящихся в Санкт-Петербурге. Издание рукописных материалов в 17 томах завершено, издание архива экспедиции и предметов искусства, хранящихся в Эрмитаже, уже насчитывает пять томов и продолжается.

Вслед за нашим изданием, отметил Л.Н. Меньшиков, последовали издания дуньхуанских материалов пекинского, шанхайского, парижского и лондонского собраний.

Т.И. Юсупова (СПбФ ИИЕТ) выступила с докладом «Роль С.Ф. Ольденбурга в создании и деятельности Монгольской комиссии АН СССР».

В докладе С.Ф. Ольденбург был охарактеризован не только как замечательный ученый, но и как выдающийся организатор академической науки. Т.И. Юсупова подчеркнула, что С.Ф. Ольденбург проявил себя талантливым прагматиком, умело использовавшим сложившуюся после 1917 г. административно-политическую систему в деле организации и финансирования научных исследований Академии наук. Одним из примеров его плодотворной деятельности на этом поприще является создание в 1925 г. Комиссии по научному исследованию Монголии при СНК (с 1927 г. — Монгольская комиссия АН СССР).

Успешное взаимодействие Академии наук и правительственных структур, сложившееся во многом благодаря С.Ф. Ольденбургу, на стадии организации Комиссии и первых двух лет ее работы при СНК позволило успешно продолжить начатые исследования. Высокий профессионализм сотрудников Комиссии, уважительное отношение к проблемам Монгольского Ученого комитета, научная актуальность работ создали ей высокий авторитет как в России, так и в Монголии, и в этом также немалая заслуга С.Ф. Ольденбурга.

Доклад С.Г. Кляшторного «Д.А. Клеменц и эпиграфические исследования в Центральной Азии» был посвящен анализу результатов экспедиций Д.А. Клеменца — одного из первооткрывателей рунических памятников на территории Центральной Азии.

С.Г. Кляшторный охарактеризовал результаты экспедиций Д.А. Клеменца в Монголию 1891, 1894, 1895 гг. в аспекте их вклада в археологию и эпиграфику, подчеркнул значение эпиграфики как источника реконструкции истории Центральной Азии. В дальнейшем, учитывая серьезные научные результаты этих экспедиций, Академия наук поручила Д.А. Клеменцу археологическое обследование Восточного Туркестана. С.Г. Кляшторный раскрыл научное значение результатов экспедиции Д.А. Клеменца в Турфан (1898), в ходе которой было открыто большое количество эпиграфических и рукописных текстов. Таким образом, Д.А. Клеменц внес также значительный вклад в формирование рукописного фонда (древнеуйгурское собрание) Азиатского музея (ныне — СПбФ ИВ РАН).

М.И. Воробьева-Десятовская представила доклад «Ольденбург и исследование Центральной Азии».

Она отметила, что самый блестящий период в научном творчестве С.Ф. Ольденбурга связан с Центральной Азией. С начала нового века началось настоящее паломничество западных ученых в Восточный Туркестан. Причем систематических археологических обследований никто не проводил. Брели то, что лежало на поверхности или было чуть прикрыто землей. Экспедиция С.Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг., организованная на средства Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, продемонстрировала иной подход. В докладе были охарактеризованы результаты этой экспедиции и вклад С.Ф. Ольденбурга в публикацию и исследование восточных

рукописей. Так, впервые им было опубликовано факсимиле рукописи на бересте древнеиндийским письмом кхароштки знаменитого буддийского памятника «Дхармапада».

Доклад И.В. Кульганек «В Китай через Монголию с XI Духовной Православной Миссией: Дневник О.М. Ковалевского 1830 г.» был посвящен путешествию О.М. Ковалевского, выдающегося российского монголоведа, ставшего во главе монголоведной школы в России, прекрасного знатока культуры, религии, истории монгольских народов, ректора Казанского университета, декана историко-филологического факультета Варшавского университета, почетного члена Парижского Азиатского общества, действительного члена Общества северных древностей Копенгагена, действительного члена Московского общества истории и древностей российских, члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук.

Тема исследования Центральной Азии О.М. Ковалевским до сих пор является актуальной, поскольку сохраняется единство определенной части задач и проблем, стоявших перед экспедициями середины XIX в. и перед исследователями нашего времени.

Дневник остался неопубликованным. В настоящее время он хранится в Отделе рукописей РНБ, в Собрании отдельных поступлений, ф. 100, оп. 2, № 612. В докладе были воспроизведены основные информационные блоки, содержащиеся в Дневнике, а также определено его значение.

Т.В. Ермакова выступила с докладом «С.Ф. Ольденбург о задачах советского востоковедения (статьи и речи 30-х годов)». В выступлении были охарактеризованы взгляды С.Ф. Ольденбурга как ученого, во многом повлиявшие на его концепцию организации востоковедения в советский период. Имея обширный опыт знакомства с организацией академической науки в Европе (Англия, Германия, Франция) и неизменно признавая российскую науку неотъемлемой частью науки мировой, С.Ф. Ольденбург оценил возможности такой популярной в Европе 20-х годов XX в. формы организации исследований, как научный институт.

Я.В. Васильков в докладе «С.Ф. Ольденбург. Последние годы жизни» проанализировал соответствующую мемуарную литературу и восстановил фактографическую канву последних лет жизни С.Ф. Ольденбурга, его деятельность в контексте социального климата 30-х годов.

**Собрание восточных рукописей
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения
Российской академии наук****Несколько слов
об истории Азиатского музея**

Россия — страна евразийская. Со второй половины XVI в. владения ее перешагнули за Урал, продвижение России на Восток привело ее в соприкосновение с новыми народами и государствами. Практическое востоковедение стало первым шагом, за которым последовало научное изучение образа жизни и культуры ближайших соседей, послужившее основой для дипломатического общения. Можно считать, что основы научного востоковедения сложились к XVII в., когда появились отчеты о дипломатических миссиях и поездках по делам торговли.

Востоковедение как наука было тесно связано с основанием Академии наук в Петербурге и с именем Петра I. Он в 1722 г. приказал создать Кунсткамеру, куда были помещены все произведения искусства, статуэтки, монеты, книги и рукописи, привезенные из Азии русскими посольствами. С основанием в 1725 г. Императорской Академии наук книги из Кунсткамеры перешли в Библиотеку Академии. Туда же были переведены и восточные рукописи.

Начиная с 30-х годов XVIII в. неоднократно создавались проекты учреждения Восточной Академии. Первым был проект академика Г.Я. Кера в 1733 г. Почти через 100 лет к нему вернулся академик Христофор Френ. В настоящее время этот проект хранится в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН. Настойчивые хлопоты академика Х.Д. Френа были основаны на том, что в 1815 г. в Кунсткамере был создан ряд кабинетов, в том числе и Азиатский. 15 (27) ноября 1818 г. тогдашний президент Академии наук граф С.С. Уваров направил Комитету Правления Академии наук письмо, в котором шла речь об учреждении специального Азиатского кабинета и назначении академика Х.Д. Френа его хранителем. Письмо появилось в связи с тем, что Академия наук купила у французского дипломата Ж.Л. Руссо коллекцию восточных рукописей. 28 ноября 1818 г. Х.Д. Френ получил указание приступить к организации указанного кабинета в помещении, которое для этой цели выделялось Кунсткамерой. С декабря 1818 г. Восточный кабинет стал именоваться Азиатским музеем. Когда, кем и каким документом было введено это название, до сих пор остается неясным. Вероятно, это была инициатива самого Х.Д. Френа. Под этим названием он и вошел в историю отечественной науки. С июля 1819 г. Азиатский музей открыл свои двери для всех желающих заниматься востоковедением. Под этим названием он просуществовал до 1930 г.

Азиатский музей — центр востоковедных исследований в России

Азиатский музей быстро становился всероссийским центром собирания и хранения восточных рукописей. Х.Д. Френ был не только ученым и знатоком восточных монет и рукописей. Он мыслил широко и главную задачу видел не только в собирании, но и в издании наиболее ценных рукописей, а также их переводе на европейские и русский языки. В 1849 г. появилось периодическое научное издание Музея на французском языке — «Азиатские заметки» (*Mélanges Asiatiques*).

После открытия в 1855 г. в Санкт-Петербургском университете факультета восточных языков столица Российской империи все больше начала превращаться в международный востоковедный научный центр. Фонды Азиатского музея стали существенно пополняться за счет покупки книг у российских дипломатов, выезжающих на Восток, и в результате научных экспедиций. Военные чины, путешественники, иностранные ученые привозили восточные рукописи в качестве подарков. Коллекции рукописей постоянно пополнялись. В годы Первой мировой войны Музей проявил особую заботу о рукописях и предметах материальной культуры, которые оказались в зоне бедствия. Академики Н.Я. Марр и И.А. Орбели вывезли с мест боев на Юго-Западном и Кавказском фронтах мусульманские и армянские рукописи, заложившие основу Ванской коллекции. Несмотря на то что в Санкт-Петербурге были и другие библиотеки, хранившие восточные рукописи, собрание Азиатского музея было самым обширным и разнообразным по языкам и тематике. В стенах Музея в XIX — начале XX в. работали востоковеды с мировым именем — арабисты Х.Д. Френ и В.Р. Розен, иранист и арабист Б.А. Дорн, почти 40 лет возглавлявший Музей, иранист К.Г. Залеман, индолог С.Ф. Ольденбург. В Азиатском музее работали видные европейские ученые Р. Готье, С. Леви, А. Грюнведель и др. До Первой мировой войны Азиатский музей вел активный обмен книгами и рукописями с крупнейшими востоковедными центрами Западной Европы.

До 1924 г. Азиатский музей размещался в помещениях Академии наук, вначале — на Университетской набережной, 5, затем, с 1903 по 1924 г., — в здании Академии по Таможенному переулку; в том же году его перевели в двухэтажный особняк по адресу: улица Тифлисская, 1. Этот особняк примыкал к новому зданию Библиотеки Академии наук. На пятом этаже здания Библиотеки Академии наук рукописи Азиатского музея разместились только в 1930 г., в составе вновь созданного Института востоковедения. Здесь рукописи Института пережили блокаду Ленинграда. В 1950 г. Институт переехал в здание Ново-Михайловского дворца, по адресу: Дворцовая набережная, 18.

С учетом поступлений рукописей после 1917 г. собрание восточных рукописей и старопечатных книг Азиатского музея стало одним из крупнейших в мире специализированных хранилищ такого рода, подлинной сокровищницей культур народов Востока на берегах Невы.

Азиатский музей — Институт востоковедения

В первое десятилетие советской власти Азиатский музей практически становится научно-исследовательским институтом¹. С 1928 г. от него отделяются Институт буддийской культуры и Туркологический кабинет. Предполагалось создание также Кабинетов арабской филологии, иранистики и Синологической лаборатории.

¹ Отчет АН СССР за 1927 год. I. С. XI.

Советскому государству нужны были квалифицированные кадры, переводчики с восточных языков, знатоки восточной культуры, эксперты для дипломатов и военных. 23 марта 1930 г. решением ЦИК СССР были внесены некоторые изменения в устав Академии наук и образовано Отделение общественных наук. Именно в это Отделение и вошел новый Институт, учрежденный Академией наук, — Институт востоковедения. Директором нового Института был назначен академик С.Ф. Ольденбург.

Институт востоковедения был сформирован на основе Азиатского музея как комплексное научное учреждение, включившее в себя все отдельные ранее возникшие мелкие востоковедные центры. В нем продолжали обрабатывать рукописи арабской графики, монгольские рукописи, вновь поступившие из Бурятии частные коллекции тибетских рукописей, китайские дуньхуанские рукописи, привезенные экспедицией С.Ф. Ольденбурга в 1914–1915 гг. Иона Гинцбург приступил к созданию Каталога еврейских рукописей, который он так и не сумел закончить: он умер во время блокады Ленинграда. Каталог был опубликован только в 2003 г.²

Научная программа Института востоковедения включала в себя разработку многих научных проблем, ранее не входивших в круг интересов сотрудников Азиатского музея. Началось систематическое изучение новой и новейшей истории стран Востока и их экономики, истории национально-освободительных движений, современных литературных процессов. В довоенный период в востоковедении работал целый ряд выдающихся ученых, признанных мировым сообществом. Труды академиков и членов-корреспондентов РАН — В.М. Алексеева, В.В. Бартольда, Е.Э. Бертельса, В.М. Жирмунского, А.Н. Кононова, Н.И. Конрада, И.Ю. Крачковского, Н.В. Пигулевской выявили важные закономерности в развитии культуры стран Азии. Труды этих ученых укрепили научный авторитет российского востоковедения во многих странах Востока и Запада.

Ленинградское отделение Института востоковедения — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

В 1951 г. Институт востоковедения был переведен в Москву, и в Ленинграде остался Сектор восточных рукописей и документов как часть Института. Сектор возглавлял Д.И. Тихонов. Рукописи были размещены в роскошном «танцевальном» зале Ново-Михайловского дворца.

Через 5 лет работы стало ясно, что рамки Сектора стали узкими для крепнувшего коллектива рукописников, опиравшегося на богатые традиции петербургско-ленинградского востоковедения. В 1956 г. был поставлен вопрос о преобразовании Сектора в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Кандидатура директора появилась тотчас же: им стал академик Иосиф Абгарович Орбели. Главная задача, поставленная перед коллективом Отделения, теперь уже напрямую была связана с рукописями — научное описание и научное издание письменных памятников народов Востока.

Интересно проследить, какие учетные документы остались в наследство Институту востоковедения от Азиатского музея и как постепенно шло пополнение рукописных коллекций. В СПбФ ИВ РАН хранятся инвентарные книги Азиатского музея за 1881–1929 гг. В них сохранились записи о поступлениях рукописей и книг по востоковедению, без разграничения, все подряд. Названия сочинений, как правило, заносились оригинальными видами письма, указывалось происхождение рукописи: название кол-

² Гинцбург И.И. Каталог еврейских рукописей СПбФ ИВ РАН (*Gintsburg I.I. Catalog of Jewish Manuscripts in the Institute of Oriental Studies*). N. Y.–P., 2003.

лекции, место, откуда она поступила, имена коллекционеров. Инвентарные книги по коллекциям появились только с 1925 г.: это три инвентарные книги мусульманских рукописей (1925–1931 гг.); инвентарные книги дальневосточных рукописей за 1925–1929 гг.; инвентарная книга китайских рукописей и ксилографов П.К. Козлова, привезенных им из Хара-Хото (1923 г.); инвентарная книга отдела рукописей караимской национальной библиотеки Евпатории (1928 г.) и добавление к ней — Инвентарный список рукописей на караимско-татарском языке из библиотеки Карай-Битиклиги (Евпатория, 1928 г.), а также несколько незаконченных книг. Как особая ценность хранится картотека мусульманских рукописей, составленная К. Залеманом.

По подсчетам О.Ф. Акимушкина, на момент образования Азиатского музея восточных рукописей было чуть больше сотни, без учета ксилографов и книг специализированной восточной библиотеки³. Начиная с 1844 г. и вплоть до Первой мировой войны всем российским консулам на Востоке вменялось в обязанность разыскивать и покупать восточные рукописи и старую книгу для Азиатского музея.

Важным этапом в создании фонда Азиатского музея был дар П.Л. Шиллинга, передавшего в Музей в период с 1829 по 1841 г. 2600 единиц китайских, монгольских, маньчжурских, тибетских, индийских и японских письменных памятников⁴.

В начале XX в. экспедициями С.Ф. Ольденбурга и П.К. Козлова в Петербург были доставлены уникальные коллекции китайских дуньхуанских рукописей IV–XI вв. и тангутских рукописей из Хара-Хото XII–XII вв. В собрании дуньхуанских рукописей СПбФ ИВ РАН хранятся 360 целых свитков и 19 тыс. фрагментов. Тангутская коллекция включает около 9 тыс. томов тангутских и около 300 китайских рукописей и ксилографов.

С конца XIX в. и в течение первой четверти XX в. из Центральной Азии были присланы коллекции санскритских, уйгурских, согдийских, среднеперсидских, тибетских и других рукописей первого тысячелетия н.э. российскими учеными и дипломатами Н.Ф. Петровским, Н.Н. Кротковым, А.А. Дьяковым, В. Роборовским, И.П. Лавровым.

Фонд мусульманских рукописей резко возрос после присоединения к России Средней Азии, прежде всего за счет организации экспедиций по закупкам рукописей. Только усилиями знаменитого востоковеда В.А. Иванова в Бухаре было закуплено более 100 рукописей⁵.

По состоянию на 26 мая 1926 г. в хранилищах Азиатского музея числилось книг каталогизированных — 131 250 единиц, некаталогизированных и дублетов — 35 000 единиц, рукописей же — 15 000 единиц хранения.

К числу уникальных коллекций, поступивших в Институт востоковедения в 1932 г., следует отнести согдийские рукописи с горы Муг из Пенджикента. Документы датируются периодом до 721 г. н.э., когда арабами был казнен последний независимый правитель Самарканда Деваштич.

Рукописей в хранилищах СПбФ ИВ РАН на сегодняшний день — около 100 000 единиц хранения. Чтобы ориентировать читателя в этом «море письмен», приведем краткие характеристики некоторых коллекций.

Коллекция рукописей арабской графики охватывает рукописи на арабском, персидском, тюркском, курдском, афганском и малайском языках. Их общее число составляет примерно 15 тыс. единиц хранения. Самые ранние арабские рукописи — это листы на пергамене из Коранов. Они написаны так называемым куфическим письмом

³ Акимушкин О.Ф. К истории формирования фонда мусульманских рукописей Института востоковедения АН СССР // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1978–1979. М., 1987. С. 9, 12.

⁴ Тихонов Д.И. Восточные рукописи Института востоковедения Академии наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. М.–Л., 1953. VI. С. 6.

⁵ Там же. С. 10.

и датируются VIII–X вв. н.э. В коллекции арабских рукописей много Коранов, украшенных цветными орнаментами и золотом. Все они более позднего происхождения.

В отличие от арабских персидские рукописи характеризуются богатством миниатюр, яркими красками, позолотой. Среди них много художественных альбомов «Мурака». Старейшая персидская рукопись датируется 1143 г. Красотой и изяществом отличается альбом индийских и персидских миниатюр XVI–XVIII вв., который был закуплен в Исфагане по распоряжению царского правительства. Две школы живописи переплетаются в нем — могольская и исфаганская. Обратные стороны миниатюр украшены образцами каллиграфии. Особую прелесть альбому придают искусно выполненные рамки, окаймляющие миниатюры. Это тончайшие растительные орнаменты, то яркие с позолотой, то радующие глаз пастельными тонами.

Собрание тюркских рукописей СПбФ ИВ РАН по количеству рукописей на разных тюркских языках уступает библиотекам Стамбула и Узбекистана, «но по качеству сочинений, по широте их тематики оно превосходит все другие крупные собрания тюркских рукописей».

Уникальной является коллекция китайских дуньхуанских рукописей IV–XI вв. из пещер Могао (Северо-Западный Китай, современная пров. Ганьсу). Большинство дуньхуанских рукописей по содержанию буддийские. Дуньхуан — огромный пещерный монастырский комплекс, в котором сочетались монастыри, библиотеки, мастерские для переписки рукописей, буддийские университеты и школы. Это был важный перевалочный пункт на Великом шелковом пути. Коллекции рукописей из Дуньхуана хранятся также в Национальной библиотеке в Париже и в Британской библиотеке.

Особой ценностью отличаются тангутские рукописи и документы, обнаруженные П.К. Козловым в субургане неподалеку от северо-западной стороны «мертвого» города Хара-Хото. Субурган был раскопан П.К. Козловым в 1909 г. Вместе с женским погребением там оказалась замурованная библиотека книг — печатных и рукописных, на тангутском, китайском и тибетском языках. Все датированные рукописи и ксилографы относятся ко времени существования тангутского государства Западное Ся (982–1227), уничтоженного Чингисханом. Самый ранний ксилограф датирован 1084 г. В коллекции помимо большого количества буддийских сочинений есть словари, грамматические тексты, фолианты тангутских законов, переводы китайской классики на тангутский язык, множество хозяйственных документов, официальных бумаг и писем. Рано ушедший из жизни Н.А. Невский за несколько лет работы, отпущенных ему судьбой, сумел заложить основы будущей науки, дешифровав ряд тангутско-китайских и тангутско-тангутских толковых словарей и наметив контуры создания грамматики тангутского языка, структура и положения которой были разработаны последующими поколениями ученых.

СПбФ ИВ РАН хранит самую крупную в мире коллекцию тибетских ксилографов — 18 тыс. томов и содержит сочинения ученых наиболее известных школ тибетского буддизма — ламаизма.

В собрание входит большая коллекция восточнохристианских рукописей на сирийском, коптском, армянском, грузинском языках. Наиболее ранние из них датируются XII–XIII вв. н.э.

Коллекция библейской литературы на древнееврейском языке, параллельные тексты на древнееврейском и греческом языках, переводы Библии на арабский язык представляют собой большую ценность и в ближайшее время должны быть введены в научный оборот.

К настоящему времени сотрудниками СПбФ ИВ РАН опубликовано более 40 томов научных описаний арабского, персидского, китайского, корейского, курдского, японского, монгольского, афганского и других фондов собрания рукописей. Среди

них — краткие каталоги и подробные научные описания, содержащие богатый материал для источниковедческой и текстологической работы. Научное описание рукописных фондов выявило наиболее интересные произведения, издание и изучение которых представляет первостепенный интерес.

Завершая этот краткий очерк, автор позволил себе процитировать слова лауреата Нобелевской премии академика Жореса Алферова, написанные им в предисловии к книге «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга» (СПб., 2003. С. 7): «Во всем мире город на Неве славен не только изумительной красотой своих архитектурных памятников, но и бесценными сокровищами русской и мировой культуры, первым собирателем которых был Петр Великий. Среди этих культурных богатств скромно сияют своим светом, преданно служа целям науки, просвещения и культурного развития человечества, и научные сокровища Санкт-Петербургских академических институтов».

Мы столь же скромно отмечаем, что Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения занимает свое место в этой славной когорте.

Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Факсимиле рукописи. Перевод с монгольского А.Д. Цендиной. Транслитерация, предисловие, комментарий, глоссарий и указатели А.Г. Сазыкина и А.Д. Цендиной. Памятники письменности Востока. СХХХІІІ. М.: Вост. лит., 2003. — 160 с.

Агван Доржиев (1853–1938) — активный сподвижник XIII Далай-ламы — много лет является объектом различных спекуляций в зарубежной и даже иногда отечественной печати. Поэтому столь важно знать, как он сам писал о своей жизни и своей роли в жизни буддистов России и в установлении связей России и Тибета. Монгольская версия автобиографии Агвана Доржиева не совпадает полностью с версией на тибетском языке, опубликованной в 1990 г. Норбу Джигтеном в английском переводе.

Прославившись своей ученостью, Агван Доржиев в 80-х годах XIX в. попал в число учителей XIII Далай-ламы. С политикой он впервые столкнулся в связи с запретом поданным России на въезд в Тибет. Он пишет о том, что в тибетских верхах попросту не знали, что «Россия и Англия в действительности разные страны», и ему пришлось убеждать руководителей Тибета в том, что «сейчас, когда Англия хочет завоевать Тибет, русские обязательно помогут Тибету». Эти в известной мере наивные представления о положении вещей и русско-английских отношениях на рубеже XIX–XX вв. определялись убеждением, что «если Россия возьмет Тибет под покровительство, то и у бурят их религия будет благополучна». Здесь важно подчеркнуть, что никакие госслужбы России не подталкивали ни самого Агвана Доржиева, ни

тибетские власти к последующим действиям. В 1898 г. по протекции князя Ухтомского Агван Доржиев в первый раз получил аудиенцию у царя. Тибетское руководство, обсудив после возвращения Агвана Доржиева в Тибет возможности установления контактов с Россией, в 1900 г. снова отправило его в Россию, где в Крыму его вторично принял царь. До вторжения англичан в Тибет в 1904 г. А. Доржиев еще дважды встречался с Николаем II. Об этом, конечно, были осведомлены англичане, что позволило им использовать факты этих тибетско-русских контактов, чтобы оправдать вторжение в Лхасу полковника Янгхазбанда. Далай-лама, спасаясь от англичан, уезжает на север, его сопровождает Агван Доржиев, которого XIII Далай-лама из Урги снова командирует в Петербург. В Петербурге, несмотря на очередную аудиенцию у Николая II, ему объясняют, что, будучи в состоянии войны с Японией, Россия лишена возможности поддержать Далай-ламу. Чуть позже Доржиев высказывает одобрение соглашению Англии, Китая и России по Тибету:

«В это время Англия, Россия и Китай Мирно обсудили положение Тибета. Справедливо наделив Тибет правами
сюзерена,
Они не уменьшили привычных прав
Китая,
А неправым европейским государствам
До утверждения договора
Не разрешили никому посещать [Тибет].
Так обе стороны установили друг другу
строгие запреты.
Этот договор был полезен».

При посредничестве русского посла в Пекине Агван Доржиев устроил свидание XIII Далай-ламы с императрицей Цы Си, на котором он также присутствовал.

В автобиографии А. Доржиева рассказывается о том, как представители Русской православной церкви («длинноволосые чудаки», как он их именует) препятствовали постройке буддийского храма в Санкт-Петербурге. Далай-лама пожертвовал на строительство храма 70 тыс. рублей серебром. В 1915 г. Агван Доржиев освятил храм.

Интересны замечания А. Доржиева, относящиеся ко времени революции и Гражданской войны в России. Автобиография воссоздает перед нами образ просвещенного буддиста — российского подданного, защитника и пропагандиста ламаизма в Бурятии и Калмыкии, в известной мере полагавшего, что в сложной международной ситуации начала XX в. Россия сможет стать поддержкой и буддистам Тибета.

Доктор исторических наук, проф.
Е.И. Кычанов

Якерсон С.М. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. — М.: РГГУ, 2003. — 256 с.

О неразрывной связи всей еврейской истории с историей книги сказано и написано немало. Книга знаменует само появление народа Израиля, книга же сопровождает его в долгие века изгнания, когда еврей не имел иного «отечества», кроме своей веры и своей книжности. Важность ее роли вполне очевидна, но как именно развивалась еврейская книга, как на протяжении столетий изменялись виды письма и техника книжного дела, как разнообразная культура еврейских диаспор от Атлантики до Туркестана проявлялась в создании рукописи — все это остается предметом довольно экзотических дисциплин в современном изучении еврейской цивилизации.

Несмотря на то что уже такие столпы истории еврейства, как Мориц Штайншнайдер и Гершом Шолем, активно занимались изучением средневековой рукописной книги, у нынешнего студента еврейская палеография зачастую вызывает лишь смутное чувство благоговения перед неизведанным. Если, например, изучающий русскую филологию имеет в своем распоряжении целый ряд пособий по истории письма и книжной культуре Древней

Руси, то у студента-гебраиста, пусть и читающего на основных языках, выбор современной палеографической литературы вряд ли достигает и полудюжины изданий. И хотя в последние десятилетия успехи еврейской палеографии и кодикологии весьма значительны, учебники, которые помогли бы начинающим освоиться в этих дисциплинах, по-прежнему совсем немногочисленны¹.

Монография сотрудника СПбФ ИВ РАН С.М. Якерсона предоставляет наконец русскому читателю возможность изучения средневековой еврейской книги как в технических, так и в филологических аспектах. В мировом книговедении это пособие становится, вероятно, первым руководством по рукописям после учебников основателей современной дисциплины еврейской палеографии Малахи Бейт-Арье (Иерусалим) и Колетт Сират (Париж). Впервые же оно дополняется обстоятельным рассмотрением в едином исследовании и позднесредневекового книгопечатания.

Написанное одним из ведущих российских историков еврейской книги рецензируемое издание охватывает период с X по XV в. и включает анализ как рукописей, так и инкунабулов. Обращаясь прежде всего к студентам, специализирующимся в изучении еврейской цивилизации, книга знакомит их с основными методами анализа письменных памятников в еврейской графике и с элементами истории средневекового книгописания и раннего книгопечатания. Из трех глав, ее составляющих, первая посвящена кодикологии и палеографии, вторая учит анализировать сопутствующие тексты (колофоны, владельческие пометы, цензорские записи), третья представляет собой очерк возникновения еврейской печатной книги. В приложении факсимильно воспроизведены в цвете 19 листов рукописей и инкунабулов из собраний Санкт-Петербурга, каждый из которых сопровождается описанием и удобочитаемо напечатанным фрагментом текста. Издание снабжено богатой библиографией (с. 225–238) и четырьмя алфавитными указателями (имен, географических

¹ К такому можно отнести три издания: *Beit-Arié M. Hebrew Codicology: Tentative Typology of Technical Practices Employed in Hebrew Dated Medieval Manuscripts*. Jerusalem, 1981; *idem. Hebrew Manuscripts of East and West: Towards a Comparative Codicology*. L., 1993 (The Panizzi Lectures 1992); *Sirat C. Hebrew Manuscripts of the Middle Ages*. Cambridge, 2002.

названий, названий сочинений и шифров рукописей и инкунабул).

Кодикологическая часть содержит весьма детальное описание пергамента и бумаги, строения тетрадей и кустодов, наколов и разлиновки. Автор подробно объясняет, как по расположению сторон пергамента или филиграней бумаги реконструировать структуру тетради, как в различных схемах разлиновки увидеть региональные особенности, как определить, сколько листов разлиновано за один прием, как в разлинованной острием рукописи обнаружить неотличимо обработанные стороны пергамента.

Говоря о палеографии, автор не ограничивается рассмотрением локальных разновидностей письма, а подробно освещает и весьма многообразные в еврейской книжной культуре методы заполнения конца строки, способы выделения отдельных слов, знаки корректуры, указание переписчиком своего имени в переписываемом тексте.

Вторая глава, посвященная источникам книговедческой информации, вводит читателя и в такие вспомогательные исторические дисциплины, как ономастика и хронология. Читатель не только познакомится с основными языковыми оборотами и формулами извинения, благословения и заклинания, принятыми в средневековых колофонах, но и с проблемами еврейской топонимики и исторической географии, антропоники и почетной «тителатуры», многообразия эвлогий здравствующим и усопшим, указаний календарных дат и летосчисления. Столь необходимая, но редкодоступная информация сослужит добрую службу гебраистам и историкам еврейства, даже не обязательно интересующимся именно историей книги.

Относящаяся к инкунабулам книговедческая информация приводится в совокупности с рукописным материалом и в первой, и особенно во второй главе, но изложению последовательной истории раннего книгопечатания, получившего развитие у евреев вскоре после его появления в латинском мире, посвящена отдельная глава. Автор делится богатым опытом собственных разысканий в российских и зарубежных собраниях, описывая эволюцию еврейской печатной книги в Италии, на Пиренейском полуострове и в османской столице Стамбуле.

В целом рецензируемое пособие напоминает курс лекций с характерным разговорным

стилем в сочетании с обращениями к слушателю (читателю) и «лирическими» отступлениями. На мой вкус, их, пожалуй, слишком много, но, во всяком случае, нескудный, увлеченный своим предметом автор способен заинтересовать и студента. А изящные детали, вроде колофона Шимона из «бней ха-Яккирим», исполненного в лучших традициях средневековья (с. 188), заставляют читателя проникнуться духом той поры, когда книги писались вручную, а редкое еще книгопечатание воспринималось почти как чудодейство.

В соответствии с пожеланием, выраженным в этом колофоне, постараюсь «не судить, [склоняя весы] к чаше грешников», но поделиться некоторыми критическими соображениями.

Как почти любое объемное исследование, книга не вполне свободна от мелких огрехов, напоминающих опечатки, как, например, термины «внешняя и внутренняя» стороны листа (с. 45) в смысле «лицевая и оборотная» (лицевая сторона, очевидно, является внешней лишь в первой половине тетради) или транскрипция «йараех» (луна) (с. 132) вместо «йерах» (месяц).

Несколько сомнительным представляется и то, что в написании многочисленных личных имен автор сознательно отвергает «единую, строгую и последовательную систему их передачи» (с. 32), часто предпочитая транскрипции укоренившуюся в русском языке славянско-библейскую форму. Передача, скажем, имени «Моше» привычным «Моисей» не вызывает возражений, но думается, что в целом должна соблюдаться последовательная система. Имена, различно транскрибируемые, например рядом встречающиеся (с. 166, прим. 556) «Иехошуа» и «Екутиэль» (при одинаковом начальном «йе» в оригинале), не слишком бросаются в глаза. А вот один и тот же переписчик, называемый то «Меир бен Шмуель» (с. 140), то «Меир бен Самуил» (с. 210), способен и озадачить неискущенного читателя.

Зато отродно видеть, что в написании еврейских терминов и названий сочинений автор выбрал систему русской транскрипции, которая является последовательной и четкой и в то же время достаточно упрощенной и не обремененной разного рода диакритическими значками. По-моему, излишне лишь обозначение ультракратких гласных буквами,

набранными мелким шрифтом ниже уровня строки. Именно при общей упрощенной транскрипции (неразличающей, например, даже согласных *хей* и *хет*) подобное написание, заставляя спотыкаться при чтении, все равно не слишком поможет скрупулезной передаче оригинального произношения.

О чем действительно приходится сожалеть, хотя не стоит упрекать в этом автора, так это о скудости собственно палеографического материала. Но если обзору средневековых почерков не уделено и дюжины страниц (с. 75–86), это лишь адекватно отражает недостаточную изученность истории письма в еврейской книжности. Разработанная палеография по-прежнему представляет *desideratum* еврейских исследований. Стоит лишь приветствовать отважность автора, постаравшегося донести до читателя основные принципы если не датировки, то во всяком случае локализации квадратного, полукурсивного и курсивного письма.

При этом, на мой взгляд, палеографическую часть стоило бы пополнить хотя бы простым иллюстративным материалом. Конечно, ссылки на цветные факсимиле помогают разобраться в словесном описании начерков, но уменьшенные копии целых листов (к тому же много потерявших при воспроизведении) не слишком удобны, весьма кстати были бы здесь отдельные крупно выписанные варианты букв, пусть и в схематическом виде, подобно тому как представлены в книге разливка и состав тетрадей.

Что же касается региональных разновидностей, имело бы смысл выделить наряду с йеменским и такой подтип восточного письма, как персидский, наблюдаемый в довольно многочисленных рукописях из Ирана и Мавераннахра. Его начерк весьма специфичен и отличает его от обычного письма, характерного для Ближнего Востока. Следует лишь иметь в виду, что если в Йемене практически не писали иначе, нежели собственным йеменским письмом, то в Иране и ближневосточное письмо имело достаточно широкое хождение.

Нельзя не упомянуть и не раз затронутую проблему хронограмм, содержащих букву *хей*, которая может означать либо пять, либо пять тысяч. Вслед за М. Бейт-Арье автор полагает «методологически более правильным... подсчет даты по малому счету», т.е. понимая как пять букв *хей*, «не вынесенную в начало или

не выделенную каким-либо способом» (с. 125). Однако, как я специально показал в недавно опубликованном докладе², византийско-османские и испано-магрибские рукописи предоставляют многочисленные примеры хронограмм, где эта буква означает пять тысяч, не будучи ни начальной, ни как-либо выделенной. Замечание же Бейт-Арье³, на которое ссылается автор рецензируемого труда (с. 126, примеч. 389) и которое было главным источником позднейших ссылок самого Бейт-Арье, Оффенберга и других, дает примеры хронограмм, буквы *хей* отнюдь не содержащих, не слишком подходит для рассмотрения указанной проблемы. Даже хронограммы с полюбоившимся словом *рина* могут обозначать 5250 год (т.е. с *хей* в смысле пяти тысяч), не имея на то никаких особых указаний, например в кембриджской рукописи Trinity College, F.12.24 и в бостонской Countway Library, Med. Ms. Heb. 5, где точная датировка оказывается возможной лишь благодаря сочетанию дня недели и числа месяца. Таким образом, и датировка инкунабула с хронограммой *бе-рина*, несмотря на то что «все буквы выделены одинаково» (с. 176), отнюдь не позволяет однозначно датировать его концом 1496 года, год 1491 не менее предпочтителен.

Несколько уклончиво трактуется указание месяца посредством его порядкового номера. Сталкиваясь с конкретным случаем (с. 130–131), автор признает, что под пятым месяцем там следует понимать пятый, начиная от весеннего месяца нисана, ибо это следует опять же из сочетания дня недели и числа месяца. Но звучит это как уступка особым обстоятельствам, будто обычным является отсчет «от начала календарного года», от осеннего тишри. На деле же можно вполне определенно заявить, что и в талмудической традиции (В.Т., Рош ха-Шана, л. 7а), и в средневековой рукописной практике отсчет месяцев начинался именно с нисана. В подтвержде-

² Гордин А. Хронограммы с обозначением тысяч в колофонах средневековых еврейских рукописей // Материалы Десятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2003. С. 27–32.

³ Sirat C., *Beit-Arié M.* Manuscrits médiévaux en caractères hébraïques portant des indications de date jusqu'à 1540. T. I. Notices. Paris–Jérusalem, 1972. № 1, 117. Note 1. (В рецензируемом издании ошибочно указан № 115.)

ние можно сослаться, например, на рукописи Breslau 96 Национальной библиотеки в Праге и ватиканскую Vog. ebr. 1, в которых месяц написания указан как третий и в то же время назван месяцем дарования Торы (традиционная дата которого приходится на сиван — третий месяц, считая от нисана). Пример того же рода вошел и в само рецензируемое издание (с. 159): в инкунабуле из Пьове-ди-Сакко четвертым месяцем назван таммуз (отсчет от нисана). К тому же гипотетический отсчет от тишири был бы и неудобен, ведь половина месяцев (от нисана до эзула) имела бы один номер в простом году и другой (на единицу больше) в тринадцатимесячном (табл. 2 на с. 133 дает номера, верные лишь для простого года).

Думается, что приведенные замечания по содержанию рецензируемого издания лишь свидетельствуют о том, что средневековая еврейская книга таит в себе еще немало вопросов, споры и исследования вокруг которых будут продолжаться. Радостно видеть, что эта область истории культуры удостоилась полнокровного исследования, к тому же предназначенного русскому читателю. Остаётся пожелать этому читателю — гебраисту и каждому интересующемуся медиевистикой или книговедением — увлекательного чтения и плодотворного изучения богатой книжной культуры еврейского средневековья.

Александр Гордин
(Ун-т Бар-Илан, Израиль)

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Адрес издателя: 127051, Москва, Цветной бульв., 21

Подписано к печати 11.06.2004. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 20,8.

Усл. кр.-отт. 21,8. Уч.-изд. л. 25,3. Тираж 500 экз. Изд. № 8077. Зак. № 10346

Отпечатано в ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

К авторам журнала «Письменные памятники Востока»

Редакция и редколлегия журнала «Письменные памятники Востока» приглашают российских и зарубежных авторов направлять в журнал статьи, посвященные проблемам изучения памятников письменности Востока, отражающие результаты исследования источников по истории, литературе, религии, культуре, этнографии Азиатского региона, а также содержащие публикации текстов письменных памятников, их переводы и исследования из российских и зарубежных собраний рукописей, библиотек, архивов и музеев

*Редакция принимает статьи
на русском языке (для отечественных авторов)*

*и на иностранных языках (английский, французский, немецкий — для зарубежных авторов)
объемом до 3 авторских листов, рецензии, письма и заметки — до 0,5 авторского листа*

Статьи представляются в электронном виде на дискете в формате MS Word или RTF с распечатками текста в двух экземплярах через два интервала.

В случае необходимости термины, имена и названия на языке оригинала воспроизводятся средствами MS Word для Windows 2000 (Windows XP).

Статьи на русском языке должны содержать резюме на английском языке; статьи на английском, французском немецком языках должны сопровождаться резюме на русском языке.

Все цитаты и ссылки должны быть тщательно выверены. Ссылки и примечания помещаются постранично, их нумерация по всей статье сплошная. Порядок библиографических ссылок: фамилия и инициалы автора (авторов), название работы, место и год издания, страницы. При ссылке на статью в журнале после названия работы следует указать название журнала (полностью), год издания, том, выпуск или номер, страницы. При ссылках на интернет-издания указать также полный электронный адрес. При повторном упоминании работы в тексте или в сносках необходимо давать ее сокращенное название.

В случае использования сокращенных названий письменных источников, периодических изданий и научных серий, организаций, фондов, институтов и т.п. к статье следует приложить список сокращений.

Иллюстрации представляются отдельно в файлах формата TIFF, JPEG, PSD или EPS (разрешение не менее 300 dpi для изображений в натуральную величину) с распечатками для макетирования. В исключительных случаях по согласованию с редакцией принимаются фотографии в пригодном для воспроизведения виде в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации (распечатки) указывается фамилия автора и номер иллюстрации. Отдельно прилагается список иллюстраций и подписи под иллюстрациями (с указанием на местонахождение оригинала, шифра рукописи и номеров листов оригинала, если необходимо).

Рукопись статьи должна быть подписана автором и содержать следующие сведения о нем: фамилия, имя и отчество, ученая степень, место работы и должность, адрес и телефоны (домашний, служебный), адрес электронной почты.

Архивные и музейные материалы принимаются к публикации только с разрешения владельцев: организаций, библиотек и частных лиц.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Рукописи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*По вопросам публикации
просим обращаться в редакцию журнала
Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Тел.: (812) 315-87-28. Факс: (812) 312-14-65
E-mail: orientalstudies@spios.nw.ru*

